5 CEH 1918

5 СЕН. 1916

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

НАУКИ — ПОЛИТИКИ — ЛИТЕРАТУРЫ,

основанный М. М. Стасюлевичемъ въ 1866 году.

ПЯТЬДЕСЯТЪ ПЕРВЫЙ ГОДЪ.

ІЮЛЬ.

Редакція и Главная Контора журнала: Моховая, 37.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

ПЕТРОГРАДЪ.
1916.

Типо-лит. Акц. О-ва „Просвѣщеніе“. Петроградъ, Забалканскій пр., 75.

5 СЕН. 1916
Печать Калязинской Городской Общественной Библиотеки.

СОДЕРЖАНІЕ.

КНИГА СЕДЬМАЯ. — ІЮЛЬ.

		стр.
I.	РОМАНСЪ. Разсказъ. — **В. Осиповича**	5
II.	ГИМНАЗИСТКА. — **А. Дермана**	15
III.	ЛУННАЯ ГРЕЗА. Стих. — **В. Набокова**	38
IV.	БАЛАГАНЪ. (Воспоминанія.) — **Григорія Гнѣсина**	39
V.	БРАТСКАЯ МОГИЛА. Стих. — **Вас. Смирнова**	64
VI.	ПСИХОЛОГІЯ ЯКОБИНЦА ВЪ ИЗОБРАЖЕНІИ РОМАНИСТА-ЭПИКУРЕЙЦА (Окончаніе.). — **Н. Карѣева**	65
VII.	ПО ЭТАПАМЪ. Изъ записокъ семидесятника. (Съ Кары до Иркутска.) — **Я. Стефановича**	79
VIII.	ДА БУДЕТЪ СВѢТЛО ВАШЕ СЧАСТЬЕ... Стих. — **Ник. Морозова**	132
IX.	ЗАГАДКИ ДІОНИСА. (Къ психологіи творческаго экстаза.) — **А. Измайлова**	133
X.	БЕРЕЗЫ ПЛАКУЧІЯ ПАРКА ТѢНИСТАГО... Стих. — **В. Тархова**	164
XI.	ТОСКА. (Тоскующія души.) Романъ. — Пер. съ итал. **З. Журавской**	165
XII.	ХРОНИКА. ВОЙНА И ПАТРІОТИЗМЪ. — **Г. Штильмана**	223
XIII.	ПУТЕВЫЕ НАБРОСКИ. — **Г. Цыперовича**	228
XIV.	М. М. КОВАЛЕВСКІЙ, КАКЪ ИСТОРИКЪ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ. — **А-ндра Боголѣпова**	249
XV.	ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Итоги двухлѣтней войны. — Общественное настроеніе въ Германіи. — Планы и дѣйствія союзниковъ. — Германскія „звѣрства". — Новыя международныя конвенціи. — Отставка С. Д. Сазонова и новый министръ иностранныхъ дѣлъ	270
XVI.	ИЗЪ РЯДОВЪ ФРАНЦУЗСКОЙ АРМІИ. — **А. Деренталя**	281
XVII.	БѢЖЕНСКОЕ. (По поводу писемъ бѣженцевъ.) — **Вѣры Славенсонъ**	292
XVIII.	НА ТЕМЫ ДНЯ. — Предполагаемое продленіе думскихъ полномочій. — Послѣднія перемѣны въ составѣ кабинета. — Характерное постановленіе губернскаго присутствія. — А. И. Иванчинъ-Писаревъ †. — **К. Арсеньева**	302

XIX. ВОПРОСЫ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ. — Польскій вопросъ послѣ двухъ лѣтъ войны. — Отношеніе къ земскому и городскому союзамъ на фронтахъ и въ тылу. — Просьба изъ Полтавской губерніи объ испомѣщеніи участками земли въ прибрежьяхъ Лазистана. — Реклама наживы. — Банковская газетная затѣя. — О. А. Шапиръ и Д. М. Герценштейнъ †. — **В. Кузьмина-Караваева.** 309

XX. ВЫБОРНЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ НИЖЕГОРОДСКАГО КРАЯ. — † А. А. Соловьевъ. — **В. Ченихина-Вѣтринскаго.** 325

XXI. ПАМЯТИ УЧИТЕЛЯ Н. О. ЗИБЕРЪ-ШУМОВОЙ. — **С. Г.** . . 331

XXII. ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — А. Н. Пыпинъ. Русское масонство. XVIII и первая четверть XIX вв. Ред. и примѣч. Г. В. Вернадскаго. Петроградъ. 1916. — Религіозныя движенія при Александрѣ I. Предисловіе и прим. Н. К. Пиксанова. Петроградъ. 1916. — Дарскій. „Радость земли". Изслѣдованіе лирики Фета. Москва. — В. С. Федина. А. А. Фетъ (Шеншинъ). Матеріалы къ характеристикѣ. Петроградъ 1915. — С. А. Золотаревъ. Синхронистическая діаграмма по исторіи русской литературы и историко-литературная карта Россіи (1661—1904). Прг. 1916. — **Ч. В—скаго.** — Г. Ферреро. Величіе и паденіе Рима. Томъ II. Юлій Цезарь. Переводъ А. Захарова. М. 1916. — **Б. П. Иванова.** — В. К. Шилейко. Вотивныя надписи шумерійскихъ правителей (Клинописные тексты памятниковъ южной Месопотаміи собранія Н. П. Лихачева.) Съ прил. семи фотографическихъ таблицъ. Петроградъ. 1916. — **В. Смолина.** — В. М. Хижняковъ. Воспоминанія земскаго дѣятеля. Предисловіе В. Я. Богучарскаго. Петроградъ. 1916. — **Ч. В—скаго** 338

XXIII. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ 352

XXIV. НОВЫЯ КНИГИ И БРОШЮРЫ 355

XXV. ОБЪЯВЛЕНІЯ 357

5 СЕН. 1

ПЕЧАТЬ ВАЛЯВИНСКОЙ ГОРОДСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ БИБЛІОТЕКИ.

РОМАНСЪ.

РАЗСКАЗЪ.

1.

Мой сосѣдъ по вагонной скамьѣ, возвращающійся съ позицій, Василій Ивановичъ Арефьевъ — слегка сутулый, сухощавый шатенъ. Онъ рослый и сѣроглазый, съ нервнымъ типично интеллигентскимъ лицомъ. На блузѣ защитнаго цвѣта, — университетскій значекъ.

Наше отдѣленіе значится „некурящимъ“, но такъ какъ въ плацкартномъ вагонѣ народу выше всякой мѣры, то понятно, что правила внутренняго обихода пассажирами совершенно не соблюдаются, и отдѣленіе изъ некурящаго стало курящимъ.

Василій Ивановичъ, какъ и всякій интеллигентный военный изъ штатскихъ, не рѣшается, однако, нарушить правила. Потому, какъ онъ сладостно обоняетъ стелящійся по вагону табачный дымъ, можно заключить, что ему очень хочется курить.

Но вотъ, должно быть, Василію Ивановичу стало не въ моготу, и, слегка конфузясь, онъ проситъ у публики разрѣшенія.

Когда Василій Ивановичъ скручивалъ папиросу, въ его пальцахъ была замѣтна легкая дрожь. Закуривъ, онъ пустилъ нѣсколько неясныхъ междометій, а затѣмъ еле внятно запѣлъ, но, спохватившись, дѣланно закашлялся.

Вообще у Арефьева, какъ у многихъ участниковъ теперешней войны, сразу замѣтны кое-какія странности.

Человѣкъ, видно, много перенесъ и много пережилъ, у него накопилась цѣлая уйма впечатлѣній и глубокихъ переживаній.

Для меня ясно, что, какъ и у всякаго человѣка, вынужденнаго всѣмъ строемъ широкаго обихода къ продолжи-

тельному молчанію, — потому что, вѣдь, поле битвы къ разговору не располагаетъ, — у Василія Ивановича теперь сильная потребность говорить и говорить, разсказать все, что изжито и передумано тамъ — въ предѣлахъ смерти...

2.

— Дда-аа... Эт-то... видите ли...

Василій Ивановичъ началъ съ обычнаго у большинства нервныхъ людей безсвязныхъ и, видимо, ничего не значащихъ обрывковъ словъ, запинаясь и слегка заикаясь особенно, чисто нервно. Онъ крѣпко затѣмъ затянулся, разъ-другой и въ третій разъ, какъ будто добиваясь высосать изъ мундштука папиросы нужныя слова, которыя никакъ ему не удавались. Съ послѣдней затяжкой въ сѣрыхъ глазахъ Василія Ивановича исчезли тревожные отсвѣты исканія, и вотъ, повидимому, найдя наконецъ то, что такъ долго не давалось, онъ сразу заговорилъ, легко и связно:

— Ну, вотъ, видите, дѣло собственно происходитъ такъ... — Залегли мы въ окопы. А ночь была тихая-тихая — тихая... Мнѣ, знаете, тишина эта самая казалась какой-то особенной: я бы сказалъ: живой, что ли? Это, конечно, не совсѣмъ вѣрное опредѣленіе, но болѣе точнаго слова и подобрать не могу. Да, вообще, у меня теперь со словами того... не совсѣмъ ладно...

Василій Ивановичъ втянулъ голову въ плечи и недоумѣнно развелъ руками.

— Путаница у меня тутъ, — постучавъ пальцемъ по лбу, пояснилъ онъ, — почти что говорить разучился, а вѣдь, недавно въ университетѣ на сходкахъ приходилось частенько выступать.

Арефьевъ меланхолически прищурилъ глаза и съ странной послѣдовательностью, свойственной лишь очень нервнымъ людямъ, еле внятно, про себя, запѣлъ:

Я-а лю-уб-лю теб бя!
Я люб-блю-уу тебя-ааа!

Опомнившись, онъ смутился и взволновался. Видимо, желая сгладить совершенную имъ оплошность, онъ съ преувеличенной медлительностью и напускнымъ спокойствіемъ продолжалъ:

— Ночь, значитъ, ти-и-х-хая, тих-хая, тихая... А

чувства мои, понимаете, собственно, слухъ и зрѣніе до того обострились, что я, понимаете, видѣлъ и слышалъ то, что раньше совершенно не было доступно ни моему уху, ни моему глазу...

И, знаете, каждое мгновеніе было до того неожиданно и непостижимо, что имъ, ощущеніямъ этимъ, невозможно придать ни послѣдовательности, ни видимой логичности...

Я, понимаете, подчеркиваю „видимую“ логичность, потому что свою, значитъ, скрытую отъ насъ связность, они, полагать надо, имѣютъ. А впроемъ, кто его знаетъ? — впадая въ тонъ смущенности съ оттѣнкомъ недоумѣнія, оговорился Василій Ивановичъ: — кто его знаетъ, — повторилъ онъ, — быть можетъ, тутъ, на войнѣ, никакой логики и нѣтъ... Разрѣшите? — машинально спросилъ онъ, указывая на свою табачницу.

— Закуривъ новую папиросу и меланхолически прищуривъ глаза, онъ продолжалъ:

— Первое, вполнѣ осознанное мною воспріятіе, была трескотня пулеметовъ, частая-частая и ритмическая такая, знаете. Она разительно напоминаетъ стукъ швейной машины: такая же торопливая, размѣренная и чокающая, да-а... Ну, трескотня пулемета и грохотъ орудій, понятно, вызвали у меня страхъ. Откровенно говорю: я невольно сжался, — весь, знаете, такъ... „Убьетъ“, думаю. А отъ этого какъ-то зябко становится. А тутъ чувствуешь, какъ властно говоритъ въ тебѣ инстинктъ жизни. И понимаете, пугаешься и злишься.

Дойдя до этого мѣста своего разсказа, Василій Ивановичъ передохнулъ. Устало расправивъ плечи, онъ сдѣлалъ свой обычный жестъ: меланхолично прищурилъ глаза и точно въ забытьѣ еле внятно забубнилъ тотъ же самый романсъ, но на этотъ разъ одинъ только мотивъ безъ словъ.

Какъ разъ въ этотъ моментъ поѣздъ замедлилъ свой ходъ; въ его ровный бѣгъ рѣзко ворвались нескладные стуки и прыгающіе толчки, — очевидно, мы приближались къ остановочному пункту.

Близость большой станціи, какъ водится, всполошила всю публику вагона.

Засуетился, захлопоталъ и Василій Ивановичъ. Доставъ изъ своего дорожнаго мѣшка солидныхъ размѣровъ эмалированный чайникъ, онъ поспѣшно вышелъ на площадку. Еще на ходу поѣзда соскочивъ на станціонную платформу, Арефьевъ стремительно побѣжалъ въ буфетъ за кипяткомъ.

3.

Остановка на этой станціи оказалась очень короткой, такъ что минуты черезъ три-четыре затихшій было паровозъ снова заахалъ, заохалъ и, звонко отфыркиваясь паромъ и дымомъ, пронзительно свистнувъ, побѣжалъ прочь, свистя и шипя и лязгая чугунными тарелками буферовъ.

По отходѣ со станціи, въ нашемъ отдѣленіи оказалась новая пассажирка — миловидная блондинка лѣтъ двадцати двухъ, съ глазами искристо влажными и черными, цвѣта спѣлой вишни, и ямочками на пухлыхъ, но не совсѣмъ свѣжихъ щечкахъ.

Дѣвушка, которую звали Нина Николаевна, оказалась артисткой „шато“ одного изъ крупныхъ городовъ юга. Изъза плохихъ дѣлъ, вызванныхъ теперешнимъ кризисомъ, „садъ“, гдѣ она выступала, вынужденный прекратить свое веселое существованіе, закрылся.

Отчаявшись, въ виду теперешняго времени, получить какой-либо аганжементъ, Нина Николаевна рѣшила на зиму поѣхать домой.

Дѣвушка со свойственной ея профессіи умѣлостью и непринужденностью, быстро познакомилась со многими изъ пассажировъ нашего отдѣленія.

Понятно, что, главнымъ образомъ, ея вниманіе было занято Василіемъ Ивановичемъ. Не прошло и пяти минутъ со времени ея появленія въ вагонѣ, какъ она съ Арефьевымъ вела себя, какъ давнишняя и хорошая знакомая.

Взявъ на себя роль хозяйки, дѣвушка, порывшись въ своихъ вещахъ и доставъ изъ одного изъ своихъ многочисленныхъ бауловъ чистенькую салфеточку, накрыла ею вагонный столикъ; разставивъ затѣмъ на немъ чайную посуду и тарелки съ нарѣзанной колбасой и хлѣбомъ, Нина Николаевна придала нашему отдѣленію видъ привѣтливаго уюта.

Началось обычное русское чаепитіе, и Арефьевъ, видимо, отдаваясь все еще не остывшей потребности говорить, возобновилъ свой прерванный разсказъ.

4.

— Да-а ... — со степенной медлительностью отхлебывая маленькими глотками изъ эмалированной кружки, снова началъ Василій Ивановичъ.

— Лежу я въ окопѣ, лежу и, какъ водится, время отъ

времени стрѣляю. Вдругъ чувствую, что сзади на меня кто-то навалился, грузно такъ, знаете, на плечо налегъ. Я, понятно, испугался. Сообразивъ, однако, что, по всѣмъ видимостямъ, къ намъ, въ окопъ, то есть, непріятель попасть не могъ, я рѣшилъ, что это Титовъ, отдѣленный перваго взвода, который лежалъ со мною рядомъ. Что это онъ?" — думаю, а вслухъ, шопотомъ, конечно, говорю: — „Будетъ вамъ, Титовъ, оставьте! Вы мы локоть придавили, стрѣлять мѣшаете". А онъ ничего: никакого вниманія.

— Вотъ оселъ! вздумалъ дурачиться, нашелъ мѣсто! — изумляюсь я. Удивляюсь, знаете, и уже чувствую, какъ меня начинаетъ гнѣвъ разбирать.

— Повернулся, сержусь, понимаете, сбросилъ его съ себя. Злюсь я, естественно, готовъ не знаю, что съ нимъ сдѣлать.

— Гляжу, а онъ безъ фуражки, смотритъ на меня, уставился въ упоръ, а зубы у него оскалены...

— Съ ума сошелъ человѣкъ, пронеслось у меня, — рехнулся...

— Подумалъ я такъ и, какъ только подумалъ, чувствую, что холодѣю.

— Въ то же время я, помимо моей воли, замѣтьте, продолжаю всматриваться въ Титова.

— Всматриваюсь, знаете, такъ и начинаю замѣчать, что у него на лицѣ, немного ниже праваго глаза, красная струйка. Потомъ замѣчаю еще одну такую струйку, сочится изъ уха, у мочки, собственно...

— Начинаю соображать, но еще не догадался.

— Тронулъ его за руку, осторожно такъ, боязливо. Дрожу весь, знаете, шепчу: „ — Титовъ... Титовъ... Алексѣй Ивановичъ, Алеша... „А онъ, что называется, совершенно не реагируетъ...

— Догадался я.

— И, замѣтьте, — вотъ что замѣчательно: какъ только убѣдился, что онъ убитъ, разгадалъ, такъ сказать, загадку, успокоился, пересталъ волноваться.

— Отстранился я отъ него, не намного, конечно, потому что, видите, далеко нельзя было: мѣсто не позволяло, отодвинулся и лежу.

— Было у меня, правда, намѣреніе, — Арефьевъ, конфузливо улыбнувшись, мизинцемъ правой руки почесалъ переносье, — отодвинуть его подальше: къ самому краю окопа, да, признаться, удержало вотъ что: опасался, видите ли,

стану его передвигать да невзначай и высунусь какъ-нибудь, на одинъ только палецъ, — и, кончено дѣло: попаду подъ прицѣлъ непріятеля.

— И вотъ, смотрите: пролежали мы рядышкомъ, все время покуда оставались въ этомъ окопѣ, такъ что-то около трехъ сутокъ. . .

5.

— Рядомъ съ трупомъ?! — недоумѣвая ужаснулась Нина Николаевна. — Го-осподи!

Восклицаніе у дѣвушки вырвалось невольно, при чемъ въ ея глазахъ цвѣта спѣлой вишни вспыхнулъ и застылъ страхъ, а лицо стало бѣлымъ-бѣлымъ...

— Рядомъ съ трупомъ, — не глядя на дѣвушку, будто спокойно, но съ замѣтнымъ оттѣнкомъ скорбной покорности подтвердилъ Василій Ивановичъ.

— Да что будешь дѣлать? — приподнявъ и опустивъ плечи и одновременно разводя руками, — жесты, обозначающіе подчиненіе неизбѣжному, — уже апеллировалъ разсказчикъ ко всѣмъ своимъ слушателямъ.

— Вотъ именно что...— Василій Ивановичъ, безпомощно склонивъ голову на бокъ, видно хотѣлъ и этимъ жестомъ, и этой неопредѣленной фразой хоть отчасти нарисовать то спутанное и непонятное, что и самбму ему неясно представлялось. — Что дѣлать, что дѣлать? — дважды повторилъ онъ. — Война! Понимаете?

Арефьевъ сдѣлалъ свой обычный, въ минуты волненія, жестъ, меланхолически прищуривъ глаза.

Снова обращаясь къ Нинѣ Николаевнѣ, онъ съ глубокой проникновенностью добавилъ:

— Это, повѣрьте, не равнодушіе, — нѣ-ѣтъ! — убѣжденно протянулъ онъ, — это совершенно другое — это подчиненіе неизбѣжности...

И-ин-нач-че, видители мы... — нервное заиканіе, какъ и въ началѣ разсказа, снова вплелась въ рѣчь Василія Ивановича. Иначе, — послѣ неловкой паузы хмуро поправился онъ, — никакая человѣческая сила не выдержитъ всего этого.

6.

Ѣдемъ безконечными борами Полѣсья. Пора осенняя — начало октября, и угасающій день сосредоточенно тихъ и

грустно свѣтелъ. Небо совершенно чистое, такъ что приближающійся вечеръ видно будетъ такимъ же тихимъ и яснымъ. Тогда серебряннымъ бананомъ выплыветъ мѣсяцъ — теперь конецъ первой четверти, — и суровые лѣсные предѣлы превратятся въ сказочные края. Но это будетъ потомъ, а пока на западномъ скатѣ неба, правда, у межи горизонта, еще свѣтитъ солнце, такъ что стекла вагонныхъ оконъ залиты рдѣющимъ золотомъ заката. На стѣнахъ же, на скамьяхъ, на полу и потолкѣ нависли ромбообразныя сѣтки закатныхъ отсвѣтовъ.

Отъ бѣга поѣзда багровый дискъ угасающаго солнца, мелькая сквозь игольчатую листву елей и сосенъ, кажется вращающимся огненнымъ волчкомъ. Онъ все кружится, быстрѣе и быстрѣе, все уменьшаясь въ своемъ объемѣ и теряя округленность, а лѣсные великаны, необыкновенно мрачные на фонѣ мѣдно-красной зари, тоже спѣшно вращаясь, бѣгутъ, растопыривъ свои мохнатыя вѣтви--лапы, точно гонятся за удаляющимся за предѣлы горизонта золотымъ шаромъ...

Поѣздъ, гнѣвно тарахтя деревянными ящиками вагоновъ и шумно отдуваясь паромъ, бѣжитъ-бѣжитъ, пухлой гривой разметавъ надъ стальной шеей паровоза огромные клубы дыма, а человѣкъ, который три дня и три ночи пролежалъ въ окопѣ бокъ-о-бокъ съ трупомъ, меланхолично щуря глаза, грустно смотритъ въ вагонное окно.

За окномъ густѣютъ сумерки. Въ надвигающейся темнотѣ осенняго вечера безпрестанно прыгаютъ искры паровознаго дыма, круглыя и красныя.

Искры эти, попадая въ поле зрѣнія Арефьева, напоминаютъ ему шрапнельныя пули.

На ряду съ воспоминаніемъ о шрапнеляхъ память Василія Ивановича, какъ водится, ворошитъ и многое другое, но, главнымъ образомъ, тревожныя переживанія боевой страды.

Такъ какъ потребность говорить у него еще сильна, а внимательныхъ слушателей не убавилось, то онъ снова начинаетъ разсказывать. Разсказываетъ онъ все о томъ же: иногда приводитъ новые эпизоды, иногда вдается въ длительныя подробности, порой повторяется.

Наконецъ, то ли онъ утомился отъ собственныхъ воспоминаній, то ли ему просто надоѣло говорить, то ли сознаніе встревожило такое, о чемъ разсказывать не хочется, но онъ вдругъ, круто оборвавъ себя, тяжело умолкаетъ.

На этотъ разъ Василій Ивановичъ молчитъ долго, хмуро и, вопреки своему обыкновенію, не щуря меланхолически глазъ и не напѣвая.

Черезъ нѣкоторое время, однако, видно найдя рѣшеніе того, что, такъ долго и упорно занимая его обезпокоенный мозгъ, настойчиво требовало отвѣта, Арефьевъ такъ же внезапно, какъ умолкъ, внезапно же и ни на кого не глядя, говоритъ:

— Я, знаете, фаталистъ. Въ четырехъ бояхъ участвовалъ, и ни малѣйшей раны. Даже не контуженъ.

Помолчавъ, онъ, точно мимоходомъ и опять ни на кого не глядя, бросилъ:

— А теперь, знаю, вернусь на фронтъ — и буду убитъ. Въ первой же стычкѣ.

Отойдя отъ окна, онъ грузно опустился на скамью. Никто изъ слушателей не пытался разувѣрить солдата, только Нина Николаевна, взволнованно поднявшись и спѣшно подойдя къ нему, умоляюще зашептала:

— Ну, что вы, Василій Ивановичъ! Что вы... Что вы... Что вы!...

7.

Поздній ночной часъ. По стѣнамъ вагона, тускло освѣщеннымъ висячимъ фонаремъ, дрожа отъ непрестаннаго колыханія поѣзда, перебѣгаютъ хилые отсвѣты.

Пассажиры, утомленные и непривычнымъ досугомъ и сутолокой дорожной возни, тягостной особенно въ теперешнее время, собираются на покой. Впрочемъ, лишь немногимъ удалось захватить и удержать за собою спальное мѣсто. Большинство же устроилось то на самомъ верху, на полкахъ для багажа, то на полу, подостлавши подъ себя портпледъ, дорожный мѣшокъ, пальто.

Нина Николаевна еще съ вечера перешла въ „дамскую“. Туда къ ней часто навѣдывается Василій Ивановичъ. Онъ пытался уходить туда незамѣтно. Когда его кто-либо изъ насъ спрашивалъ, куда это онъ направляется, онъ, въ веселомъ возбужденіи поблескивая глазами, бросалъ:

— Во временную отлучку...

Въ „дамскомъ“, гдѣ, кромѣ Нины Николаевны, было еще нѣсколько пожилыхъ женщинъ, молодая парочка, повидимому, чувствовала себя не совсѣмъ ладно. А такъ какъ у Василія Ивановича душа теперь была настроена лирически,

то для углубленія интимности обстановки, онъ сталъ уводить Нину Николаевну на площадку вагона, въ „зимній садъ“, какъ окрестилъ ее одинъ изъ пассажировъ.

Предъ тѣмъ, какъ лечь спать, я, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ, вышелъ на площадку.

Когда скрипнула вагонная дверь, дѣвушка и Арефьевъ, которые стояли обнявшись, шарахнулись въ разныя стороны. Увидѣвъ затѣмъ, что это я, молодые люди улыбнулись съ привѣтливой застѣнчивостью и снова приблизились другъ къ другу.

Она, какъ и всякая молодая дѣвушка, когда стоитъ рядомъ съ тѣмъ, кого считаетъ героемъ, благоговѣйно смотрѣла на него, снизу вверхъ, а глаза ея искрились, — она вся млѣла въ блаженномъ томленіи.

Онъ, держа ея руки въ своихъ рукахъ и стараясь покрыть шумный грохотъ бѣгущаго поѣзда, пѣлъ.

По тому, какъ возбужденно горѣли его глубокіе глаза, я понялъ, что онъ пѣлъ любовный романсъ.

Такъ какъ я стоялъ не совсѣмъ близко отъ влюбленной парочки, то изъ-за непрестаннаго стука и страшнаго грохота мнѣ, разумѣется, словъ не удалось разобрать. Но, должно быть, по закону тожества родственныхъ воспріятій — въ этомъ неслышномъ отъ хаотическаго шума мотивѣ, мое ухо уловило знакомыя ноты той мелодіи, которую Василій Ивановичъ сегодня не разъ напѣвалъ, и у меня явилась увѣренность, что и теперь онъ пѣлъ именно этотъ любовный романсъ.

И подъ своеобразный аккомпаниментъ вагонныхъ стуковъ, мнѣ уже явственно слышалось:

Я лю-уб-блюд у теб-яа!
Яа люблю ттеб-бя-ааа!
Ка-акъ одна-а душа поэта!...

Не желая имъ мѣшать, я постоялъ на площадкѣ ровно столько, сколько требовалось для соблюденія приличія, и ушелъ въ вагонъ.

Тутъ уже всѣ спали. Улегся и я. Пытался уснуть, но сонъ ко мнѣ не приходилъ. Я лежалъ и, какъ водится при безсонницѣ, думалъ. Думалъ я больше объ Арефьевѣ: и о

томъ, какъ онъ лежалъ въ окопѣ рядомъ съ трупомъ, и о его увѣренности, что онъ скоро будетъ убитъ, и объ этомъ его мимолетномъ романѣ.

Уснуть мнѣ удалось лишь на разсвѣтѣ. Засыпая, я замѣтилъ, что мѣсто Арефьева пусто — онъ, видно, все еще пѣлъ свой романсъ.

В. Осиповичъ.

ГИМНАЗИСТКА.

I.

Короткій звонокъ.

— Наша, — снисходительно съ ироніей роняетъ Анюта, вытирая мокрыя руки о передникъ, и идетъ открыть двери. По дорогѣ ее настигаютъ еще два звонка, — третій почти вслѣдъ за вторымъ, — отрывистые и нетерпѣливые. Дверь дергается.

— Ну да, наша, — съ усмѣшкой подтверждаетъ Анюта, снимая цѣпочку.

— Что за безобразіе, не дозвонишься!

— Ну-ну, не бурчи. Входи, а то закрою. Тебѣ жъ некогда, чего жъ ты тамъ стоишь?

— Того и стою, что ты битый часъ на морозѣ меня продержала. Всѣ нервы вымотала, — негодуетъ Женя, входя въ прихожую.

— Чудило американское, — замѣчаетъ Анюта и, наложивъ цѣпочку, удаляется.

Снявъ шубку, Женя кидаетъ ее на покатую крышку сундука. Шубка свѣшивается рукавами и воротомъ на полъ и, подумавъ, скатывается внизъ. Женя смотритъ на нее, поднимаетъ и съ вялымъ озлобленіемъ цѣпляетъ ее на вѣшалку, но обрываетъ петлю, и шубка съ сѣрой опушкой — опять на полу. Женя примирительно усмѣхается и говоритъ:

— Fatalité.

Но тотчасъ же лицо ея принимаетъ прежнее вяло-безсильное выраженіе, съ которымъ Женя и вступаетъ въ столовую, она же и гостиная.

За самоваромъ возсѣдаетъ мать съ примятой на бокъ прической и съ тѣмъ неторопливымъ, довольнымъ и ничего не выражающимъ лицомъ, съ какимъ въ провинціи чиновницы и дамы общества просиживаютъ за самоваромъ часами.

Напротивъ сидитъ и куритъ квартирантъ Алексѣй Иванычъ, съ черной бородой и въ золотыхъ очкахъ, изъ-за которыхъ выглядываютъ молодые, насмѣшливые узенькіе глаза.

У зеркала, снимая съ головы сѣрую мѣховую шапочку, Женя невольно задерживается: на нее глядитъ правильное овальное лицо съ прелестнымъ румянцемъ, съ милымъ маленькимъ носикомъ, съ большими карими, чуть будто удивленными глазами. Вокругъ лица — крупные завитки блестящихъ обильныхъ черныхъ волосъ со сверкающими снѣжинками и мелкими капельками водяной пыли. Недурно это лицо, когда улыбка открываетъ рядъ бѣлыхъ, какъ серебро, зубовъ, но недурно также, когда губы плотно и страдальчески сжаты, а на глаза ложится дымка печали, углубляющая ихъ выраженіе. До сихъ поръ Женя еще не рѣшила, которое выраженіе лучше, и подчиняется прихоти то одного, то другого. Она не старается: безъ умысла само ужъ какъ-то выходитъ, что если красивѣе покажется улыбка, и яркое сверканье зубовъ, и дрожаніе небольшихъ, полныхъ пунцовыхъ губъ, — то движенія, жесты и голосъ оживляются, и на душѣ становится весело, ото всего хочется хохотать... Но если съ утра покажется, что томность больше къ лицу, то тутъ вотъ и разливается по всѣмъ членамъ вялость, грусть, и печаль садится на сердце, въ голосѣ дрожитъ что-то безпомощное... Бываетъ, впрочемъ, что веселое съ грустнымъ идетъ вперемѣжку: это именно въ тѣ моменты, когда самой себѣ печаль крѣпко понравится. Вотъ и сейчасъ, — Женя глядитъ на себя въ зеркало, а изъ зеркала на Женю глядятъ такіе таинственные, втягивающіе, „пучинные“ — какъ выражается лучшая словесница въ классѣ, Серафимочка Ломова — глаза, такъ значительно ихъ выраженіе, что Женя невольно свѣтлѣетъ лицомъ и говоритъ:

— Ничего себѣ гимназисточка...

Квартирантъ Алексѣй Иванычъ хохочетъ. Женечка, сразу поникнувъ, оглядывается на него. Она не обижается, а просто такъ, въ доказательство, что онъ ни черта не понимаетъ въ ея настроеніи.

Отцѣпивъ кой-какъ шапочку и вяло швырнувъ ее на подзеркальникъ, Женя валится въ кресло, зѣваетъ и тянетъ:

— Мама, накорми меня... Заморили проклятые...

— Кто тебя заморилъ? Садись къ столу.

— Евлашки. Мотали-мотали по всѣмъ улицамъ.

Евлашки — это кавалеры, ухаживатели: звали одного Евлампіемъ, отъ него и пошло.

— Видно, не они тебя, а ты ихъ мотала, — улыбаясь, замѣчаетъ мать.

— Ничего подобнаго! Я милліонъ разъ пробовала уйти, но они не пускали.

— За руки держали? — язвитъ квартирантъ.

— А васъ какъ — за уши? Или можетъ быть, за бороду?

— Меня никакъ.

— Никто и не станетъ. Большая охота... А вотъ меня! — внезапно восклицаетъ Женя, вскакиваетъ съ кресла и, подбоченившись, наступая на Алексѣя Иваныча, выпаливаетъ. — Шесть приглашеній на студенческій вечеръ! Чувствуете, несчастный бородачъ земли Ханаанской?

И Женя, приплясывая, оглушительно хохочетъ.

— Только все это мнѣ безъ надобности, — обрываетъ она себя, подсаживаясь къ столу. — Такая адская тоска, такое убійственное настроеніе... А тутъ еще эта ужасная погода, цѣлую недѣлю солнца не видно... Мама, но я же терпѣть не могу московской копченой колбасы, отъ нея башмаками воняетъ, я люблю ливерную, а ты нарочно никогда ея не покупаешь.

— Ну, пожалуйста, не привередничай.

— Мать, мать, не сердись! Дай я поцѣлую тебя въ душку.

II.

— Собственно говоря, не такъ еще поздно — семь часовъ и можно бы послѣ чаю еще немного помотать евлашекъ, но завтра — классное сочиненіе. Надобно подготовиться. Во-первыхъ, отвлеченное будетъ или курсовое? Рѣшить этотъ вопросъ трудно, почти невозможно, но онъ все-таки томитъ, и Женечка съ полчаса сидитъ въ бездѣйствіи и лѣнивой истомѣ, не зная, къ чему готовиться. Если будетъ отвлеченное, то непремѣнно какая-нибудь польза и вредъ. Польза и вредъ, приносимые водою, польза и вредъ, приносимые огнемъ, польза и вредъ путешествій. Архангелъ Гавріилъ, т. е. словесникъ Гавріилъ Никанорычъ, или еще иначе Сипсопочка (это за шепелявость) не мыслитъ пользы чего бы то ни было безъ сопутствующаго вреда, и когда ученица въ сочиненіи „польза и вредъ науки“ перечисляетъ одну пользу, красными чернилами отмѣчаетъ въ концѣ: „Неполно: см. басню Крылова „Философъ и разбойникъ“. — Точно также

и въ сочиненіи о пользѣ и вредѣ путешествій, — не нашла Женечка вреда въ столь любимыхъ ею поѣздкахъ къ теткѣ на Донъ (единственное ея путешествіе), а Сипсопочка, конечно, приписалъ: „Односторонне: нѣтъ о вредѣ. Напр., путешествія безъ умѣлаго руководительства порождаютъ верхоглядство и могутъ вызвать физическое переутомленіе“. И всегда ученицы, узнавъ тему, начинаютъ съ придумыванія вреда.

— Какой же вредъ предстоитъ завтра? Польза и вредъ пожаровъ? — гадаетъ Женечка, равняясь по линіи „вреда“ но тотчасъ соображаетъ, что отъ пожара нѣтъ пользы, хотя,' впрочемъ, выстроили же дивный магазинчикъ „Оборотъ“ на, мѣстѣ сгорѣвшаго неуклюжаго трактира „Лебедянь, свѣжая рыба навсегда“. Потомъ Наполеона пожаръ Москвы погубилъ... А, чортъ возьми! Нѣтъ, скорѣй всего задастъ Сипсопочка все-таки курсовую, вѣдь седьмой же классъ... Національныя черты Татьяны? Образъ древняго лѣтописца по „Борису Годунову“. Неправильное воспитаніе по „Онѣгину“? Господи, Господи, когда же, наконецъ, все это кончится!..

Нервно зѣвая, Женечка беретъ съ этажерки 2—3 „темника“, просматриваетъ планы. Вступленіе, изложеніе, заключеніе... Ахъ, вотъ-вотъ, кабы „Поэтъ и поэзія у Пушкина“. Вступленіе — взглядъ предшественниковъ Пушкина; заключеніе — вліяніе Пушкина на взглядъ послѣдующихъ поэтовъ, а самъ-то Пушкинъ — посередочкѣ; то ли дѣло!

Женечка устала. Темники летятъ на подоконникъ, — придется еще разъ просмотрѣть, а пока — пойти провѣдать бородача.

— Можно къ вамъ, Алексѣй Иванычъ? — томно зоветъ Женя, постучавъ въ дверь.

— Войдите.

— Я къ вамъ, собственно говоря, по дѣлу. Вы можете мнѣ удѣлить пять минутъ своего драгоцѣннаго времени?

— Пять минутъ могу.

— Ага, подчеркиваете! А если я минутку лишнюю посижу, такъ уже выгоните.

— Если минутку, то не выгоню.

Женя укоризненно качаетъ головой.

— Какой вы, Алексѣй Иванычъ, невѣжа, прямо непостижимо.

— Ну, ладно, ладно. Вамъ чего надобно, сочиненіе въ починку сдаете, или задача не выходитъ, ошибка въ отвѣтѣ? Ну, живо!

— Ничего подобнаго, — дѣлаетъ Женя обиженное лицо. — Насчетъ этого безъ васъ найдутся, чтобъ помочь... Ой, Алексѣй Иванычъ, миленькій, послушайте, какая чепуха вышла нынче въ реальномъ, уму непостижимо! Задали шестиклассникамъ сочиненіе, самая простенькая тема: „Пушкинъ и Гоголь, какъ родоначальники художественнаго реализма“, а Войтенко Илюша, — знаете, желтенькій такой, конопатенькій, цыпля? — ослышался и написалъ: „Пушкинъ и Гоголь, какъ градоначальники художественнаго реализма“, да такъ и написалъ все сочиненіе! Что они, дескать, самые главные, какъ въ родѣ начальники въ литературѣ... Нѣтъ, вы знаете, его послѣ обѣда никто на улицѣ не видѣлъ, потому что, понимаете, невозможно, всеобщій хохотъ. А двойка съ масломъ — обезпечена.

— Кажется, сударыня, у васъ у самихъ нынче двойка съ масломъ?

— Ничего подобнаго! — возмущенно восклицаетъ Женя. — Выдумаете тоже...

— А ну-ка вспомните хорошенько.

— Клевета и злостная инсинуація! То есть я понимаю, на что вы намекаете...

— Ага-съ! — и квартирантъ показываетъ языкъ.

— Такъ вѣдь это же изъ батюшки! Развѣ это считается? Это все равно, что вниманіе или прилежаніе.

— Ага-съ! — снова, показывая языкъ, дразнитъ квартирантъ.

— Я вотъ подговорю многочисленныхъ евлашекъ, чтобы они вамъ бороду выдрали, будете тогда знать, дразнилка захолустная.

Оба смѣются.

— Вотъ я разговорилась съ вами, а мнѣ еще надо къ сочиненію подготовиться, да потомъ исторія, да французскій... Знаете, наша-то Бремфо у Сипсопочки спрашивала: — „Какъ правильнѣе по-русски: она за меня зависитъ, или она отъ меня отвиситъ...“

Опять хохочутъ.

— Смотрите, я снова съ вами болтаю, а время идетъ.

— Ну, и ступайте, кто васъ держитъ?

— А вы, пожалуйста, не гоните. Нечего сказать, учтиво. Никогда теперь черезъ порогъ вашъ не переступлю!

Вернувшись къ себѣ, Женя опять берется за темники, но послѣ того, какъ они побывали разъ въ рукахъ, особенно

же послѣ пріятной болтовни съ квартирантомъ, видъ ихъ нагоняетъ такую скуку и уныніе, что нѣтъ никакихъ силъ! Женя съ ожесточеніемъ отшвыриваетъ ихъ прочь. Смотритъ на часы — 8. Добрыхъ полчаса отнялъ у нея этотъ бородачъ, и самаго удобнаго времени... Если будетъ польза и вредъ, то вѣдь темники эти, планы — напрасная трата умственной энергіи. Скорѣй всего дадутъ отвлеченное... Французскій дается Женѣ, всѣ соученицы это признаютъ и завидуютъ, и на тройку Женя нальетъ безъ всякой подготовки. Значитъ, остается одна исторія. Исторія завтра на третьемъ, значитъ, можно просмотрѣть и за завтракомъ, и на первыхъ двухъ урокахъ, и въ перемѣнки. И потомъ — недавно вызывали. Схватила, правда, двоечку, но все-таки недавно... Конечно, чортъ ихъ знаетъ, могутъ и завтра спросить... Но третій урокъ, и задано, кажется, немного... Положимъ, Матюша (Матвѣй Павловичъ, учитель) всегда спрашиваетъ предыдущее, если была двойка... Да, съ исторіей неладно, и это томитъ, портитъ настроеніе Женѣ. Такъ томитъ, что никакими силами не заставить себя сѣсть сейчасъ за книгу и зудить. Немыслимая вещь, инквизиція! Томитъ-томитъ... Потолокъ, стѣны давятъ, голоса изъ кухни раздражаютъ.

III.

Собственно говоря, всего только 8 часовъ, немножко больше. На Вакуринской горкѣ евлашекъ — тьма тьмущая. Сергѣй, конечно, съ Нишкой, и можно ему, какъ дважды два, доказать, что всѣ его сантиментальныя воздыханія, всѣ его увѣренія, будто съ одной Женей онъ только и ходитъ гулять — самое заправское брехачество, какъ и у всѣхъ прочихъ.

Черезъ минуту Женя одѣта.

— Мама, — говоритъ она съ усиленнымъ равнодушіемъ, — я пошла.

— Куда? — удивленно вопрошаетъ Агнія Александровна, вплывая въ столовую. Прическа еще болѣе сдвинулась на бокъ, а правая щека — багрова съ бѣлыми полосами: на кушеткѣ залежала.

— Мнѣ нужно къ подругѣ.

— День цѣлый пропадала, теперь опять тротуары шлифовать? Сиди дома.

— Мама, мнѣ нужно, говорятъ тебѣ! Совершенно необходимо...

— Нужно? Ну, хорошо, въ такомъ случаѣ Анюта съ собою пойдетъ.

— Ни-ка-кихъ Анютъ! Это возмутительно. Вотъ отъ подобнаго деспотизма и сбѣгаютъ съ приказчикомъ изъ галантерейнаго магазина...

— И нельзя, и нельзя! Новости. Послѣ восьми часовъ вы по правиламъ обязаны не появляться на улицѣ...

— Мама, но какія правила, когда никто не узнаетъ. Черезъ полчаса я буду дома... Ты только заставляешь меня унижаться и озлобляешь. Слава Богу, не третьеклассница какая-нибудь. Однимъ словомъ, я пошла... Мать — нишкни! Ну, на что похожа твоя прическа, полюбуйся. И глазъ запухъ, какъ у Циклопа...

— Здрасте, при чемъ тутъ...

— Ну, не сердись, дай поцѣлую бѣдный глазикъ. Мать, прощай!

Осыпаемая проклятіями, несчастная дочь въ послѣдній переступаетъ порогъ родительскаго дома.

Выйдя за ворота, Женя поворачиваетъ направо, къ Вакуринской горкѣ. Чудесная горка! Съ нея открывается далекій видъ на мерцающій огнями городъ, разстилающійся внизу, а днемъ — на дальнія поля и широкіе полукруглые холмы, лѣниво взбѣгающіе на горизонтѣ, на извилистую бѣлую ленту шоссе, бѣгущую по берегу бурливой рѣчки, свѣтло и рѣзво играющей подъ солнцемъ, на кудрявые сады за рѣчкой. Весною оттуда широкимъ крыломъ вѣетъ рѣзкій холодокъ вечерѣющихъ степныхъ просторовъ, густо напоенныхъ дыханіемъ травъ.

На горкѣ иждивеніемъ города разставлены зеленыя крашеныя скамьи для отдыха гуляющихъ. Напротивъ скамей — высокая длинная бѣлая стѣна паровой мельницы, въ лунную ночь отражающая тѣни жизни, кипящей на горкѣ. Съ вечера на стѣнѣ двойные силуэты парочекъ; потомъ, попозже, тѣни все тѣснѣе сближаются, и послѣ полуночи, когда гуляющихъ мало, на скамьяхъ людей вдвое больше, чѣмъ тѣней, отраженныхъ на стѣнѣ...

Странное, однако дѣло, — на горкѣ Женя никого почти не видитъ. Правда, снѣгъ падаетъ, но кто жъ на него обращаетъ вниманіе. Женя всматривается въ рѣдкія фигуры, разсѣянныя по горкѣ, — все какіе-то неизвѣстные люди; даже чуточку жутко становится. Главное — странно, куда-же всѣ провалились...

Вдругъ Женя хлопаетъ себя по лбу и даже ногою то-

паетъ отъ злости. Нѣтъ, какъ смѣла она позабыть! Вѣдь сію минуту уходитъ 32-й батальонъ, и всѣ порядочные люди провожаютъ на вокзалѣ. Идіотка, положительно идіотка! И вѣдь у самой тамъ офицеръ знакомый, 2—3 вольноопредѣляющихся. Правда, народъ все не очень близкій, но все-таки на войну же уходятъ... Положительно курица безмозглая, тротуарная тумба, чучело фаршированое!

Женя торопится на трамвай. Ей кажется затѣмъ, что вагонъ идетъ необыкновенно тихо, безъ толку останавливается... Хорошъ и Сережа, не догадался зайти. Кажется, положимъ, не могъ: у него какъ разъ до 8-ми и дежурство, а сейчасъ, можетъ быть, онъ и приходилъ, да они разминулись... Интересно, въ какомъ духѣ мама съ нимъ бесѣдовала: „Оччень рада васъ видѣть“, или „Вамъ кого угодно?“ Пустяки, впрочемъ, онъ мамѣ нравится несомнѣнно... Неужели она въ Сережѣ ошибается? Человѣку свойственно ошибаться, но ей, Женѣ, въ Сережѣ... Слава Богу, вокзалъ!

Въ вагонъ трамвая долетаютъ возгласы, звуки музыки. Женя проворно соскакиваетъ, бѣжитъ, но уже видитъ, какъ тронулся поѣздъ. Ура-а! Можетъ быть, первый эшелонъ! Увы, навстрѣчу хлынула провожавшая публика, и Женѣ даже спросить неловко, всѣхъ ли отправили, — стыдно выдать свое непростительное ротозѣйство. Да нѣтъ, чего тамъ и спрашивать, ясно, какъ деготь, что дуру сваляла.

Боясь встрѣчи со знакомыми, особенно подругами, Женя круто поворачиваетъ и торопится домой. Трамвай биткомъ набитъ, извозчики разобраны. Женя, усталая, злая, бредетъ по мокрому тротуару, обгоняемая кучками провожавшихъ.

— Шёстого, голубчики, отдала, шёстого родимые... — приговариваетъ, ни къ кому отдѣльно не обращаясь, высокая женщина въ сапогахъ и съ длинной палкой въ рукѣ. — Шёстого красавчика проводила, шёстое дитя отъ своей груди.

Женщина стремится пройти впередъ, но густая толпа не пропускаетъ. Она шагаетъ рядомъ съ Женей, и дѣвочкѣ кажется, что со своими не то причитаніями, не то приговариваніями женщина обращается къ ней. И для самой себя неожиданно Женя поворачивается къ ней и говоритъ:

— Что жъ дѣлать, всѣ идутъ. Надо же защищать отечество.

— Ась? — останавливается женщина.

Женѣ не видно въ потемкахъ ея лица, но она смущается и уже неувѣренно повторяетъ свое замѣчаніе.

— То-то, милая, что ничего не подѣлаешь, — соглашается женщина. — А только шёстого, красавчика, проводила, шёстого сыночка Митю молодчаго... — Она удаляется, приговаривая, и расплывается въ сѣрой мглѣ.

Женя чувствуетъ необходимость что-то ей сказать, но что?

— Простая баба, — размышляетъ она. — Если бы она могла понять, что эта война освободительная, вѣроятно, ей было бы облегченіе. Вотъ бы объяснить. Не догнать ли?..

Женя колеблется, потомъ порывисто кидается за женщиной, но ее поминутно задерживаютъ. Причитаній уже не слыхать, но все-таки, точно жукъ весною, гудитъ впереди чей-то низкій ровный голосъ... „Это она, пожалуй? Нѣтъ не похоже. Э, да Богъ съ ней“, разрѣшаетъ Женя вопросъ.

До дому далеко, чего не передумаешь за дорогу. И — безобразіе — то и дѣло кажется, что впереди мелькнула фигура Сережи, а приблизится — чепуха какая-нибудь. Впрочемъ, Женя отлично научилась издали отличать Сережу отъ кого бы то ни было, и очень просто. Если въ душѣ сомнѣнія, Сережа ли или не Сережа, значитъ, не онъ. А если ужъ нисколечко не сомнѣваешься, значитъ Сережа. Откуда берется сомнѣніе или увѣренность — Женя и сама не знаетъ. Вотъ, напримѣръ, тотъ: и жердь, и походка журавлиная, и ростомъ подходитъ, и шинель разстегнута, но все-таки есть сомнѣніе, стало быть не Сережа. И, дѣйствительно, нарочно обогнала, — конечно, не онъ!... Однако, и свинья Сережка, не могъ догадаться навстрѣчу пойти. А можетъ быть, въ казармѣ чего-нибуть задержался.... Ага! Вотъ! Коли онъ, такъ ужъ онъ... Ца-ца-ца! Не видитъ, глупышка, даже досадно... А еще увѣряютъ, что взглядъ любимаго существа чувствуется даже за спиною.. Вотъ возьму и пройду въ ворота, пусть шлепаетъ здѣсь до самаго утра!

IV.

— Сережа... Фу, безобразіе! — не вытерпѣвъ, окликаетъ Женя неторопливо шагающую впереди фигуру, тотчасъ и поспѣшно обернувшуюся на зовъ.

— Что вы здѣсь дѣлаете?

— То есть какъ...

— То есть такъ. Вѣдь вы куда-то идете, а я вамъ

помѣшала. Ну, и идите, пожалуйста. Или вы здѣсь кого нибудь ждете? Ну, до свиданія.

— Полно, Женя. Что вамъ за охота, не понимаю.

— Почему же вы не пошли мнѣ навстрѣчу?

— Откуда же мнѣ было знать, куда вы пошли? Я и то боялся, что вы меня на горкѣ поджидаете.

— Фу ты, ну ты, ножки гнуты! Пожалуйста, не задавайтесь. Подъ сугробами снѣга стану еще на горкѣ ждать. На вокзалѣ была. Кажется, естественно было догадаться, кажется, разговоръ былъ на этотъ счетъ. Только вамъ неугодно было прійти...

— Женя, вѣдь у меня было дежурство...

— Знаю, знаю, я опоздала изъ-за вашего дежурства. Давно здѣсь гуляете?

Сережа вынимаетъ изъ кармана электрическій фонарикъ, свѣтитъ на циферблатъ и скромно сообщаетъ:

— Около часу.

Затѣмъ свѣтитъ Женѣ въ лицо, вздыхаетъ и прячетъ фонарикъ въ карманъ. Женя, очевидно, смягчена. Она тихонько смѣется и не безъ довольства переспрашиваетъ:

— Неужели цѣлый часъ?

— Вамъ смѣшно?

— А вы предпочитаете, чтобъ я плакала?

— Я не въ томъ смыслѣ... Давайте гдѣ-нибудь сядемъ.

— Еще что выдумаете! И то уже, вѣрно, мама волнуется... Что, ножки устали? Гдѣ же мы, интересно, сядемъ, на тротуарныя тумбы?

— А вотъ тутъ неподалеку я высмотрѣлъ прекрасное мѣстечко.

— Ишь, запасливый какой... Послушайте, въ самомъ дѣлѣ дивное мѣстечко! И какъ уютно. Спасибо, милый.

— Мало.

— Начинается. Вотъ встану и уйду.

— Но вѣдь это же несправедливо... Какъ хотите, а руку вы обязаны дать. И что вамъ стоитъ...

— Ничего не стоитъ, а глупо лизаться. Ну, хорошо. Довольны?

— Спасибо, Женечка. Вы совершенно напрасно... Тѣмъ болѣе, что я теперь все-таки военный, а военные всегда цѣлуютъ руку.

— Военный! — хохочетъ Женя. — Юристикъ несчастный.

— Да, юристикъ, вамъ легко говорить. Вчера да нынче нашихъ девять душъ пошло. Ахъ, Женечка, у Анисимовыхъ-то сколько слезъ было, ужасъ! Вы знаете, если бы Саша съ Васей по одиночкѣ ушли, не такъ бы жалко было, а вотъ вмѣстѣ — очень тяжело.

— А по-моему все равно.

— Да и по-моему, но это съ логической точки зрѣнія, а психологически — сразу тяжелѣе... Прямо навзрыдъ.

— Кто, родители?

— Ну да. Мать главнымъ образомъ, сестры тоже. Отецъ плакалъ. Саша съ Васей старались ободрять, а подъ конецъ и сами не выдержали.

— Какъ хотите, Сережа, а это малодушіе. Не по-мужски. Ну, женщинѣ простительно: слабый человѣкъ; но Саша съ Васей, здоровилы эдакіе, должны же они сознавать, что идутъ защищать отечество. Вѣдь они — интеллигентные люди. Что же въ самомъ дѣлѣ нюни распускать. Я считаю — стыдно.

— Женечка, никто не споритъ и все-таки жалко уходить. А когда кругомъ тебя плачутъ, то и самъ невольно прослезишься. Даже такой есть психологическій законъ — мимичности.

— Глупый законъ.

— Ну, это ужъ дѣло другое, но слезы все-таки заразительны, какъ и смѣхъ.

— Это, положимъ, вѣрно. У насъ въ гимназіи если кто реветъ, непремѣнно и я разревусь. Неужели это по закону... мимики?

— Мимичности. Ну да, конечно...

— Такъ вѣдь то — дѣвчонки, глаза на мокромъ мѣстѣ, а то все-таки офицеры, развѣ можно равнять?

— Женечка, — докторально замѣчаетъ Сережа, — во-первыхъ, психологическимъ законамъ всѣ одинаково подчинены, а во-вторыхъ, одно дѣло плакать отъ двойки, а другое -- оттого, что, можетъ быть, навѣки прощаешься съ родителями, съ друзьями, съ родиной. Громадная разница...

— Нѣтъ, напрасно, Сережа, вы считаете меня плаксой. Знаете вы, когда я плачу? Когда отъ меня зависитъ, плакать или удержать слезы. Тогда я вамъ хоть три часа готова проплакать. А вотъ если что-нибудь серьезное, когда сердце болитъ, такъ плакать хочется, вотъ тогда-то мнѣ

и совѣстно и всѣми силами, ну прямо таки всѣми жилочками крѣпишься, чтобы не заплакать... Вы, Сережа, понимаете?

— Очень хорошо понимаю. Стыдно оттого, что настоящая причина и неловко горе свое на показъ выставлять.

— Ну вотъ-вотъ! Точь-въ-точь! Милый, Сереженька, зато я васъ и... цѣню высоко, что вы такой чуткій и тонкій. У васъ хорошая душа... А я капризная, взбалмошная и...

— Полно вздоръ городить, — старается рѣзко оборвать ее Сережа.

— Нѣтъ, не вздоръ, пожалуйста, не защищайте меня. Взбалмошная и... кокетка!

— Перестаньте же!

— Кокетка, кокетка, кокетка! На разную ерунду обращаю вниманіе... Знаю, что у меня красивые зубы, и лишній разъ норовлю ихъ выставить... И зачѣмъ я ажурные чулки надѣвала на вечеръ? Это безнравственно, я знаю. И вы должны меня всею душой презирать...

Еще минута, и Женя разрыдается. Сережа это чувствуетъ и спѣшитъ съ контръ-атакой:

— За что же васъ всѣ подруги любятъ? За кокетство, ну?

— Во-первыхъ, не всѣ, — не сдается Женя, — Мараѳонская Зинка меня ненавидитъ... А во-вторыхъ — я, дѣйствительно, дерзилка и вступаюсь за классъ...

— Ага! То-то и есть. Дерзилка! Справедливая, а не дерзилка. Лгуній и дерзилокъ множество, а смѣлыхъ и стоящихъ за правду — не больно чтобы очень. У васъ, Женечка, смѣлая, благородная душа, и всѣ васъ за это любятъ! И я... — робко добавляетъ Сережа мгновенно охрипшимъ голосомъ.

— Что?

— И я тоже... Я васъ горячо люблю, Женя.

— Милый, Сереженька, драгоцѣнный, а я?! А я развѣ васъ не люблю?! Вы лучше всѣхъ людей на свѣтѣ!

Женя въ потемкахъ обвиваетъ Сережѣ шею и крѣпко цѣлуетъ въ губы. Первый ихъ поцѣлуй.

Сережа молчитъ и шумно дышитъ. Женя чувствуетъ, что онъ старается справиться со своимъ волненіемъ. Она гладитъ его теплыми душистыми руками по лицу, потомъ зоветъ тихо:

— Сережа, дайте вашъ фонарикъ.

Она освѣщаетъ его славное, простое лицо съ тонкими свѣтлыми усиками и длинными дѣвичьими рѣсницами, стыдливо осѣняющими его большіе, сѣрые, прекрасные, счастливые глаза, подернутые въ эту минуту влажной дымкой.

— Я, Сережа, постараюсь теперь не капризничать и кокетничать брошу. Вотъ ей-Богу, не встать мнѣ съ этого мѣста...

— Не надо такъ клясться... Знаете, Женя...

— Сережа, — перебиваетъ дѣвушка, — знаете что? Говорите мнѣ „ты“.

— Хорошо, спасибо. А вы... а ты мнѣ — тоже.

— Конечно.

— Женя. Я... одну штучку принесъ.

— Кому?

— Кому. Конечно... тебѣ.

— Правда? А ну-ка покажи. Только, пожалуйста, Сережикъ, не дорогую.

— Да вѣдь теперь все-равно. Нѣтъ, не дорогая. Вотъ держи, а я посвѣчу; не урони только.

— Дощечка какая-то крошечная?

— То-то что какая-то. Поверни-ка на другую сторону.

— Господи, твой погончикъ! Чу-десный брелочекъ! Прелесть что такое! Заказывалъ?

— Ну да. Здѣсь, дома разсмотришь, мои и твои иниціалы выгравированы и номеръ батальона.

— Очаровательный!.. Вотъ и память мнѣ будетъ, если уйдешь.

— Я это и имѣлъ въ виду...

— А уйдешь? Непремѣнно?

— Я думаю, если война затянется.

— Но все-таки не скоро, какъ ты считаешь?

— Ничего пока неизвѣстно. Полагаю, что не скоро. Еще много такихъ, которые раньше моего призваны... Женя, послушай, тебѣ домой не пора ли? Я боюсь, простудишься, вишь, сырость какая.

— Давно, Сережикъ, пора. До свиданія, дорогой. Завтра ждать тебя?

— О, завтра я цѣлый день свободенъ. Выйди на большой перемѣнѣ, я встрѣчу; пирожныхъ поѣдимъ.

— Только чуръ — у Сердечнаго, хорошо?

— Ну да. Какая ты смѣшная...

— Нѣтъ, Сережа, это просто практичность: лучшія пирожныя у Сердечнаго... А послѣ обѣда сходимъ куда-нибудь подальше. Хочешь, къ мечети?

— Чудесно.

— Ну, до свиданія, Сереженька. Хочешь, поцѣлуй руку.

— Мегсі. Теперь я всякій разъ буду тебѣ руку цѣловать.

— Я согласна. Что же, если мы любимъ другъ друга.

V.

Мама крѣпко спитъ, похрапывая. Въ комнатѣ квартиранта свѣтъ; слышны его шаги.

— Анютикъ, — весело говоритъ Женя, — если мама завтра спроситъ; если не спроситъ, ты молчи; но если спроситъ, когда я вернулась, скажи, Анютикъ, что не посмотрѣла на часы. Хорошо?

— Ладно, ладно, скажу, что знаю, тебя не спрошу. Ишь, носъ какъ синька. Можетъ, чаю горячаго выпьешь, въ духовкѣ стоитъ.

— Неужели! Дай скорѣй, и спать ступай, а я еще посижу, почитаю.

— Ужъ мы знаемъ твои читанія. Къ квантиранту пойдешь языкъ чесать.

— Къ квартиранту?! Ты страшная дурища, Анютикъ. Завтра сочиненіе...

— Знаемъ, знаемъ... На вотъ, пей. Будешь до полночи съ кавалерами хвосты трепать, живо лицо, какъ картошка вареная сдѣлается.

— Анютикъ, все равно я мордоворотъ...

— А ты не хвастай.

Жадно глотая чай, Женечка въ третій разъ принимается за темники, но буквально ни одно слово не лѣзетъ въ голову, точно передъ нею китайская грамота.

— Значитъ, не суждено; и, очевидно, будетъ отвлеченное, — рѣшаетъ Женя. — Одиннадцать часовъ, въ постель завалиться — позоръ. Почитать развѣ?

Женя оглядываетъ полки съ книгами и останавливаетъ выборъ на огромномъ фоліантѣ — годовомъ экземплярѣ номеровъ „Сатирикона“. Взобравшись съ ногами на диванъ, она пробѣгаетъ подъ рядъ „юмористическіе разсказы“ Аверченка,

стишки Потемкина, остроты „Почтоваго ящика“. Хохочетъ. Потомъ только улыбается; потомъ зѣваетъ и лѣниво захлопываетъ книгу. Надоѣло.

Что-то томитъ Женю; она начинаетъ перебирать въ умѣ весь прошедшій день и, точно ужаленная, всплескиваетъ испуганно руками:

— Вотъ идіотка! Вмѣсто головы кочанъ капусты выросъ: забыла въ муфтѣ сумочку, а въ сумочкѣ Сережинъ брелочекъ. Не успѣла получить и тотчасъ забыла. Хороша!

Женѣ стыдно. Она кидается въ прихожую, хватаетъ сумочку и, подойдя къ лампѣ, долго съ улыбкой любуется милымъ погончикомъ съ номеромъ Сережиной части, точь-въ-точь, какъ настоящій, съ буквами С и Е изъ хитро переплетенной золотой проволоки.

Женя бѣжитъ въ кухню, но Анюта уже спитъ. Можно бы и разбудить, но вмѣсто радости и удовольствія еще получишь воркотню. Женя, стараясь не думать, порывисто направляется къ двери квартиранта и стучитъ.

— Ну, войдите, только я въ туфляхъ.

— Я на подобные предразсудки не обращаю вниманія... Вотъ, Алексѣй Иванычъ, вы какъ-то поинтересовались, гдѣ Сережа Раевскій служитъ, такъ вотъ тутъ обозначено, — и Женя съ притворнымъ равнодушіемъ протягиваетъ брелокъ.

— Славный предметикъ. Такъ-съ. Теперь, стало быть, ужъ мы вовѣки вѣковъ не забудемъ... А что, развѣ не ушелъ Сережа?

— Да онъ и не приходилъ, что вы выдумываете.

— Я не про то, на войну не ушелъ ли? Вѣдь сегодня, кажется, отправляли!

— Такъ вѣдь 32-й батальонъ отправляли. Знаете, Ракитины, Саша съ Васей ушли. Подумайте, оба сразу. Говорятъ, даже плакали бѣдные.

— Ну? Малодушіе-то какое.

— Вамъ легко сказать. Малодушіе! Попробовали бы сами навѣки, можетъ быть, съ родными прощаться, такъ бы иначе запѣли.

— А что, рюмсать въ бутылку? Парни здоровые, молодые, кому какъ не такимъ и воевать.

— Совершенно вѣрно, все-таки жалко. Я вѣдь, Алексѣй Иванычъ, совсѣмъ и не отрицаю, что необходимо защищать отечество, я только про то, что жалко. Отъ одного того заплачешь, что всѣ кругомъ въ слезахъ... Даже та-

кой законъ есть... забыла, какъ называется, но только психологическій... А правда, миленькая вещица? — возвращается Женя къ брелоку, играя имъ на свѣту.

— Весьма. Très sympatique. А вы, кажется, неравнодушны къ сувенирчикамъ?

— Ничего подобнаго! Вотъ именно я какъ разъ совершенно равнодушна. Но ужъ если что очень красивое, такъ не виновата же я, что у меня эстетическій вкусъ.

— Такъ-съ. Ну, а что вкусъ у васъ что ни на есть самый эстетическій, вы, конечно, вполнѣ увѣрены?

— Ого! Да вы у подругъ спросите. Даже сегодня Нинка Богомазова приставала: „Ты, говоритъ, Женька, счастливая, — что ни нацѣпишь, хоть копеечный бантикъ, ужасно выходитъ изящно...“ Ой, что я позабыла Сережѣ разсказать! Чему Нинка меня нынче выучила!.. Вотъ дырявая голова! Слушайте, бородачъ:

— Прикибѣке жакалики викизбуку дѣкетики, втокорокопякахъ заковукутъ акатцака. Тякатяка, тякатяка! Накашики сѣкетики прикитакащилики мекертвекецака! — Ну, поняли что-нибудь?

— Что за белиберда... Тякацака какая-то. Ни черта не понялъ.

— Ха-ха-ха! Никогда не поймете; а это очень просто: „Прибѣжали въ избу дѣти, второпяхъ зовутъ отца: Тятя, тятя! Наши сѣти притащили мертвеца“. Это баллада Пушкина „Утопленникъ“, но только послѣ каждой гласной буквы я прибавляю „к“ съ этой же самой гласной. Вотъ сами попробуйте — выйдетъ.

Квартирантъ соблазняется и, разставивъ циркулемъ ноги въ туфляхъ, нахмурившись и въ то же время невольно улыбаясь, бормочетъ:

— При-ки. Бѣ-ке. Жа-ка. Ли-ки. Прикибѣке жакалики... Богъ знаетъ, что...

— Вотъ видите! Я жъ вамъ говорила; рѣшительно у всѣхъ выходитъ... Нѣтъ, какъ это я, дурища, позабыла Сережѣ разсказать?! Теперь всю ночь не засну, чтобъ завтра опять не забыть.

— А вы Сережѣ все выкладываете? Это что же, главная теперь евлашка?

— Ну да, — подтверждаетъ Женя, счастливо смѣясь. — Только вы не смѣйте меня дразнить. Серьезно.

— Буду.

— А я уйду.

— А мнѣ того и надо.

— Фу, противный... Неужели опять носомъ въ книгу уткнетесь?

— Зачѣмъ въ книгу, — въ подушку: спать пора.

— Эдакую рань!

— Ра-анъ? Полночь, сударыня.

— Соня, мурзилка, Кащей, старосвѣтскій помѣщикъ! Не желаю съ вами разговаривать. Въ такое время спать заваливаться.

— Да-съ. Спокойной ночи.

— Не желаю отвѣчать. Позорный человѣкъ.

Теперь Женя окончательно безпомощна: нечѣмъ заняться, не съ кѣмъ словомъ перемолвиться. Она садится къ столу, подпираетъ голову руками и задумывается. „Надобно запомнить сегодняшнее число, — рѣшаетъ она, — первое объясненіе въ любви. Собственно говоря, не первое, но настоящее — первое. Многіе ухаживали, но Сережа особый, ни на кого не похожій. Онъ индивидъ, а другіе — андавиды, — примѣняетъ Женя гимназическую формулу. — Значитъ, 29 ноября — выдающійся день въ моей жизни. Во что бы то ни стало надо запомнить навѣки. У другихъ дневники, такъ ужъ запишешь и готово; впослѣдствіи интересно прочесть; и даже послѣдующія поколѣнія читаютъ. А я — пустышка, не хватаетъ терпѣнья и умѣнья... А кто мнѣ мѣшаетъ начать? Общая тетрадь есть совсѣмъ чистая, возьму и начну“.

Женя достаетъ тетрадь, порывисто, подъ рядъ нѣсколько разъ, хлопаетъ перомъ о дно чернильницы и выводитъ на первомъ листѣ:

Дневникъ.

Первыя буквы старательно-красивы, а послѣднія — небрежно-скорописны. Ну, это внѣшность, ерунда. Далѣе Женя пишетъ: „Ученицы VII класса Евгеніи Андреевны Поповой, начиная съ 29 ноября 1914 года“.

„При чемъ тутъ „ученицы VII класса“? Точно „пользу и вредъ“ для Сипсопочки готовлю. Можетъ быть, ни одинъ человѣкъ въ мірѣ этого не прочтетъ, кромѣ Сережи и потомковъ...“

Женя выдираетъ титульный листъ и соотвѣтственный другой, чтобы впослѣдствіи не вывалился. И уже скорописью пишетъ:

„Дневникъ Евгеніи Андреевны Поповой, начиная съ 29 ноября 1914 года“. Потомъ на слѣдующемъ листѣ продолжаетъ:

„Вечеръ 29 ноября. Торжественный день въ моей жизни. Сережа прямо открылся мнѣ въ любви, а я открылась ему. А еще передъ тѣмъ былъ разговоръ про проводы на войну, потому что еще передъ тѣмъ я ходила на вокзалъ провожать 32-й батальонъ и безбожно опоздала. Была адская погода, снѣгъ и сыро. Сначала мы съ Сережей жестоко поспорили. По-моему, я была права, но онъ меня переубѣдилъ. Дѣйствительно, когда жалко, такъ плачешь, я прошлымъ лѣтомъ надъ дохлой синичкой плакала, но все-таки я считаю, что мужчина призванъ стоять горой за свое отечество, особенно если война освободительная. А прятаться за мамину юбку и малодушничать, не проявляя никакого геройства, стыдно и малодушно. Сережа съ этимъ согласился. Еще онъ мнѣ подарилъ тутъ же дивный брелочекъ, вотъ такой: (Женя нарисовала брелочекъ). Я его поцѣловала, конечно, не за брелочекъ, онъ уже мнѣ не первый разъ даритъ, а я первый разъ поцѣловала. Я его безумно люблю, Очень пріятно, что онъ и студентъ, и офицеръ, я понемножку тѣхъ и другихъ люблю, а въ его лицѣ соединеніе обоихъ типовъ. Кончится война, и Сережа будетъ кончать университетъ въ Петроградѣ, а я пойду на курсы. Только еще не рѣшила, на математическіе или историческіе. На Бестужевскіе. А больше ничего достопримѣчательнаго не произошло.

Евгенія Попова“.

Женя перечитываетъ, проставляетъ кое-гдѣ запятыя, кое-гдѣ зачеркиваетъ лишнія. Потомъ запираетъ тетрадку въ шкатулку, устало потягивается и смотритъ на свои крошечные часики.

— Ого! второй часъ. Попробую заснуть.

Быстро-быстро Женя раздѣлась и, прикрутивъ лампу, какъ мышенокъ юркнула подъ одѣяло, съ мыслью, что долго не удастся заснуть.

— А на прощанье на брелочекъ и не взглянула, — вспомнила Женя, самой себѣ простительно улыбаясь. И тутъ же, не успѣла улыбка сойти съ ея милыхъ румяныхъ губъ, вмѣсто безсонныхъ мыслей на нее наплыла мягкая и теплая волна необыкновенно пріятныхъ, очарова-

тельныхъ образовъ... Необыкновенно пріятныхъ! И Женя ту же минуту заснула съ улыбкой на губахъ.

VI.

Порой Женя жалуется на безсонницу, клянется недовѣрчиво ухмыляющейся матери, что только подъ утро засыпаетъ, и тогда велитъ не будить ее чуть не до полудня. Однако, 30 ноября она поднялась много раньше, чѣмъ надо было; поднялась, но въ книжки не заглянула, а все ходила въ волненіи по комнатамъ, улыбаясь чему-то, шевеля губами, жестикулируя и безпрестанно поглядывая ни часы. Завтракать наотрѣзъ отказалась, выхлебавъ стаканъ пустого чаю съ четырьмя кусками сахару. Агнія Александровна упрашивала хотя бы съ собою взять завтракъ, но Женя и на это не согласилась. И правильно, конечно, поступила: до большой перемѣны какъ-нибудь дотянетъ, зато ужъ для пирожныхъ аппетитъ приготовитъ! Цѣлый десятокъ можно съѣсть, а то и всю дюжину, если свѣжія. Не первый разъ. Напихаться же съ утра хлѣбомъ, яйцами да ветчиной и потомъ у Сердечнаго только хлопать глазами — благодарю покорно.

Сочиненіе оказалось на „вредъ“ (слава Богу, зря не готовилась!): „Польза и вредъ скотоводства“. Накатала съ грѣхомъ пополамъ, три съ двумя (минусами) въ карманѣ. Исторію не спросилъ Матюша, спасибо ему. Бремфо(шка) съ мѣста спросила какъ разъ то единственное, что Женя случайно знала, и поставила четверку! А спроси она чуточку другое — вѣрная была бы пара гнѣдыхъ.

Словомъ, Женѣ страшно везло. Въ глубинѣ души она рѣшила, что счастье принесъ ей брелочекъ. Женя показала его только двумъ, самымъ близкимъ подругамъ, хотя, правда, не терпѣлось показать и другимъ. Подруги пришли въ восхищеніе.

Тотчасъ по приходѣ въ гимназію, Женя отвела въ уголъ Нинку Богомазову и взяла съ нея слово, что въ самомъ началѣ большой перемѣны она ей напомнитъ про „Прикибѣке жакалики“. Нинка напомнила, но Женя и сама не забыла. Только раздался звонокъ, Женя первая выскочила, накинула на плечо шубку, на ходу надѣла шапочку и, гремя каблучками по лѣстницѣ и въ тактъ приговаривая „Прикибѣке жакалики“ — выбѣжала на подъѣздъ...

Издали, слѣва, по примѣтѣ, что если Сережа, то нѣтъ въ душѣ сомнѣнія, она тотчасъ выдѣлила въ кучкѣ прохожихъ длинную и тонкую фигуру Сережи. И вдругъ сердце у нея сладко заныло, словно охваченное сладкимъ испугомъ и даже что-то словно задрожало внутри...

— О-о, милый! — мысленно пропѣла она, быстро направляясь къ нему. Взволнованно дыша, съ затуманенными глазами, она подбѣжала къ Сережѣ, крѣпко схватила его нѣжными пальцами за колючій рукавъ солдатской шинели и порывисто сказала:

— Сережа, угадай сію же минуту: прикибѣке жакалики викизбуку дѣкетики, втокорокопякахъ зоковукутъ окатцака: тякатяка, тякатяка! Накашики сѣкетики прикитакащикилики мекертвекецака! Понялъ что-нибудь?!

— Нѣтъ!

— Ага, я такъ и знала! А это просто баллада Пушкина „Утопленникъ“, „Прибѣжали въ избу дѣти“ и такъ далѣе. Только послѣ каждой гласной я прибавляю букву „к“ съ той же самой гласной. Удивительно просто! Знаешь, можно при постороннихъ переговариваться, и ни одна душа ни бельмеса не пойметъ...

— Ну, пойдемъ, Женя, къ Сердечному.

— Идемъ. Я нарочно не завтракала, хотя мать и задала таску... Послушай, Сергѣй, чего ты нынче такой вялый?

— Нѣтъ, ничего...

— Нѣтъ, постой...

Женя остановилась, пытливо вглядываясь въ лицо Сережи. Она ясно увидѣла, что онъ дѣлаетъ какія-то усилія надъ собою. И вдругъ всю ее охватила острая жалость къ юношѣ. Съ глубокой задушевностью, глядя ему прямо въ глаза и страдая за него, она сказала:

— Сережа, я вѣдь насквозь знаю твою душу. Говори, что случилось. Ты не имѣешь права отъ меня скрывать...

— Ничего, Женя, особеннаго.

Она, не отрываясь, смотрѣла на него. Онъ почувствовалъ, что эти пытливые глаза не на шутку и не по-дѣтски ждутъ и требуютъ правды, и онъ добавилъ тихо:

— Собственно, раньше или позже надо было ждать. Меня назначили въ... маршевую роту...

— То есть въ походъ?

— Да... Не хватило офицера, и меня назначили...

— Какъ, одного?

— Да.

Она справилась съ собою и спросила:

— Когда же васъ отправляютъ?

— Скоро... Завтра.

— За-а-автра?! — протянула она.

Женя слегка отодвинулась отъ него и молча посмотрѣла долгимъ, непонимающимъ взглядомъ. Машинально подняла руку и, къ удивленію проходившаго мимо чиновника въ шубѣ, перекрестила юношу медленнымъ крестомъ и послѣ этого уже все поняла. Колѣни у нея дрожали. Сережа взялъ ее подъ-руку и сказалъ кротко:

— Пойдемъ, Женя, къ Сердечному, все равно...

Она опять справилась и глуховато промолвила:

— Нѣтъ, не хочу. Пойдемъ, Сережа, за городъ... Тебя одного хочу видѣть.

VII.

Уже падали раннія сумерки, когда Женя пришла домой. Отъ обѣда она отказалась.

— Мама, — сказала она немного погодя, — знаешь, Сережу завтра отправляютъ на войну.

— Неужели завтра? Какая жалость.

Женя пошла въ спальню и легла на кушетку, глядя въ темноту. Когда Анюта явилась зажечь лампу, Женя и ей сообщила, что Сережа назначенъ въ походъ.

— Еще убьютъ, гляди. Жалко, молоденькій, — замѣтила Анюта и покачала головой.

У Жени глаза красные, но сухіе, брови нахмурены, а слова она роняетъ сквозь сжатые зубы. Самое досадное, что губы вздрагиваютъ, а то бы ни единая душа не догадалась, что у нея на сердцѣ. Кому какое дѣло? Еще утѣшать примутся, точно сама она не понимаетъ, что этого надо было ждать, разъ Сережу призвали, что всѣ идутъ, не онъ одинъ, что каждый обязанъ всѣми силами защищать свое отечество...

— Вы дома, Алексѣй Иванычъ? — негромко спрашиваетъ Женя, постучавъ къ квартиранту.

— Дома. Ну что, опять будете браниться?

— Съ какой стати. Вообще вы во мнѣ ошибаетесь, Алексѣй Иванычъ. Вы считаете меня способной на однѣ лишь дерзости, а я... глубоко васъ уважаю. Но какъ же

съ вами не браниться, если всегда вы разговариваете со мною, какъ съ дѣвчонкой, которая ничего не понимаетъ.

— Стало быть, миръ? — спрашиваетъ Алексѣй Иванычъ полусерьезно. — Ну, садитесь.

Женя взбирается съ ногами на диванъ и зябко кутается въ большой теплый платокъ. Диванъ широченный, просторный, мягкій, платокъ еще мягче, — нѣжный, теплый, какъ кошка. И создается такой уютъ, что слезы распираютъ горло, просто невыносимо! Но Женя всѣми силами крѣпится, чтобы не расплакаться — совѣстно. Она поеживается, молчитъ, перемогается. Квартирантъ, молча шагаетъ изъ угла въ уголъ и куритъ, освѣщая папироской кусокъ темной бороды и стекла отъ очковъ. Женя понемногу овладѣваетъ собою.

— Знаете, Алексѣй Иванычъ, Сережа уходитъ на войну.

— Ну, конечно, только не скоро еще?

— Представьте, завтра.

— А-а-а? — Квартирантъ перестаетъ шагать. — Чего такъ скоро?

— Назначили въ маршевую роту... Не хватило офицеровъ до комплекта... Страшно жалко, понимаете.

— Д-да...

— Главное дѣло — внезапно. Онъ былъ увѣренъ, что очередь до него дойдетъ не скоро.

— То-то, то-то. Я изъ его части кой-кого знаю, сегодня даже встрѣтился, никто ни слова не говорилъ.

— Ну да, его жъ одного и перечислили для укомплектованія.

— Ахъ, вотъ какъ... Д-да...

— Главное дѣло, что одного. А то бы не такъ досадно было.

— Онъ на которомъ былъ курсѣ?

— На второмъ. Два года еще оставалось. И такой онъ не крѣпкій...

— Жаль, но неизбѣжно. Ничего не подѣлаешь.

— Конечно. Главное дѣло, что уже завтра отправляютъ...

— Вотъ какъ? Да-да, вы говорили.

— Послалъ родителямъ срочную телеграмму, но они не поспѣютъ. Такъ и уѣдетъ не простившись... Главное дѣло — совершенно внезапно, даже порядкомъ собраться не сможетъ.

— Ну, это-то пустяки...

— Конечно, а все-таки...

— Алексѣй Иванычъ — проситъ, помолчавъ, Женя, — дайте и мнѣ папиросу... Я хочу попробовать.

— Охота тоже. Ну, извольте.

— Въ себя надо?

— Это какъ кто любитъ.

Женя запаливаетъ папиросу и втягиваетъ въ себя глотокъ дыму. Сразу ей сжимаетъ грудь, горло, рѣжетъ глаза. Она вскакиваетъ съ дивана, швыряетъ папиросу и, хватившись за грудь, выпучивъ глаза, кашляя, безпомощно озирается.

И вдругъ начинаетъ рыдать.

— Господи, Господи! — взываетъ Женя.

Переломившись пополамъ своею гибкой фигуркой, она падаетъ всѣмъ тѣломъ на письменный столъ, бьется объ него головой, дрожитъ вся и безсильно стонетъ:

— Господи, Господи!.. Зачѣмъ? Господи, зачѣмъ?.. Я не пущу-у!.. Не хочу я... Господи, не хочу-у!..

Изъ спальни уже спѣшитъ Агнія Александровна, Алексѣй Иванычъ торопится съ водою, проливая ее на коверъ.

— Не хочу-у-у!..

А. Дерманъ.

ЛУННАЯ ГРЕЗА.

Проходитъ лунный лучъ. Въ покояхъ опустѣло;
Но нѣтъ, не говори, что умеръ старый домъ...
Въ безмолвіи ночей душа живетъ безъ тѣла...:
Есть жизнь отпѣтыхъ дней въ безмолвіи такомъ.

Гадаютъ вслухъ часы... Иль карликъ въ звучной залѣ,
Сапожками стуча, куда-то все бѣжитъ?
Чувствительный романсъ по клавишамъ рояля,
Стараясь не уснуть, крадется и дрожитъ.

Проходитъ лунный лучъ, какъ бѣлая старушка...
Теперь изъ всѣхъ картинъ освѣщена одна —
Съ прелестной дѣвочкой надъ розовой подушкой
Вся въ розовыхъ цвѣтахъ... Не знаю, кто она.

Мнѣ страшно; ты блѣдна. Какъ будто, сзади кто-то
За нами все слѣдитъ и все чего-то ждетъ;
И мучитъ ароматъ, что сладокъ какъ дремота...
Гляди, геліотропъ задумчиво цвѣтетъ.

Гляди, цвѣтокъ упалъ изъ книжечки раскрытой
И нынѣ онъ воскресъ безъ влаги и весны...
Мы странники, мы сны, мы свѣтомъ позабыты,
Мы чужды и тебѣ, о жизнь, въ лучахъ луны!

В. Набоковъ.

БАЛАГАНЪ.

(ВОСПОМИНАНІЯ.)

Вслѣдъ за стремящимся потокомъ толпы, я попадаю на огромную площадь St. Pauli. Здѣсь происходитъ ярмарка. Толпа снуетъ среди безчисленныхъ каруселей, балагановъ, разнообразныхъ лавокъ и тировъ для стрѣльбы.

Чего здѣсь только нѣтъ. Здѣсь и дешевыя лотереи, и анатомическіе театры, и чудеса природы... Огни и люди, голоса и крики... И весь этотъ безумный гулъ такъ странно сливается съ мягкимъ, нѣжнымъ запахомъ горячихъ вафлей...

Голова идетъ кругомъ... Куда идти?..

И вотъ, сквозь невообразимый хаосъ балаганной музыки, я слышу знакомую мелодію, которую хочетъ вспомнить одинокая, фальшивая скрипка:

„Смѣйся, паяцъ, надъ разбитой любовью".

Я иду въ направленіи этихъ звуковъ и вскорѣ останавливаюсь передъ сѣрымъ парусиновымъ домикомъ.

На маленькихъ подмосткахъ происходитъ мимическая сцена, напоминающая оперныхъ „Паяцовъ", въ то время, какъ дряхлая скрипка, кривой контробасъ, кларнетъ и барабанъ, изображаютъ оркестръ.

Мнѣ какъ-то странно на душѣ... Усталость смыкаетъ вѣки... Хочется прилечь гдѣ-нибудь и отдохнуть...

Я смотрю на тускло освѣщенную сцену, на какое-то подобіе дивана, на бутылки, стоящія на столѣ — и я готовъ увидѣть желанный уютъ даже здѣсь...

Во время перерыва, хорошенькая Коломбина, собирая у публики мѣдныя монеты, подходитъ ко мнѣ. Я извиняюсь и говорю:

— Простите, Fräulein, у меня, право, ничего нѣтъ!

Она пристально глядитъ на меня; ей кажется страннымъ иностранецъ въ черной пелеринѣ, широкополой шляпѣ,

съ небольшимъ сверткомъ въ рукахъ. Она проходитъ дальше, изрѣдка оборачиваясь ко мнѣ.

Я подхожу къ скрипачу и заговариваю съ нимъ. — Ахъ, я тоже музыкантъ! — Это его очень радуетъ. Онъ жметъ мнѣ руку и разсказываетъ грустную исторію... Онъ былъ когда-то хорошимъ скрипачемъ въ городскомъ театрѣ въ Боннѣ. Но это было много лѣтъ назадъ. Сейчасъ ему за шестьдесятъ, а, получивъ отставку, онъ не имѣлъ и сорока... И все изъ-за болѣзни. Простудился, и правая рука стала плохо работать. И вотъ ему пришлось скитаться съ малюткой Фридой изъ города въ городъ, играть по трактирамъ, по дворамъ и собирать деньги. А потомъ, уже года три назадъ, онъ встрѣтился съ клоуномъ Вильгельмомъ Лаубе, и они основали „труппу Лаубе“...

Длинные бѣлые волосы старика трясутся; онъ опять сердечно жметъ мнѣ руку и настраиваетъ скрипку. Сейчасъ уже больше десяти часовъ: еще разъ сыграютъ и закроютъ балаганъ... А завтра — въ дальнѣйшій путь...

— А куда вы ѣдете? — самъ не зная почему, задаю вопросъ.

— Мы ѣдемъ въ Остенде, Лондонъ, Лилль и обратно сюда, — отвѣчаетъ бѣлый старикъ и, извиняясь, занимаетъ мѣсто въ оркестрѣ.

Опять собирается народъ, отдергивается красная занавѣсь, и снова Фрида и Вильгельмъ играютъ пантомиму.

Публика аплодируетъ, скрипка уныло напѣваетъ: „Смѣйся паяцъ...“ И паяцы смѣются...

Мнѣ слѣдуетъ двинуться дальше, куда-то идти. Но что-то удерживаетъ меня здѣсь, что-то притягиваетъ мою мысль къ зеленому фургону позади балагана. Въ его окошкахъ виднѣется свѣтъ, и мнѣ показалось даже, что оттуда доносится веселый смѣхъ. Тамъ смѣются. Тамъ, гдѣ родится трагедія, тамъ смѣются и находятъ въ чемъ-то радость?.. Гдѣ же найти радость мнѣ?... Можетъ быть, тоже здѣсь?.. Нѣсколько трепетныхъ мыслей, сомнѣній, и влекущій сладкій запахъ неизвѣстнаго, неизвѣданнаго побѣждаетъ мысль...

Когда представленіе кончается, я подхожу къ старику и прошу разрѣшенія поѣхать съ ними; при чемъ я обѣщаю свою помощь въ области музыки, рисованія и всего, что будетъ мнѣ по силамъ.

Я отдаю оставшіяся деньги, въ надеждѣ, что за время пребыванія у нихъ я хоть что-нибудь да заработаю.

И вотъ старикъ вводитъ меня во внутрь деревяннаго фургона, гдѣ собралась уже вся труппа.

Фрида съ удивленіемъ узнаетъ во мнѣ безденежнаго иностранца. Остальные, сперва съ любопытствомъ, а потомъ съ сердечностью принимаютъ меня въ свой тѣсный кружокъ.

Я кладу свертокъ возлѣ большого барабана и не только съ радостью, но съ улыбкой счастья, сажусь на перевернутомъ ящикѣ и пью горячій кофе, заѣдая еще теплымъ бутербротомъ.

Фрида улыбается моему аппетиту и подноситъ мнѣ еще.

И сразу на душѣ становится какъ-то свѣтло и уютно. И этотъ длинный, безконечный день мнѣ кажется нелѣпымъ сномъ, туманомъ...

— Ну, господа, спать, спать! — распоряжается старикъ. — Въ путь отправимся рано.

Я благодарю старика, протягиваю руку Фридѣ и гиганту Вильгельму.

Кладу на полу у барабана мягкую пелерину, подкладываю свертокъ подъ голову и ложусь.

Уже поздно. Но лампа еще горитъ, такъ какъ готовятся къ отъѣзду: собираютъ вещи, размѣщаютъ въ порядкѣ.

Пока еще меня не призываютъ къ работѣ, и я доволенъ и радъ. Я усталъ.

Приподнимая голову, вижу въ окно второй фургонъ, откуда доносится тихій голосъ Фриды.

. . . . . .

Просыпаюсь отъ сильнаго толчка. Очевидно, мы ѣдемъ. Открываю глаза и съ любопытствомъ разсматриваю неприхотливое убранство моего новаго жилища.

Я сладко потягиваюсь и слышу изъ угла добродушный голосъ:

— А спите вы, другъ мой, прекрасно... Мы уже и по набережной тряслись, и на барку въѣхали, а вы хоть бы что.

Я гляжу на говорившаго „кларнета“ — длиннаго, тощаго, похожаго на собственный инструментъ; поднимаюсь, здороваюсь съ нимъ и выхожу изъ фургона.

Боже, сколько свѣта. Первое мгновеніе я даже чувствую боль въ глазахъ.

Оглядываюсь по сторонамъ и вижу, совсѣмъ близко, зе-

ленѣющій берегъ и, вдали, массивный пестрѣющій Гамбургъ, игольчатыя башни св. Николая, св. Георгія и св. Екатерины.

Мы плывемъ посреди сѣрозеленаго воднаго пространства. Эльба осталась позади; мы въ широкомъ и длинномъ устьѣ. На берегу виднѣются мельницы съ широкими лопастными крыльями.

Осматриваюсь: вижу старика-скрипача, подхожу къ нему. На немъ свѣтлый пиджакъ, волосы расчесаны и приглажены, и онъ напоминаетъ собой нѣкоторые портреты Листа.

Разговорились; пока я умываюсь на палубѣ, у борта, онъ передаетъ мнѣ всѣ необходимыя свѣдѣнія: гдѣ мы находимся и куда направляемся.

Мы на большой паровой баркѣ „Гельголандъ“. Оба наши фургона свободно вмѣщаются на огромной палубѣ, и теперь начнется чистка всякой балаганной утвари.

Въ теченіе бесѣды, узнаю составъ нашей труппы. На два фургона и шесть лошадей имѣются десять человѣкъ: скрипачъ, кларнетистъ, его сынъ барабанщикъ Фрицъ — прелестный, смышленный мальчишка, кривой контрабасистъ — маленькій, тщедушный человѣчекъ, такъ что моментами кажется, что не онъ играетъ на инструментѣ, а тотъ на немъ; затѣмъ, толстый, сильный, съ отвислыми щеками, Вильгельмъ; хрупкая, блѣдная, голубоглазая Коломбина-Фрида; затѣмъ, молодой, красивый и веселый „любовникъ“ Францъ (онъ же, въ обычное время, и кучеръ), его вѣчно смѣющаяся, бѣдовая жена Эмма, играющая арлекина, и, наконецъ, главный кучеръ съ женой, солидная, угрюмая парочка пожилыхъ, но трогательно нѣжныхъ супруговъ.

Я являюсь въ этой кочевой семьѣ — одиннадцатымъ; впрочемъ, есть еще и двѣнадцатый — могучій волкодавъ, „Фингалъ“, принадлежащій Вильгельму.

Съ нимъ я стараюсь подружиться съ самаго начала, что и удается послѣ куска чернаго хлѣба съ солью.

Мы ѣдемъ все время мимо зеленыхъ, но скучныхъ береговъ; но вотъ понемногу заливъ становится все шире и шире; мы держимся лѣвой стороны и къ десяти часамъ пріѣзжаемъ въ Куксгафенъ.

Небольшой портъ усыпанъ корабельными снастями и флагами. Шумное движеніе, голоса, свистки, шумъ колесъ. На набережной масса народа и говорятъ, кажется, на всѣхъ языкахъ.

Едва покидаемъ портъ, открывается безконечная водяная даль... мы въ Сѣверномъ морѣ.

Когда островъ Нейверкъ, съ его высокой башней, построенной морскимъ пиратомъ Клаусомъ, остался позади, начинаетъ качать. Наша сѣрая широкая барка начинаетъ безпокоиться — и, по движенію верхушекъ мачтъ, я измѣряю наклонъ. Изъ большой, немножко скошенной трубы выползаютъ клубы сѣраго дыма. И за нимъ, какъ въ туманѣ, виднѣется капитанскій мостикъ съ тучной фигурой капитана.

Раздаются звонкіе голоса и смѣхъ; я подхожу къ товарищамъ, здороваюсь, и вскорѣ мы, всей компаніей, садимся весело за столъ, вынесенный изъ фургона.

Фрида раздаетъ молоко. Вильгельмъ нарѣзываетъ хлѣбъ.

Чудесный, вкусный завтракъ. Свѣжій морской воздухъ. Иногда въ тишинѣ раздается рѣзкій крикъ чайки.

Удивительно хорошо и уютно...

Завтракъ проходитъ въ бодрыхъ разговорахъ отдыхающихъ людей.

Потомъ старикъ вытаскиваетъ разорванныя декораціи, — и я принимаюсь за работу.

На душѣ спокойно и весело. Я уже свыкся со случайной обстановкой, и предстоящая работа мнѣ кажется такой милой и пріятной...

Развожу масляныя краски и на пожелтѣвшее небо навожу нѣжную лазурь и горделивое солнце. Затѣмъ вливаю яркіе весенніе цвѣта въ выцвѣтшія деревья — и все идетъ на ладъ.

Труппа довольна, — доволенъ и я. Вѣдь, собственно говоря, я сдѣлалъ вполнѣ правдоподобными и небо и деревья, хотя впервые въ жизни взялъ въ руки кисть.

Меня обступили актеры и всячески расхваливаютъ, каждый на свой ладъ. И право, я, кажется, даже волнуюсь отъ удовольствія.

Затѣмъ, когда вся утварь уже вывалена наружу, я нахожу тамъ обручи, колесницу, тронъ — словомъ, всѣ атрибуты цирка.

Я съ жаромъ набрасываюсь на новую работу и съ гордостью гляжу на оживающія краски; и выкраиваю изъ какой-то синей матеріи цвѣты, какъ декоративную нашивку для занавѣси.

Мнѣ усердно помогаетъ Фрицъ, а молоденькая Эмма полушутливо спрашиваетъ, не умѣю ли я также кроить и платья. Но отъ этого я отказываюсь...

Барка опять приближается къ берегамъ. И снова тихо. Фрида начинаетъ вычислять, что надо закупить къ обѣду. Въ три часа дня пристаемъ къ острову Шпинербогъ. Высокія, желтыя дюны, — и среди нихъ небольшое селеніе.

Иду съ Фридой за покупками; мнѣ весело и радостно; я совсѣмъ забываю, гдѣ я и кто я... Бѣшено торгуемся на берегу, отъ одной лавки переходимъ къ другой, — и, среди рыночной суеты, возвращаемся назадъ.

Нѣтъ, право, жизнь совсѣмъ не такъ плоха, какъ кажется. Только не надо бояться ея...

Барка трогается въ путь. Жена кучера готовитъ обѣдъ, Вильгельмъ дрессируетъ собаку, а оркестръ репетируетъ какой-то шаблонный вальсъ.

Протекаютъ часы. Я сижу на носу нашей барки. Словно въ забытьѣ.. Моментами я не узнаю ни себя, ни окружающихъ... Какой странный, прелестный сонъ.

Послѣ обѣда, шумнаго и трезваго, я опять долго сижу на палубѣ и любуюсь желтѣющими берегами фризійскихъ острововъ.

На закатѣ подъѣзжаемъ къ Нордерней, опять выходимъ на берегъ, покупаемъ всякія мелочи и трогаемся въ путь.

Наступаетъ вечеръ. Мнѣ почему-то нравится лежать около барабана... Я устраиваю свое логовище между сложенныхъ инструментовъ и затѣмъ, когда выпито вечернее молоко, остаюсь у борта.

Ко мнѣ подходитъ Фрида, мягко кладетъ на плечо тоненькую ручку, садится рядомъ на ящикѣ и разспрашиваетъ — кто я, откуда и почему поѣхалъ съ ними?

Я отвѣчаю ей просто и искренно. Когда я произношу — „Россія“, Фрида широко раскрываетъ глаза.

— Такъ далеко, — восклицаетъ она; и узнавъ, что тамъ у меня есть мать, и сестры, и братья, она тихо говоритъ: — Какъ радостно, навѣрное, имѣть родную семью и отчизну, гдѣ всегда найдешь отдыхъ и ласку!

Тогда я отвѣчаю ей, что на моей отчизнѣ, въ кругу моей семьи я ничего не нахожу, кромѣ холоднаго взгляда и несправедливаго упрека...

Фрида молчитъ. Я не разсказываю ей всей своей жизни. Къ чему?..

Но она чувствуетъ, что позади я оставилъ много страдальческихъ дней... И она грустно и ласково замѣчаетъ:

— Ну, съ нами немножко отдохнете. Вы вѣдь еще не были въ Лондонѣ? Тамъ очень шумно, но работается хорошо! И когда выпьешь грогу — такъ легко станетъ...

Мы проѣзжаемъ Барнумъ и снова выходимъ въ открытое море. Опять начинаетъ качать. Надо ложиться.

Я крѣпко пожимаю маленькую ручку Фриды и отправляюсь спать.

А ей еще нельзя; ей надо приготовить кое-что на завтракъ, чтобы утромъ не вставать рано.

Безумный, безумный день! Сколько не пережилъ я на своемъ вѣку, но рѣдко меня касался такой безграничный ужасъ, позоръ, такая внутренняя боль, какъ сегодня.

Дѣло было такъ. Я просыпаюсь часовъ въ семь. Съ удивленіемъ нахожу подъ головой подушку: я вижу на ней иниціалы Фриды, и какая-то счастливая нѣга волной проскальзываетъ по всему существу отъ этой трогательной заботы простой и милой дѣвушки по отношенію къ случайному встрѣчному, къ другому изгнаннику жизни.

Я поднимаюсь, вышиваю молока и хочу поблагодарить Фриду, но ея не видно; она еще не вставала.

Смотрю на море. Теперь мы ѣдемъ совсѣмъ близко вдоль голландскаго берега, видимъ желтыя дюны; потомъ ихъ смѣняютъ зеленѣющіе парки и луга; мы приближаемся къ Гаарлему.

Вдругъ, когда я прохожу мимо фургона, ко мнѣ доносится голосъ Вильгельма:

— А, ты уже проснулся. Ну такъ иди сюда!

Я медленно вхожу. Тучный, огромный Вильгельмъ — полураздѣтый — сидитъ на кривомъ стулѣ и большими ножницами кроитъ красную матерію.

— Ну, братъ, пора учиться. А то ужъ скоро пріѣдемъ. Посмотримъ, на что ты годишься!

Съ этими словами онъ бросаетъ матерію въ уголъ и подходитъ ко мнѣ. Я никакъ не могу сообразить, чему, собственно, я долженъ научиться; я жду отвѣта, который сейчасъ же и слышу:

— Ну, раздѣвайся. Я научу тебя вертѣться колесомъ и потомъ воздушной гимнастикѣ!

Я улыбаюсь, но спокойно замѣчаю, что не поступалъ въ его труппу, какъ комедіантъ, а ѣду съ ними, какъ случайный, болѣе или менѣе полезный попутчикъ.

Лицо Вильгельма выражаетъ полное недоумѣніе и становится краснымъ, какъ только что отброшенный кумачъ.

— Что? Ты не хочешь? — кричитъ онъ свирѣпымъ голосомъ. — А нашъ хлѣбъ ты ѣшь? Или ты думаешь, что оплатилъ своими несчастными пятью марками весь нашъ каторжный трудъ?

Я смолкаю и задумываюсь.

— Пожалуй, ты правъ, — отвѣчаю я черезъ мгновенье и начинаю раздѣваться.

Слышны гудки парохода. Мы въ Гаарлемѣ. Я весь какъ-то раздваиваюсь. Одно сознаніе зоветъ меня на палубу, чтобы посмотрѣть на любопытный интересный городъ. Другое сознаніе крѣпко удерживаетъ здѣсь, окутывая мозгъ какой-то новой для меня психологіей, какимъ-то ожиданіемъ чего-то неизвѣстнаго, страшнаго.

Вильгельмъ толстыми жирными пальцами ощупываетъ мое тѣло, нагибаетъ меня въ различныя стороны; затѣмъ онъ указываетъ необходимые пріемы для кувырканья, переворачивается самъ и требуетъ, чтобы сдѣлалъ я то же самое.

Я всячески стараюсь подражать ему, но мои слабые мускулы не подчиняются: я падаю, опять поднимаюсь, но сдѣлать того, что требуетъ отъ меня Вильгельмъ, я не могу. Улыбаюсь и хочу одѣваться,

Вильгельмъ еще болѣе свирѣпѣетъ: вдругъ, неожиданно бросаясь на меня, онъ дико кричитъ: — Ты смѣешься, собака? — И со страшной силой ударяетъ меня кулакомъ въ спину...

Я вздрагиваю; крикъ боли застываетъ на губахъ... Еще мгновеніе, и я разрыдаюсь. Все внутри переворачивается, сжимаются кулаки... Но я закусываю губы, сдерживаю порывъ мести и гнѣва и съ холодной улыбкой говорю:

— Ну-съ, храбрый германецъ, продолжайте въ томъ же духѣ!

Въ то же мгновенье дверь раскрывается, на порогѣ показывается Фрида.

Она слышитъ мои послѣднія слова, она видитъ мое красное отъ напряженія и отъ удара тѣло и гнѣвно бросается къ Вильгельму.

— Что.... Что?... — задыхаясь, кричитъ она. — Ты... ты его ударилъ? — Въ ея глазахъ блистаютъ слезы. — Звѣрь... Звѣрь!

Вильгельмъ, молча, наклоняетъ голову и быстро выходитъ изъ фургона.

Я наскоро одѣваюсь. Фрида растерянно глядитъ на меня. Какъ-то жалко и страшно улыбаясь, она шепчетъ, заикаясь и глотая слезы:

— А я... я обѣщала отдыхъ.

Я лежу на скамьѣ, на палубѣ — лицомъ внизъ. Я ничего не чувствую, не знаю, не вижу... Мнѣ кажется — я умеръ...

Когда послѣ двѣнадцати мы покидаемъ Хекъ-ванъ-Голландъ и вдоль плоскихъ желтыхъ береговъ приближаемся къ концу нашего путешествія, меня на палубѣ догоняетъ старичекъ-скрипачъ. Стараясь не глядѣть мнѣ въ глаза, онъ проситъ меня „постараться, и если ужъ такъ трудно мнѣ вертѣться колесомъ, то хоть попробовать работу на трапеціи“.

— Это, конечно, непріятно, — говоритъ онъ, но не невозможно. Онъ, конечно, очень скверно поступилъ... Что же мы сдѣлаемъ? Подумайте!

Я иду въ фургонъ. Вильгельмъ встрѣчаетъ меня злыми глазами и тихо говоритъ:

— Ты будешь получать восьмую часть дневного дохода. А ежели не хочешь, то убирайся... Если ты баринъ, такъ заплати намъ, а если судьба свела тебя до насъ, если и самому ѣсть нечего, такъ работай, да еще „спасибо“ скажи, что взяли.

Я молчу. Мнѣ даже кажется, что въ словахъ его гораздо больше истины и справедливости, чѣмъ въ моей оскорбленной душѣ.

Онъ натягиваетъ канатъ, нацѣпляетъ трапеціи; я раздѣваюсь и пробую прыгать съ одной трапеціи на другую; привѣшены онѣ посреди фургона — надъ самымъ поломъ. Но я и тутъ умудряюсь расшибиться. Отъ неумѣнья я часто дѣлаю поспѣшные прыжки, попадаю между трапеціями и, не удержавъ равновѣсія, падаю. Послѣ нѣсколькихъ паденій — все тѣло въ ушибахъ, съ руки уже стекаетъ кровь. Наконецъ, кое-какъ удается сдѣлать необходимое — „выполнить номеръ“...

Затѣмъ наступаетъ долгій и легкій перерывъ. Мы наскоро репетируемъ пантомиму „Паяцевъ“, гдѣ я изображаю Тоніо.

Послѣ обѣда проѣзжаемъ Флиссингенъ. Когда близится закатъ, Вильгельмъ прикрѣпляетъ къ фургону высокій шестъ; я долженъ взобраться на него, а затѣмъ спрыгнуть внизъ. Послѣ двухъ неудачныхъ попытокъ, я спрыгиваю благополучно.

Затѣмъ цѣлые полтора часа я всячески стараюсь выучиться вертѣться колесомъ. Но это выходитъ плохо.

Въ семь часовъ мы въѣзжаемъ въ гавань Остенде.

Пока барка будетъ грузиться углемъ, мы должны успѣть заработать. Впереди цѣлый вечеръ.

Вещи быстро убираются въ фургоны; лошади впряжены. И вотъ мы уже катимъ по набережной на большую площадь у Брюггскихъ воротъ.

Мигомъ устанавливаемъ сцену, закрѣпляемъ канаты и шестъ. Ровно въ 8 часовъ вечера мы начинаемъ представленіе. Сегодня суббота; благодаря кануну праздника публики много, хотя платятъ не слишкомъ щедро.

Безумной болью бьется мое сердце, когда въ первый разъ распахивается передо мной красный занавѣсъ, и, звеня бубенцами, я пролетаю неуклюжимъ колесомъ черезъ сцену... Я боюсь вслушаться въ голоса толпы, въ ея глупый, животный смѣхъ. Я только жду момента, когда раздатся сигналъ Вильгельма, и я долженъ буду снова выйти и забраться на желтый, облѣзлый шестъ.

Но вотъ раздается крикъ: „Выходъ“, и я, высоко подпрыгнувъ, хватаюсь руками за деревянный столбъ; медленно поворачиваюсь всѣмъ туловищемъ вокругъ него, зацѣпляюсь кончикомъ правой ноги за узкій наконечникъ и повисаю внизъ головой.

Раздаются хлопки, кровь приливаетъ къ головѣ, и я спрыгиваю внизъ.

Еще мгновеніе, и выбѣгаетъ Вильгельмъ. Онъ строитъ гримасы, кривляется, дико хохочетъ, а я тѣмъ временемъ кувыркаюсь и прыгаю черезъ него.

Потомъ начинается пантомима, состоящая изъ пяти картинъ. Сначала Вильгельмъ, Фрида, арлекинъ-Эмма и я — изображаемъ семейную тишину и миръ нашей жизни. Вильгельмъ ласкаетъ Фриду, арлекинъ даетъ ей бѣлые цвѣты, а я у ногъ ея вожусь съ Фингаломъ.

Потомъ мы изображаемъ циркъ. Вильгельмъ заставляетъ Фингала прыгать черезъ обручъ; я верчусь на трапеціи; Коломбина-Фрида танцуетъ граціозный танецъ. Вдругъ изъ публики раздаются аплодисменты; ихъ начинаетъ находящійся въ толпѣ Францъ, остальные, „настоящіе“, подхватываютъ. Потомъ Францъ бросаетъ Коломбинѣ красную розу. Она прижимаетъ ее къ груди, а я подмѣчаю это и выказываю внутреннее недовольство. Затѣмъ Вильгельмъ и Арлекинъ уходятъ. Коломбина одна мечтаетъ, глядя на цвѣтокъ. Тогда я начинаю свое объясненіе ей въ любви. Она прогоняетъ меня. Тогда я ей показываю на цвѣты и, угрожая, ухожу.

Потомъ Вильгельмъ, Арлекинъ и я — втроемъ сидимъ за столикомъ и выпиваемъ. Вильгельмъ разсказываетъ о своемъ счастьѣ, о любви къ нему Коломбины. Я же напоминаю о брошенномъ цвѣткѣ, и Вильгельмъ, сжавъ кулаки, бросается изъ-за стола.

Въ слѣдующей картинѣ Фрида и Францъ изображаютъ нѣжную и страстную любовь; потомъ, крадучись, подбираемся Вильгельмъ и я. Влюбленные разбѣгаются въ разныя стороны, я бѣгу за ними, а Вильгельмъ остается одинъ и плачетъ.

Наконецъ, въ послѣдней сценѣ, происходитъ любовная игра между Коломбиной и Арлекиномъ, а я, въ сторонѣ, играю съ Фингаломъ. Потомъ я, слыша шаги Вильгельма, предупреждаю ихъ. Арлекинъ убѣгаетъ, я тоже.

Вильгельмъ допрашиваетъ, кто былъ съ нею. Она шутливо отнѣкивается, показываетъ бѣлые цвѣты Арлекина. Но Вильгельмъ срываетъ приколотую къ ея корсажу красную розу и требуетъ отвѣта. Она молчитъ, трепещетъ. Онъ угрожаетъ ей; она становится смѣлѣй. Тогда онъ бросается на нее съ ножемъ и закалываетъ. Изъ публики на сцену выскакиваетъ Францъ; тогда Вильгельмъ закалываетъ и его, и падаетъ на трупъ Коломбины.

Потомъ наступаетъ перерывъ. Коломбина обходитъ публику, собирая мѣдяки въ бѣлый колпачекъ съ красной кисточкой.

Потомъ начинаемъ сначала.

Такъ въ теченіе четырехъ часовъ, паясничная и ломая тѣло на площади Остенде, я начинаю новую жизнь, жизнь бродячаго нищаго клоуна.

Въ душѣ нѣтъ ни протеста, ни тревоги, ни борьбы...

Только усталость.

Послѣ полуночи я выхожу къ морю и долго сижу на скамьѣ на эстокадѣ — широкой песчаной площади — и любуюсь чудеснымъ зрѣлищемъ. Море свѣтится. Какъ будто цѣлый коверъ танцующихъ свѣтляковъ плыветъ изъ далекой глубины на насъ. Даже песокъ приморскій горитъ сверкающими искрами.

Послѣ часа ночи я ложусь спать. Все тѣло покрыто синяками и ссадинами; два новыхъ неудачныхъ прыжка больно отзываются въ лѣвой ногѣ.

Ко мнѣ подходитъ Фрида и кладетъ около подушки завернутый въ бумажку мой сегодняшній заработокъ.

Она чего-то стыдится и хочетъ незамѣтно уйти. Я подзываю ее. Она склоняется головой ко мнѣ и тихо шепчетъ:

— Я знаю, какъ тебѣ больно. У меня самой сердце дрожитъ...

. . . . . .

Просыпаюсь очень рано. Меня будитъ Фингалъ. Онъ такъ радостно лаетъ по поводу предстоящаго отъѣзда.

Умываюсь, помогаю запрягать лошадей.

Городъ спитъ. И сѣрые дома сливаются съ дымкой утренняго тумана.

Мы опять въѣзжаемъ на барку. Въ пятомъ часу мы трогаемся въ путь, пересѣкая восточную часть пролива Pas de Calais.

Кромѣ нашихъ, на баркѣ стоятъ фургоны другой бродячей труппы. Тамъ ѣдутъ итальянцы — музыкальные клоуны, веселые молодые люди, но еще болѣе бѣдные, чѣмъ мы.

Въ проливѣ страшный вѣтеръ, огромныя сѣрозеленыя волны и невообразимая бурная качка. Массивную барку разъяренные валы теребятъ изъ стороны въ сторону, какъ бревно. Она послушно поворачивается то вправо, то влѣво. Наконецъ, она такъ сильно накреняется на бокъ, что одинъ изъ сосѣднихъ фургоновъ падаетъ и, черезъ открывшуюся дверь, масса всякой утвари разсыпается по палубѣ.

И какъ-то больно смотрѣть, какъ двѣ черномазыя малютки-дѣвочки собираютъ съ пола бубенчики, пластинки, молотки — въ то время, какъ мы, всей компаніей, помогаемъ взрослымъ поднять фургонъ.

Но вотъ небо становится темнѣе и туманнѣе. Море нахмуривается все сильнѣй и сильнѣй. Раздается команда капитана, и публика прячется въ нижнія помѣщенія. На фур-

гонахъ плотно спущены шторы, закрыты двери и ставни, и сами они толстыми канатами прикрѣплены другъ къ другу, къ мачтамъ и къ бортамъ.

Все какъ бы вымерло кругомъ.

Мы, нѣсколько мужчинъ, остаемся наверху. Мы привязываемъ себя, кто къ мачтамъ, кто къ столбамъ.

Черезъ нѣсколько минутъ, съ дикимъ ревомъ, огромный валъ перекатывается черезъ насъ. Еще мгновеніе, и слѣдующій за нимъ со стономъ обрушивается на палубу.

— Держись, — кричатъ мотросы. Но третій валъ уже слабѣе; онъ только прокатывается и глухо сползаетъ внизъ.

Еще долго потомъ мы вертимся въ бушующемъ морѣ, пока, наконецъ, обогнули Фарлэндъ и вошли въ заливъ.

Въ полдень проходимъ мимо Грэвсэнда и, черезъ короткій промежутокъ времени, прибываемъ по Темзѣ въ Лондонъ, къ пристани св. Екатерины.

Городъ производитъ на меня ошеломляющее, но непріятное впечатлѣніе. Еще нигдѣ я не видалъ такого бѣшенаго движенія, какъ здѣсь — движенія въ нѣсколько этажей; подъ землею, на землѣ и по крышамъ, на водѣ, подъ водою и надъ нею.

Мосты, кишащіе народомъ, поѣзда, трамваи, автомобили... Кажется, все это есть и въ другихъ городахъ, — но нигдѣ это не производитъ такого страшнаго и даже угнетающаго впечатлѣнія, какъ здѣсь.

И все здѣсь какое-то безцвѣтное, холодное, скользкое.

Среди невообразимаго шума мы проѣзжаемъ мимо многобашенной огромной крѣпости-тюрьмы Тоуэръ, окруженной глубокимъ рвомъ. Здѣсь на широкой площади, мы устанавливаемъ наши фургоны.

Готовимъ сцену, приколачиваемъ занавѣсъ. Я не выхожу на улицу и не знаю, что дѣлается вокругъ.

Я только слышу гудки, свистки и ревъ проходящей толпы.

Съ шести часовъ начинается прежняя пытка... Часъ за часомъ ломаются тѣло и жизнь...

Къ концу вечера я не могу двинуть ни однимъ суставомъ. Сплошная мучительная боль.

Нѣтъ, я не могу, я не въ силахъ болѣе оставаться здѣсь.

Но куда идти? Куда?

. . . . . .

Сѣрое непривѣтливое утро. Не хочется вставать. Да и по другимъ видно, что день никого не радуетъ.

Мы дѣлимся по фургонамъ такъ: въ одномъ живутъ три супружескія пары, а въ нашемъ остальной народъ.

Меня изумляетъ всегда энергія старика-скрипача. Онъ первымъ пробуждается и будитъ всѣхъ. За нимъ идетъ очередь Фрица, который бѣжитъ за хлѣбомъ. А затѣмъ и оба фургона оживаютъ.

Начинается умываніе, разговоры, стукотня. Пріятный кухонный запахъ щекочетъ ноздри. Уже всѣ на ногахъ. Одни занимаются гимнастикой, другіе возятся съ инструментами, женщины хозяйничаютъ.

И снова начинается работа.

Народу на площади мало. Въ такіе дни работа становится совсѣмъ безсмысленной.

Какъ странно... Вѣдь я ненавижу всей душой эту противную чернь, которая стекается къ нашему балагану, — и все-таки ждешь ее не только потому, что она оплачиваетъ нашъ трудъ. О нѣтъ, ждешь ее потому, что она публика, а ты актеръ, комедіантъ. И мы одинаково созданы другъ для друга и нужны другъ другу — не матеріально, а духовно...

И какъ ни нелѣпо это можетъ звучать, но и здѣсь, въ балаганѣ, когда публики мало, то нѣтъ настроенія „играть“, хотя наша игра — продуктъ не вдохновеннаго творчества, а безпощаднаго униженія передъ тысячелѣтней жаждой зрѣлища — кроваваго зрѣлища.

Сегодня мнѣ совсѣмъ не по себѣ. Во время четвертаго сеанса мнѣ не удается задержаться ногами на кончикѣ шеста и, упавъ, я сильно разбиваюсь.

Вильгельмъ отпускаетъ меня въ городъ, въ лѣчебницу. Я захожу во французскую аптеку Jozeau, на Уайтмарктѣ. Здѣсь мнѣ любезно помогаютъ сдѣлать перевязку; и я, пользуясь свободными часами, отправляюсь въ Британскій Музей.

Я ухожу изъ музея очарованнымъ, влюбленнымъ... Но едва открывается дверь на улицу, какъ сѣрый, холодный день въѣдается туманомъ во все мое существо, и всѣ боли сразу оживаютъ и кажутся еще больнѣе, еще нестерпимѣе.

Какъ тяжело теперь опять возвращаться къ балагану, къ проклятому цирку, гдѣ передъ жадными звѣриными глазами прыгаетъ и дергается человѣческая душа...

Эта площадь передъ тюрьмой, когда-то была знаменитымъ лобнымъ мѣстомъ Лондона...

И до сихъ поръ на ней проливается кровь и разрываются сердца человѣческія отъ жизни болѣе мучительной, чѣмъ смерть.

Прихожу, переодѣваюсь въ красный гимнастическій костюмъ и выхожу на сцену.

Ползутъ, тихо ползутъ часы страданія. Толпа гудитъ, гремитъ и волнуется, какъ разъяренное клокочущее море.

Я прыгаю съ трапеціи на трапецію. Каждый мускулъ дрожитъ отъ напряженія и отъ какой-то внутренней заботы.

Я не знаю, кто управляетъ внутри меня, но, несмотря на то, что мысль моя разбѣгается на тысячи сторонъ, мускулы какъ-то сами напрягаются, и я лечу, перелетаю... И кажется, что и сердце вотъ-вотъ улетитъ.

Передъ самымъ сномъ, когда я ложусь возлѣ большого барабана, я чувствую, какъ кровь играетъ во всемъ моемъ измученномъ тѣлѣ... И при взглядѣ на свои маленькія посинѣвшія руки мнѣ хочется плакать.

Конечно, это смѣшная глупая мелочь. Какъ можно говорить о разбитыхъ рукахъ тамъ, гдѣ разбивается все человѣческое достоинство?

Но это такъ... Я люблю свои руки... Художники находили ихъ красивыми...

И мнѣ больно, мнѣ страшно видѣть ихъ порабощенными, покрытыми запекшейся кровью и ссадинами...

Опять скверная погода, опять сердитое лицо Вильгельма и заплаканные глаза Фриды.

Я не могу видѣть слезъ на этихъ глазахъ. И безъ того въ нихъ столько грусти и скрытой печали. Конечно, она простая необразованная женщина, но, можетъ быть, она родилась другой, можетъ быть, въ нее вложено много глубокаго, культурнаго... И страданье еще больше углубило ее... У нея нѣтъ словъ, нѣтъ мыслей, нѣтъ тѣхъ оборотовъ, которые нужны, чтобы разговаривать. Но у нея есть все, чтобы чувствовать. Отчего она плакала? Можетъ быть, Вильгельмъ ударилъ ее? Я знаю, что онъ иногда бьетъ ее... Почему? Иногда потому, что сборъ плохой; иногда потому, что хлѣбъ не такъ намазанъ масломъ, какъ онъ любитъ...

Почему?.. У человѣка съ растоптаннымъ сердцемъ много причинъ для зла...

Идетъ дождь, сильный дождь, и мало надежды на сборъ. Но все-таки работа идетъ.

Даже въ самую безпросвѣтную мглу, даже въ самый ужасный моментъ найдутся среди людей праздные зѣваки или вѣчные любители человѣческой крови.

Мнѣ кажется, что въ моменты самыхъ безумныхъ катастрофъ — землетрясеній, пожаровъ, войны — всегда имѣются, не только среди находящихся въ безопасности, но даже и среди гибнущихъ, такія лица, которыя наслаждаются въ полномъ смыслѣ слова муками и кровью.

Вѣдь кровь человѣка совсѣмъ необыкновенная кровь... Въ ней есть какой-то особенный, свой ужасный, но влекущій запахъ и привкусъ...

Опять ползутъ часы кошмара и одиночества... Я уже давно ни съ кѣмъ не говорю. Я только выхожу на сцену и „выполняю номера".

Къ чему говорить, и съ кѣмъ, и о чемъ? Уже все сказано за меня самою жизнью.

Понемногу я начинаю переставать задумываться надъ своей судьбою и начинаю забывать, кто я.

Это хорошо. Наслѣдіе врожденной культуры здѣсь является только помѣхой... Чтобы не чувствовать тягости рабства, нужно родиться рабомъ...

Но, впрочемъ, и безъ этого можно, да и не такъ уже трудно приноровиться къ обстоятельствамъ... Лишь бы они не давали передышки...

Когда я забываюсь, то прекрасно работаю... И мускулы какъ будто сильнѣе, и бодрости какъ будто бы больше.

Въ концѣ концовъ, какъ легко человѣкъ привыкаетъ ко всему. Кто знаетъ, освободись я сегодня отъ балагана, — можетъ быть завтра и еще долго послѣзавтра я буду тосковать по немъ. Кто знаетъ? Вѣдь человѣкъ такъ странно созданъ...

Днемъ, послѣ обѣда, я выхожу гулять. Съ трудомъ пробираюсь сквозь толпу, переправляюсь по гигантскому Лондонскому мосту по ту сторону широкой мутной Темзы, испещренной пароходами, корабельными снастями, мачтами и лодками, снующими изъ стороны въ сторону.

Городъ толпы, городъ машины, городъ несмолкаемаго

адскаго шума. Я много хожу, сворачиваю изъ одной улицы въ другую. И все то же. Огромные дома, широкіе разбросанные скверы, большіе цвѣтные омнибусы. Здѣсь устаешь отъ всего: и отъ давящихъ домовъ, и отъ уличнаго шума, и отъ надоѣдливыхъ разносчиковъ объявленій. Отъ всего. Но вотъ, наконецъ, я снова у Темзы, и передо мной, по ту сторону, высится чудесное, грандіозное зданіе Парламента съ тремя высокими внутренними башнями. Прекрасно... и все-таки холодно.

Прохожу изящный Уэстминстерскій мостъ, подъ которымъ дымятъ и свистятъ безчисленные пароходы, и, обойдя зданіе Парламента, подхожу къ знаменитому Аббатству.

И опять скажу: прекрасно... но холодно!.. Невзрачная церковь Маргариты остается въ сторонѣ, и я вступаю въ усыпальницу англійскихъ героевъ.

Долженъ сознаться: я былъ не подготовленъ къ Лондону и потому чрезмѣрно подавленъ и общимъ его величіемъ и, въ частности, его музеями и памятниками старины. Я не мало читалъ о Лондонѣ. Но все это совершенно спуталось въ головѣ къ тому моменту, когда я очутился въ немъ.

И здѣсь я долго брожу среди высокихъ залъ, гдѣ въ нишахъ и углахъ стоятъ скульптурные памятники: бюсты, аллегорическія группы и простыя плиты, вдѣланныя въ стѣны или въ полъ.

Среди безчисленныхъ, никому неизвѣстныхъ именъ, я случайно наталкиваюсь на Диккенса, Шекспира и Гаррика, и знакомыхъ по разсказамъ, прочитаннымъ въ дѣтствѣ, покорителей Индіи — Малькольма и Уатсона.

Въ отдѣльныхъ часовняхъ покоятся короли и королевы, великіе и не великіе міра сего.

И спору нѣтъ, все это грандіозно, могуче... Но если вспомнить, что здѣсь скрыта вся національная исторія Англіи, то чувствуется какая-то печуткость въ британскомъ народѣ; ибо Уэстминстерское Аббатство — это не прекрасный могильный холмъ съ вѣнками изъ живыхъ цвѣтовъ, а склепъ, холодный склепъ, гдѣ слишкомъ сильно чувствуется, что это домъ мертвыхъ.

Я выхожу изъ Аббатства грустно настроеннымъ, усталымъ. Надо спѣшить. Уже около шести.

Странное чувство. Человѣкъ спѣшитъ туда, гдѣ его ждетъ мученіе. И онъ это знаетъ, и спѣшитъ... Кто его гонитъ? Судьба? Привычка? Или безсиліе?..

Сажусь въ вагонъ метрополитэна. Быстро, безшумно мы катимъ подъ землей, на мгновеніе выскакивая въ освѣщенныя залы станцій. Въ Mansion-House встаю и вскорѣ прихожу на площадь.

Уже шумно. Волна за волной движутся люди. Движутся, кричатъ, волнуются. И жутко мнѣ. Вдругъ, въ одно мгновенье, я чувствую себя песчинкой, которую сейчасъ поглотитъ разъяренное, страшное море.

Меня уже ждутъ и безпокоятся, не убѣжалъ ли я.

— Загулялся? — встрѣчаетъ меня окрикомъ Вильгельмъ. И вдругъ, съ вызывающимъ сарказмомъ бросаетъ въ мою сторону: — Не возвращаетесь ли къ прежней жизни? А?.. Быть можетъ, васъ уже назначили профессоромъ въ Оксфордъ? Ха-ха!

И злобно смѣясь, онъ исчезаетъ въ дверяхъ фургона.

У меня нѣтъ ни силъ, ни желанья отвѣчать ему. Очевидно, здѣсь былъ разговоръ обо мнѣ. Фрида, конечно, по добротѣ своей что-нибудь просила для меня... какой-нибудь другой работы...

Милая, странная дѣвушка. Я никогда ни о чемъ не прошу ее. Но знаю, что она много думаетъ обо мнѣ и всячески хотѣла бы помочь мнѣ...

Итакъ, они уже безпокоятся... Они, наконецъ, почувствовали, что рано или поздно, но я буду принужденъ бѣжать отъ этого ужаса.

Иду къ себѣ. Лѣниво надѣваю шутовское платье, подвязываю бубенчики... Они такъ громко и такъ больно звенятъ...

Семь часовъ. Балаганъ открывается. Оркестръ играетъ нѣмецкій маршъ.

Какой тяжелый день! Я совсѣмъ не могу работать... Нѣсколько разъ срываюсь... Публика смѣется, свиститъ. Мнѣ больно; я уползаю за кулисы со стономъ.

Мимо меня пролетаетъ на сцену Вильгельмъ. Онъ сердится, сверкаетъ глазами и грозитъ избить меня.

О, если бы уйти отсюда и скорѣе. Но куда и какъ? Вѣдь я не заработалъ еще и одного соверена.

Но надо подумать, надо избавиться отъ этого кошмара!..

Сегодня день скандаловъ. Вильгельмъ подрался съ какимъ-то другимъ балаганщикомъ, кажется, американцемъ, — и получилъ хорошій ударъ въ лицо.

На насъ, конечно, отражаются послѣдствія этой драки. Во второмъ фургонѣ раздаются громкіе голоса, брань и крики Фриды. Чѣрезъ мгновеніе, она высовывается изъ фургона и бѣжитъ въ нашу сторону. За ней бѣжитъ Вильгельмъ; у него опухшее лицо и кровоподтекъ подъ глазомъ.

— Я убью тебя, подлая бездѣльница. Я тебѣ покажу, какъ раздражать меня!

И я, и отецъ Фриды бросаемся ему навстрѣчу; но онъ отшвыриваетъ старика въ сторону. И такъ какъ Фрида убѣжала, то переноситъ всю злобу на меня. Всячески ругаясь, — свирѣпый и безумный, онъ выхватываетъ ножъ и кидается на меня. Схватка продолжается недолго, но достается обѣимъ сторонамъ. Вырывая у него ножъ, я поранилъ пальцы лѣвой руки, но зато правымъ кулакомъ такъ сильно ударяю его по больному мѣсту около глаза, что онъ немедленно выпускаетъ ножъ и со стономъ отскакиваетъ въ сторону.

Наступаетъ зловѣщая тишина. Всѣ молчатъ и пугливо косятся на фургонъ, изъ котораго доносятся бѣшеныя завыванія Вильгельма.

Мнѣ совѣтуютъ держаться наготовѣ. И я все время держусь за ножъ.

Человѣкъ привыкаетъ ко всему. Какъ бы онъ ни былъ нѣженъ и мягокъ, достаточно дней и часовъ, чтобъ онъ потерялъ все, что было для него священнымъ...

Сначала грубѣетъ тѣло, и это бываетъ и больно, и замѣтно... Потомъ начинаетъ черствѣть душа, и это уже не такъ замѣтно, хотя и больно... А потомъ каменѣетъ мозгъ... И отъ культуры не остается и слѣда.

Культура?.. Культуры нѣтъ. Есть только случай. Вчера человѣкъ былъ поэтомъ, воспѣвающимъ солнце и звѣзды, восторгающимся религіей Будды и его заповѣдью: „Не топчи травы, ибо и въ ней есть жизнь“, — а сегодня онъ врывается кулакомъ или ножомъ въ человѣческое тѣло, и кровь не только не страшитъ его, но и призываетъ къ себѣ, манитъ, удовлетворяетъ...

. . . . . .

Пока что — днемъ спектакли не состоялись... Послѣ обѣда ухожу съ Фридой, Эммой и Францемъ въ городъ. Поднимаемся къ собору св. Павла, очень похожему на соборъ Петра въ Римѣ...

У насъ нѣтъ молитвеннаго настроенія, и мы, счастливые

желаннымъ отдыхомъ, весело прохаживаемся по свѣтлымъ заламъ. Поднимаемся къ большому колоколу, къ галлереѣ эха, гдѣ Францъ съ удивленіемъ вслушивается, какъ многократно повторяется его нелѣпый писк...

Наконецъ съ вершины купола любуемся панорамой безконечнаго величественнаго Лондона — такого людного, такого шумнаго и такого бездушнаго...

. . . . . .

Вечеромъ работа идетъ какъ-то вяло... Опять изъ-за пустяковъ ссора съ Вильгельмомъ, опять ножовая драка.

На этотъ разъ схватка была совсѣмъ короткой, но зато и крупнѣе. Я получилъ ударъ возлѣ локтя, а у Вильгельма полуотсѣченъ мизинецъ...

А потомъ — опять прыжки передъ гогочущей толпой, въ то время какъ душа и тѣло изнываютъ отъ нечеловѣческой муки...

Чѣмъ дальше, тѣмъ слабѣе становятся энергія и упругость воли. Я чувствую, какъ самообладаніе покидаетъ меня, и отчаяніе переполняетъ все мое существо...

И такъ странно сознанье, что это именно я нахожусь здѣсь!.. Проносится передъ глазами вся жизнь, и я съ удивленіемъ замѣчаю, какъ несчастье поднимало меня понемногу, какъ по ступенькамъ, все выше и выше — все къ большему страданью...

И невольно задумываешься: гдѣ же конецъ? Да и есть ли конецъ страданію?..

Рука болитъ. Какая силища у этого Вильгельма!.. Ему удалось только скользнуть по рукѣ, а между тѣмъ рана и глубока, и болѣзненна...

. . . . . .

Вотъ подходитъ Фрида съ деньгами для меня. Она еще не сняла костюма Коломбины, и волосы ея распущены, какъ у Офеліи...

Я вглядываюсь въ нее, и внезапно меня осѣняетъ дерзкая, но блестящая мысль!..

Мы сыграемъ „Гамлета“! Да! Какъ мы играли „Паяцевъ“, такъ же мимически мы сыграемъ „Гамлета“!..

О, конечно, безумная, наглая мысль!.. И кто предлагаетъ ее? Поэтъ, артистъ, который годъ назадъ декламировалъ передъ Коклэномъ!.. О, какъ низко, какъ нелѣпо можетъ пасть человѣкъ!.. Но сегодня, сейчасъ мнѣ все равно!.. Кто мнѣ судья? Кто смѣетъ быть моимъ судьей?.. Кто?..

Время, люди, Богъ, дьяволъ?.. Кто?..

Да развѣ вы были паяцами? Развѣ вы знаете ужасъ жизни?..

А это онъ говоритъ во мнѣ!..

Моя культура — ужасъ! Моя религія — ужасъ! Мое имущество — ужасъ! И ужасъ — мое проклятье этой поганой сволочи, которая зовется человѣчествомъ, и которая способна неотесанный камень чтить выше Бога, — а Бога въ человѣкѣ забросать камнями!..

. . . . . .

Торгъ состоялся... Вся труппа приняла мое предложеніе съ восторгомъ въ надеждѣ, что „Гамлетъ“ привлечетъ много народу...

За прекрасную идею мнѣ выговариваютъ треть сбора... Искусство предано. И тридцать серебрянниковъ такъ звонко, такъ безпощадно звенятъ...

. . . . . .

Все утро приготовляемся къ „Гамлету“. Я раздѣлилъ пьесу на 7 картинъ, такъ что вся она съ антрактами тянется не болѣе часа. Вотъ тотъ сценаріумъ, по которому мы играемъ. Въ первой картинѣ Горація (Эмма) и Гамлетъ (я) тревожно ожидаютъ чего-то. Появляется тѣнь отца Гамлета (кучеръ Гансъ) и показываетъ, что онъ былъ убитъ, и призываетъ къ мщенію.

Во второй картинѣ — Гамлетъ съ книгой прогуливается по сценѣ; затѣмъ появляется Офелія (Фрида). Между ними сцена объясненія въ любви.

Въ третьей картинѣ — Полоній (кучеръ Гансъ) бесѣдуетъ съ Офеліей и Лаэртомъ (Францъ), убѣждая ихъ въ нѣкоторомъ безуміи Гамлета. Чувствуется сцена — сцена комедіи въ трагедіи — построена на переодѣваніи. Смотрятъ комедію только самъ король Клавдій (Вильгельмъ), королева Гертруда (Марта, жена кучера), Офелія, Полоній и Гамлетъ. А изображаютъ актеровъ — Гансъ, Эмма и Фрицъ...

Въ пятой картинѣ — бесѣда королевы и Гамлета и сцена убійства Полонія.

Въ шестой появленіе безумной Офеліи. И, наконецъ, въ седьмой — финалъ, пиръ, состязаніе и гибель героевъ. Какъ апофеозъ появленіе Фортинбраса (Францъ) съ національнымъ знаменемъ въ рукахъ.

И все...

И вотъ все утро мы готовимся. Никакой выучки ролей.

Полная свобода импровизаціи. Мы деремся на деревянныхъ шпагахъ и подшиваемъ дыры на костюмахъ... Роли разобраны не по талантамъ, а по наружной осанкѣ и по богатству гардероба.

Такимъ образомъ — мечтателя Гамлета я играю въ собственной пелеринѣ, въ собственныхъ волосахъ и только что сшитомъ темномъ беретѣ.

Мнѣ поручено на длинномъ кускѣ холста вырисовать красивыми буквами — „Гамлетъ, Принцъ Датскій“...

. . . . . .

И вотъ послѣ полудня начинается представленіе... Что сказать о немъ... Какъ передать словами весь ужасъ перваго выхода въ этомъ самомъ нагломъ изъ шаржей на Гамлета...

Оркестръ наигрываетъ то англійскій, то датскій народные гимны, умолкая въ особенно патетическихъ мѣстахъ... Что сказать объ игрѣ... Я думаю, что ничего болѣе возмутительнаго, чѣмъ это представленіе, нельзя придумать...

Я лично ежесекундно ожидаю, что кто-нибудь изъ публики возмутится и швырнетъ на сцену камнемъ...

Но публика не только не кидаетъ камней, но шумно выражаетъ свое удовольствіе...

Особенно нравится сцена комедіантовъ. Декорація, конечно, не смѣняема. Просто — сѣрыя стѣны.

Днемъ въ пять часовъ объявляется передышка до семи. Воспользовавшись ею, мы снимаемся здѣсь же на ярмаркѣ въ моментальной фотографіи... Когда черезъ полчаса мы получаемъ карточки, то оказывается, что Вильгельмъ вышелъ какимъ-то пятномъ, тогда онъ свирѣпѣетъ, разрываетъ карточки и идетъ драться съ фотографомъ.

Съ трудомъ удерживаемъ его, но зато сами получаемъ нѣсколько ударовъ...

Въ одинъ изъ сеансовъ происходитъ слѣдующая сцена, весьма взволновавшая меня.

Когда я выхожу навстрѣчу Офеліи, вдругъ изъ публики раздается визгливый женскій голосъ, говорившій по-русски: — „Ей Богу, у Гамлета совсѣмъ интеллигентное лицо“. — Не знаю почему, но я возненавидѣлъ этотъ голосъ... Я уже такъ далеко отошелъ отъ всего русскаго; сейчасъ мнѣ впору только дурацкій колпакъ съ бубенцами...

И вдругъ меня переносятъ сразу въ иной міръ. И я сразу узналъ и себя и другихъ; я просыпаюсь и вижу, во

что я обратился... И страшно мнѣ и больно мнѣ, и я не вижу, не чувствую исхода...

Но вотъ кончается послѣдній сеансъ, и въ этотъ моментъ, когда публика бѣшено вызываетъ меня — теперь уже не только понимаю, но мнѣ кажется, что я осязаю всѣмъ существомъ весь ужасъ моего искусства, всю безумную насмѣшку жизни надо мной — поэтомъ и артистомъ...

. . . . . .

Уже скоро полночь. Въ сосѣднемъ фургонѣ идетъ подсчетъ доходовъ...

Я ложусь въ углу и впервые за все это время разворачиваю свой свертокъ... Въ немъ немного вещей... Двѣ книжки, отрывной блокъ-нотъ, бумажникъ съ паспортомъ и два полотенца... Это все было взято въ дорогу...

Я невольно вспоминаю, какъ я укладывалъ свой багажъ... И сразу передо мной всплываетъ совсѣмъ недавнее прошлое: Швейцарія, экзамены, лабораторія...

Господи!.. Да что же это со мной!.. Да я ли это здѣсь?! Да какъ же это случилось?!.

Взоръ мой падаетъ на книги... И я крѣпко сжимаю ихъ въ рукахъ... „Панъ“ и „Саломея“... Двѣ любимыя чудесныя книжки...

Неужели это истина, что двѣ недѣли назадъ я читалъ ихъ вслухъ на берегу тихаго лазурнаго озера, окруженный такой же молодежью, какъ я...

Какъ далеко, какъ страшно далеко ушелъ я отъ любимыхъ образовъ, отъ любимыхъ грезъ...

Въ ушахъ моихъ еще звучатъ рукоплесканья толпы, вчера пришедшей любоваться моимъ разбитымъ тѣломъ, сегодня привѣтствующей мое разбитое искусство, и которая завтра, быть можетъ, такъ же насмѣется надъ моей гибелью...

Нѣтъ... Нѣтъ... Довольно... Довольно...

. . . . . .

Я иду навстрѣчу Фридѣ; застаю ее около дверей... Она съ фонаремъ въ рукѣ что-то ищетъ на землѣ.

Я подхожу къ ней и тихо беру ее за руку. Она вздрагиваетъ; фонарикъ съ разбитымъ стеклышкомъ попадаетъ противъ вѣтра, и, метнувшись въ сторону, огненный язычекъ погасаетъ...

Мы стоимъ во тьмѣ неподвижные.

— Пойдемъ къ нимъ, — говорю я тихо, — я хочу сказать, что завтра ухожу.

— Куда? — доносится изъ какой-то близкой глубины...

— Не знаю... Куда-нибудь подальше!

Я чувствую на плечѣ ея маленькую милую головку... Она тихо плачетъ... И я боюсь оторвать ее отъ себя и боюсь, что расплачусь самъ...

Можетъ быть, она любитъ... Нѣтъ, не любитъ... Но ей было свѣтлѣе и радостнѣй со мною, съ новымъ человѣкомъ изъ иного міра, который казался ей раемъ, такимъ далекимъ и такимъ желаннымъ...

Тишина ночи... Дрожащей рукой зажигаетъ Фрида огонекъ... Мы входимъ въ фургонъ... Тамъ почти всѣ въ сборѣ... Сегодня большой заработокъ, и всѣ довольны. Вильгельмъ съ раздувшейся физіономіей старается казаться добродушнымъ; улыбаясь, онъ протягиваетъ мнѣ два соверена...

Кругомъ раздаются одобрительныя замѣчанія относительно моей выдумки; шутка ли сказать, въ одинъ день собрали столько, сколько не соберешь въ три недѣли...

Тогда я подхожу къ центру и говорю:

— Ну вотъ, я очень радъ, что мы всѣ хорошо заработали... А теперь я хочу съ вами проститься... Завтра утромъ я уйду отъ васъ. Куда уйду, — не знаю... Но уйду.

Всѣ молчатъ... Вѣдь они давно готовы къ этому: вѣдь они даже ждали, что я убѣгу...

Поднимается сѣдой скрипачъ, крѣпко пожимаетъ мнѣ руку и говоритъ громко и ясно:

— До вашего прихода сюда, я выразилъ увѣренность въ томъ, что вы насъ покинете. И я не ошибся. Вотъ почему мы всѣ не удивлены... Мы отлично видимъ, что вы живой человѣкъ, изъ другого міра, и намъ горько было видѣть ваше страданіе. Но что же дѣлать... Жизнь хорошая школа... И это единственное, что я смѣю сказать въ утѣшеніе...

Я чувствую, какъ сердце начинаетъ усиленно биться, и я, какъ-то съ размаху поклонившись всѣмъ, выбѣгаю изъ фургона и ложусь въ самомъ балаганѣ, на сценѣ... Мнѣ не спится. Я ворочаюсь изъ стороны въ сторону...

Тихо проскальзываетъ Фрида. Она, вѣроятно, искала меня въ дѣвомъ углу.

Она нагибается ко мнѣ и шепчетъ:

— Милый, куда же ты уходишь?... Развѣ ты не придешь къ намъ больше?

— Нѣтъ, Фрида, я ухожу совсѣмъ... Такъ жить мнѣ страшно.

Она цѣлуетъ меня горячо-горячо... И въ этой ласкѣ столько же отрады и покоя, какъ въ томъ семейномъ уютѣ, о которомъ не разъ мечтали мы оба...

Потомъ она уходитъ... И я отдаюсь своимъ мыслямъ... Куда идти?.. Что дѣлать?... Не знаю, ничего не знаю... Одно я чувствую и сознаю душой... Куда угодно, — лишь бы въ другую жизнь!

. . . . . .

Наступаетъ утро — бодрое, солнечное, ласковое... Въ послѣдній разъ мы вмѣстѣ завтракаемъ и пьемъ молоко... Меня окружаютъ товарищи, крѣпко пожимаютъ руку, говорятъ слова дружбы и привѣта... Всѣ прощаются со мной ласково, тепло и мило.

Эмма кладетъ мнѣ въ карманъ пару толстыхъ бутербротовъ; Фрицъ вытряхиваетъ мою пелерину...

Мы крѣпко цѣлуемъ другъ друга и взаимно желаемъ счастья...

Я иду въ фургонъ за маленькимъ сверткомъ... Здѣсь меня догоняетъ Вильгельмъ, беретъ крѣпко за руку и говоритъ:

— Другъ мой, не поминайте зломъ человѣка, у котораго жизнь вырвала сердце.

— Богъ съ вами! — говорю я, — Каждый изъ насъ сдѣлалъ не мало дурного... Не намъ судить другъ друга!..

Онъ быстро наклоняется къ моей рукѣ, какъ-то странно и неожиданно прикладывается къ ней, и, не оборачиваясь, скрывается за балаганомъ...

Въ фургонѣ меня ожидаетъ Фрида... Она молча идетъ мнѣ навстрѣчу, надѣваетъ мнѣ на шею нитку съ красными кораллами и туго завязываетъ ее...

— Не забывай меня! — шепчетъ маленькая Коломбина, — простая, измученная душа; и на щекахъ ея сливаются наши общія слезы...

Григорій Гнѣсинъ.

БРАТСКАЯ МОГИЛА.

Стелется по полю сумракъ унылый
Жуткою думою о бѣшеной битвѣ.
Крестъ одинокій надъ братской могилой
Скробно застылъ въ безглагольной молитвѣ.

Мертвыхъ окоповъ глубокія жилы
Дымною влагою туманы заткали;
И съ перекладинъ креста на могилу
Капаютъ росныя слезы печали.

Вас. Смирновъ.

ПСИХОЛОГІЯ ЯКОБИНЦА ВЪ ИЗОБРАЖЕНІИ РОМАНИСТА-ЭПИКУРЕЙЦА.

(Продолженіе.)

V.

Французская литература представляетъ не мало примѣровъ исторической и художественной идеализаціи якобинизма и „геронзаціи“ представителей этого направленія. Кто знаетъ писательскую физіономію Анатоля Франса, конечно, понимаетъ, что такъ къ якобинцамъ онъ отнестись не могъ. У Анатоля Франса нечего искать догматизма, оптимизма и паѳоса, разъ, какъ извѣстно, господствующими чертами его писательской физіономіи являются послѣдовательный скептицизмъ съ значительною примѣсью, такъ сказать, элегическаго пессимизма и въ то же время безпощадной, хотя и очень тонкой, ироніи. Онъ больше видитъ недостатки и слабости человѣческой природы, даетъ по поводу ихъ волю своей ироніи, но вмѣстѣ съ тѣмъ относится къ нимъ съ снисходительностью мудреца, постигшаго суету суетъ человѣческой жизни. Не такому писателю ставить свои персонажи на героическіе пьедесталы, не такому писателю пѣть диѳирамбы общественнымъ движеніямъ, гдѣ было много догматизма, да и много суровости. Снисходительное отношеніе Анатоля Франса къ людскимъ несовершенствамъ, это — какое-то чувство жалости къ человѣку, очень далекое отъ сентиментальности и вмѣстѣ съ тѣмъ напѣвающее какую-то грусть.

И общее міросозерцаніе Анатоля Франса, идущее отъ Вольтера и энциклопедистовъ, отнюдь не отъ Руссо, этого вдохновителя якобинцевъ, не могло его располагать къ тому, чтобы симпатизировать якобинизму съ его догматизмомъ, фанатизмомъ и деспотизмомъ, подчинявшими себѣ умъ, чувство и волю человѣка. И Гамеленъ выходитъ у Анатоля Франса существомъ жалкимъ въ своемъ неразумiи, въ своемъ безсердечіи, въ своемъ безволіи—при всей внѣшней видимости силь-

ной воли. Онъ легко заражается настроеніемъ толпы, легко подчиняется вліянію вождей, мечтаетъ о всеобщемъ счастьѣ и царствѣ любви, хочетъ добра, но абстрактныя формулы подавляютъ въ немъ ту доброту отъ природы, которою его надѣляетъ романистъ. И Анатоль Франсъ заставляетъ Гамелена выпить тоже чашу страданій, но и какъ бы посылаетъ ему нѣкоторое утѣшеніе, бросая ему изъ окна Элодіи, мимо котораго его везли на казнь, цвѣтокъ красной гвоздики. Слезы, наполнившія въ этотъ моментъ глаза Гамелена, — это символъ того примиряющаго настроенія, которое такъ характерно для Анатоля Франса.

Чтобы лучше понять отношеніе романиста къ изображенному имъ историческому явленію, нужно еще остановиться на одной фигурѣ романа, нѣкоемъ Бротто, сосѣдѣ Гамелена по квартирѣ, принадлежавшемъ къ числу его знакомыхъ, но не избѣжавшемъ отъ этого его смертнаго приговора. Эта фигура тѣмъ болѣе заслуживаетъ нашего вниманія, что, повидимому, иногда Анатоль Франсъ вкладываетъ въ его уста свои собственныя мысли, свою profession de foi скептика, съ ироніей, но и съ жалостью взирающаго на человѣческіе неразуміе, злобу и дурные поступки.

Морисъ Бротто уже старикъ, когда происходитъ дѣйствіе романа, былъ дворяниномъ, когда-то богатымъ откупщикомъ, извѣстнымъ жуиромъ, устраивавшимъ роскошные ужины, но потомъ всего лишившимся во время революціи, когда ему приходилось снискивать себѣ пропитаніе то рисованіемъ портретовъ въ воротахъ домовъ, то приготовленіемъ блинчиковъ и оладій на набережной, то составленіемъ рѣчей для представителей народа, то обученіемъ танцамъ молодыхъ гражданокъ. На своемъ чердакѣ, гдѣ никакъ нельзя было выпрямиться во весь ростъ подъ низкимъ потолкомъ, онъ фабриковалъ еще для оптовыхъ торговцевъ игрушками картонныхъ плясуновъ, продававшихся потомъ разносчиками вездѣ, гдѣ собиралось много дѣтей. Но Бротто сохранялъ ясность духа и отдыхалъ за чтеніемъ Лукреція, который былъ всегда при немъ, въ карманѣ его камзола. Въ первый разъ Анатоль Франсъ выводитъ его на сцену въ хвостѣ у булочной, когда и Гамеленъ покупалъ себѣ хлѣба. Молодой художникъ говорилъ ему о спасительности революціоннаго суда и гильотины. „У меня, иронически замѣтилъ Бротто, нѣтъ существенныхъ возраженій противъ гильотины. Природа, моя единственная госпожа и моя единственная наставница, никоимъ образомъ не вну-

шаетъ мнѣ, чтобы жизнь человѣка имѣла какую-либо цѣну; наоборотъ, природа всячески учитъ, что эта жизнь не имѣетъ никакой цѣны. Единственною цѣлью существъ, повидимому, является сдѣлаться пищею для другихъ существъ, имѣющихъ, впрочемъ, такое же назначеніе. Убійство — естественное право, и, значитъ, смертная казнь законна, лишь бы только къ ней прибѣгали не во имя добродѣтели или правосудія, а по необходимости или ради какой-либо выгоды. Однако, у меня, вѣроятно, извращенные инстинкты, потому что мнѣ все-таки противно видѣть пролитіе крови; съ этимъ недостаткомъ еще не сумѣла справиться моя философія".

Понятно, что это былъ человѣкъ, смотрѣвшій на вещи совершенно иначе, чѣмъ Гамеленъ, и Анатоль Франсъ по временамъ это нарочито подчеркиваетъ. Молодого художника, напримѣръ, умилило то, что многіе, стоявшіе въ хвостѣ у булочной въ ожиданіи своей очереди, бросили свои мѣста, чтобы поймать вора: народъ казался ему алчущимъ больше правосудія, чѣмъ хлѣба. Бротто сталъ объяснять ему, однако, инцидентъ иначе, а именно — эгоизмомъ и жадностью толпы, ибо воръ, укравшій у одного, угрожалъ всѣмъ, и его нужно было наказать изъ чувства самосохраненія. Соглашаясь, что всѣ эти люди честны и уважаютъ чужую собственность, Бротто находилъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что съ дѣтства, конечно, родители ихъ много драли и внѣдряли въ нихъ всякія добродѣтели черезъ часть тѣла подвергавшуюся этому воздѣйствію. Съ такимъ объясненіемъ Гамеленъ не согласился, сославшись на то, что начатокъ добродѣтели вложенъ въ сердца людей Богомъ. „Я вижу, возразилъ на это Бротто, что вы, гражданинъ Гамеленъ, революціонеръ въ земныхъ вещахъ, остаетесь консерваторомъ и даже реакціонеромъ въ небесныхъ. Робеспьеръ и Маратъ — такіе же, какъ вы", — и закончилъ атеистической тирадой, вызвавшей со стороны Гамелена цѣлое исповѣданіе вѣры. „Вѣра въ благого Бога нужна для нравственности. Высшее Существо есть источникъ всѣхъ добродѣтелей, и тотъ не республиканецъ, кто не вѣритъ въ Бога. Робеспьеръ это хорошо понималъ, когда приказалъ удалить изъ залы якобинцевъ бюстъ философа Гельвеція, виновнаго въ томъ, что проповѣдью атеизма онъ располагалъ французовъ къ рабству". При этомъ Гамеленъ выразилъ надежду, что когда республика установитъ культъ Разума, самъ Бротто не откажется присоединиться къ столь мудрой религіи.

„Я люблю разумъ, отвѣтилъ Бротто, но я не фанатикъ

разума. Разумъ нами руководитъ и насъ просвѣщаетъ, но когда вы сдѣлаете изъ него божество, онъ васъ ослѣпитъ и заставитъ васъ совершать преступленія". Свое разсужденіе философъ закончилъ критикой Руссо съ его, яко бы, моралью природы, а, въ сущности, природой Кальвина. „Природа, продолжалъ онъ, учитъ насъ пожирать другъ друга и подаетъ намъ примѣры всѣхъ преступленій и пороковъ, которые общественное состояніе исправляетъ или скрываетъ. Добродѣтель нужно любить, но не мѣшаетъ знать, что это — простое средство, придуманное людьми для того, чтобы удобно жить вмѣстѣ. То, что мы называемъ моралью, есть только отчаянное предпріятіе нашихъ ближнихъ противъ всеобщаго порядка, состоящаго въ борьбѣ, взаимномъ истребленіи и игрѣ противныхъ другъ другу силъ".

Когда Бротто узналъ о назначеніи Гамелена присяжнымъ въ революціонномъ судѣ, то, поздравляя его, высказался о самомъ судѣ этомъ, какъ наиболѣе вѣрномъ и наименѣе способномъ дѣлать ошибки, потому что, пояснилъ онъ свою мысль, этотъ судъ „изслѣдуетъ добро и зло не въ нихъ самихъ и не въ ихъ сущности, а только въ отношеніи къ осязательнымъ интересамъ и явнымъ чувствамъ. Вамъ, продолжалъ онъ, придется выбирать между любовью и ненавистью, что и дѣлается само собою, а не между истиной и заблужденіемъ, различеніе которыхъ недоступно слабому уму людей. Произнося приговоры по движеніямъ сердца, вы не будете подвергаться опасности ошибиться, потому что вердиктъ будетъ правиленъ, разъ онъ удовлетворитъ ваши страсти, въ которыя заложенъ вашъ священный законъ". Но, прибавилъ онъ, „если бы я самъ судилъ, то сталъ бы кидать жребій, потому что въ дѣлѣ правосудія это еще болѣе вѣрное средство".

И въ другой разъ Бротто высказалъ Гамелену свой взглядъ на революціонный судъ, — взглядъ, въ которомъ молодой судья не могъ не почувствовать глубокаго инцивизма. „Священный судъ, — говорилъ онъ, — въ которомъ вы скоро будете засѣдать, былъ установленъ французскимъ сенатомъ для спасенія республики, и это, конечно, было доблестною мыслью нашихъ законодателей — дать судей своимъ врагамъ. Я понимаю ея великодушіе, но не считаю ее политичной. Мнѣ кажется, для нихъ было бы удобнѣе наносить тайные удары наиболѣе непримиримымъ изъ своихъ противниковъ, а другихъ располагать въ свою пользу подачками и посулами. Судъ разитъ медленно и причиняетъ меньше боли, чѣмъ страха: онъ особенно дѣй-

ствуетъ примѣромъ. Неудобство вашего суда въ томъ, что онъ соединяетъ между собою всѣхъ, кого устрашаетъ, и потому превращаетъ совокупность противныхъ интересовъ и страстей въ большую партію, способную сообща и сильно дѣйствовать. Вы сѣете страхъ, а вѣдь страхъ гораздо болѣе, нежели храбрость, родитъ героевъ; очень желалъ бы, гражданинъ Гамеленъ, чтобы вамъ не пришлось когда-либо увидѣть, какъ противъ васъ же самого разразятся ужасы страха!" Это было уже пророчество, но Анатоль Франсъ вообще не разъ дѣлаетъ Бротто пророкомъ.

Съ менѣе опасными собесѣдниками Бротто говорилъ болѣе откровенно. Какъ-то одинъ изъ такихъ собесѣдниковъ вспомнилъ кардинала Берни. Оказалось, что Бротто его хорошо зналъ. „Это, сказалъ онъ, былъ очень пріятный человѣкъ, и, хотя ремесло его состояло въ торговлѣ баснями, въ его мизинцѣ было больше здравой философіи, чѣмъ въ головахъ всѣхъ вашихъ якобинцевъ, которые хотятъ насъ одобродѣтелить (ou vertuiser), и безоподобить (endeuilcoquer). Да я предпочитаю нашихъ простоватыхъ теофаговъ, которые не знаютъ ни того, что говорятъ, ни того, что дѣлаютъ, этимъ бѣшенымъ писакамъ законовъ, которые такъ прилежно насъ гильотинируютъ, чтобы сдѣлать насъ добродѣтельными и мудрыми и заставить поклониться Верховному Существу, создавшему ихъ по своему подобію. Въ былыя времена, въ капеллѣ своего имѣнія я давалъ служить мессу одному бѣдняку кюре, который, подвыпивъ, говорилъ: „Не будемъ злословить грѣшниковъ, вѣдь мы ими живемъ, недостойные священники". Согласитесь, что у этого ѣдока молитвъ (croqueur d'orémus) были здравыя сужденія о правленіи. Нужно было бы вернуться къ этому и управлять людьми, какъ они есть, а не какими мы хотѣли бы ихъ видѣть".

Бротто вообще находилъ, что все дѣлавшееся вокругъ „доставляло философу и любителю зрѣлищъ обильный матеріалъ для размышленія и развлеченія", но чѣмъ все это кончится, сказать отказывался. „Спрашивайте гадалокъ на картахъ, а я не колдунъ. Да и философія, самая, пожалуй, здравая, мало помогаетъ отгадывать будущее. Все это кончится, потому что все имѣетъ конецъ... Вы не можете представить себѣ, говорилъ онъ дальше, какую власть имѣетъ еще духовенство надъ массами дураковъ, т. е. душъ, хотѣлъ я сказать, да языкъ не такъ повернулся[1]). Самое вѣроятное, думается

---

[1]) Въ подлинникѣ „ânes" и „âmes".

мнѣ, это — то, что революціонный судъ приведетъ къ паденію установленнаго имъ порядка: слишкомъ большому количеству головъ онъ угрожаетъ. Вотъ Гамеленъ: онъ добродѣтеленъ, и онъ будетъ ужасенъ. Чѣмъ больше я объ этомъ думаю, тѣмъ сильнѣе убѣждаюсь, что этотъ судъ, учрежденный для того, чтобы спасти республику, ее уничтожитъ".

Этого послѣдователя философіи Лукреція Анатоль Франсъ постоянно сводитъ съ однимъ монахомъ ордена барнабитовъ, по имени Лонгмаромъ, снявшимъ съ себя рясу, но продолжавшимъ тайкомъ служить мессу для нѣсколькихъ вѣрныхъ, приходившихъ въ его убѣжище свидѣтельствовать о вѣчности церкви Божіей. Въ романѣ барнабитъ выступаетъ большимъ простакомъ, крѣпко вѣрующимъ, но упрекающимъ себя въ апостазіи и трусости, съ очень слабой головой, но честнымъ и наивнымъ, и въ наивности своей нерѣдко трогательнымъ. Бротто съ опасностью для себя защитилъ его отъ разъяренной толпы, а позднѣе, когда ему пришлось скрываться, далъ ему пріютъ несмотря на свои кощунственныя выходки. Лонгмаръ разсыпался въ благодарности Бротто, но тотъ ее отклонялъ, говоря, что сдѣлалъ это не изъ любви къ нему, совсѣмъ его не зная, да и не изъ любви къ человѣчеству, не будучи столь простодушнымъ, чтобы вѣрить въ какія-то права человѣчества. „Я, продолжалъ онъ, дѣлаю это ради того эгоизма, который внушаетъ человѣку великодушные поступки, заставляя его узнавать себя во всѣхъ несчастныхъ, располагая его жалѣть свое бѣдствіе въ бѣдствіи другого и помогать смертному, у котораго та же природа и судьба что и у него, такъ что, помогая другому, человѣкъ думаетъ, что помогаетъ себѣ".

Какъ-никакъ, судьба сблизила столь не похожихъ другъ на друга людей, заставила ихъ жить вмѣстѣ, даже вмѣстѣ фабриковать картонныхъ плясуновъ и вести бесѣды, при чемъ вѣрующій избѣгалъ говорить о религіи, а невѣрующій только о ней и говорилъ, смущая своими рѣчами своего сожителя. Когда они не разговаривали, одинъ читалъ своего Лукреція, другой — молитвенникъ. Скоро у нихъ нашла пріютъ еще одна проститутка, молоденькая дѣвушка, которая подверглась гоненію агентовъ Шометта, прокурора Коммуны, объявившаго такихъ дѣвицъ наихудшими врагами республики. Съ досады она однажды растоптала національную кокарду и крикнула: „Да здравствуетъ король!" Всѣ трое, хотя и не сразу, были арестованы и посажены въ тюрьму. Здѣсь

Бротто попалъ, какъ бы, въ свою компанію — по крайней мѣрѣ, въ томъ отношеніи, что заключенные съ нимъ роялисты, федералисты, фельяны, жирондисты, словомъ, люди разныхъ политическихъ взглядовъ, преслѣдовавшіеся якобинцами, одинаково думали о непригодности для нихъ Бога и, наоборотъ, о необходимости Его для народа. „Якобинцы, говорилъ въ этой компаніи Бротто, водворили на мѣсто Іеговы своего якобинскаго бога, чтобы низвести якобинизмъ на землю съ самыхъ далекихъ высотъ“. И одни, и другіе, въ искреннемъ и вѣрующемъ барнабитѣ видѣли только мошенника и не довѣряли Бротто, когда тотъ защищалъ искренность Лонгмара. Впрочемъ, большинству и самъ онъ казался страннымъ, съ его отрицательнымъ отношеніемъ къ Руссо, которому онъ противопоставлялъ Вольтера, а еще больше — Гельвеція, Дидро, Гольбаха и нѣкоторыхъ представителей положительной науки. И въ заключеніе Бротто читалъ своего Лукреція, по временамъ завидуя барнабиту, безуміе котораго закрывало передъ нимъ вселенную.

Слухи о политическихъ событіяхъ доходили и до тюрьмы, арміи. Бротто не раздѣлялъ общихъ восторговъ, и, какъ въ другихъ мѣстахъ романа, Анатоль Франсъ дѣлаетъ его и здѣсь пророкомъ: „Подождите, говорилъ онъ, настанетъ день, когда одинъ изъ этихъ героевъ, которыхъ вы обоготворяете, начнетъ васъ глотать, какъ въ баснѣ журавль — лягушекъ. И тогда онъ въ самомъ дѣлѣ будетъ богомъ, ибо боговъ узнаютъ по аппетиту“, — фраза, проливающая свѣтъ на другую: „боги жаждутъ“, которая дала автору заглавіе романа, а въ самомъ романѣ встрѣчается лишь одинъ разъ въ такомъ контекстѣ: „Пораженіямъ армій, возстаніямъ провинцій, злоумышленіямъ, заговорамъ, измѣнамъ — Конвентъ противопоставлялъ терроръ: у боговъ была жажда“. Вспомнимъ и названіе „кровопійцъ“ (buvers de sang), которымъ клеймили террористовъ.

Богамъ понадобилась кровь и Бротто, котораго Гамелену съ товарищами пришлось судить въ компаніи съ Лонгмаромъ, съ молодой проституткой и нѣсколькими десятками другихъ людей, большею частью даже увидѣвшими другъ друга въ первый разъ только въ роли узниковъ. Обвинительный актъ, между прочимъ, на примѣрѣ Бротто, прожившаго на своемъ вѣку много народныхъ денегъ и прославившагося своимъ распутствомъ еще при „тираннѣ“, указывалъ, до какой степени развратъ пагубенъ для свободы и счастья

народовъ. Теперь Брутто оказывался участникомъ преступныхъ сношеній съ эмигрантами, въ сообществѣ съ своею бывшею любовницею, — которая какъ разъ на него и донесла, — и подстрекателемъ своей новой конкубины, пытавшейся гнусными криками вызвать контръ-революцію. Отзывы его о революціонномъ судѣ, о побѣдахъ республиканскихъ армій, о военномъ геройѣ, въ роли журавля басни, въ особенности же его атеизмъ — тоже занимали не послѣднее мѣсто въ обвинительномъ актѣ. Всѣмъ подсудимымъ, произвольно соединеннымъ вмѣстѣ, вмѣнялось въ вину составленіе заговора, орудіями котораго были убійство, вызывъ голода, фабрикація поддѣльныхъ бумажныхъ денегъ и фальшивой монеты, развращеніе нравовъ и общественнаго мнѣнія, бунтъ въ тюрьмахъ, — и все это съ цѣлью вызвать гражданскую войну, гибель національнаго представительства, возстановленіе королевской власти.

Въ засѣданіи, пославшемъ на плаху этихъ подсудимыхъ, участвовалъ и Гамеленъ, слѣдующимъ образомъ мотивировавшій свой вердиктъ: „Виновность подсудимыхъ бросается въ глаза, и ихъ наказаніе—единственное средство искупить свои преступленія“.

Анатоль Франсъ далъ Бротто случай убѣдиться въ томъ, что его предсказаніе о Гамеленѣ оказалось вѣрнымъ: онъ былъ добродѣтельнымъ и сдѣлался жестокимъ. Романистъ не говоритъ, чтобы Бротто это теперь вспомнилъ. У него были другія думы: ему не хотѣлось разстаться съ жизнью. „Почтенный отецъ, говорилъ онъ Лонгмару, что меня раздражаетъ, это — то, что васъ нельзя переубѣдить. Мы оба теперь заснемъ нашимъ послѣднимъ сномъ, и я не буду въ состояніи потянуть васъ за рукавъ и разбудить для того, чтобы сказать: вы видите теперь, что у васъ нѣтъ ни ощущеній, ни сознанія, вы бездушны! То, что слѣдуетъ за жизнью, это — какъ разъ то, что ей предшествуетъ“. При этихъ словахъ Бротто хотѣлъ улыбнуться, но сердце его болѣзненно сжалось, и съ нимъ чуть не сдѣлался обморокъ. „Отецъ мой, продолжалъ онъ, оправившись, вы видѣли мою слабость. Я люблю жизнь и не разстаюсь съ нею безъ сожалѣнія“. Монахъ возразилъ, ему въ томъ смыслѣ, что вотъ онъ, Бротто, храбрѣе, а между тѣмъ смущенъ больше него, видящаго впереди свѣтъ. — „Но, можетъ быть, я больше жалѣю жизнь потому, что я лучше ею воспользовался, нежели вы, который сдѣлали ее для себя возможно-болѣе похожей на смерть“.

VI.

Сказавъ, что въ уста Бротто Анатоль Франсъ вкладываетъ свои мысли, я не хочу тѣмъ самымъ отождествить автора съ этимъ выведеннымъ имъ лицомъ. Несомнѣнно только, что изъ всѣхъ персонажей романа одинъ Бротто кажется Анатолю Франсу разумнымъ, вѣрно оцѣнивающимъ создавшееся положеніе дѣлъ и не менѣе вѣрно предсказывающимъ будущее. Въ эпоху, когда властителемъ думъ былъ Руссо, вдохновлявшій якобинцевъ, Бротто оставался вѣрнымъ энциклопедистамъ, и постояннымъ спутникомъ его былъ эпикуреецъ Лукрецій, лежавшій въ карманѣ его камзола. Анатоль Франсъ безпрестанно упоминаетъ объ этомъ обстоятельствѣ, какъ будто добродушно подшучивая надъ неразлучностью своего „философа-эпикурейца“ съ римскимъ поэтомъ. Въ одномъ мѣстѣ, какъ мы видѣли, онъ сопоставляетъ чтеніе Лукреція Бротто съ чтеніемъ молитвенника Лонгмаромъ. Бротто не разстается съ Лукреціемъ и передъ самою казнью, и уже на словами: „ubi non erimus, когда насъ не будетъ, ничто не будетъ насъ волновать“ и т. д., — мѣсто, которое Анатоль Франсъ заставляетъ его прочитывать еще до суда, въ тюрьмѣ, при слабомъ свѣтѣ фонаря. Слова римскаго поэта романистъ называетъ при этомъ „сурово утѣшительными“, хотя и говоритъ о зависти, которую Бротто почувствовалъ къ барнабиту за его безуміе, скрывшее отъ него вселенную.

Міросозерцаніе Анатоля Франса опредѣляется часто какъ утонченный эпикуреизмъ. Своего Бротто въ романѣ онъ надѣляетъ условными чертами этого своего міросозерцанія, дѣлая его, однако, немножко резонеромъ, немножко чудакомъ, съ Лукреціемъ въ карманѣ, сильно потерпѣвшимъ отъ постояннаго засовыванія туда и добыванія оттуда книжки. Романистъ надѣлилъ своего „философа-эпикурейца“ и собственною снисходительностью къ людямъ: вспомнимъ слова Бротто о бѣдномъ кюре, служившемъ мессы въ капеллѣ его имѣнія. Старому грѣшнику доступна жалость къ людямъ, и представитель совсѣмъ другого міросозерцанія, монахъ-барнабитъ, испытавъ на себѣ доброту Бротто, проситъ его, по дорогѣ на мѣсто казни, какъ великой милости, молитвы за него у Бога, ибо ему не кажется невозможнымъ, что Бротто будетъ ближе къ Богу, въ котораго сейчасъ не вѣритъ, нежели онъ самъ. Для стараго эпикурейца и бывшій монахъ, и уличная

проститутка, одновременно съ которыми его казнили, были ему самому подобныя существа, вызывавшія его сочувствіе: они были люди, которыхъ онъ не хотѣлъ признать въ неспособныхъ къ жалости господахъ положенія. Въ романѣ есть небольшой эпизодъ — встрѣча Бротто въ тюрьмѣ со знакомой ему актрисой Розой Тевенетъ. Ее обвиняли въ желаніи освободить королеву, но она надѣялась, что ей удастся выйти изъ тюрьмы при помощи вліятельныхъ друзей. Бротто не совѣтовалъ, ей хлопотать черезъ друзей, чтобы не приблизить этимъ дня своей казни. „Въ особенности, говорилъ онъ ей, не вздумайте разжалобить судей-присяжныхъ, какого-нибудь Гамелена. Это не люди, это — вещи съ которыми не объясняются". Устами Бротто говоритъ здѣсь какъ бы самъ Анатоль Франсъ, для котораго Гамелены не люди, потому что ихъ нельзя разжалобить, потому что они безчувственны, какъ неодушевленные предметы, какъ вещи или, дѣлая другое сравненіе, — какъ боги, жаждущіе крови. Вещи ли, боги ли, но въ обоихъ случаяхъ — не люди, не существа, способныя узнавать на ихъ мѣсто, сочувствовать имъ и жалѣть ихъ, хотя бы это тоже былъ эгоизмъ.

Но Бротто все-таки не самъ авторъ нашего романа, который иногда его прямо отъ себя отдѣляетъ. Называя Бротто въ одномъ мѣстѣ мудрецомъ, размышлявшимъ надъ жалкою участью людей, которыми играютъ слѣпыя силы природы, Анатоль Франсъ прибавляетъ, что „у него была слабость считать революціонеровъ болѣе злыми и болѣе глупыми, нежели другіе люди, въ чемъ, — прибавляетъ авторъ, — онъ уже впадалъ въ идеологію". Анатоль Франсъ остерегается какой бы то ни было идеологіи, т. е. чисто догматическихъ утвержденій. И Бротто не впадалъ въ идеологію, когда говорилъ, что предпочиталъ бы сохранить католицизмъ, „который поглотилъ много жертвъ во времена своей силы, а теперь, склоняясь подъ тяжестью лѣтъ и уже не чувствуя прежняго аппетита, довольствуется четырьмя или пятью жаркими изъ еретиковъ въ цѣлое столѣтіе". Дѣло въ томъ, что, по его наблюденіямъ, религіи въ своей молодости отличаются наибольшею яростью и жестокостью, а потомъ старѣя, дѣлаются болѣе смирными, и онъ скорбѣлъ, что „якобинцы захотѣли замѣнить католицизмъ новою, болѣе молодою и болѣе злобной религіей, религіей свободы, равенства, республики, отечества".

Анатоль Франсъ, какъ бы нарочно, около Бротто ставитъ

очень благодушныхъ представителей католическаго клира. Старый эпикуреецъ, какъ мы видимъ, съ удовольствіемъ вспоминаетъ свое былое пріятельство съ кардиналомъ Берни, но нужно знать, что такое былъ этотъ сановникъ церкви, свѣтскій человѣкъ, литераторъ и дипломатъ, не мало содѣйствовавшій уничтоженію ордена іезуитовъ, а въ началѣ революціи — тщетно старавшійся смягчить гнѣвъ папы противъ Франціи. Съ тѣмъ же хорошимъ чувствомъ вспоминалъ онъ пьяненькаго попика своего имѣнія, который такъ снисходительно относился къ людскимъ грѣхамъ. А самъ Лонгмаръ, развѣ это не полная противоположность какого бы то ни было фанатизма?

Да, когда-то нетерпимый католицизмъ старѣлъ, дряхлѣлъ, хотя возрожденіе его казалось Бротто болѣе, чѣмъ вѣроятнымъ. Пока на сцену выступала новая религія, нетерпимая, властолюбивая и жестокая. Анатоль Франсъ не даромъ подчеркиваетъ, что якобинскіе инквизиторы засѣдали [illegible] смыслъ получаютъ нѣкоторыя краткія описанія, въ родѣ, напримѣръ, барнабитской церкви, превращенной въ помѣщеніе секціи Новаго Моста, гдѣ статуи святыхъ, стоявшія въ нишахъ, замѣнены были бюстами патріотовъ, а на престолѣ красовалась таблица „Правъ человѣка и гражданина“. Эта новая религія имѣла свои храмы, своихъ служителей свои праздники, а главное — свои абсолютныя истины, свою идеологію, получавшую освященіе свыше, отъ „якобинскаго Бога“, Верховнаго Существа гражданской религіи Руссо. И у этой новой вѣры не могло не быть фанатическаго отношенія къ старой вѣрѣ. На пути къ жилищу Бротто люди, которые шли его арестовать, случайно встрѣтили продавщицу разныхъ мелкихъ принадлежностей культа, крестиковъ, образковъ, четокъ и т. п., которая тотчасъ же была арестована съ этимъ своимъ „арсеналомъ фанатизма“ и отправлена, куда слѣдуетъ.

Молодой якобинецъ, центральная фигура романа Анатоля Франса, былъ насквозь проникнутъ этой религіозностью, что потомъ подчеркивается неоднократно („il avait l'esprit religieux“, „commençait à se faire du châtiment une idée religieuse et mystique“, и т. п.), но Анатоль Франсъ не согласенъ съ мнѣніемъ Бротто, будто такіе люди злѣе другихъ. Мы видѣли, что Гамелена онъ изображаетъ отъ природы добрымъ, честнымъ, цѣломудреннымъ, скромнымъ и т. д., да и

среди его товарищей по должности присяжнаго были, говоритъ въ одномъ мѣстѣ Анатоль Франсъ, всякіе люди: „образованные и невѣжды, низкіе и великодушные, мягкіе и насильники, лицемѣрные и искренніе“, но всѣ они дѣлались „жестокими изъ зависти или изъ страха“, становились какъ бы „одной головой, глухой и раздраженной, какимъ-то мистическимъ звѣремъ, который, въ силу естественнаго дѣйствія своихъ функцій, обильно расточалъ смерть. И между ними какъ благожелательные по природѣ, такъ и жестокіе, внезапно потрясенные чувствомъ жалости, со слезами оправдывали подсудимаго, котораго за какой-нибудь часъ передъ тѣмъ осудили бы съ ѣдкими сарказмами“. Мы видѣли, что, по мнѣнію матери Гамелена, — чудовищемъ, какъ она сама его, въ концѣ концовъ, называла, сдѣлали его якобинцы, но самихъ-то якобинцевъ создала не только ихъ идеологія, но и та чрезвычайная обстановка, въ которыхъ жила Франція той эпохи. „Это, говоритъ еще о присяжныхъ революціоннаго суда Анатоль Франсъ, были люди удача, а не заслуга (est un bonheur et non pas une vertu): кто бы ни согласился стать на ихъ мѣсто, поступалъ бы такъ же“. Ихъ дѣятельности нужно было оправданіе, и имъ давала его новая вѣра. А ими самими играли слѣпыя силы природы, ставившія ихъ въ нелѣпыя и тяжелыя положенія.

Взглядъ вообще на судьбу людей, какъ на игралище силъ природы, это — взглядъ Бротто, навѣянный чтеніемъ Лукреція, который училъ его жить „безъ страховъ и безъ желаній“, хотя, по словамъ романиста, самого его пожирали чувства сожалѣнія и безпокойства. Но Анатоль Франсъ не хочетъ, что бы изъ-за этого Бротто считали пессимистомъ. Какъ бы желая и съ себя стряхнуть непріятное чувство, и читателю дать также своего рода „суровое утѣшеніе“, онъ прибавляетъ: „однако, онъ (Бротто) отнюдь не былъ пессимистомъ и не думалъ, чтобы жизнь была совсѣхъ плоха. Онъ удивлялся природѣ во многихъ ея частяхъ, особенно въ движеніи небесныхъ свѣтилъ и во влеченіяхъ любви, и приспособлялъ къ себѣ работу жизни въ ожиданіи того дня, когда не будетъ отрицать больше ни страховъ, ни желаній“. Любовь къ жизни, въ которой Бротто признается Лонгмару, это — эпикурейская любовь къ жизни самого Анатоля Франса, и тѣ, которые насильственно отнимали ее у другихъ, казались ему не то кровожадными богами, не то бездушными орудіями какой-то слѣпой силы.

То, что происходило вокругъ Бротто и Лонгмара, было какимъ-то фатумомъ. Въ одной изъ бесѣдъ своихъ съ этимъ вѣрующимъ священникомъ поклонникъ Лукреція коснулся вопроса, на кого падаетъ наибольшая отвѣтственность за „вообще безуміе“ и, между прочимъ, сказалъ слѣдующее: „Эпикуръ говоритъ, что божество или хочетъ помѣшать злу, и не можетъ, или можетъ, да не хочетъ, или не хочетъ и не можетъ, или же и хочетъ, и можетъ. Если хочетъ и не можетъ, оно безсильно; если можетъ и не хочетъ, оно нечестиво; если и не можетъ, и не хочетъ, оно и то, и другое; а если и хочетъ и можетъ, то почему же, мой отецъ, не дѣлаетъ этого?“ Для атеиста Бротто весь вопросъ, конечно, въ признаніи во всемъ, что происходитъ, нѣкоторой фатальности, но въ то же время это фатально происходящее онъ оцѣниваетъ, какъ сплошное безуміе, и спрашиваетъ себя, кто въ этомъ безуміи былъ наиболѣе безумнымъ? Хотя и колеблясь дать категорическій отвѣтъ, въ концѣ концовъ, Бротто считаетъ себя очень недалеко отъ того, чтобы признать самою безумною партію двора. Онъ не мотивируетъ этого своего мнѣнія, и мы не видимъ, почему Анатоль Франсъ заставляетъ его такъ думать. Характерно для его отношенія къ революціи только то, что такой приговоръ произносится представителемъ стараго порядка, вспоминавшемъ его не безъ сожалѣнія и столь рѣзко отзывавшемся о якобинскомъ режимѣ.

Это мѣсто и вообще всѣ тѣ мѣста, гдѣ Анатоль Франсъ даетъ полную волю своему вольнодумству, конечно, и заставили французскихъ консервативныхъ журналистовъ отказаться отъ своихъ ликованій по поводу мнимаго обращенія знаменитаго романиста. Анатоль Франсъ всегда былъ лѣвымъ, и особенно его лѣвизна стала ярко проявляться въ эпоху дѣла Дрейфуса, когда онъ примкнулъ къ лагерю „intellectuels“, т. е. передовой интеллигенціи. началъ участвовать въ организаціи народныхъ университетовъ, читать лекціи для рабочихъ, выступать ораторомъ на публичныхъ собраніяхъ, а въ своихъ произведеніяхъ — отражать разныя злобы дня, между прочимъ — и знаменитую „affaire“, связанную съ именемъ Дрейфуса. Только легкомысліе могло внушить нѣкоторымъ представителямъ французской націоналистической прессы мысль объ „обращеніи“ Анатоля Франса, но, несомнѣнно — такое отношеніе къ якобинизму, какое онъ проявилъ въ своемъ романѣ, не представляетъ очень обычнаго явленія въ лѣвомъ лагерѣ французской литературы.

Французскіе реакціонеры напрасно поторопились обрадоваться: отрицательное отношеніе романиста вытекаетъ совсѣмъ не изъ той политической идеологіи, которую они сами раздѣляютъ, и романистъ, конечно, доставилъ имъ не мало поводовъ въ этомъ убѣдиться. Анатоль Франсъ, впрочемъ, и совсѣмъ не политикъ. Онъ только наблюдаетъ и изображаетъ жизнь, въ своихъ историческихъ романахъ только воскрешаетъ прошлое съ любознательностью ученаго и съ сообразительностью художника, но опять таки не для того, чтобы что-либо осудить не только съ политической, но и съ моральной точки зрѣнія, или что-либо преподать въ качествѣ совѣта опять-таки не только политическаго, но и моральнаго, а для того, чтобы выразить свое настроеніе и тѣмъ самымъ представить дѣйствительность въ свѣтѣ своего міросозерцанія.

И это общее настроеніе Анатоля Франса проявляется въ заключительной главѣ романа, которая какъ-то напомнила мнѣ „младую жизнь, играющую у гробового входа“ при „сіяніи вѣчной красы равнодушной природы“. Въ исторіи Франціи открывались новыя страницы, когда старое стало постепенно забываться, какъ забытъ былъ Элодіей несчастный Гамеленъ ради новой любви, овладѣвшей ея сердцемъ, — а если это старое и вспоминалось, то не добромъ.

Н. Карѣевъ.

ПО ЭТАПАМЪ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СЕМИДЕСЯТНИКА.

(СЪ КАРЫ ДО ИРКУТСКА.)

Срѣтенскъ. 1890 г. Ноябрь.

Кончилъ я свою восьмилѣтнюю каторгу и вотъ пишу въ дорогѣ, отправляясь на поселеніе. Пишу отъ нечего дѣлать, чтобы скоротать томительное сидѣніе на этапахъ. Купилъ сѣрой махорочной бумаги и сшилъ тетрадь. Это будетъ не дневникъ, а... этапникъ — слово, изобрѣтенное мною и едва ли переводимое на иностранные языки, но по условіямъ нашей жизни имѣющее полное право на гражданство въ лексиконѣ русскаго языка.

По закону, приговоренный на каторгу, по истеченіи извѣстнаго срока [1]), при хорошемъ поведеніи можетъ быть выпущенъ изъ тюрьмы для жительства въ такъ называемой вольной командѣ. Для этого разряда арестантовъ полагаются особыя казармы, гдѣ они помѣщаются безъ запоровъ и свободно избираютъ себѣ любое занятіе въ предѣлахъ тюремной территоріи, которая въ Карѣ по размѣрамъ не уступаетъ, пожалуй, иному средней руки княжеству Германской Имперіи. Навлекшіе на себя немилость начальства вольнокомандцы во всякое время могутъ быть возвращены въ тюрьму и подвергнуты принудительнымъ работамъ. Къ ночи всѣ должны являться для повѣрки въ свои казармы, кромѣ проживающихъ у разныхъ тюремныхъ чиновниковъ на положеніи прислуги. На самомъ дѣлѣ, — въ мое, по крайней мѣрѣ, время, — никакихъ казармъ не было, и никакой повѣрки вольнокомандцевъ не дѣлалось. Всякій устраивался, гдѣ и какъ хотѣлъ. Отъ повальныхъ побѣговъ удерживало

---

[1]) Сроки эти различны, смотря по тому, на сколько и куда осужденъ арестантъ: въ крѣпость, рудники или заводъ. Въ новомъ Уголовномъ Уложеніи этихъ дѣленій не существуетъ.

только золото и вообще возможность сносно устроиться въ этомъ золотопромышленномъ пунктѣ. Сравнительно строгому надзору подчинены лишь политическіе, проживающіе въ собственныхъ, ими нанятыхъ избахъ, которыя ежедневно, временами даже утромъ и вечеромъ, посѣщались жандармами. Для отлучки изъ района своей (государственной) тюрьмы, напр., за покупкой провизіи на Усть-Кару, требуется письменное разрѣшеніе коменданта, что, впрочемъ, при комендантахъ Бурлеѣ и Масюковѣ не всегда соблюдалось.

Окончившіе свои сроки каторжники переводятся въ разрядъ ссыльно-поселенцевъ и, оставаясь попрежнему лишенными всѣхъ правъ, причисляются на жительство въ разныя волости восточно-сибирскаго и пріамурскаго генералъ-губернаторствъ.

Каждыя двѣ недѣли приходитъ на Кару партія свѣжихъ каторжниковъ, а возвращающійся обратно конвой уводитъ съ собой отправляемыхъ на поселеніе. Приведенный въ назначенную ему волость и сданный конвоемъ мѣстнымъ властямъ ссыльно-поселенецъ спѣшитъ взять паспортъ (съ литерами л. в. п.)[1]) и уходитъ на заработки, кромѣ Западной Сибири, куда хочетъ. Нѣкоторымъ удается покидать Кару не подъ конвоемъ, а вольнымъ образомъ, и на законномъ основаніи. Узнавъ въ конторѣ о мѣстѣ своего причисленія и выхлопотавъ оттуда себѣ паспортъ, такой счастливецъ сразу превращается въ вольнаго человѣка и уѣзжаетъ на пароходѣ вверхъ по Шилкѣ или внизъ по Амуру. Но добиться такой льготы — дѣло не легкое и требуетъ значительныхъ расходовъ. Разрѣшеніе на выправку паспорта изъ волости дается смотрителемъ не всякому; обыкновенно оно покупается за деньги и стоитъ до 25 руб., кромѣ стоимости самого паспорта и обычнаго хабара писарю. Все это относится, конечно, къ уголовнымъ. Мнѣ, какъ политическому, нельзя было воспользоваться столь благодѣтельной, въ иныхъ случаяхъ, слабостью нашихъ аргусовъ къ мздѣ. Я шелъ не на приписку въ русскую волость, а на водвореніе въ якутскій улусъ. Правда, случалось и политическимъ избѣгать этапнаго хожденія и уѣзжать къ мѣсту своего причисленія съ удобствами ускореннаго путешествія на почтовыхъ. Но для этого нужно было исхлопотать разрѣшеніе самого губернатора и везти на свой счетъ двухъ конвоировъ, обратный

[1]) Т. е. лишенный всѣхъ правъ.

путь которыхъ долженъ быть также оплаченъ. Понятно, что „уходы“ на поселеніе этимъ способомъ случались крайне рѣдко, да и то не съ самой Кары, а откуда-нибудь съ дальнѣйшаго пункта пути — съ Нерчинска, съ Читы, съ Иркутска.

Въ августѣ 1890 г. при переводѣ государственныхъ преступниковъ съ Карійскихъ промысловъ въ Акатуйскій рудникъ былъ у насъ генералъ-губернаторъ Корфъ. Онъ заявилъ, что отнынѣ положеніе политическихъ во всѣхъ отношеніяхъ уравнивается съ положеніемъ уголовныхъ. „Никакихъ уклоненій ни въ худшую, ни въ лучшую сторону допускаться не будетъ“. Это его подлинныя слова, которыя давали основаніе ожидать, что высылка политическихъ, по окончаніи ими срока каторги, въ Якутскую область прекращается, что ихъ такъ же, какъ и всѣхъ уголовныхъ (за исключеніемъ скрывающихъ свою „родословную“ бродягъ), станутъ теперь водворять не въ столь отдаленныхъ мѣстахъ Восточной Сибири. Я первый уходилъ на поселеніе послѣ посѣщенія насъ Корфомъ, и на мнѣ же обнаружилась лживость его обѣщаній. Правда, я иду обычнымъ этапнымъ порядкомъ вмѣстѣ съ уголовными, не пользуюсь предъ ними никакимъ преимуществомъ. Но куда иду? Иду на распоряженіе якутскаго губернатора, т. е. съ явнымъ нарушеніемъ другой части заявленія.

Партія была невелика — всего 36 человѣкъ, исключительно набранныхъ изъ вольнокомандцевъ. Нѣкоторые давно уже перешли въ разрядъ ссыльно-поселенцевъ, но, забытые начальствомъ или откупившіеся отъ высылки, оставались на Карѣ, привлекаемые легальными и нелегальными заработками бойкаго пріисковаго пункта. Намъ пришлось двинуться неожиданно. Изъ Срѣтенска пришелъ конвой не въ маршрутъ, т. е. не въ обычный установленный срокъ — разъ въ двѣ недѣли. Онъ привелъ на уличку нѣсколькихъ пойманныхъ бродягъ, въ которыхъ предполагали недавно бѣжавшихъ каторжниковъ; ихъ надо было предъявить для опознанія смотрителямъ и приставникамъ карійскихъ тюремъ. Завѣдующій рѣшилъ воспользоваться случаемъ — снарядить съ прибывшимъ конвоемъ партію обратныхъ. Приказано было наскоро выбрать для этого человѣкъ 50 вольнокомандцевъ. Назначили нѣсколькихъ приставниковъ ловить арестантовъ по Усть-Карѣ, Нижнему, Среднему и Верхнему промысламъ [1]). Одни преспокойно проживали въ

[1]) Поселки, образовавшіеся въ мѣстахъ разработки золота по рѣчкѣ Карѣ.

своихъ землянкахъ, занимаясь какимъ-либо ремесломъ или мелкой торговлей, другіе служили прислугой у мѣстныхъ обывателей, третьи хищничали въ лѣсу, выдавая свое присутствіе дымомъ зажженныхъ костровъ. Для всѣхъ это скоропалительное снаряженіе обрушилось, какъ снѣгъ на голову. Даже тѣмъ, у кого были семьи, законныя или незаконныя, приказано немедля собираться, и никакія отговорки и просьбы оставить до слѣдующаго маршрута во вниманіе не принимались. Только очень немногимъ удалось умилостивить приставниковъ, но это стоило имъ не дешево. Пріѣзжавшій недавно окружной инженеръ нашелъ чрезмѣрное развитіе „хищничества“ [1]), что онъ не безъ основанія ставилъ въ зависимость отъ излишка населенія на пріискахъ. Завѣдующій, получившій должное внушеніе, на этотъ разъ былъ особенно строгъ, а приставники, вопреки обыкновенію, отличались тугой податливостью на подкупъ. Инымъ приходилось покидать женъ и дѣтей почти на произволъ судьбы, въ надеждѣ вернуться за ними тотчасъ по полученіи паспорта въ своей волости. Двоимъ-троимъ удалось сбѣжать по дорогѣ на Усть-Кару, куда приставники гнали всѣхъ арестованныхъ. Приведенныхъ благополучно, въ предупрежденіе дальнѣйшихъ побѣговъ и пьянства, поспѣшили запереть въ тюрьму.

Были два чудака, которые не удостоились этой чести. Добровольно явившись съ просьбой включить ихъ въ партію, они были прогнаны смотрителемъ съ угрозой порки за самовольное безпокойство начальства. Эти арестанты состояли въ крѣпости (въ батракахъ) у одного изъ тюремныхъ смотрителей. Хозяинъ, конечно, ничего имъ не платилъ и только снабжалъ провизіей и посылалъ „хищничать“, а то и просто воровать золото въ разрѣзахъ въ свою пользу. Но вотъ работники, уже давно отслужившіе каторжный срокъ, запросились въ отправку. Это показалось подозрительнымъ; хозяинъ разрѣшилъ собираться къ ближайшей партіи, а въ день ухода обыскалъ ихъ и нашелъ въ бродняхъ золотниковъ пятнадцать золота. Золото было отобрано, а въ наказаніе за утайку его лукавые рабы не только подверглись поркѣ, но и были оставлены въ крѣпости до тѣхъ поръ, пока не намоютъ господину своему еще столько же, сколько отъ него утаили. Полагаясь на свои законныя права, аре-

[1]) Тайная разработка золота, сбываемаго обыкновенно китайцамъ.

станты, не исполнивъ наложеннаго на нихъ наказанія, сбѣжали къ отходу партіи на Усть-Кару. Но здѣшній завѣдующій, вѣроятно, былъ уже предупрежденъ объ ихъ „побѣгѣ“, и бѣднягамъ пришлось вернуться въ прежнюю кабалу, гдѣ ихъ, несомнѣнно, встрѣтили вторичной поркой.

На другой день около полудня арестантовъ вывели во дворъ на повѣрку по статейнымъ спискамъ, сданнымъ уже на руки начальнику конвоя. Въ построенномъ шеренгой строю было нѣсколько пьяныхъ, которыхъ товарищи поддерживали на ногахъ подъ руки. Не успѣлъ старшій выкликнуть нѣсколько именъ, какъ изъ строя послышались заявленія о невыдачѣ партіи на дорогу одежды. Арестанты указывали на свои ветхіе, изорванные халаты, на истоптанные, дырявые бродни и жалкіе остатки полушубковъ, которыхъ у большинства и совсѣмъ не было. Погода съ сибирской точки зрѣнія стояла, правда, не холодная: при пасмурномъ небѣ едва ли было болѣе 15—20 по Р., но въ послѣднихъ числахъ ноября при первой же ясной ночи морозъ могъ грянуть градусовъ въ 30. Старшій, повидимому, смутился. Его обязанность — принять партію одѣтой и обутой, но будучи чиномъ мелкимъ, всего ефрейторомъ, къ тому же, какъ сразу можно было замѣтить, и не изъ бойкихъ, онъ не дерзалъ по поводу арестантовъ безпокоить его высокоблагородіе. Онъ попытался отмолчаться и продолжалъ перекличку.

— Господинъ старшой, обратите вниманіе: вѣдь зима, гдѣ же дойти въ этакой одеженкѣ?

— Насъ шерстью Богъ не одѣлъ. Людей гоните, а не скотину.

— Въ отвѣтѣ будешь, ежели кто замерзнетъ. Должонъ принять партію въ полномъ порядкѣ.

Ропотъ становился все болѣе дружнымъ и громкимъ. Ефрейторъ принужденъ былъ изъ-за шума пріостановить повѣрку. Онъ обѣщалъ доложить начальству претензіи партіи, но при этомъ поставилъ на видъ, что здѣсь ее одѣнутъ въ старье, которое однакоже въ статейные списки занесутъ, какъ новое, и это лишитъ партію права получить хорошую, новую одежду въ Нерчинскѣ, гдѣ смотритель человѣкъ добрый и къ арестантамъ не прижимистъ. И какъ бы для того, чтобы не оставить сомнѣнія въ вѣрности своихъ соображеній, онъ добавилъ: „его даже политическіе уважаютъ“.

Выходъ былъ придуманъ ловко. Арестанты, отлично зная своего завѣдующаго, нашли совѣтъ ефрейтора вполнѣ резоннымъ и, въ ожиданіи будущихъ теплыхъ благъ, рѣшили примириться съ холоднымъ настоящимъ.

— Ну, ребята, складывай буторъ [1]), — весело скомандовалъ старшій, довольный собственной находчивостью, легко успокоившей арестантовъ.

— Какъ же съ голдобинцами-то [2]) быть? На ногахъ не стоятъ, не то что идти, — замѣтилъ кто-то.

Новое затрудненіе (ибо пьяныхъ, по инструкціи конвоя, принимать не полагается) благополучно разрѣшилось самой же партіей. „Голдобинцевъ“, несмотря на протесты подводчиковъ, свалили на сани, предназначенныя для бутора, и въ предохраненіе отъ замерзанія, закидали котомками.

Партія тронулась въ путь, сопровождаемая бабами, провожающими своихъ мужей.

Пройдя длинное Усть-Карійское селеніе, мы свернули на рѣку Шилку и пошли по льду.

Прощай Кара! Прощай каторга! Много тяжелаго довелось пережить съ тобой за восемь лѣтъ. Но нельзя сказать, чтобы я чувствовалъ себя радостно, покидая Кару. Было въ ней и хорошее, и даже настолько хорошее, что навсегда останется лучшимъ воспоминаніемъ въ прошломъ. Грустно было оставлять близкихъ людей... Придется ли когда встрѣтиться въ жизни. Будущее рисовалось невѣдомымъ, заволоченнымъ густымъ туманомъ. Но острота мрачнаго настроенія скоро притупилась усталостью. Подходя поздно вечеромъ къ Шилкинскому этапу, я уже не чувствовалъ подъ собой ногъ. Вотъ ужъ когда спалось сномъ праведнымъ. Несмотря на голыя доски, на гвалтъ моихъ спутниковъ, на тѣсноту... Этапъ сгорѣлъ, и насъ помѣстили не то въ заброшенной избѣ, не то въ сараѣ. Благо, хоть желѣзную печку поставили.

На утро ударилъ жестокій морозъ. Тронулись часовъ въ десять: все ждали, что холодъ хоть немного спадетъ. Арестанты раздобыли цѣлую копну сѣна, напихали его кругомъ туловища, между рубахой и халатомъ, пообматали имъ ноги, послѣ чего чуть не половина партіи превратилась

---

[1]) Арестанскій багажъ. По правиламъ полагается на каждаго по 30 фунтовъ, что соблюдается довольно строго относительно кандальныхъ, но не обратныхъ.

[2]) Винный заводчикъ и содержатель всѣхъ кабаковъ въ Забайкальѣ.

въ какихъ-то чучелъ. Мы не шли, а бѣжали. Буторъ едва поспѣвалъ за нами мелкой рысью. На полпути я, однако, не выдержалъ и упросилъ ямщика пустить меня какъ-нибудь примоститься на отводѣ саней, пообѣщавъ за это на водку...

Сейчасъ мы въ проклятомъ Срѣтенскѣ, куда пришли на пятый день пути. У всѣхъ отморожены уши, щеки, носы. Страшно усталые, голодные, озябшіе, мы съ добрый часъ проплясали у воротъ этапа, пока насъ не впустили. И что же? Помѣщеніе оказалось нетопленнымъ, кипятку нѣтъ. Арестанты раздражены, ругаются на чемъ свѣтъ стоитъ. Здѣсь дневка. Можно было бы отдохнуть, если бы не холодъ и не отвратительные порядки . . . . . Лично мнѣ, однако, здѣсь повезло: фельдшеръ, осматривавшій нѣкоторыхъ арестантовъ съ отмороженными пальцами на ногахъ, далъ и мнѣ свидѣтельство на подводу. Не какъ больному, а такъ, изъ уваженія къ политическимъ. Отсюда, значитъ, я буду имѣть право сидѣть на саняхъ до самой Читы. Неловко было нѣсколько передъ арестантами, но они не претендуютъ, предполагая меня, какъ политическаго, болѣе слабосильнымъ, чѣмъ я былъ на самомъ дѣлѣ. Потому-то они не даютъ мнѣ самому вытаскивать свои вещи на подводу, а всегда вырываютъ ихъ у меня изъ рукъ. Дѣлаютъ это совершенно безкорыстно, потому что поживиться имъ отъ меня, кромѣ табаку, нечѣмъ.

II.

Кабанское.

Думалось, что моя тетрадь, озаглавленная „этапникъ“, будетъ заполняться болѣе или менѣе регулярно, по крайней мѣрѣ — на каждомъ этапѣ, гдѣ полагается дневать. Но вотъ, начиная со Срѣтенска и до сегодня, я такъ въ нее и не заглядывалъ. Только теперь, въ Кабанскомъ, вспомнилъ о ней. Слава Богу, недалеко ужъ и до Иркутска. Страшно надоѣли эти этапныя томленія и сидѣнья по тюрьмамъ. Четыре съ половиной мѣсяца я въ пути. Изъ нихъ половина проведена въ нерчинской, читинской и верхнеудинской тюрьмахъ. Правда, въ Иркутскѣ предстоитъ тоже тюрьма, но это уже послѣдняя, если не считать, впрочемъ, еще якутской.

Кабанское — большое, торговое село; новый, недавно

отстроенный и еще не загрязненный полуэтапъ, гдѣ, однако, вмѣсто одного, мы просидимъ цѣлыхъ два дня. Насъ всего осталось восемь душъ, остальныхъ разослали по разнымъ волостямъ Забайкалья. Солдаты и арестанты разбрелись по селу за поживой. Спокойно, тихо и тепло. Лежу на нарахъ съ карандашомъ въ рукахъ передъ раскрытымъ „этапникомъ“.

Забайкальскіе этапы съ внѣшней стороны производятъ весьма благопріятное впечатлѣніе. Это еще недавней постройки вмѣстительныя, высокія зданія съ красной тесовой крышей и желтыми стѣнами. Большія окна съ жиденькими рѣшетками даютъ много свѣта. Широкій коридоръ ведетъ въ обширную камеру, какъ гласитъ надпись, на 120 человѣкъ. По обѣ стороны его — нѣсколько камеръ поменьше, кухня съ русской печкой, плитой и огромнымъ котломъ для кипяченія воды; помѣщеніе для конвоя и женская камера, сообщающаяся не съ коридоромъ, а съ выходной дверью прямо во дворъ. Отхожее мѣсто рядомъ съ конвойной, на этапахъ обращено обыкновенно въ кладовку унтеръ-офицера или фельдфебеля. Полуэтапы — того же типа, только поменьше, стоятъ открыто, не окружены высокими палями, такъ что на видъ ничего мрачнаго, казематнаго не представляютъ. Очевидно, по плану и смѣтѣ, это должны были быть прочныя, теплыя зданія, удовлетворяющія даже необходимымъ гигіеническимъ требованіямъ. Словомъ, бѣглому взгляду „знатнаго иностранца“ или россійской чиновной персоны все здѣсь показалось бы въ наилучшемъ видѣ. Но нужно самому пройтись этапнымъ путемъ, да еще зимней порой, чтобы убѣдиться въ полномъ несоотвѣтствіи дѣйствительности съ поверхностнымъ впечатлѣніемъ. Постройка въ высшей степени небрежная: бревна крайне плохо пригнаны одно къ другому; слабую моховую конопатку выдуло вѣтромъ, такъ что въ стѣнахъ зіяютъ дыры полувершковой ширины. Половицы постланы въ одинъ рядъ, и на одномъ этапѣ мы сквозь щели свободно кормили щенятъ, выведенныхъ проникшей снаружи подъ полъ сукой. Ясно, что на постройку шелъ лѣсъ совершенно сырой. Зимнія окна вставлены лишь для вида, безъ какой бы то ни было конопатки; нерѣдко между косякомъ и рамой можно свободно просунуть палецъ. Печки, вѣроятно, въ видахъ экономіи кирпича, безъ колодцевъ; натопить ихъ, какъ слѣдуетъ, нѣтъ возможности. Лѣтъ десять назадъ тюремный инспекторъ Загаринъ распорядился

поставить желѣзныя печи, за что заслужилъ среди арестантовъ большую популярность, несмотря на свой далеко не мягкосердечный нравъ. Эти печи давно перегорѣли, а новыхъ не ставятъ. Остаются однѣ кирпичныя, нерѣдко съ такими трещинами, что, при постоянныхъ въ Забайкальѣ вѣтрахъ, ослабляющихъ тягу, изъ этихъ трещинъ вырываются громадные языки пламени. Зимой даже послѣ продолжительной топки температура едва ли выше 4—5 градусовъ. Подъ нарами, въ особенности по угламъ, наросли кучи снѣга. Стекла и подоконники покрыты толстымъ слоемъ льда, отъ таянія котораго во время стоянки партіи по полу расплываются ручьи.

На полуэтапахъ живетъ сторожъ, такъ называемый каморщикъ, въ большинствѣ случаевъ изъ поселенцевъ, самъ побывавшій въ Карѣ, чѣмъ и объясняется его внимательность къ арестантамъ. Въ двухнедѣльный промежутокъ, между приходомъ партіи, онъ не лѣнится протапливать зданіе, не давая ему слишкомъ остыть, натаскаетъ льду въ котелъ и заблаговременно приготовитъ кипятокъ. Баба его напечетъ къ прибытію партіи хлѣба, шанегъ, запасетъ омулей, мерзлаго молока и всякой другой снѣди, и цѣны у нея божескія, не то что у солдатъ. Достаточно войти въ зданіе, чтобы видѣть, кто тутъ каморщикъ.

— Безпремѣнно чалдонъ желторотый, либо братскій чумырло, — говорятъ арестанты, — вишь, потолокъ снѣгомъ бѣленый, а на нарахъ — хоть сохой паши.

Сторожъ же изъ поселенцевъ всегда порадѣетъ своему брату, и ввѣренный ему полуэтапъ служитъ гостепріимнымъ убѣжищемъ даже для бродяжекъ, которые въ зимнюю стужу проводятъ здѣсь нѣсколько дней, пока отмороженныя части тѣла не заживутъ. Партіямъ, кромѣ того, здѣсь гораздо вольготнѣе, чѣмъ на дневкахъ. Ни пали, ни замки, ни караулы съ грозными окриками офицера или фельдфебеля, — ничто не напоминаетъ подневольнаго положенія. Конечно, я говорю объ обратныхъ, со стороны которыхъ нечего опасаться побѣга. Обратному нѣтъ смысла бѣжать; явившись въ свою волость, онъ получитъ паспортъ — и айда на всѣ четыре сторонушки. Тутъ, вдали отъ начальственныхъ глазъ, и конвой свободнѣе себя ведетъ и къ арестантамъ человѣчнѣе относится. Нерѣдко солдаты не только сами уходятъ на вечерку [1]) въ село, но иной фортовый старшій отпускаетъ

[1]) То же, что вечерницы въ Малороссіи.

арестантовъ даже „пострѣлять“ [1]), а то и стянуть, гдѣ что плохо лежитъ, но только „чтобы все было чинно и благородно, безъ всякаго оказательства“, а это значитъ: ежели который попадется, пеняй на себя, выручать не станемъ.

Совсѣмъ не то на этапахъ. Типъ постройки тотъ же, но высокая ограда изъ паль и обязательные замки придаютъ зданію видъ настоящей тюрьмы. Тутъ же за досчатымъ заборомъ домъ офицера и казарма этапной команды. Роль каморщика исполняется или артельщикомъ команды или дежурнымъ по караулу. Изъ восьми этаповъ отъ Срѣтенска до Кабанскаго только два содержатся въ сравнительномъ порядкѣ и теплотѣ. Остальные скорѣе годятся подъ стойла для скота, чѣмъ для людей, хотя бы даже и лишенныхъ всѣхъ правъ состоянія. Лѣтомъ въ нихъ неимовѣрное количество клоповъ, блохъ, вшей, мокрицъ, таракановъ; послѣдніе, впрочемъ, умудряются выживать и зимой въ щеляхъ стѣнъ близъ печей, наползаютъ цѣлыми стаями въ котлы и превращаютъ вскипѣвшую воду въ бульонъ рыжеватаго цвѣта, отъ чего чай — главная пища арестантовъ — пріобрѣтаетъ особенную питательность. Клопы тоже оживаютъ съ нагрѣваніемъ этапныхъ камеръ и послѣ продолжительной голодовки отличаются такимъ нахальствомъ, что не боятся набрасываться на людей даже днемъ. Повсюду никогда, кажется, не смываемая и не убираемая грязь. Отхожее мѣсто, занятое подъ складъ солдатской провизіи и запертое на замокъ, замѣняется обыкновенной ямой въ углу двора безъ навѣса и безъ бокового прикрытія, а въ лучшемъ случаѣ — это ящикъ, настолько небрежно сколоченный, что вокругъ образуется цѣлое озеро изъ мочи, черезъ которое пробираются къ ящику по доскѣ, какъ по трапу. Чистить сортиръ — обязанность арестантовъ, но для этого не даютъ ни лопатъ, ни койлы, ни тачки, вслѣдствіе чего обязанность эта остается абсолютно невыполнимой. Удивительно, какъ самъ его благородіе выноситъ эти ароматы, которые даютъ себя знать, чуть ли не на версту отъ этапа. На ночь здѣсь арестантовъ запираютъ на замокъ; въ камеры вставляются парашки, не осмоленныя, разсохшіяся, безъ крышекъ; содержимое ихъ вытекаетъ и разливается по полу, на которомъ спятъ арестанты, не вмѣстившіеся, при многолюдной партіи, на нарахъ. Подобными и многими другими прелестями отличаются въ

[1]) Просить милостыни.

особенности тѣ этапы, гдѣ полновластнымъ господиномъ является фельдфебель. Въ Срѣтенскѣ, напр., мы не только не нашли готоваго кипятку, но даже холодной воды въ котлѣ не оказалось. Въ камерѣ температура едва ли выше нуля. Пришлось самимъ натаскать льду, растопить печь; но дровъ отпустили въ такомъ ничтожномъ количествѣ, что льдины до повѣрки не успѣли даже растаять. Напрасно арестанты просили прибавки дровъ, чтобы хоть горячимъ чаемъ согрѣться, — фельдфебель не давалъ, ссылаясь на запрещеніе начальника топить ночью (партія пришла часовъ въ пять); напрасно барабанили въ дверь, требуя для объясненія офицера, — онъ не являлся. Замерзшіе, голодные, озлобленные, наиболѣе пылкіе арестанты принялись было ломать нары, но были остановлены болѣе благоразумными и покорными товарищами. Въ результатѣ — голодная и холодная ночь и кровавое утро съ поркой старосты и еще четырехъ шумѣвшихъ арестантовъ. Дѣйствительно, топка печей послѣ повѣрки, когда камеры на запорѣ, инструкціей запрещена, но при этомъ, несомнѣнно, предполагается, что поздно вышедшая партія застанетъ помѣщеніе натопленнымъ и кипятокъ готовымъ. Однако, за исключеніемъ двухъ, много — трехъ этаповъ, нигдѣ этого не дѣлается, что и вызываетъ бурныя пререканія, иногда оканчивающіяся уступкой фельдфебеля, а чаще — такъ наз. бунтомъ съ обычными послѣдствіями: сидѣніемъ цѣлый день подъ замкомъ, поркой . . . . . Съ нами такая исторія повторилась еще въ Курбѣ. Крайнимъ ограниченіемъ въ выдачѣ дровъ преслѣдуются цѣли чисто наживательскаго характера, ибо встрѣчались этапы, гдѣ насъ въ этомъ отношеніи нисколько не стѣсняли. Въ такихъ случаяхъ арестанты вознаграждаютъ себя сторицею: топятъ съ утра до вечера, наслаждаясь теплomъ, выжариваютъ у огня насѣкомыхъ и, за отсутствіемъ банной мойки, распариваютъ до пота свои члены. Кстати сказать, за четыре мѣсяца мы только два раза были въ банѣ — въ нерчинской и верхнеудинской тюрьмахъ.

III.

Кубанское.
На другой день.

Здѣсь есть даже почтовая контора, куда я вчера, сопровождаемый простоватымъ конвоиромъ, самъ занесъ письмо;

потомъ зашелъ на базаръ, купилъ разной снѣди. Послѣ недѣльной голодовки мы тутъ роскошествуемъ: ѣдимъ мясо, рыбу и вкусныя еврейскія булки, — всего вдоволь и все дешево.

Арестанты получаютъ кормовыя деньги, размѣръ которыхъ гдѣ-то тамъ опредѣляется на основаніи справочныхъ цѣнъ. Я не знаю, какимъ образомъ собираются свѣдѣнія о цѣнахъ на продукты — вѣроятно, черезъ полицію; знаю только, что величина кормовыхъ обыкновенно вовсе не соотвѣтствуетъ цѣнамъ на хлѣбъ даннаго года. Помню, въ 1884 году печеный хлѣбъ стоилъ 7 к. за фунтъ; арестантамъ же на прокормленіе выдавали всего 10 к. Въ настоящемъ 1890 г., благодаря обильному урожаю въ Забайкальѣ, покупаемъ фунтъ ржапого хлѣба по 1—$1^1/_2$ к., а пшеничную булку по 3 к.; кормовыя опредѣлены въ 20 к. до Верхнеудинска. Съ этого города хлѣбъ сталъ дорожать ($1^1/_2$—2 к.), а между тѣмъ до Иркутска кормовыя уменьшены до 14 к. Но несмотря на счастливый годъ, намъ все-таки приходилось нерѣдко испытывать, если не голодъ, то, во всякомъ случаѣ, весьма чувствительный недостатокъ въ ѣдѣ. По Забайкалью, въ районѣ русскаго населенія, и по московскому тракту, у воротъ этапа, партію встрѣчаютъ крестьянки съ хлѣбомъ, молокомъ, шаньгами, пирожками съ усердіемъ, картошкой и т. под. Но по братской степи, гдѣ преобладаетъ бурятское населеніе, русскія же деревни встрѣчаются рѣдко, полуэтапы — почти всѣ — расположены вдали населенныхъ пунктовъ. По прибытіи партіи, староста съ нѣсколькими товарищами отправляется, въ сопровожденіи конвоя, за покупкой провизіи въ ближайшій бурятскій улусъ. Хлѣба буряты не пекутъ, не достанешь у нихъ и мяса, такъ какъ ради десяти-двѣнадцати фунтовъ скотину убивать не станутъ; въ такихъ случаяхъ провизію приходится покупать у солдатъ, и покупать не въ достаточномъ для насыщенія количествѣ, если кто не можетъ или не-хочетъ переплатить вдвое. Почти на всѣхъ этапахъ солдаты — главнымъ образомъ, фельдфебеля — ведутъ торговлю съѣстными припасами . . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Арестантамъ дозволяется обращаться къ начальнику команды съ просьбой доставить продукты черезъ волостное или сельское правленіе, но это длинная канитель, а мы уже порядкомъ изголодались. Дѣлать нечего, пришлось брать у фельдфебя по $2^1/_2$ к. хлѣбъ, который арестанты называли „глиной“, и по 10 к. сухое „душистое“ мясо, тогда какъ на селѣ жирное и свѣжее мясо продавалось по 6—7 к. за фунтъ.

Есть полуэтапы, на которыхъ приходится буквально голодать. Поблизости нѣтъ не только русскаго поселка, но и бурятской юрты; верстахъ въ двухъ торчитъ лишь одинокій станокъ [1]) и каморщикъ-бурятъ, у котораго, кромѣ карымскаго [2]) чая, да тяуска [3]) овечьяго молока, ничего не найдешь. Особенно круто приходится обратнымъ по выходѣ изъ Верхнеудинска. Въ этомъ городѣ насъ заключили въ Централъ — единственная тюрьма въ Сибири съ крайне строгой дисциплиной и суровыми порядками. Въ теченіе десяти дней содержались мы въ камерѣ на запорѣ, во избѣжаніе общенія съ нами арестантовъ разныхъ другихъ категорій. На руки кормовыхъ не получили, а довольствовались изъ общаго котла. Зная пустынность предстоящихъ двухъ переходовъ, мы старались съэкономить на дорогу хлѣбные пайки. Но при отправкѣ наши запасы были отобраны, такъ какъ изъ Централа ничего выносить нельзя. И вотъ, просидѣвши десять дней на тюремной баландѣ, гдѣ крупинка за крупинкой гонится и никакъ догнать не можетъ, приходимъ на полуэтапъ Уточкино. На много верстъ въ окружности никакого жилья, и у каморщика ничего нѣтъ. Согрѣлись пустымъ кипяткомъ — и только всего. Назавтра до Ильинскаго 30 верстъ, которыя на тощій желудокъ показались намъ въ 60. Изъ-за сильнаго встрѣчнаго вѣтра пришли уже въ сумерки. Выстраиваемся у воротъ этапа; ждемъ полчаса, ждемъ часъ — не отворяютъ. Арестанты теряютъ терпѣніе: „Чего же онъ, дьяволъ, не впускаетъ? Часовой, зови дежурнаго, какого чорта...“ Наконецъ выходитъ унтеръ-

---

[1]) Почтовая станція.
[2]) Зеленый кирпичный чай.
[3]) Посуда изъ бересты.

офицеръ съ фельдфебелемъ. — Почто же вы людей морите на погодѣ? Офицеру пожалимся, — встрѣчаютъ ихъ раздраженные голоса.

— Ну, вы, шпана, потише, — огрызается унтеръ, — нашъ этого не любитъ.

Арестанты знаютъ нравы всѣхъ этапныхъ начальниковъ, знаютъ они и ильинскаго, котораго называютъ лѣшимъ, а потому замѣчаніе унтера сразу водворяетъ порядокъ и спокойствіе. „Пересчитанные“, они, по укоренившейся привычкѣ, какъ сорвавшіеся съ цѣпи, кидаются въ отворенныя, наконецъ, ворота, швыряютъ котомки, куда попало, и бѣгутъ прежде всего къ котлу. Увы! не только что кипятку, даже холодной воды не оказалось. Просидѣли въ холодѣ и голодѣ два дня, пока не пришла верховая партія кандальныхъ; для нея побоялись оставлять этапъ нетопленнымъ. „Лѣшій“ страшно скупится на дрова, въ село за провизіей тоже почему-то не отпускаетъ, а торговокъ нѣтъ; . . . . продаютъ „глину“ по 3 к., а такъ наз. мясо, вѣрнѣе — кости, по 12 к. фунтъ; на 14 к. не слишкомъ-то разгуляешься. Необычная чистота пола и наръ служитъ крайне недостаточнымъ вознагражденіемъ за всѣ претерпѣваемыя на этомъ этапѣ лишенія. „Вотъ придемъ въ Кабанское, тамъ ужо разговѣемся“, утѣшали себя арестанты. И дѣйствительно, Кабанское не обмануло нашихъ надеждъ.

IV.

Апрѣль. Числа не знаю.

Боярская.

Мы въ Боярской, на берегу могучаго Байкала. Онъ еще спитъ, но близъ берега уже образовались громадныя, въ нѣсколько верстъ, надледныя озера. Вѣтеръ рветъ и мечетъ. Щетинистый Подросъ [1]) визжитъ, трещитъ, ломается, наполняя воздухъ странными для непривычнаго уха звуками.

Этапъ ужасный, ... всю ночь пили, пѣли, плясали и играли на гармоникѣ, обративъ въ кабакъ сосѣднюю съ нами камеру. Я описалъ этапныя помѣщенія; не мѣшаетъ познакомить воображаемаго читателя и съ этапной командой. Потому что — почемъ знать? Недаромъ

[1]) Вертикально торчащія глыбы льда высотою до 1 саж. и болѣе.

говорится: отъ сумы да отъ тюрьмы не отказывайся. Команда состоитъ изъ 25—30 человѣкъ нижнихъ чиновъ, включая сюда фельдфебеля, одного или двухъ унтеръ-офицеровъ и писаря. Во главѣ ея офицеръ съ правами полкового командира. Нерѣдко офицеръ ни во что не вмѣшивается, предоставляя веденіе канцеляріи писарю, а все остальное — фельдфебелю; . . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Иной офицеръ, взваливъ всѣ заботы о партіи, о состояніи этапнаго зданія на фельдфебеля, всецѣло поглощенъ военными экзерсиціями: ежедневно муштруетъ солдатъ, устраиваетъ маневры со штурмомъ сооруженныхъ изъ снѣга крѣпостей; каждую ночь провѣряетъ посты, взыскиваетъ за малѣйшій непорядокъ въ казармѣ; что же касается арестантовъ, то лично онъ къ нимъ никогда и не показывается, считая это ниже своего офицерскаго достоинства. Онъ требуетъ, чтобы партія ничѣмъ не давала о себѣ знать, чтобы въ его этапѣ было все такъ же безмолвно и спокойно, какъ и до ея прибытія. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . начальникъ въ Турино-Поворотной развелъ обширное земледѣльческое хозяйство и при этомъ обходится безъ единаго наемнаго работника . . .

. . . . . .

. . . пища не лучше, чѣмъ въ верхнеудинской централкѣ, и, въ довершеніи всего, начальникъ занимается ростовщичествомъ. Къ арестантамъ онъ относится также съ чисто хозяйственной точки зрѣнія. Жить у него довольно свободно, но грязно и холодно, потому что начальникъ экономитъ на дровахъ и на метлахъ. Печей въ его этапѣ топить невозможно, такъ какъ дымъ валитъ прямо въ камеру; если вѣрить солдатамъ, онъ нарочно завалилъ трубы, чтобы отбить охоту у арестантовъ клянчить у него дрова. Онъ самъ принимаетъ каждую приходящую партію и первымъ дѣломъ освѣдомляется, нѣтъ ли въ ея составѣ мастеровыхъ, и тотчасъ же находитъ для нихъ работу: починить телѣгу, вылудить самоваръ, сдѣлать или исправить что-нибудь изъ мебели. Арестанты берутся въ надеждѣ что-нибудь получить, но, разумѣется, остаются въ дуракахъ. Пока они работаютъ, онъ

вертится, тутъ же, указываетъ, что и какъ, не кричитъ, не ругается, но лишь только работа кончена, онъ прячется и носа своего не кажетъ. Въ нашей партіи рѣшились черезъ дежурнаго напомнить объ обѣщанной платѣ. Получился шуточный отвѣтъ: „Послѣ дождичка въ четвергъ . . . . . .

У этого кулака . . . обратная партія сидитъ три дня, въ теченіе которыхъ онъ, какъ бы въ вознагражденіе за эксплоатацію арестантовъ, доставляетъ имъ не мало развлеченій сценами со своей молодой и „гулящей“ супругой. Благородная чета предпочитаетъ для взаимныхъ счетовъ открытый воздухъ передъ десятками глазъ и ушей, прильнувшихъ къ скважинамъ забора. Слушатели и зрители съ удовольствіемъ узнаютъ, что барину самому впору въ каторгѣ быть, а барыня — пойманная на мѣстѣ преступленія съ молодымъ писаремъ.

Есть, однако два этапа, начальники которыхъ пользуются доброй славой: у одного мы уже были въ с. Размахниной, у другого предстоитъ быть — въ Лиственной . . . . . .

. . . . . И какъ мало нужно, чтобы заслужить ихъ расположеніе! Чуточку человѣчности, немножко внимательности къ ихъ нуждамъ — вотъ и все.

— Ну, что, ребята, кипятокъ есть? Жратвы довольно? — спрашиваетъ . . . зайдя въ камеру арестантовъ.

— Благодаримъ покорно, ваше благородіе. Согрѣлись чайкомъ и насытились.

— А мерзнете, небось?

— Прохладецъ есть, ваше благородіе.

— Есть, есть, самъ знаю; но что дѣлать? Видите, стѣна, что твое рѣшето, печи чуть держатся. Пишу, пишу — ничего не выходитъ. Не на свой же счетъ ремонтъ производить. Ужъ потерпите.

— Не безпокойтесь, ваше благородіе, чего съ нами станется? Не то доводилось терпѣть, да живы остались. На волю идемъ, не въ каторгу,—успокаиваютъ арестанты начальника, какъ бы извиняясь, что являются невольнымъ предметомъ его заботъ.

Кандальщики, и тѣ не остаются безчувственными къ добропорядочности . . . Въ прошломъ году одна изъ партій, щадя начальника, не допустила совершиться побѣгу

двухъ важныхъ каторжниковъ, пожелавшихъ воспользоваться представившимся для того удобнымъ случаемъ. Побѣгъ осуществился съ полуэтапа въ районѣ другого . . . . по справедливости заслужившаго всеобщую ненависть . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Продажа питей производится, главнымъ образомъ, на полуэтапахъ. . . . . организуютъ это дѣло на началахъ участія въ прибыли . . . . . .
. . . . . и, разумѣется, не въ силу либеральныхъ политико-экономическихъ идей, а изъ опасенія доноса начальнику. Въ вопросахъ наживы общая нелюбовь къ послѣднему является, очевидно, недостаточной гарантіей. Бутылка водки — понятно — продается значительно дороже стоимости ея на волѣ. Случается, что арестанты, соблазненные безпрепятственнымъ случаемъ выпить, пропиваютъ всѣ свои кормовыя, обрекая себя на голодовку до слѣдующей получки. Нерѣдко, однако, старшій выручаетъ изъ бѣды пропившагося, отпуская его въ село „пострѣлять“, т. е. просить милостыни или вообще поживиться, чѣмъ Богъ пошлетъ. Кандальная партія снаряжаетъ съ этой цѣлью тѣхъ изъ стариковъ, которые своимъ внѣшнимъ видомъ обѣщаютъ размягчить черствое сердце чалдона; къ нимъ присоединяютъ двухъ-трехъ „князей Долгорукихъ“, какъ называютъ арестанты артистовъ по части воровства . . . . . эти послѣдніе переходятъ отъ окна къ окну, снимаютъ шапки и нараспѣвъ, подражая калѣкамъ перехожимъ, завываютъ: „Батюшки, матушки, пожалѣйте насъ, несчастненькихъ, пожертвуйте, что милость ваша, заставьте вѣкъ Бога молить“, и т. д. Но сибирякъ съ каждымъ годомъ становится все скупѣе: обычай выносить подаянія арестантамъ отходитъ уже въ область прошлаго. Чалдонъ остается обыкновенно глухъ къ ихъ причитаніямъ, направляя просителей къ Господу Богу. Тогда „князья“ измѣняютъ жалостливыя физіономіи въ свирѣпыя, показываютъ чалдону сжатые кулаки и идутъ дальше. Тѣмъ менѣе охотно подаютъ обратнымъ арестантамъ. Въ нашей партіи на

это мало разсчитывали, а больше на то — не удастся ли чего стибрить.

Игра въ карты такъ же распространена среди арестантовъ . . . . . какъ и въ кругу благоденствующихъ, привилегированныхъ слоевъ общества. Нѣкоторые офицеры строго преслѣдуютъ картежъ, но, во-первыхъ, у нихъ самихъ бревно въ глазу, а во-вторыхъ — въ командировкѣ, вдали отъ начальническаго надзора, ничто не мѣшаетъ предаваться этой всесословной, такъ сказать, страсти. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

V.

С. Мысовая.

Пишу изъ Мысовой; это — послѣдній пунктъ Забайкальской области. Завтра переходъ черезъ Байкалъ. Дни стоятъ довольно теплые, а „Святое море“ все еще сковано льдомъ. Величественныя горы покрыты бѣлымъ саваномъ, а по тракту, извивающемуся по самому берегу моря, ноги вязнутъ въ грязи, отчего ходьба становится особенно утомительной. Подводъ двѣ, ... негдѣ присѣсть. Сопровождая партію, конвой обязанъ идти

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

всю дорогу пѣшкомъ. Есть переходы въ 35—40 и болѣе верстъ, какъ, напр., отъ Кручины до Читы, отъ Читы до Ключей, а черезъ Байкалъ отъ Мысовой до Лиственичной и всѣ 50 наберутся. Проходить такія разстоянія не присѣдая, почти нѣтъ возможности, а такъ какъ для солдатъ подводъ не полагается, то имъ ничего не остается, какъ пользоваться подводами, предназначенными подъ буторъ [1]) да подъ больныхъ и немощныхъ арестантовъ. Противъ этого никто ничего не имѣлъ бы, ...
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . Количество больныхъ и слабосильныхъ стариковъ зависитъ отъ врача, свидѣтельствующаго партію при отправкѣ ея изъ города. Нерѣдко, впрочемъ, обязанность эта возлагается на фельдшеровъ. Врачъ или фельдшеръ на этотъ счетъ не очень щедры; и для крестьянъ это хорошо, такъ какъ поставка подводъ составляетъ тягостную для нихъ натуральную повинность. Но въ интересахъ партіи и конвоя заполучить подводъ, какъ можно больше.

— Ваше благородіе, припишите подводу, не могу идти, — заявляетъ арестантъ при осмотрѣ.

— Чѣмъ боленъ?

— Въ нутрѣ будто огнемъ печетъ.

— Врешь, — говоритъ врачъ, глядя на здоровую фигуру арестанта.

— Истинная правда, ваше благородіе. Какъ сидишь, будто полегче, а на ногахъ — словно бы тебя каленымъ желѣзомъ...

— Врешь, врешь. Ступай прочь, —и солдатъ отталкиваетъ мнимаго больного въ сторону.

— Ваше благородіе, — пошатываясь, подходитъ другой.

— Что у тебя?

— Подъ сердце подпираетъ, претъ, претъ — ажно съ ногъ валитъ.

— Покажи языкъ.

Больной высовываетъ языкъ во всю длину.

— Пробѣжи-ка рысцой верстъ 25 — все, какъ рукой сниметъ, — шутитъ врачъ. — А ты чего? — обращается онъ къ третьему.

---

[1]) Арестантъ можетъ имѣть не болѣе 30 фунтовъ вещей, не относительно обратныхъ эта норма строго не соблюдается.

— Пальцы на ногахъ отморожены, шибко трудно идти.

— Сними бродни.

Дѣйствительно, ноги безъ пальцевъ.

— Гдѣ отрѣзали?

— Товарищъ, ваше благородіе, топоромъ отсѣкалъ. По бродяжеству дѣло было.

— Да они у тебя давно зажили, можешь, значитъ, ходить.

— Никакъ за партіей не угонюсь. Явите божескую милость.

Врачъ колеблется, но тутъ выступаетъ на сцену староста:

— Одна маета съ нимъ, ваше благородіе, черезъ него всѣмъ мерзнуть приходится; отстанетъ, аспидъ, всю партію останавливаютъ. Стой — жди его на „погодѣ“ [1]).

Врачъ уступаетъ.

— Вотъ опять Кешка Безлюбовъ, — продолжаетъ староста, — черная болѣзнь у него, ваше благородіе. Упадетъ этта на землю — бьется, катается, въ родѣ какъ бѣсноватый. Намеднись въ полынью бултыхнулся, — еле вытащили. А въ телѣгѣ привяжешь его — бейся сколько угодно.

Вообще на старосту возлагается обязанность выторговывать какъ можно больше подводъ, и его вмѣшательство, какъ полуофиціальнаго блюстителя порядка, въ партіи допускается самимъ начальствомъ.

Про черную болѣзнь Кешки онъ выдумалъ, но съ успѣхомъ: врачъ далъ ему записку на подводу. Съ врачемъ всегда удобнѣе имѣть дѣло, чѣмъ съ фельдшеромъ. Послѣдній, будучи неважнымъ человѣчкомъ, пыжится, куражится, старается изобразить изъ себя персону, власть имущую. Арестанты понимаютъ слабую струнку маленькихъ чинушей и въ обращеніи съ ними не жалѣютъ величать ихъ всѣми извѣстными имъ титулами: и превосходительствомъ, и сіятельствомъ, а иной даже въ „высочество“ произведетъ, что порою, дѣйстительно, не остается безъ желаемыхъ результатовъ.

Староста долженъ имѣть въ виду всю партію, чтобъ всѣ могли поочередно отдыхать на телѣгѣ. Берется во вниманіе и конвой, который при недостаточности подводъ подчасъ безъ церемоніи спихиваетъ арестанта и садится на его

[1]) „Погода“ — по-сибирски сильный вѣтеръ, пурга.

мѣсто. На подводу полагается четыре человѣка, а насаживается по 8-ми и болѣе. Уставшіе перебѣгаютъ отъ подводы къ подводѣ и, не находя желающихъ уступить мѣсто, ругаютъ старосту за непорядокъ. Не успѣетъ послѣдній такъ или иначе уладить споръ, какъ возникаютъ пререканія въ другомъ мѣстѣ. Ямщики, съ своей стороны протестуютъ, сгоняютъ лишнихъ и взываютъ къ защитѣ партійнаго начальника. Таковымъ въ кандальной партіи бываетъ, обыкновенно, фельдфебель и рѣдко офицеръ, которому вмѣняется въ обязанность сопровождать арестантовъ лично не менѣе двухъ разъ въ годъ; но буйную большую партію, да еще съ политическими, нѣкоторые офицеры всегда сами ведутъ. При нихъ ужъ разумѣется и конвой на ногахъ всю дорогу, и арестантамъ отдыхать не приходится. Возвращаясь обратно на свой этапъ, офицеръ или фельдфебель сдаютъ идущихъ на поселеніе съ Кары унтеръ-офицеру или просто ефрейтору, а сами уѣзжаютъ впередъ... Жалобы ямщиковъ начальнику на отягощеніе подводъ конвоемъ приводятъ къ весьма для нихъ печальнымъ результатамъ. Дѣло въ томъ, что сопровождающій партію старшій имѣетъ право помѣщать на повозку всякаго, заболѣвшаго въ дорогѣ. Этимъ правомъ и пользуются солдаты въ отместку ямщикамъ. Бывали случаи, что отъ наваливанія на подводу мнимо-больныхъ падала лошадь. Зимой впрочемъ, охотниковъ садиться не слишкомъ много; на холодѣ въ 30—40 градусовъ, въ легкомъ арестантскомъ или солдатскомъ костюмѣ долго не усидишь: морозъ не замедлитъ согнать съ телѣги [1]), какъ бы ты ни усталъ...

На сегодня прерываю писать: идетъ верховая партія, и намъ велѣно перейти въ пустое женское отдѣленіе. Я очень радъ, потому что можно будетъ сравнительно спокойно провести ночь. Но мои спутники недовольны. Затѣяли разговоры со старшимъ, чтобы остаться съ кандальными.

VI.

с. Мысовая.

Вечеръ того же дня.

На этапѣ происходитъ встрѣча верховой, кандальной партіи, съ низовой, т. е. обратной. Разообщеніе ихъ другъ

[1]) За Байкаломъ зимой, вслѣдствіе безснѣжья, ѣздятъ на колесахъ.

отъ друга въ Забайкальѣ не соблюдается. Днемъ это не представляется даже возможнымъ, потому что кухня съ плитой и котломъ для кипятка — общая для всѣхъ камеръ. Въ случаѣ многолюдства, обратниковъ помѣщаютъ на ночь въ такъ наз. женской камерѣ; если же партія семейная, то эту камеру занимаютъ слѣдующія при ней незамужнія женщины, но опять-таки только на ночь, да и то, впрочемъ, далеко не всегда. Съ введеніемъ (въ началѣ 80-хъ годовъ) фотографическихъ карточекъ, обязательно пришиваемыхъ къ статейнымъ спискамъ, сильно затруднена возможность такъ назыв. смѣнокъ. Но опасность этой хитрой „реформы“ понята была не сразу. По старой привычкѣ все еще продолжали мѣняться въ расчетѣ на то, что при сдачѣ партіи начальникъ конвоя не станетъ внимательно сличать принимаемыхъ арестантовъ по карточкамъ; но обыкновенно на томъ или иномъ изъ слѣдующихъ этаповъ, при болѣе тщательной провѣркѣ, смѣнка обнаруживалась, и смѣнившагося каторжника, очутившагося среди обратниковъ, возвращали по принадлежности. Теперь „шпанка“ уже раскусила, что это дѣло слишкомъ рискованное, и побѣги каторжанъ посредствомъ смѣнки съ обратными (поселенцами) почти перестали практиковаться. Обѣ партіи предпочитаютъ быть вмѣстѣ по другимъ соображеніямъ. Новичкамъ, впервые идущимъ въ Сибирь, интересно повидать и поразспросить людей, уже вывarившихся въ котлѣ каторги, каковы порядки на Карѣ, какъ строго начальство и т. д.; обратные же надѣются встрѣтить земляковъ или старыхъ товарищей, успѣвшихъ погулять на волѣ и снова возвращающихся во-свояси. Но главный интересъ заключается въ холостыхъ бабахъ и въ карточной игрѣ. Составляются компаніи на паяхъ, съ той и другой стороны выбираются лучшіе игроки; . . . . . и состязаніе длится всю ночь. Бодрствуютъ всѣ, кто вольно, кто невольно, такъ какъ шумъ, гамъ, споры поддерживаютъ общее возбужденіе. Майданщикъ, у котораго на откупу „буфетъ“ и карты, то и дѣло кладетъ въ карманъ свои „дивидены“. При игрѣ въ штоссъ въ его пользу поступаетъ 10% съ выигрыша; но изъ собранной такимъ образомъ суммы, часть возвращается жиганамъ на хлѣбъ въ случаѣ полнаго проигрыша, до казенныхъ кормовыхъ включительно. Утромъ партіи разстаются: конвой, приведшій каторжниковъ, оставляетъ ихъ здѣсь на дневку, а самъ возвращается на свой этапъ, уводя съ собой обратныхъ.

Менѣе шумная, но болѣе безобразная ночь проводится

въ соединеніи съ семейными, при которыхъ идутъ и холостыя каторжанки. . . . . .
. . . . . если бабъ мало, арестантамъ остаются немногія забракованныя, которыми они пользуются коммунально; но и этихъ, обойденныхъ ихъ вниманіемъ, . . . допускаютъ на ночь въ общую камеру за извѣстную плату. Этапъ въ такихъ случаяхъ превращается въ публичный домъ, съ специфическими особенностями, какихъ не встрѣтишь ни въ какомъ другомъ мѣстѣ этого сорта... И тутъ же дѣти обоего пола, отъ грудныхъ до 14 лѣтъ. Они проводятъ въ этапномъ хожденіи годъ, полтора — время, болѣе, чѣмъ достаточное, чтобы при системѣ наглядnаго обученія получить въ этой школѣ разврата и преступности соотвѣтствующее воспитаніе. Лучшей системы подготовки будущихъ „отбросовъ общества“ выдумать невозможно.

VII.

Поселокъ Мишиха.

Это — та самая Мишиха, гдѣ произошелъ извѣстный въ лѣтописяхъ Сибири бунтъ ссыльныхъ поляковъ, работавшихъ при проведеніи кругобайкальскаго тракта. Поляки задумали массовый побѣгъ на китайскую границу; заговорщикамъ удалось обезоружить конвой и превратиться изъ закованныхъ арестантовъ въ свободныхъ и вооруженныхъ людей. Ихъ цѣль легко могла быть достигнута, если бы не помѣшали... наши бродяги. Эту исторію я слышалъ въ такомъ видѣ: Разыскиваемый торжествующими поляками начальникъ Ш. успѣлъ бѣжать въ лѣсъ: здѣсь онъ наткнулся на группу бродягъ, грѣвшихся у костра, разсказалъ имъ, въ чемъ дѣло, и просилъ спрятать его. Бродяги одѣли его въ свои лохмотья, разсовавъ военную одежду „начальника“ по котомкамъ. Подоспѣвшая вскорѣ погоня отъ поляковъ не узнала преобразившагося и спокойно сидѣвшаго среди бродягъ Ш., и ушла дальша. Ускользнувъ, такимъ образомъ, отъ смерти, Ш. поспѣшилъ при помощи своихъ спасителей добраться до Иркутска и первый же принесъ генералъ-губернатору вѣсть о бунтѣ. Немедленно была снаряжена команда, поляки были настигнуты, переловлены и перебиты. Фактъ ли это, или легенда, я не знаю; по увѣренію разсказчика, онъ такъ слышалъ отъ одного изъ товарищей, участвовавшаго въ укрывательствѣ Ш. Этотъ офицерръ, по-

должаетъ „легенда“, всегда сурово преслѣдовалъ бродягъ, такъ что пробираться сухопутьемъ кругомъ Байкала было крайне рисковано; приходилось или ждать зимы, или пускаться въ утлой лодкѣ на милость баргузина[1])

Но послѣ услуги, оказанной ему бродягами, Ш., сталъ къ нимъ очень милостивъ, и съ тѣхъ поръ путь за море для бѣглецовъ сдѣлался свободнымъ.

Солдаты обѣщали показать мнѣ могилы убитыхъ въ этомъ бунтѣ, но я проспалъ весь остатокъ дня и проснулся, когда этапъ былъ уже на запорѣ.

Теперь 8 часовъ. Мои спутники уже спятъ. Ихъ всего осталось четыре человѣка. Изъ нихъ, собственно, только два арестанта: я да киргизъ, бывшій переводчикъ при окружномъ начальникѣ одной изъ закаспійскихъ областей. Это очень разбитной и плутоватый малый. Онъ пошелъ на каторгу за то, что содѣйствовалъ соплеменникамъ ограбить нарочнаго, отправлявшагося съ денежнымъ пакетомъ въ областной городъ. Содѣйствіе состояло въ томъ, что онъ сообщилъ злоумышленникамъ время отъѣзда нарочнаго, а потомъ старался направить слѣдствіе на ложный путь, переводя слѣдователю не то, что говорили свидѣтели. Изъ остальныхъ трехъ — одинъ полноправный крестьянинъ Тобольской губ., сломавшій себѣ ногу на пріискахъ и просившій препроводить его домой этапнымъ порядкомъ. Двое же идутъ съ возвращеніемъ правъ въ Западную Сибирь. Это весьма интересные типы; оба — „жертвы“ судебной ошибки, но не печальныя жертвы, а торжествующія и смѣющіяся надъ глупостью покровительствующей имъ судьбы. Вотъ краткое curriculum vitae того и другого. Одинъ — мѣщанинъ и домовладѣлецъ г. Томска, окончившій 4-хъ классное гор. учил.; человѣкъ весьма неглупый, большой любитель Рокамболя и вообще „уголовной“ литературы. Двѣнадцать лѣтъ онъ состоялъ въ разныхъ воровскихъ, грабительскихъ и разбойничьихъ шайкахъ; нѣсколько разъ привлекался и находился подъ

---

[1]) Отсюда, быть можетъ, извѣстная пѣсня!

Славное море, священный Байкалъ,
Славный корабль — омулевая бочка!
Гей, баргузинъ, пошевеливай валъ, —
Молодцу плыть недалечко.

Баргузинъ — это с.-в. вѣтеръ, а омулевая бочка — несомнѣнно, поэтическая вольность.

слѣдствіемъ, но благодаря своей ловкости, значительнымъ юридическимъ познаніямъ, пріобрѣтеннымъ жизненной практикой, а главное — продажности полиціи, всегда счастливо отдѣлывался двумя-тремя мѣсяцами заключенія и выходилъ на свободу за недоказанностью обвиненія. Наконецъ, по настоянію вновь прибывшаго прокурора, онъ былъ осужденъ губернскимъ судомъ на 6 лѣтъ каторги. Но и тутъ ему удалось извернуться; онъ подалъ жалобу въ сенатъ, а что бы жалоба не завалялась гдѣ-нибудь подъ сукномъ, копію съ нея послалъ по почтѣ оберъ-прокурору сената — Кони. Крайне халатное слѣдствіе, масса неправильностей, допущенныхъ при разбирательствѣ дѣла, и безтолковая, безграмотная мотивировка приговора сослужили ему хорошую службу: онъ былъ оправданъ. Пока тянулось дѣло, ему пришлось все-таки пробыть на каторгѣ около 4-хъ лѣтъ; зато теперь его возвращаютъ въ родной городъ съ возстановленіемъ всѣхъ правъ. Между тѣмъ, это закоренѣлый, профессіональный преступникъ, на душѣ котораго лежатъ не только грабежи, но и убійства. Судя по его дальнѣйшимъ планамъ, онъ едва ли надолго простился съ каторгой. Другой, Оссовскій — молдаванинъ, тоже съ нѣкоторымъ образованіемъ. Онъ служилъ въ бессарабскомъ имѣніи сербской королевы Наталіи; осужденъ за убійство на 15 л. каторги. Идя въ Сибирь, Оссовскій надумалъ попасть въ тюрьму государственныхъ преступниковъ, гдѣ, какъ онъ слышалъ, условія жизни менѣе суровыя, чѣмъ въ тюрьмѣ уголовной. Съ этой цѣлью въ Иркутскѣ онъ подалъ генералъ-губернатору бумагу съ дерзкимъ порицаніемъ предержащихъ властей, и его, дѣйствительно, возвели въ государственные преступники, препроводили въ политическую тюрьму. Но тутъ, въ совершенно чуждой ему средѣ, онъ скоро затосковалъ: его потянуло на волю. Средствомъ для этого онъ избралъ доносъ и выдалъ начальству способъ переписки между женской и мужской тюрьмами. Но доносчикъ, ожидавшій за свою услугу немедленной свободы, былъ лишь переведенъ въ тюрьму уголовныхъ каторжниковъ. Его убрали отъ насъ на Усть-Кару, но и въ кругу „шпаны“ онъ оказался ниже ея моральнаго уровня, взявъ и тутъ на себя роль фискала. Это, однако, было обнаружено и подвергло его немилосердному со стороны арестантовъ членовредительству. Спасая его жизнь, начальство отвело ему особое помѣщеніе, гдѣ онъ и дождался вознагражденія за свою „шпіонскую„

службу: его перевели на житье въ Тобольскую губ. Но ему оказали плохую услугу, отправивъ его не отдѣльно, а включивъ въ партію обратныхъ арестантовъ: на первомъ же полуэтапѣ, въ Шилкѣ, онъ былъ безпощадно избитъ, и, если бы не заступничество конвоя, ему бы не остаться живымъ. Потомъ съ нимъ какъ-то примирились, убѣдившись, что никто не обладалъ такимъ совершенствомъ въ искусствѣ мелкаго воровства, какъ этотъ первостатейный плутъ.

Первоначально, какъ я уже писалъ, насъ вышло изъ Кары 36 человѣкъ. Ранѣе Читы нигдѣ никого не оставляли; затѣмъ партія стала убывать, но все же времени было достаточно, чтобы ознакомиться съ моими спутниками, ихъ прошлымъ, ихъ планами и намѣреніями относительно ближайшаго будущаго. По національностямъ составъ партіи былъ слѣдующій. Кромѣ меня и тоболяка-крестьянина, семь сибиряковъ, шесть изъ малороссійскихъ губ., девять изъ Великороссіи, пятеро татаръ, два черкеса, два крещеныхъ бурята, одинъ киргизъ, одинъ молдаванецъ, одинъ персіянинъ. Изъ этого числа — 16 бродягъ, потерявшихъ свою родословную: изъ нихъ 8 въ этомъ званіи новички. Осужденные за первое преступленіе на каторгу, они тогда до Кары не дошли, потому что благополучно бѣжали, — кто съ пути, кто изъ тюрьмы. Черезъ нѣсколько лѣтъ они были пойманы или на новомъ преступленіи, или просто какъ бродяги, и подъ вымышленными именами осуждены вторично на каторгу, которой на этотъ разъ имъ не удалось миновать. 10 человѣкъ той же категоріи прошли сквозь искусъ каторги отъ двухъ до четырехъ разъ, при чемъ, конечно, столько же разъ мѣнялись ихъ фамильныя прозвища, подчасъ довольно курьезныя. Былъ Егоръ Тридцатипятилѣтъ, хотя ему уже за 50; былъ Иванъ Семи-пядей-во-лбу, называвшійся раньше Ничегонезнайкинымъ; былъ и Трифонъ-Заячья-губа. Изъ троихъ, побывавшихъ даже на Сахалинѣ, обращалъ на себя вниманіе нашъ староста. Это — сынъ коломенскаго купца, судившійся въ 60-хъ годахъ за грабежъ почты и приговоренный тогда къ безсрочной каторгѣ. Шесть лѣтъ онъ просидѣлъ въ Борисоглѣбскомъ централѣ, потомъ отправленъ на Сахалинъ, откуда съ нѣсколькими товарищами бѣжалъ зимой черезъ Татарскій проливъ на материкъ. Побѣгъ этой компаніи ознаменовался массой звѣрствъ надъ гиляками изъ мести за то, что эти инородцы ловили бѣглыхъ сахалинцевъ и представляли ихъ по начальству. Если вѣрить старостѣ,

они перебили тогда гиляковъ душъ двадцать — мужчинъ, женъ и дѣтей. Но староста не считалъ это за душегубство, потому что убивали вѣдь не христіанъ. — „Какая же душа у гиляка? Это просто тварь, какъ всякое звѣрье, только что обликъ человѣчій. Словъ нѣтъ, бывали случаи въ моей жизни, которыхъ, конечно, нельзя одобрить. Ну такъ противъ этого я самъ ничего не скажу: преступленіе — такъ преступленіе и есть. А то что? Пустое дѣло".

Подобныя разсужденія не мѣшали, однако, старостѣ быть однимъ изъ наиболѣе порядочныхъ членовъ нашей партіи.

Я не могу забыть одной оказанной имъ мнѣ услуги. Однажды у Семи-пядей-во-лбу исчезла изъ котомки рубаха. Заподозрили кого-либо изъ группы арестантовъ, собиравшихся въ деревню за покупками. Владѣлецъ рубахи замѣтилъ пропажу ранѣе, чѣмъ тѣ успѣли уйти. Староста обыскалъ ихъ, и рубаха нашлась у черкеса Кирбалая. Тотчасъ же приступили къ суду и расправѣ: вору скрутили руки, повалили на полъ и нѣсколько Ивановъ насѣли ему на спину, въ ожиданіи палокъ, за которыми кто-то побѣжалъ на дворъ. И вотъ, окруживъ плотной стѣной Кирбалая, стали молотить по его обнаженному тѣлу. Всѣ солдаты примчались поглядѣть на интересное зрѣлище. При первомъ же ударѣ послышались неистовые раздирающіе душу крики. Я не видѣлъ самаго наказанія, но слушать эти вопли мнѣ рѣшительно было невмоготу. Вмѣсто того, чтобы выйти изъ камеры, я оставался на мѣстѣ, какъ прикованный, и что было мочи кричалъ, тщетно требуя прекратить экзекуцію. Но никто не обращалъ на меня вниманія. Вдругъ вижу: староста протиснулся въ кругъ и вырвалъ изъ рукъ палачей палки:

— Бросьте, — кричалъ онъ, — довольно! Видите, политическій не можетъ этого выносить. Свяжите лучше уточкой, пущай поплаваетъ.

Несмотря на протесты экзекуторовъ, онъ все-таки настоялъ на своемъ и тѣмъ избавилъ меня отъ... не то нервнаго припадка, не то... не знаю ужъ чего. Правда, и уточка не менѣе мучительное возмездіе: наказуемому туго притягиваютъ веревкой пятки къ плечамъ и оставляютъ жертву лежать въ такомъ положеніи болѣе или менѣе продолжительное время. Это — обычная пытка, которой казаки подвергаютъ хищниковъ на золотыхъ промыслахъ. Но тутъ уже я спасъ Кирбалая, предложивъ за него партіи рубль откупного. За этотъ рубль я нажилъ себѣ въ лицѣ черкеса самаго вѣрнаго и предан-

наго слугу, ухаживавшаго за мной почти всю дорогу. Разставаясь со мной въ Кабанскомъ, онъ ревѣлъ навзрыдъ, какъ ребенокъ, душилъ меня въ своихъ объятьяхъ и все повторялъ: „Скажи, кого убытъ — сэйчасъ кынжалъ махай. Мой для тебэ все сдѣлай“.

Изъ небродягъ было пять смѣнщиковъ; изъ нихъ трое вторично на каторгѣ уже по другимъ преступленіямъ; двое отбывали наказаніе за смѣнку. Первоначально приговоренные на поселеніе, они, идя въ партіи, продали свои поселенческія „права“ каторжанамъ; послѣдніе ушли въ назначенныя для первыхъ волости, откуда, конечно, поторопились скрыться. Смѣнщики же дошли до Иркутска подъ видомъ каторжанъ, объявили здѣсь свои настоящія имена и за содѣянное по какой-то статьѣ преступленіе получили по 4 года настоящей, законной каторги. Имъ необходимо было открыться, такъ какъ иначе пришлось бы отбывать гораздо бо́льшіе сроки своихъ „хозяевъ“, которые, согласно условію, должны были уже уйти изъ мѣста своего водворенія. Цѣна за смѣнку не превышала 15 р., наименьшая равнялась всего лишь трехрублевкѣ, а одинъ хохолъ просто проигралъ себя въ карты и очень гордился честной расплатой со своимъ партнеромъ, который, однако, все-таки попалъ на каторгу, гдѣ и понынѣ пребываетъ. Теперь, съ привлеченіемъ фотографіи къ услугамъ тюремнаго управленія, подобныя смѣнки почти немыслимы.

Изъ двухъ бурятъ одинъ былъ осужденъ за измѣну православію. Это — краснощекій, вѣчно смѣющійся, веселый и беззаботный парень. Онъ крестился два раза у разныхъ миссіонеровъ, прельщенный рубахой, штанами и полтиной денегъ, на которыя, окунувшись въ купели, спѣшилъ напиться русской арсы [1]). Но одинъ изъ его крестителей пронюхалъ, что Дамбашка, имѣя на шеѣ крестъ, продолжаетъ принимать благословеніе отъ желтыхъ ламъ; мало того, у его юрты торчитъ шестъ, на которомъ болтается жертва прежнимъ богамъ — баранья шкура. Однажды батюшка внезапно нагрянулъ въ юрту бурята, и что жъ онъ увидѣлъ? Противъ входной двери у стѣны цѣлый музей козлоголовыхъ... многорукихъ и многоглазыхъ бурхановъ, а среди нихъ, нисколько не шокируясь этимъ сообществомъ, Николай Чудотворецъ; тутъ же портретъ Богдо-Гегенъ [2]). Хотя это „разнобожіе“

[1]) Бурятская водка, приготовляемая изъ молока.

[2]) Воплощеніе въ человѣкѣ бога Майдэръ, второе лицо послѣ Далай-Ламы, вмѣстѣ съ тѣмъ и свѣтскій правитель Монголіи, живетъ въ г. Ургѣ.

довольное обычно среди крещеныхъ и некрещеныхъ бурятъ, но въ данномъ случаѣ почему-то было возбуждено дѣло объ отступничествѣ, и легкомысленный Дамбашка (свои христіанскія имена онъ позабылъ) попалъ на каторгу. Но увы! Этотъ способъ воздѣйствія на заблудшую душу остался безуспѣшнымъ. Дамбашка считаетъ себя расквитавшимся съ православіемъ; на каждомъ перевалѣ черезъ хребетъ онъ произноситъ свое омъ-мани-падме-хумъ [1]), неизмѣнно кладетъ на жертвенникъ изъ камней и кольевъ кусочекъ хлѣба и вѣшаетъ тряпицу, не жалѣя кромсать для этого фалды казеннаго одѣянія. Его сородичъ — тоже крещеный, но только разъ, взломалъ кружку у часовни, чтобы воспользоваться нѣсколькими мѣдными монетами. Онъ никакъ не можетъ понять, почему его сослали за это въ каторгу, тогда какъ ихъ тайшу [2]), укравшаго сотни рублей общественныхъ денегъ, всего нѣсколько мѣсяцевъ продержали въ тюрьмѣ.

Оба инородца, хотя и не укрѣпились въ православіи, зато отлично обрусѣли на каторгѣ и говорятъ по-русски совершенно свободно.

Вообще, каторга едва ли не самое лучшее въ этомъ отношеніи средство. У насъ на Карѣ былъ полякъ, окончившій петербургскій университетъ, что̀ не помѣшало ему первое время прихрамывать въ государственномъ языкѣ: вмѣсто дѣвственные, онъ говорилъ дѣвичьи лѣса, вмѣсто въ концѣ концовъ — ко̀нецъ ко́нцовъ; а черезъ годъ или два изъяснялся „по-московски“, не хуже академика Грота. Одни хохлы отличаются воловьимъ упрямствомъ въ приверженности къ своей „мовѣ“. Не могу не вспомнить двухъ парней изъ родной мнѣ Украйны, осужденныхъ за убійство урядника при одномъ изъ крестьянскихъ „недоразумѣній“, вызванномъ столкновеніемъ съ сосѣднимъ паномъ. Оба съ умиленіемъ предавались воспоминаніямъ о своихъ семьяхъ, „ставкахъ, млинкахъ и вишневыхъ садкàхъ“. Забившись въ сумеркахъ въ уголъ, они часто распѣвали свои пѣсни, всецѣло уносясь мыслью въ свою благословенную Подолію. Пѣли они, можно сказать, великолѣпно; порою вся галдѣвшая камера замолкала и превращалась въ слухъ. У Нычипора былъ недурной баритонъ, у Оныськи небольшой, но весьма пріятный теноръ. Разъ они заливались одной пѣсней,

---

[1]) Господи, помилуй.

[2]) Старшина родоваго правленія.

мотивъ которой мнѣ показался знакомымъ. Я подошелъ ближе и сталъ вслушиваться: слова знакомыя, но, какъ будто, переиначены, и очень удачно. Вотъ эта пѣсня:

Ой, не стылы́ся, зеле́ный барви́нку,
Тай по крути́й гори́,
Ой, не втиша́йтесь, злыи ворожéньки,
Тай него́донци мои́;
Во моя него́да — ро́са до схидъ сонця,
Шо по не́бу хма́рою йде;
Якъ со́печко зійде, а ви́теръ повіе,
Роса́ на зе́млю паде́.
Ой, не грай, море, злою хвылыно́ю,
Сердыто кру́чи не грызы́,
Ой, лыхы́й во́рогъ, на мою него́ду,
Ска́лючы зубы, не гляды,
Бо моя него́да, якъ тіи морозы,
Шо кайда́ны зъ леду кують;
Ось весна прыбу́де-кайда́ны — розы́бье,—
Сады́ и гаи́ зацвиту́ть.

Потомъ, при дальнѣйшемъ моемъ знакомствѣ съ пѣвунами, оказалось, что авторомъ передѣлки былъ самъ Онысько. Онъ большой любитель поэзіи и когда-то упивался Шевченкомъ, изъ котораго и теперь нѣкоторыя вещи декламируетъ наизусть. Его собственное творчество, поощряемое въ юности школьнымъ учителемъ, при благопріятныхъ условіяхъ жизни, быть можетъ, сдѣлало бы его не послѣднимъ украинскимъ стихотворцемъ.

Не знаю, можетъ быть, Онысько и „бре́ше“, выдавая себя за автора многихъ изъ прочитанныхъ имъ мнѣ стиховъ. Не заимствовалъ ли онъ ихъ у своего школьнаго учителя или у политическихъ, проживавшихъ въ вольной командѣ? Несомнѣнно, что нѣкоторые образцы, уже несомнѣнно принадлежащіе его собственной музѣ, гораздо слабѣе; все же и они изобличаютъ въ немъ незаурядный въ его средѣ талантъ, заглохшій въ убійственной атмосферѣ каторжной жизни. Правда, между арестантами не рѣдкость встрѣтить мастеровъ по части риѳмоплетства; иной иначе и не разговариваетъ, какъ риѳмованнымъ стилемъ, на любой вопросъ у него найдется отвѣтъ подъ риѳму. Въ этого сорта „словестности“ часто не мало остроумія, но слишкомъ много порнографіи и ничуточки поэзіи, чего ни въ какомъ разѣ нельзя сказать о стихотворствѣ Оныська. Къ сожалѣнію, на каторгѣ къ нему муза сильно охладѣла, и не удивительно, что, будучи хо-

рошо грамотнымъ, онъ за всѣ свои шесть лѣтъ не прочелъ ни одной строчки.

Понятно, что я сильно заинтересовался этимъ загубленнымъ, несомнѣнно многообѣщавшимъ парнемъ. При этомъ и наружность его была настолько привлекательна, что могла бы приворожить любую Солоху, або Гарпину.

Представьте же себѣ мой ужасъ и разочарованіе, когда изъ бесѣдъ арестантовъ я узналъ, что мой поэтъ, купно со своимъ товарищемъ баритономъ — виновники звѣрскаго убійства, недавно случившагося на Карѣ: была перебита семья нарядчика на пріискахъ, имущество разграблено, а избушка, для скрытія слѣдовъ преступленія, подожжена. Преступники, по обычному порядку на Карѣ, не были обнаружены. И вотъ черезъ мѣсяцъ послѣ своего подвига они благополучно препровождаются на свободу и приводятъ въ восторгъ и умиленіе слушателей своими пѣснями.

— Онысько, — спрашиваю его однажды, — неужели это правда?

— Що?

— Что ты убилъ ту семью?

— Яку?

— Нарядчика.

— Ну такъ що жъ?

— Какъ „що-жъ“? И тебѣ не грѣхъ?

— Не я одынъ, много насъ було.

— Но вѣдь ты тоже убивалъ?

— Его самого по головѣ кайлою триснувъ.

— А дѣтей?

— На дѣтей мы рукъ не накладали; диты въ огни погорилы.

— Зачѣмъ же вы это сдѣлали?

— Бо у его е, а у мене нема.

— А, можетъ быть, онъ тебѣ далъ бы, если бы ты его попросилъ?

— Таки дурни еще не родились на свитъ.

— Значитъ, я по-твоему дурень: я вѣдь сколько разъ тебѣ давалъ.

Онъ смутился, но тотчасъ же нашелъ отвѣтъ:

— Вы совсимъ другой виры человѣкъ.

— Что же, многимъ вы тогда поживились?

— Рубливъ по десятку досталось.

— Что жъ ты съ деньгами сдѣлалъ?

— Хотивъ матери послать, та не довелось.

— Почему?

— Пропывъ.

— И тебя не грызетъ совѣсть?

— За те, що пропывъ?

— Нѣтъ, за убійство.

— Ничогисенько.

— А за то, что пропилъ?

— Матери жалко. Прислала лыстъ: бида, якъ голодуе. Ну, дастъ Богъ, разживусь — поможу.

— Опять кого прихлопнешь?

— А то какъ же? Хиба каторга чему иншему научитъ...

Вскорѣ послѣ этого разговора онъ уже лежалъ на нарахъ и захлебывался переливами тоскливой пѣсни:

Ой пиду я до ворожки,
Шобъ навчила ворожиты,
Шобъ навчила ворожиты,
Якъ на свити маю житы.

Были въ партіи четыре человѣка, попавшіе на каторгу безъ вины виноватые. Одинъ (уманскій мѣщанинъ) былъ обвиненъ въ убійствѣ по извѣту жены и ея любовника, желавшихъ отъ него отдѣлаться. Другой — сынъ богатаго покрутчика изъ Приленскаго села, молодой человѣкъ, довольно развитой, съ внѣшностью скорѣе студента, чѣмъ чалдона. Дѣло его заключалось въ слѣдующемъ. Гулявшіе на вечеркѣ парни разодрались изъ-за дѣвокъ. Драка, завязавшаяся въ избѣ, продолжалась на улицѣ, гдѣ утромъ на другой день одинъ изъ парней найденъ былъ мертвымъ. Свалка происходила въ темную ночь, и не легко было установить, кто изъ дравшихся былъ собственно виновникомъ убійства, — во всякомъ случаѣ, не Коричневый, который, вырвавшись изъ избы, побѣжалъ прямо домой. Дѣло представляло для засѣдателя весьма заманчивую поживу, чѣмъ онъ, разумѣется, и не преминулъ воспользоваться. Слѣдствіе тянулось два года, и за это время засѣдатель выдоилъ отъ Коричневыхъ не мало денегъ[1]). Въ одной изъ сибирскихъ газетъ появилась корреспонденція, намекавшая на подкупъ засѣдателя и выводившая отсюда заключеніе о несомнѣнной виновности въ убійствѣ К. Корреспонденція была замѣчена высшими властями края, въ

[1]) Не слѣдуетъ забывать, что все это происходитъ до введенія въ Сибири новыхъ судебныхъ учрежденій.

результатѣ чего на мѣсто происшествія былъ командированъ чиновникъ. Убѣдившись въ вѣрности первой половины сообщенія корреспондента, чиновникъ, человѣкъ вполнѣ безупречный, призналъ (по той же логикѣ) справедливымъ и его выводъ. Предложеніе со стороны К. взятки окончательно утвердило его въ этомъ убѣжденіи. Затѣмъ слѣдователю уже не трудно было подобрать „косвенныя“ улики и упечь К. на четыре года каторги. Такимъ образомъ К. не спасло, а погубило его богатство, — случай совершенно исключительный, но, какъ всякое исключеніе, лишь подтверждающее общее правило, въ силу котораго, по общенародному взгляду, деньги у насъ самый дѣйствительный Habeas corpus. Поэтому среди невинно осужденныхъ и фигурируетъ обычно бѣднота, примѣръ чего тоже имѣется въ нашей партіи.

Есть на Ленѣ же другое село, Витимское, — очень бойкій торговый пунктъ, расположенный близъ пріисковъ. Онъ славится чрезвычайно частыми убійствами и весьма рѣдкими поимками убійцъ. Губернаторъ, будучи здѣсь проѣздомъ, поставилъ это на видъ мѣстнымъ властямъ. Но не взирая на присутствіе его превосходительства, ночью на улицѣ происходитъ убійство, и виновникъ благополучно скрывается. Разгнѣванный губернаторъ, уѣзжая, приказалъ, чтобы преступникъ во что бы то ни стало былъ разысканъ. Засѣдатель метался, какъ угорѣлый, и дѣйствительно напалъ на настоящаго убійцу, какъ это стало потомъ извѣстно многимъ въ селѣ. Убійца, черкесъ, только-что вышедшій съ пріисковъ, откупился двумя фунтами золота, и засѣдатель устроилъ ему доказательство alibi. Выпущенный изъ каталашки черкесъ тотчасъ скрылся гдѣ-то въ тайгѣ. Но преступникъ „во что бы то ни стало“ долженъ быть пойманъ. И вотъ черезъ руки засѣдателя проходитъ цѣлый рядъ лицъ, выворачивая свои карманы и швыряя въ его пасть, кто золото, кто кредитки, пока очередь не доходитъ до Филатова, у котораго не нашлось денегъ, чтобы соблазнить уже достаточно насыщенный аппетитъ. Въ этомъ только и заключалась его вина.

VIII.

С. Лиственничное, послѣдній этапъ передъ Иркутскомъ.

Я въ Лиственничной, на другомъ берегу „Святого моря“. Мы его переѣхали на трехъ подводахъ, вмѣстѣ съ конвоемъ;

но это не совсѣмъ точно, потому что добрыхъ верстъ десять пришлось идти пѣшкомъ. На серединѣ Байкала выстроенъ на льду баракъ, гдѣ мы часа полтора отдыхали и пили чай. Широкія трещины не попадались, а въ аршинъ ширины привычныя лошади преспокойно перепрыгивали съ разгону. Чѣмъ ближе къ западному берегу, тѣмъ чаще громадныя лужи, вѣрнѣе — цѣлыя озера выступившей поверхъ льда воды. Мѣстами ихъ можно объѣхать, дѣлая крюкъ съ версту и болѣе, но нѣкоторыя изъ этихъ „наледей“ настолько обширны, что объѣздъ ихъ потребовалъ бы многихъ лишнихъ верстъ. Сидѣть при этомъ въ низкихъ саняхъ, именуемыхъ розвальнями, положительно хуже, чѣмъ идти пѣшкомъ. И въ томъ и другомъ случаѣ — все равно въ водѣ, но на ногахъ, по крайней мѣрѣ, нащупываешь палкой, гдѣ мельче. Версты три до Лиственничной сплошь плелись по водѣ и только въ семь часовъ вечера совершенно вымокшіе пришли въ село. Къ счастью, мы попали въ весьма благоустроенный и гостепріимный этапъ, какого намъ еще не доводилось встрѣчать. Тутъ и тепло, и чисто, и кипятокъ заранѣе приготовленъ; начальникъ, штабсъ-капитанъ Яновскій, былъ такъ добръ и внимателенъ, что даже принесъ мнѣ газеты и журналъ „Русскую Мысль“, которыхъ я давно уже не читывалъ. Здѣсь такъ хорошо, что, несмотря на усталость, всѣми нами овладѣло пріятное возбужденіе, и вотъ уже 10 ч., а мои спутники все еще калякаютъ.

Въ теченіе $4^1/_2$ мѣсяцевъ наслушался я вдоволь этихъ бесѣдъ. Изъ нихъ я знаю планы и намѣренія почти всѣхъ арестантовъ нашей партіи. Увы! Едва ли изъ бывшихъ каторжанъ найдется хотя бы одинъ, который согласится съ теоріей, по которой каторга умиротворяетъ преступника и превращаетъ его, въ концѣ концовъ, чуть не въ образецъ христіанина. Мнѣ извѣстно, что изъ 34 вышедшихъ со мною съ Кары каторжанъ 15 уходятъ на свободу съ опредѣленными преступными замыслами. На этапахъ организовывались шайки, сговаривались, гдѣ сойтись, намѣчались мѣста и жертвы предстоявшихъ преступленій. Конспирировали при этомъ очень небрежно, какъ бы для проформы, въ увѣренности, что ихъ никто не выдастъ. Сначала остерегались только молдаванина да крестьянина тоболяка, но потомъ, за ручательствомъ поклонника Рокамболя, даже „лягавый“ [1]) былъ принятъ одной группой въ свою компанію,

[1]) Лягавый — доносчикъ, шпіонъ.

благодаря его искусству рѣзать печати и поддѣлывать паспорта; на тоболяка же, мужика смирнаго и глуповатаго, не обращали икакого вниманія.

Восемь человѣкъ, немедленно по доставленіи ихъ въ волости, берутъ свидѣтельства и возвращаются на Кару, гдѣ они покинули свои законныя или незаконныя семьи, и гдѣ у нихъ уже разработаны ямы съ болѣе или менѣе заманчивымъ содержаніемъ золота.

Помыслы черкесовъ направлены на возвращеніе въ свой край или же въ Турцію, куда, по полученнымъ ими свѣдѣніямъ, перебрались многіе изъ ихъ сородичей. Имъ „неохота“ возвращаться домой ни съ чѣмъ, но они не теряютъ надежды „сдѣлать“, какъ они выражаются, „хорошее преступленіе по путѣ“.

Одинъ сантиментальный старикъ, хохолъ съ отмороженными пальцами на ногахъ задается мыслью „помандровать“ въ свою Волынь „поба́чить диточо́къ, а тамъ, що Богъ дасть“. Другой тоже стремится „до дому“, но затѣмъ, чтобы „отдя́чить проклятой жинкѣ, изъ-за которой столько мукъ принялъ“.

— Чи повѣрите? — говорилъ онъ, — разъ полтораста вспали, въ другой разъ — сто. Не знаю, какъ живъ остался. А спросите: зави́що? Самъ катъ Бобровскій[1]) того не скажетъ.

Два татарина, повидимому, при деньжонкахъ, мечтаютъ о „легальной“ дѣятельности; по ихъ мнѣнію, и безъ преступленія деньгу зашибать можно: „который человѣкъ съ умомъ — не надо убить, не надо грабить, добрая копейка сама рубль принесетъ“. Они ссылаются на примѣры, когда поселенцы превращались въ богатыхъ купцовъ, съ которыми не брезгали вести пріятельства даже важные чиновники. Но морализующіе татары умалчиваютъ, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ основаніемъ этихъ богатствъ служило преступленіе, и это основаніе по всѣмъ признакамъ имѣется въ наличности и у нихъ.

У несчастнаго К., сына приленскаго покрутчика, преступныхъ плановъ нѣтъ: отецъ его умеръ, и братья завладѣли всѣмъ наслѣдствомъ; онъ же, какъ лишенный всѣхъ правъ, по закону не можетъ требовать своей доли. Не разсчитывая

[1]) Одинъ изъ жестокихъ завѣдующихъ уголовной тюрьмой.

на братскія чувства, онъ надѣется получить что-нибудь отъ матери.

Остальные трое никакими планами не задаются, — по крайней мѣрѣ это можно съ увѣренностью сказать о Васькѣ Парашникѣ и Петькѣ-дурачкѣ. Оба они настолько срослись съ тюрьмой, что предстоящій имъ выходъ на волю пугаетъ ихъ, кажется имъ не улучшеніемъ, а ухудшеніемъ ихъ участи. Забитые, вялые, ни къ чему не способные, они предпочитаютъ оставаться всю жизнь въ привычныхъ, хотя и подневольныхъ условіяхъ, чѣмъ мѣнять ихъ на что-то неизвѣстное, безпріютное, хотя бы и называемое свободой.

Петька-дурачекъ, маленькій, кажущійся почти подросткомъ, тридцатилѣтній полуидіотъ, убившій слѣпого нищаго, у котораго состоялъ поводыремъ, — этотъ Петька горько плакалъ, не желая уходить изъ тюрьмы; приставникамъ ничего не оставалось, какъ вытолкать его въ шею и велѣть арестантамъ тащить упиравшагося дурачка за шиворотъ, пока партія не выйдетъ за Усть-Кару. То же повторилось и въ Укырѣ, гдѣ его повели въ волость на причисленіе. Онъ отбивался кулаками, громко ревѣлъ и, подталкиваемый хохотавшими солдатами, все причитывалъ: „Кто же мнѣ ѣсть-пить будетъ давать“.

Что касается третьяго, то это единственный изъ моихъ спутниковъ, котораго за два мѣсяца хожденія съ нимъ я никогда не видалъ разговаривающимъ съ кѣмъ бы то ни было. Другихъ словъ, кромѣ „спосибо“, „дай вамъ Богъ здоровья“, я отъ него не слышалъ. Ему лѣтъ за 50; по обличью онъ, какъ будто, не изъ крестьянъ. Безмолвный, совершенно безучастный ко всему окружающему, онъ неизмѣнно располагался у окна, чтобы предаться въ сотый разъ чтенію одной и той же книжки, добытой имъ, вѣроятно, въ государственной тюрьмѣ, гдѣ онъ состоялъ парашникомъ. Только недѣли черезъ три я, къ удивленію своему, узналъ, что это было не священное писаніе, такъ подходившее къ этому человѣку, котораго можно было счесть за сектанта; то былъ романъ „Спартакъ“. Старикъ, должно быть, зналъ его наизусть, и тѣмъ не менѣе на каждомъ этапѣ, наскоро напившись кипятку, вмѣсто чая, онъ спѣшилъ раскрыть ее и, вперивъ въ страницы свои глаза, оставался въ такомъ положеніи цѣлые часы. Всѣ попытки съ моей стороны вызвать его на бесѣду не приводили ни къ чему: онъ просто молчалъ,

точно глухонѣмой, не воспринимающій звуковъ. Никогда ничего ни у кого не прося, онъ и у меня ничего не беретъ, отвѣчая лишь на неоднократно повторенное предложеніе: „Спасибо, не надо“, или „Не надо, дай Богъ вамъ здоровья“. Арестанты уже много лѣтъ знаютъ его такимъ и вотъ что разсказываютъ объ этомъ странномъ человѣкѣ. На Карѣ было два каторжника, которыхъ связывала необычайная, можно сказать, даже ненормальная по своей нѣжности дружба. Ихъ тѣсная, взаимная привязанность вошла на каторгѣ въ пословицу. Одного называли Титамосъ, другого Амостить (отъ соединенія именъ Титъ и Амосъ). Вѣчно они другъ около друга; вмѣстѣ спали, вмѣстѣ ѣли изъ одного котелка, вмѣстѣ шли на ту или иную работу, назначаемую начальствомъ. Если одного изъ нихъ видѣли безъ другого, это казалось чѣмъ-то не въ порядкѣ вещей. Такъ они жили нѣсколько лѣтъ. Однажды, при раскомандировкѣ на работы, они очутились въ разныхъ группахъ. Просьба соединить ихъ вмѣстѣ, въ чемъ имъ раньше не отказывали, встрѣтила со стороны новаго приставника грубую ругань. Но гдѣ-то въ разрѣзѣ [1]) Амостить умудрился перебѣжать къ своему другу, за что и былъ избитъ замѣтившимъ его приставникомъ. На слѣдующій день повторилось то же самое. На этотъ разъ приставникъ подвергъ арестанта такой безчеловѣчной поркѣ, что наказаннаго въ полномъ безчувствіи унесли въ лазаретъ. Напрасно Титамосъ просилъ, молилъ разрѣшить ему провѣдывать товарища, — онъ добился только того, что ему за надоѣдливость дали 25 розогъ. Титамосъ, разлученный со своей половиной, быть можетъ, умирающей въ лазаретѣ, впалъ въ страшно возбужденное, нервное состояніе. Въ порывѣ овладѣвшаго имъ психоза, онъ хватилъ приставника по головѣ остріемъ топора и сразу раздвоилъ ему черепъ. Его тотчасъ же увели изъ тюрьмы и заключили въ „одиночку“. Между тѣмъ Амостить, оправившись, выписался изъ лазарета, но въ общей тюрьмѣ онъ уже не засталъ своего друга, который содержался за нѣсколько верстъ на другомъ промыслѣ и ожидалъ приговора. Судъ былъ скорый и суровый: Титамоса присудили къ смертной казни черезъ повѣшеніе. Исполненіе приговора должно было произойти въ тюремномъ дворѣ на глазахъ арестантовъ. Это было въ 1881 или 82 году. Раздѣляя общенародное убѣжденіе, что порвав-

[1]) Выемка въ почвѣ при извлеченіи золотоносныхъ песковъ.

шаяся веревка обязываетъ даровать преступнику жизнь, Амоститъ какимъ-то одному ему извѣстнымъ способомъ успѣлъ воздѣйствовать на палача Николку Чорта; тотъ устроилъ такъ, что веревка надъ повѣшеннымъ оборвалась. Присутствовавшій при казни смотритель Тараторинъ [1]), обругавъ палача, велѣлъ перемѣнить веревку и вѣшать снова. Но и второй разъ случилось то же. Взбѣшенный смотритель бросился на лежавшаго съ петлей на шеѣ преступника, уперся колѣнями въ его спину и, схвативъ конецъ петли, тянулъ со всѣхъ силъ до тѣхъ поръ, пока не задушилъ несчастнаго Титамоса. Впрочемъ, теперь несчастнымъ былъ уже не тотъ, у кого выдавили изъ тѣла душу, а оставшійся въ живыхъ его осиротѣлый другъ, на глазахъ котораго разыгралась вся эта исторія. Вотъ то событіе, которое, по свидѣтельству арестантовъ, сдѣлало Амостита угрюмымъ молчальникомъ.

Кстати сказать, это былъ единственный арестантъ въ нашей партіи, котораго я видѣлъ молящимся. Дѣлалъ онъ это какъ-то робко, крачи, какъ говорятъ сибиряки, т. е. украдкой. Приткнется гдѣ-нибудь въ укромномъ мѣстечкѣ, повернувшись къ стѣнѣ, — и только шевелившіяся губы да едва замѣтное качаніе правой руки указывали на то, что онъ молится. Наблюдая за нимъ въ такой моментъ, я часто вспоминалъ Достоевскаго. Жестокій писатель находилъ, что вѣра въ всеблагого, милосерднаго Бога лучше всего внушается и укрѣпляется путемъ страданій. Тутъ есть, пожалуй, нѣкое зерно истины; вѣрно то, что всему живому присуще стремленіе чѣмъ-либо и какъ-либо унять испытываемую боль. Человѣкъ, въ безсиліи отстранить отъ себя удары судьбы, а точнѣе — такъ назыв., своихъ ближнихъ, ищетъ смягченія болѣзненныхъ ощущеній въ религіозныхъ иллюзіяхъ. Но у Достоевскаго средство превращается въ цѣль, и онъ чуть ли не готовъ видѣть въ звѣрствахъ тюремщиковъ своего рода миссіонерскій трудъ, направленный къ перевоспитанію преступниковъ въ духѣ христіанскаго добронравія.

Не подобнымъ ли радѣніемъ о спасеніи каторжныхъ душъ руководились и власти, оставивъ массу арестантовъ безъ примѣненія манифеста 1883 года? Чѣмъ дольше, дескать, пострадаютъ, тѣмъ лучшими христіанами сдѣлаются. Какъ бы то ни было, но, навѣрное, для большинства, а, можетъ быть, и громаднаго большинства томившихся въ Сибири осужден-

[1]) Отецъ того, который былъ смотрителемъ государственной тюрьмы.

ныхъ, коронаціонныя милости остались пустымъ звукомъ. Только наиболѣе энергичные и свѣдующіе по части канцелярскихъ мытарствъ добились, путемъ многократнаго писанья просьбъ, сокращеній сроковъ. Въ нашей партіи ни одного такого счастливца не оказалось. Зато были примѣры, когда по манифесту сроки не убавлялись, а удлинялись. Бродягамъ льготы предоставлялись лишь въ томъ случаѣ, если они откроютъ свои настоящія имена. И вотъ нѣкто, именовавшій себя Цыпловымъ, былъ такъ наивенъ, что въ ожиданіи облегченія своей участи объявилъ свое настоящее имя и, изложивъ на бумагѣ свою „родословную“, подалъ прошеніе по инстанціямъ. Года черезъ два выяснилось, что этотъ субъектъ, дѣйствительно крестьянинъ Гарныхъ, былъ нѣкогда осужденъ за разбой ярославскимъ судомъ на 20 лѣтъ каторги, смѣнился на пути слѣдованія въ Сибирь и очутился такимъ образомъ на поселеніи. Вскорѣ онъ снова попался съ нелегальными изданіями, которыя кто-то изъ административно-ссыльныхъ поручилъ ему куда-то отвезти. Такъ какъ при Цыпловѣ былъ револьверъ, то ему приписали намѣреніе оказать при арестѣ сопротивленіе, осудили на 10 лѣтъ каторжныхъ работъ и водворили въ тюрьмѣ государственныхъ преступниковъ. Нужно было видѣть ярость Гарныхъ, когда ему объявили резолюцію на его чистосердечное признаніе: онъ получилъ скидку трети, но не съ послѣдняго, а съ первоначальнаго приговора. Въ результатѣ — ему предстояло сидѣть на каторгѣ дольше, чѣмъ въ томъ случаѣ, если бы онъ сохранилъ свой прежній псевдонимъ. Гнѣвъ его былъ нѣсколько смягченъ лишь послѣ того, какъ его перевели въ общеуголовную тюрьму, куда его давно влекли родственность среды и болѣе льготные порядки. Примѣръ Цыплова, по крайней мѣрѣ на Карѣ, отбилъ среди бродягъ охоту каяться и „возвращаться въ первобытное состояніе“.

IX.

Лиственничная, на другой день.

Арестанты — большіе мастера пѣть; но самобытныхъ, собственнаго творчества пѣсенъ очень мало. Обыкновенно это — или общенародныя, деревенскія, или пошлыя мѣщанскія пѣсни, или же передѣлки разныхъ романсовъ. Часто можно слышать руссифицированныя малорусскія пѣсни; а за послѣдніе годы вошло въ обиходъ, благодаря политическимъ событіямъ, не

мало студенческихъ или вообще интеллигентныхъ съ извѣстной тенденціей. Удалыхъ, веселыхъ, а тѣмъ болѣе плясовыхъ пѣсень—что-то не помню. Большею частью—грустныя, унылыя или же безразличныя „городскія“ пѣсни со свойственнымъ имъ незамысловатымъ мотивомъ. Какъ передѣлки, такъ и пѣсни спеціально арестантскаго сочинительства художественностью не блещутъ; нѣтъ въ нихъ ни поэзіи, ни мелодичности. Приведу здѣсь нѣкоторыя и начну съ наилучшихъ. Вотъ слышанная мною впервые въ нашей партіи отъ двухъ бродягъ пѣсня.

I.

Голова ль моя, головушка,
Голова моя кудрявая,
Отчего ты, моя головушка, заболѣла?
Али я тебя, головушка,
Не расчесывалъ, родимая,
Кудри русыя, шелковыя!
Аль не встряхивалъ?
Аль кручина, змѣя лютая,
Грызетъ, точитъ тебя, буйную;
Не сбылися ль твои думушки разудалыя?
Не томись, моя головушка,
Не кручинь себя, сердечная.
Какъ вернемъ мы свою волюшку —
Разгуляемся.

II [1]).

По синимъ (!) степямъ Забайкалья.
Гдѣ золото роютъ въ горахъ,
Бродяга, судьбу проклиная,
Тащится съ мѣшкомъ на плечахъ.

Ветхая на немъ рубашенка
И сѣрый казенный халатъ,
Худая на немъ и шубенка
Со множествомъ разныхъ заплатъ.

Идетъ онъ густою тайгою,
Гдѣ мелкія пташки поютъ,
А въ котелкѣ сбоку тревогу
Сухарики съ ложкою бьютъ.

---

[1]) Поется на тотъ же мотивъ, что и Лермонтовская: „По синимъ волнамъ океана“.

Лишь только подходитъ къ Байкалу, —
На берегъ крутой онъ стаетъ.
Унылую пѣсню заводитъ,
Про родину пѣсню поетъ.

Онъ вспомнилъ про грустну разлуку,
Какъ провожалъ его слезами отецъ;
Какъ плакала мать его старуха.
Сгубилъ ты самъ себя, подлецъ!

III.

Течетъ рѣчка невеличка
Съ бережечкомъ вровень,
Молодой казакъ, молодой казакъ
Полковника проситъ:

Отпусти меня, полковникъ,
Изъ полка недалече домой,
Можетъ, загрустила
Моя милая за мной.

Радъ бы тебя отпустить,
Ты тамъ долго будешь.
Ты напейся воды холодной, —
Все горе забудешь.

Пилъ я воду, пилъ холодну,
Пилъ — не напивался,
Любилъ козакъ дѣвчоночку —
Все во снѣ ей снился.

Померъ, померъ казаченка
Померла надежда,
Остались малы дѣти
Горькими сиротами.

Остается казачка
Бѣдною вдовою,
Остается конь вороной
Съ золотою сбруей.

Ужъ вы сбрую золотую
Вы отдайте брату,
Мово жъ коня вороного
Ведите за мною.

Коня ведутъ, тѣло несутъ,
Конь головку клонитъ,
Молодая сибирячка
Бѣлы руки ломитъ.

Это — образецъ передѣлки поэтическихъ малороссійскихъ пѣсенъ. Только что приведенная распѣвается какъ арестантами, такъ и конвойными солдатами.

А вотъ изъ репертуара романсовъ:

Кругомъ, кругомъ осиротѣла.
Ахъ, нѣту милаго при мнѣ!
И съ милымъ счастье улетѣло,
Ужъ не воротится назадъ.
Воротись, мой ненаглядный,
Къ бѣдной дѣвицѣ, своей!
Не идетъ, не идетъ, мой ненаглядный,
Знать, не любитъ онъ меня.
Во снѣ, какъ ангелъ, онъ явился,
На сердце искру заронилъ,
Блеснулъ, какъ молнія, самъ скрылся,
На вѣкъ спокойствія рѣшилъ.
Сказалъ: Прощай, моя Дуняша,
Да не влюбляйся ни въ кого.
Въ твоихъ лѣтахъ любить опасно,
И ты повянешь, какъ трава,
И ты повянешь и засохнешь,
Расцвѣсть не можешь никогда.
Когда вить роза расцвѣтаетъ,
То всякъ старается сорвать.
Когда вить роза сносыхаетъ,
То всякъ старается стоптать.
Когда же дѣва молодая,
То всякъ спѣшитъ ее любить,
Когда же она пристарѣетъ,
То всякъ старается забыть.

Или еще того же жанра:

Течетъ рѣчка свысока,
Течетъ до востока,
Какъ за дѣвицей уланъ,
Какъ голубь за голубкой.
Брось улана, дочь моя,
Слушайся со ѣта,
Всѣхъ улановъ въ часть возьмутъ,
Вспомни только это.
Годъ проходитъ.
Дочь идетъ къ матери уныло,
На рукахъ ея лежитъ
Уланочекъ милой.
Родимая моя мать,
Что я буду дѣлать?
Что должна я отвѣчать
Милому улану?
Ты совѣта моего,
Слушать не хотѣла,
Такъ ступай теперь къ тому,
Съ кѣмъ любовь имѣла.

Родимая мать моя,
Знать судьба такая,
Онъ тебя же будетъ звать:
Бабушка родная.

Сообщу еще одну, самую, кажется, распространенную въ Забайкальѣ пѣсню; ее я слышалъ буквально на каждомъ этапѣ:

Прощай, радость, жизнь моя!
Слышу, ѣдешь, милой, отъ меня.
Знать, должна съ тобой разстаться,
Тебя ли больше не видать.
Темна ноченька-ой, да не спится,
Сама я знаю, почему:
Ты одинъ меня, мальчикъ, тревожишь,
Одинъ рѣшилъ мой спокой.
Вспомню майской день:
Мы купаться съ милымъ шли,
Мы садились на желтый песокъ.
Вдругъ, несчастьице случилось:
Вижу милова подъ волною.
Ты взойди, взойди, туча темная,
Ты пролей мелкой, частой дождь;
Ты разрой мать сыру землю,
Открой гробову доску.
Ты откройся, гробова доска;
Встань ты, встань, мать родная.
Вымолвила словечко:
Не встану никогда.

Смысла въ этой пѣснѣ добраться трудновато; но ея пѣвучій, заунывный мотивъ хорошъ. Боюсь ошибиться, но мнѣ кажется, что отсутствіе ритма и связнаго содержанія, а также полное несоотвѣтствіе послѣдняго съ музыкой пѣсни — отличительное свойство сибирскихъ (чалдонскихъ) пѣсенъ. Отъ интеллигентныхъ среди арестантовъ можно услышать: „Не весенній, мелкій дождичекъ“, „Волга, Волга! весной многоводною“, „Хуторокъ“, „Волга-матушка“ и др.

X.

Тамъ же.

Въ каждомъ изъ моихъ спутниковъ (а говоря точнѣе — въ каждомъ воспитанникѣ уголовной каторги) живетъ глубокое убѣжденіе, что честнымъ путемъ въ свѣтѣ не проживешь, что homo homini lupus est, что законы уголовные, гражданскіе, моральные — выдуманы богатыми и власть имущими — для того, чтобы держать въ уздѣ бѣдныхъ, такъ какъ

иначе меньшинству нельзя было бы совладать съ большинствомъ, на сторонѣ котораго сила громадной численности. Попытки внушить иныя сужденія или, по крайней мѣрѣ, внести смягчающія поправки въ эту въ своемъ родѣ матеріалистическую философію вызываютъ или снисходительное къ тебѣ отношеніе, какъ къ глупцу, или раздраженіе, какъ къ лицемѣру. Чтобы сбить этихъ людей съ ихъ позиціи, нужны не проповѣди, не разсужденія, а живые примѣры, но они-то, эти примѣры, на каждомъ шагу противъ тебя. „Гдѣ же видано и слыхано, возражаетъ какой-нибудь Иванъ Безпрозванный, что бы люди жили по правдѣ? Возьмемъ, — недалеко ходить — нашихъ начальниковъ [1]): народъ все не безграмотный, не мало есть съ офицерскимъ образованіемъ, жалованье, славу Богу, не обидное, а межъ тѣмъ нашъ братъ, варнакъ, во всю жизнь свою столь не укралъ, сколько въ одинъ годъ нахапаетъ, къ примѣру скажемъ, нашъ жирный поросъ [2]). А тоже ордена имѣетъ, его высокоблагородіе, растакъ его въ душу мать! Вотъ хотя бы Ванька, ни за понюхъ табаку шесть лѣтъ каторги оттрубилъ, а Бобровскій [3]) звѣрь звѣремъ, какого и промежъ нашей шпаны не легко повстрѣчать, за звѣрство изъ приставниковъ въ большіе господа произведенъ“. — „Любовь, правда, добро! Слыхали этотъ звонъ, да никто не знаетъ, гдѣ онъ. Эти слова только въ книжкахъ пишутся да нашему брату тычутся, а въ жизни почетъ только деньгамъ да орденамъ. Чѣмъ я хуже Голубцова [4]), будемъ такъ говорить: такой же малограмотный солдатъ, какъ и онъ. Пущай на меня смотрительскій мундеръ надѣнутъ, — не хуже его грабить сумѣю, не хуже его пороть стану; и бѣгуновъ такихъ же заведу, и бабу въ шелка разодѣну... Недавно еще: „Смирно! руки по швамъ, свиная твоя голова!“ Теперича же самъ батальонный за зеленый столъ съ нимъ садится; и чѣмъ пуще раздуваетъ кадило, тѣмъ пуще ему уваженіе; „Пожалуйте, гуляйте къ намъ за всяко просто“. А я должонъ у чалдона за трешницу въ батракахъ состоять, да и той онъ, чортъ желторотый, норовитъ тебѣ не заплатить. Въ худой годъ ты ему поклонись еще: возьми, молъ, Христа ради, хоть за харчи, а онъ надъ тобой

---

[1]) т. е. каторжную администрацію.
[2]) Кличка помощника завѣдующаго каторгой Петрова.
[3]) Завѣдующій каторгой.
[4]) Смотритель нижней тюрьмы.

куражится: „посельга“, „варначье“. Да будь она проклята, такая жизнь! Кто на нее по своей охотѣ пойдетъ? Только дуракъ, безъ всякаго пониманія человѣкъ. — Справедливость! Полсвѣта на своемъ вѣку походилъ, а такой штуки нигдѣ не видывалъ. Свой кулакъ, своя голова, да фартъ на придачу — вотъ те настоящая справедливость!“

. . . . . .

Первый завѣдующій, котораго я встрѣтилъ на Карѣ, . . . Потуловъ, организовалъ колоссальный грабежъ. Онъ кралъ на арестантскомъ продовольствіи, на одеждѣ, ремонтѣ, отопленіи, освѣщеніи, и это практиковалось имъ лѣтъ пять. Провалился онъ только случайно. Во главѣ отдѣльнаго управленія тюрьмами государственныхъ преступниковъ, стоитъ комендантъ изъ жандармскихъ штабъ-офицеровъ. Потуловъ жилъ въ добромъ согласіи съ четырьмя комендантами, но съ пятымъ, ротмистромъ Николинымъ, не поладилъ. . . . .

. . . . . Тогда Николинъ обратился прямо въ Петербургъ. Потуловъ, почуявъ серьезную опасность, сжегъ огромные цейхгаузы со складомъ арестантскихъ вещей и провизіи, заготовленныхъ для каторжныхъ тюремъ Нерчинскаго округа. Пожаръ долженъ былъ скрыть отсутствіе въ складахъ запасовъ, цѣлыми транспортами отправлявшихся

на Желтуху[1]) для сбыта вольнымъ старателямъ. Слѣдствіе, однако, обнаружило умышленный поджогъ; одинъ изъ участниковъ этого дѣла, сподручный и довѣренный Потулова, осужденъ въ каторгу; самъ же Потуловъ не перенесъ паденія со своей высоты и умеръ до суда.

Съ новымъ завѣдующимъ измѣнились лишь размѣры наживательства, система „управленія“ осталась та же. Повидимому, климатъ каторги обладаетъ особымъ, не изученнымъ еще свойствомъ заражать администраторовъ маляріей хищенія.

Въ теченіе семи лѣтъ, кромѣ Потулова, за чрезмѣрную длину рукъ „загребущихъ“ попали подъ судъ: комендантъ государственной тюрьмы жандармскій штабсъ-капитанъ Манаевъ, начальникъ мѣстной команды Шемаха-Соколъ, его замѣститель Березинъ, смотритель государственной тюрьмы Голубцовъ, смотритель Канаревскій, всѣ — осуждены. Коменданты Бурлей и Масюковъ[2]), состоявшіе подъ судомъ, избѣжали

---

[1]) Въ это время на правой, китайской, сторонѣ Амура русскими „хищниками“ было открыто богатѣйшее золото. Для „самовольной“ разработки его нахлынуло свыше 10,000 народа, въ томъ числѣ — много бѣглыхъ каторжниковъ; были даже лица съ чиновнымъ положеніемъ, напримѣръ, карійскій полиціймейстеръ Сафьянниковъ, который ради быстрой наживы бросилъ свою далеко не бездоходную службу. Вся эта масса людей нуждалась въ провизіи, одеждѣ и пр. Цѣны на товары стояли бѣшеныя. Китайская рѣчка, по которой водворилась русская вольная золотопромышленность, была названа Желтухой. Все Забайкалье и Приамурье заразилось лихорадкой обогащенія: крестьяне, казаки, купцы, чиновники, даже попы. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

[2]) Подполковникъ Масюковъ проигрывалъ, какъ и Манаевъ, денежныя получки политическихъ каторжанъ. Неизвѣстно, какъ долго продолжалъ бы онъ пользоваться нашими деньгами, если бы не распоряженіе о переводѣ заключенныхъ въ Акутай. При этомъ должность коменданта упразднялась, а остававшіеся на Карѣ вольнокомандцы передавались въ вѣдѣніе уголовныхъ властей. Со дня на день ожидали пріѣзда генералъ-губернатора Корфа. Таить дальше свои хищенія Масюкову не было уже возможности: при сдачѣ дѣлъ растрата неминуемо должна была обнаружиться. Тогда Масюковъ призвалъ къ себѣ старосту госуд. тюрьмы Лозянова, откровенно во всемъ ему сознался и просилъ не губить его; деньги обѣщалъ немедленно выслать изъ Тифлиса, куда онъ назначался нач. жанд. управл. Рѣшено было пощадить Масюкова, но при этомъ потребовать у него услуги за услугу. Переводу въ Акатуй подлежали не всѣ, нѣкоторую часть заключенныхъ предполагали выпустить тутъ же, на Карѣ, для жительства въ вольной командѣ. Число подлежащихъ выпуску

участи Манаева, приговореннаго къ лишенію всѣхъ правъ въ Якутку, лишь благодаря особо счастливымъ для нихъ обстоятельствамъ.

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Вольная команда, т. е. контингентъ каторжныхъ, выпущенныхъ послѣ срока испытанія на проживаніе внѣ тюрьмы, является источникомъ разнообразныхъ доходовъ администраціи. Полагающаяся имъ казенная одежда и продовольственный паекъ большинствомъ ихъ не получается, а идетъ въ пользу смотрителей. На вольнокомандцевъ, занимающихся торговлей, наложенъ налогъ, который, однако, не спасаетъ торговца отъ полнаго разоренія. Ему предоставляется до поры до времени разживаться, ...
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Продажа спирта на пріискахъ, какъ извѣстно, не допускается; но извѣстно также, что этотъ видъ торговли процвѣтаетъ здѣсь не меньше, если не больше, чѣмъ въ любомъ не пріисковомъ пунктѣ. Спиртоношествомъ увлекаются и обыватели . . . и арестанты вольной команды. Смотрители и полицеймейстеръ [1]), съ своей стороны — страстные охотники ловить спиртоносовъ и отбирать у нихъ баклаги со спиртомъ. Но потребитель отъ этого нисколько не страдаетъ:

въ значительной степени зависѣло отъ коменданта, отъ его аттестаціи поведенія каторжанъ, представляемой генералъ губернатору И, вотъ, Масюкову былъ преподнесенъ списокъ громаднаго большинства заключенныхъ къ одобренію для освобожденію изъ тюрьмы. Разумѣется, рекомендація коменданта могла распространяться только на тѣхъ, которые уже кончили свой срокъ испытанія. Произошелъ торгъ, и въ результатѣ оставлено было въ вольной командѣ вдвое больше, чѣмъ ушло въ Акатуй. Корфъ, какъ бы, желая загладить свою вину въ исторіи съ Сигидой, утвердилъ весь списокъ, представленный Масюковымъ. Всѣ ли истраченныя послѣднимъ деньги были возвращены имъ — не знаю. Но мнѣ писали, что нѣсколько сотъ онъ выслалъ изъ Томска, обѣщая окончательно расплатиться по прибытіи на мѣсто назначенія и полученіи прогонныхъ.

[1]) На Карѣ была и эта должность, упраздненная въ концѣ 30-хъ годовъ.

отобранный продуктъ все равно поступаетъ на рынокъ, но только не въ пользу затратившагося на него спиртоноса,

. . . . . .

. . . . . У осужденнаго смотрителя Голубцова былъ настоящій кабакъ съ сидѣльцемъ изъ довѣренныхъ арестантовъ.

Другая, еще болѣе выгодная, статья дохода — ловля такъ называемыхъ „хищниковъ," т. е. занимающихся незаконной добычей золота. „Хищничество"—самый распространенный промыселъ какъ между вольнокомандцами, такъ и прочимъ полноправнымъ населеніемъ всѣхъ четырехъ карійскихъ поселковъ. Охота на этого сорта дичь очень заманчива; она производится не въ кабинетскихъ, конечно, интересахъ, а съ тѣмъ, чтобы завладѣть отнятымъ у рабочаго золотомъ въ свою пользу. У каждаго чиновника на Карѣ, ...

. . . . . — кольца цѣпочки, запонки, а у чиновницъ — серьги, браслеты, брошки, — все изъ хищническаго золота, издѣлія мѣстныхъ ювелировъ (изъ арестантовъ же). Словомъ, здѣсь всѣ хищники, отъ малаго до великаго и въ возрастномъ (ибо и дѣти „хищничаютъ"), ...

. . . Даже самъ набольшій скупалъ золото на Амурской Калифорніи, но былъ такъ простъ, что довѣрилъ сбыть его (20 пуд.) одному кяхтинскому купцу, который золото-то сбылъ, а довѣрителю показалъ шишъ, что, говорятъ, и было причиной скоропостижной смерти его . . . довѣрителя. Понятенъ послѣ этого и слѣдующій фактъ: когда Нестеровъ, горный окружной инженеръ, потребовалъ экстренныхъ мѣръ противъ „хищниковъ", вся карійская администрація стала за нихъ горой, мотивируя ихъ защиту весьма умно и политично. Изгнаніе „хищниковъ" изъ тайги, лишивъ народъ занятій и заработка, неизбѣжно толкнетъ эту массу на путь убійствъ, грабежей и разбоевъ. Несомнѣнно, это — единственное доброе дѣло, совершенное каторжной бюрократіей.

Но хищникъ — птица крайне осторожная; его поймать съ поличнымъ не легко. Проще и вѣрнѣй — обложить заподозрѣнныхъ въ этомъ „противозаконномъ" промыслѣ данью, невзносъ которой грозилъ бы возвращеніемъ вольнокомандца въ тюрьму.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .
. . . . . .

Всѣ тюремные чины, ...
. . . . . пользуются арестантами, какъ даровой рабочей силой. И какъ ни тяжело положеніе этихъ „крѣпостныхъ душъ“ у своеобразныхъ помѣщиковъ, все же оно легче, чѣмъ быть въ рабствѣ у такого изверга, какъ Бобровскій. Чтобы попасть въ прислуги, не надо ждать выпуска въ вольную команду; достаточно быть мастеровымъ, кучеромъ, поваромъ или вообще почему бы то ни было облюбованнымъ чиновникомъ, и арестантъ сдается ему во владѣніе. Для женщинъ, въ особенности молодыхъ, а тѣмъ паче — не дурной наружности, это „право“ администраціи на арестанскія души, какъ нельзя болѣе на руку. Знаменитая полька Ядвига, . . .
. . . . . пользовалась у своего барина такимъ вліяніемъ, что передъ ней держались на вытяжку всѣ состоявшіе подъ его началомъ . . . . . .
Но на почвѣ этихъ отношеній не обходилось и безъ драмъ. Одна молодая каторжанка измѣнила своему старому барину, и такъ какъ соперника нельзя было законопатить въ тюрьму, то ее препроводили къ смотрителю съ запиской насчетъ порки. Послѣ наказанія каторжанку отослали обратно къ барину, разсчитывавшему, очевидно, на то, что тѣлесное вразумленіе сдѣлаетъ его болѣе привлекательнымъ въ ея глазахъ. Однако, онъ ошибся и черезъ нѣкоторое время снова отправилъ ее на Усть-Кару. Смотрителемъ же она была препровождена на т о п ч а к ъ. Это — мельница, жернова которой приводятся въ движеніе ногами арестантовъ, топчущихся на наклонномъ досчатомъ дискѣ. Таковъ одинъ изъ видовъ каторжныхъ работъ для арестантовъ-мужчинъ; женщинъ же ставятъ сюда, въ видѣ особаго наказанія . . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Вотъ уже четыре съ половиной мѣсяца тянутся наши мытарства по этапамъ. Еще два перехода — и мы, наконецъ, въ Иркутскѣ или, точнѣе говоря, въ иркутской вонючей тюрьмѣ. Предстоитъ сидѣть подъ замкомъ до первыхъ чиселъ мая, затѣмъ погонятъ въ Качугъ, а оттуда только что освободившаяся отъ ледяныхъ оковъ „старуха“ Лена понесетъ насъ

. . . . . .
. . . . . .

на сѣверъ, на тотъ дикій сѣверъ, гдѣ на голой вершинѣ стоитъ одиноко сосна.

И дремлетъ, качаясь,
И снѣгомъ сыпучимъ,
Какъ ризой, одѣта она...

Я. Стефановичъ.

Переписано съ „этапника“ въ Намскомъ улусѣ, въ юртѣ Вацлава Сѣрошевскаго.

1891—92 гг. [1]).

---

[1]) Описаніе дальнѣйшаго этапнаго путешествія, подъ заглавіемъ „Очерки невольнаго туриста“, съ необходимыми для того времени сокращеніями и умолчаніями въ отношеніи политическихъ арестантовъ, помѣщено въ „Книжкахъ Недѣли“ за 1895 г. (январь, февраль, мартъ) и за 1897 г. (сентябрь). За подписью Я.

* * *

Да будетъ свѣтло ваше счастье,
И радость ясна и чиста,
Какъ лѣтняго утра сіяніе,
Какъ вѣчныхъ небесъ красота.

Да минутъ часы испытанья
Для васъ, какъ мелькнувшая тѣнь,
Да встрѣтитъ улыбкой участья
Васъ каждый привѣтливый день.

Ник. Морозовъ.

ЗАГАДКИ ДІОНИСА.

(КЪ ПСИХОЛОГІИ ТВОРЧЕСКАГО ЭКСТАЗА.)

„Имѣетъ ли кто-нибудь въ концѣ XIX столѣтія ясное понятіе о томъ, что поэты сильныхъ эпохъ называли вдохновеніемъ?“ Такъ вопрошаетъ великій мудрецъ-безумецъ минувшаго вѣка Ницше, въ своей автобіографіи. И допуская, что этого не знаютъ, онъ соглашается описать вдохновеніе и то, какъ онъ лично его переживаетъ.

„При самомъ маломъ остаткѣ суевѣрія здѣсь въ самомъ дѣлѣ трудно удержаться отъ мысли, что ты только воплощеніе, только орудіе, только медіумъ высшихъ силъ. Что-то внезапно съ несказанной увѣренностью и точностью становится видимымъ, слышимымъ и до самой глубины потрясаетъ и опрокидываетъ человѣка. Тутъ слышишь безъ поисковъ, берешь безъ спроса отъ кого. Мысль вспыхиваетъ, какъ молнія, съ необходимостью, въ формѣ, не допускающей колебаній, — у меня, по крайней мѣрѣ, никогда не было выбора. Огромное напряженіе восторга разрѣшается порой потоками слезъ, шаги невольно становятся то бурными, то медленными. Это какое-то бытіе внѣ себя съ самымъ яснымъ сознаніемъ безчисленнаго множества тонкихъ дрожаній до самыхъ пальцевъ ногъ. Это — глубина счастья, гдѣ самое болѣзненное и самое жестокое дѣйствуютъ не какъ противорѣчіе, но какъ нѣчто логическое... Все происходитъ въ высшей степени непроизвольно, но какъ бы въ потокѣ чувства свободы, безусловности, силы, божественности. Непроизвольность образа и символа— и есть самое замѣчательное. Ихъ не берешь разсудкомъ, — все приходитъ, какъ самое близкое, самое простое, самое правильное. Подлинно вспоминаются слова Заратустры, что вещи сами приходятъ и предлагаютъ себя въ символы. Это м о й опытъ вдохновенія. Я не сомнѣваюсь, что надо вер-

нуться на тысячелѣтіе назадъ, чтобы найти того, кто могъ б
сказать: „и мой!“.

Только геній могъ охарактеризовать состояніе своей
творческаго пафоса съ такою силою и такимъ презрѣніемъ к
человѣческой ироніи. Современный художникъ мыслитъ реал
нымъ мышленіемъ и не переоцѣниваетъ отпущенныхъ ему сил
Современный художникъ почувствовалъ бы конфузъ, если б
передъ нимъ открылась необходимость анализа своей настрое
ности во время творчества. Можетъ быть, такой позеръ к
кусствѣ, какъ д'Аннунціо, могъ бы наговорить по этой
поводу не мало эффектныхъ словъ, въ которыхъ, впрочем
было бы больше позы, чѣмъ правды, но ничѣмъ нельзя б
было болѣе смутить, хотя бы, нашего Толстого.

Въ современной трактовкѣ вопроса о вдохновеніи для нас
русскихъ, слышатся еще отзвуки реальнаго взгляда, сложи
шагося въ 60-хъ годахъ. Одновременно съ преданіемъ ан
ѳемѣ стиховъ и низложеніемъ поэтовъ традиціонное учен
о творческомъ вдохновеніи подверглось отрицанію. Сам
слово, разъ навсегда поставленное въ кавычки, было изгна
изъ лексикона „новаго человѣка“. Парнассъ, Аполлонъ
Музы всецѣло отданы въ распоряженіе оперетты. Какіе жгуч
сарказмы выпали на долю эстетиковъ старой школы, котор
еще пытались въ серьезъ говорить о какомъ-то нервно
подъемѣ художника, о полетахъ фантазіи, о „языкѣ боговд
„горнилѣ творчества“ и „жрецахъ искусства!“ Трезвые Н
заровы отдали весь этотъ арсеналъ возвышенныхъ словъ
колѣнію Павловъ Кирсановыхъ.

Во слѣдъ за Писаревымъ, насаждавшимъ реализмъ пр
зой, двинулись даже поэты, и ставшій подъ его знамя Мин
евъ въ стихахъ разбивалъ старый предразсудокъ о людя
которыхъ будто бы призываетъ къ священной жертвѣ Ап
лонъ. Ставя это себѣ почти въ заслугу, обличительный по
увѣрялъ, что, не имѣя рѣшительно никакого понятія о вд
новеніи и полагаясь исключительно на свою технику, о
можетъ писать въ день по десятку стихотвореній, подобны
издѣліямъ Фета, Майкова или Полонскаго. И, въ самомъ дѣ
сыпалъ пародіи, какъ изъ рога изобилія. А Добролюбо
бралъ обыкновеннѣйшую передовицу съ кучей газетныхъ меж
народныхъ словъ и перелагалъ ее въ размѣренныя, риѳмов
ныя строки.

Нужно было пройти не малому времени, чтобы сошло
нѣтъ литературное озорство, и чтобы спокойная, ни надъ кѣ

не смѣющаяся и сама не боящаяся иронiи наука подошла къ этому любопытнѣйшему процессу, загадочному, какъ влюбленность. Новая психологія не приняла во всемъ объемѣ старое воззрѣніе, выдвигавшее человѣка творчества надъ толпою, — то воззрѣніе, которое дало жизнь древней поговоркѣ, приравнивавшей творчество къ состоянію возвышеннаго безумія (aut insanit, aut versus facit). Но она не удовлетворилась и чрезмѣрно реальнымъ взглядомъ, всего лучше выраженнымъ въ извѣстномъ изреченіи, приписываемомъ Бюффону, будто геній есть терпѣніе и, слѣдовательно, творчество — только трудъ. Она не приняла и парадокса француза Суріо [1]), пытавшагося доказать, что всякій новый шагъ въ области человѣческаго творчества — только счастливая случайность.

Экстазы человѣческой души стали предметомъ такого же научно-психологическаго обслѣдованія, какъ душевное здравіе и душевная болѣзнь. Для психіатровъ, толкующихъ о возвышенныхъ подъемахъ человѣческаго духа, стала обязательной глава объ экстазахъ творчества [2]). Жоли въ своей „Психологіи великихъ людей“ подробно остановился на вопросѣ о вдохновеніи. Фрэнсисъ Гальтонъ написалъ интересную и убѣдительную книгу о наслѣдственности таланта, тема которой позднѣе была любопытно разработана д-ромъ Мёбіусомъ, но, къ сожалѣнію, не иллюстрирована русскимъ авторомъ на представителяхъ русскаго искусства и литературы. Въ самое послѣднее время вышло семь томовъ „Вопросовъ теоріи и психологіи творчества“, подъ редакціей Б. А. Лезина, гдѣ такія имена, какъ академикъ Д. Н. Овсяннико-Куликовскій, Тіандеръ, Горнфельдъ, Райновъ, Харціевъ, Аничковъ, Погодинъ, Франкъ, Лапшинъ и др., пролили обильные лучи свѣта въ эту увлекательную, но всегда загадочную область высшихъ напряженій человѣчества. Авторъ двутомнаго изслѣдованія о судьбахъ романа, нашего и чужеземнаго, маститый П. Д. Боборыкинъ, работаетъ сейчасъ надъ большимъ изслѣдованіемъ о той же тайнѣ творчества, и русскій читатель вправѣ разсчитывать найти здѣсь оцѣнку всей той мудрости, до какой только возвысилась къ нынѣшнему дню европейская наука.

Такъ понемногу создается возможность для капитальнаго труда, который, очевидно, создастъ здѣсь эпоху, гдѣ будутъ установлены, какъ въ учебникѣ, особенности и странности

---

[1]) Paul Souriau, Théorie de l'invention. Paris. 1881.

[2]) См. Мантегацца (Экстазы человѣка).

творчества, разрѣшены вопросы объ участіи въ немъ воли, объ элементѣ безсознательнаго и подсознательнаго, о возможности и способахъ искусственныхъ подъемовъ, о воздѣйствіи психики на творчество и творчества на психику, о болѣзненныхъ и уклонныхъ проявленіяхъ генія. Эта работа, построенная на точныхъ данныхъ біографій и переписки выдающихся художниковъ, будетъ работою огромнаго психологическаго интереса, для которой всѣ нынѣшнія — только подготовительныя ступени.

Освободившаяся отъ классическихъ суевѣрій современная психологія и психіатрія беретъ художника, только какъ человѣка спеціальныхъ духовныхъ навыковъ. Если возвышенный стиль говоритъ о художническомъ, въ частности — писательскомъ „подвигѣ, о добровольномъ принятіи на себя вѣчной тяготы напряженной духовной работы, то психологъ подъ своимъ угломъ считается съ этимъ однодумствомъ, а психіатръ въ нѣкоторыхъ случаяхъ заранѣе предвидитъ перспективу почти неизбѣжной впереди потери внутренняго равновѣсія.

Нѣтъ ли, въ самомъ дѣлѣ, элементовъ нѣкотораго возвышеннаго маніачества въ устремленіи художника въ область своихъ исключительныхъ влеченій, которыя заполняютъ его всего, дѣлая глухимъ и слѣпымъ почти ко всему остальному? Чеховъ устами Тригорина изъ „Чайки“ охарактеризовалъ это отнюдь не веселое состояніе вѣчнаго писательскаго вынашиванія, какъ состояніе какъ бы вѣчной беременности, которое въ моментъ разрѣшенія смѣняется уже тревогой новой темы, мыслью о новомъ зачатіи. Подъ угломъ совершеннаго умственнаго здоровья — нормальные ли люди Бальзакъ и нашъ Достоевскій, оба добровольно подвергшіеся истинной каторгѣ безпрерывнаго писанія, оба всю жизнь бившіеся — одинъ въ заботѣ снять съ себя непосильное бремя долговъ, другой въ поискахъ хоть какого-либо обезпеченія себя и своихъ?

Скрытая умственная работа совершается въ художникѣ даже въ тѣ минуты, когда онъ, по поэтическому выраженію, малодушно погруженъ въ заботы суетныя свѣта, и среди дѣтей ничтожныхъ міра представляется, быть можетъ, всѣхъ ничтожнѣй. Человѣкъ, хорошо знавшій Достоевскаго, однажды записалъ, что у него была привычка обдумывать свои созданія даже подъ чужой разговоръ. „Это обдумываніе совершалось у него всего успѣшнѣе на ходу и иногда поглощало всецѣло его мысль при самой неподходящей, шумной обстановкѣ. Когда мы съ нимъ жили лѣтомъ на минеральныхъ

водахъ въ Старой Руссѣ, Достоевскій почти ежедневно, подъ вечеръ, приходилъ совершать свою прогулку въ общественный садъ, гдѣ гремѣла въ это время музыка, и ходилъ, волоча ноги въ мягкихъ сапогахъ, кругомъ оркестра, заложивъ руки за спину, немного горбясь, одиноко и безмолвно. Онъ, повидимому, не обращалъ вниманія, можетъ быть, не сознавалъ ни присутствія густо толпившейся, трескотно болтавшей публики, ни грохота военныхъ трубъ“ [1]).

Другой, еще болѣе близкій къ автору „Карамазовыхъ“ человѣкъ записалъ въ его біографіи, что въ немъ „постоянно совершался внутренній трудъ, происходило нарастаніе и движеніе мыслей, и ему всегда трудно было оторваться отъ этого труда для писанія. Оставаясь, повидимому, праздным, онъ, въ сущности, работалъ неутомимо. Люди, у которыхъ эта внутренняя работа не происходитъ или очень слаба, обыкновенно скучаютъ безъ внѣшней работы и со сластью въ нее втягиваются. Достоевскій съ тѣмъ обиліемъ мыслей и чувствъ, которое носилъ въ головѣ, никогда не скучалъ праздностью и дорожилъ ею чрезвычайно. Мысли его кипѣли. Безпрестанно создавались новые образы, планы новыхъ произведеній, а старые планы росли и развивались“ [2]).

Въ такія минуты предтворческаго сосредоточенія писатель можетъ казаться разсѣяннымъ. Напряженный, но невидимый трудъ его можетъ давать обманчивое впечатлѣніе лѣности, но писатель можетъ любить эти состоянія даже выше состояній чистаго творчества надъ листомъ бумаги. По крайней мѣрѣ, Достоевскій засвидѣтельствовалъ это. „Мнѣ всегда пріятнѣе было, — признался онъ въ одномъ изъ своихъ романовъ, — обдумывать мои сочиненія и мечтать, какъ они у меня напишутся, чѣмъ въ самомъ дѣлѣ писать ихъ, и, право, это было не отъ лѣности“. И Достоевскій стоитъ въ этомъ отношеніи не одиноко. Щербина выразилъ ту же мысль стихами: „Нѣтъ, не тогда восторгомъ я пылаю, въ мгновенья творчества блаженствомъ не горю. Когда свой стихъ возвышенный слагаю, съ холоднымъ разумомъ я братски говорю. Не зная никакихъ безумныхъ вдохновеній, спокоенъ я и сердцемъ и душой, и безъ смѣшныхъ возгласовъ и движеній, съ расчетомъ вывожу я строку за строкой. Но въ тѣ, ни для кого незримыя мгновенья, межъ невнимательной, безчувственной толпой, восторгу

---

[1]) Н. Н. Фирсовъ, „Ист. Вѣст.“, 1914, іюнь, 897.

[2]) Н. Страховъ, Матеріалы для біогр. Достоевскаго, т. 1, 215.

предаюсь, иль полонъ сокрушенья, гляжу вокругъ себя всезрящею душой, и чувствую въ груди зародыши творенья".

Задача психолога, подходящаго къ изслѣдованію вопроса творчества, тѣмъ легче, что положительно, кажется, не найти автора, который не оставилъ бы попытки образнаго запечатлѣнія творческаго момента. Эти „дни вдохновеннаго труда", „когда и умъ и сердце полны", когда „на мысли дышащія силой, какъ жемчугъ, нижутся слова", эти „тягостныя ночи", когда „безъ сна горятъ и плачутъ очи", когда сердце наполняется „жадною тоской", усиленно работаетъ своевольная память и диктуетъ совѣсть, — тѣ самые симптомы, какіе могъ бы наблюдать и докторъ. Некрасовъ признавался, что эти дни давались ему не легко. „Ты знаешь, я любимецъ музъ, а невозможно разсказать, во что обходится союзъ съ иною музой. Благодать тому, чья муза не бойка: горитъ онъ рѣдко и слегка Но горе, ежели она словолюбива и страстна. Съ желѣзной грудью надо быть, чтобъ этимъ ласкамъ отвѣчать, объятья эти выносить, кипѣть, горѣть и погасать, и вновь горѣть, и снова стыть. Довольно! Развѣ досказать, — удобный случай благо есть, — что я, когда начну писать, перестаю и спать, и ѣсть" [1]).

Дѣло ученаго отличить въ этихъ описаніяхъ цвѣты риторики и подъ ними прочитать медицинскіе термины и физическіе симптомы. Но это совершенно точно извѣстно, что и Островскій, подобно Некрасову, во время напряженнаго писанія вовсе лишался аппетита. Гоголю творческая увлеченность казалась истиннымъ подобіемъ временнаго психоза: „Я помѣшался на комедіи" — такъ опредѣлялъ онъ свое авторское состояніе во время писанія не увидѣвшей свѣта комедіи „Владиміръ третьей степени" [2]). — „Я работаю по настоящему только тогда, когда у меня безсонница", признавался Тургеневъ Флоберу [3]). Исторія литературы знаетъ случаи, когда вдохновеніе „посѣщало голову безумца" не въ какомъ-нибудь возвышенномъ метафорическомъ смыслѣ, а въ самомъ грубомъ смыслѣ буйственно протекающей болѣзни. Одно изъ лучшихъ своихъ созданій, „Сильвію", извѣстный Жераръ де Нерваль родилъ въ какой-то свѣтозарный перерывъ между двумя безднами безумія и невмѣняемости, и для историка и

---

[1]) Соч. Некрасова, изд. 1879, т. 2, 228.
[2]) Гоголь, Письма, т. 1, 245, Погодину.
[3]) Тургеневъ, Письма, 279.

психіатра одинаково вѣчною загадкой останется вопросъ, как
„шедевръ ясности, нѣжности и мѣры былъ порожденъ мо
гомъ безумца, вчера бывшаго въ буйственномъ состояніи
подхваченнаго вихремъ новаго припадка на слѣдующій день“ [1]
Вчера создавшій прелестную поэму, этотъ человѣкъ на утр
принималъ привратника съ младенцемъ на рукахъ за св. Хр
стофора, несущаго Христа, и отъ статуи св. Дѣвы слышал
печальный голосъ, что Дѣва умерла, и его мольбы отнын
безплодны.

С. Аксаковъ разсказывалъ, что Загоскинъ передъ нап
саніемъ прославившаго его романа „Юрій Милославскій“, „был
весь погруженъ въ эту мысль, охваченъ ею совершенно. Е
всегдашняя разсѣянность, къ которой давно привыкли и к
торую уже не замѣчали, до того усилилась, что всѣ ее зам
тили, и всѣ спрашивали другъ друга, что сдѣлалось съ З
госкинымъ, — онъ не видитъ съ кѣмъ говоритъ и не знает
что говоритъ. Встрѣчаясь на улицѣ съ короткими пріятеля
онъ не узналъ никого, не отвѣчалъ на поклоны и не сл
халъ привѣтствій. Онъ читалъ въ это время историчес
документы и жилъ въ 1612 году“.

У Лагранжа наблюдалось во время писанія неправиль
біеніе пульса, у Альфіери моментами дѣлалось помраченіе
глазахъ. Тассо въ минуты творчества напоминалъ помѣш
наго. Марини не почувствовалъ сильнаго обжога ноги, п
не отнялъ руки отъ бумаги. Какъ не дешево даются эти
ріоды напряженій, можно видѣть, хотя бы, изъ признанія А
фіери, который радовался, когда болѣзнь прекращала сли
комъ напряженную работу его мозга. „Если бы подагра, бол
нудная, чѣмъ я, не вынудила меня сдѣлать перерывъ, т
кончилъ бы или сумасшествіемъ, или полнымъ физически
изнуреніемъ, такъ какъ я почти ничего не ѣлъ
очень мало спалъ“ [2]).

Удивительно ли поэтому, что самое писательство многіе
большихъ мастеровъ обставляли странностями, которыя могли
показаться симуляціей или позированіемъ, если бы мы не зна
что творческіе роды заставляютъ художника капризнича
какъ естесвтенные роды роженицъ. Ходячій разсказъ, вошед
во всѣ учебники психологіи, о томъ, какъ Шиллеръ воз
ждался запахомъ гнилыхъ яблокъ и не могъ работать, е

---

[1]) Аристидъ Мари, Жераръ де Нерваль, 265.
[2]) В. Альфіери, Жизнь и произведенія. Гливенко, т. 1, 178.

ихъ не было въ его столѣ, можетъ быть, не безынтересно услышать изъ устъ самого Гете (по записи Эккермана), случайно обнаружившаго удивительную привычку своего друга. Однажды Гете, въ отсутствіе Шиллера, зашелъ къ нему и усѣлся за его столомъ. „Едва просидѣлъ я нѣсколько минутъ, какъ началъ чувствовать себя дурно. Дурнота постепенно увеличивалась, и я, наконецъ, едва не упалъ въ обморокъ. Въ первую минуту я не могъ отдать себѣ отчета, отъ чего бы это могло со мной произойти, такъ какъ прежде ничего подобнаго не бывало. Наконецъ, оказалось, что причиной этому страшный запахъ изъ ящика. Я поспѣшилъ открыть ящикъ и, къ удивленію, увидѣлъ тамъ кучу гнилыхъ яблокъ. Дурнота у меня сейчасъ же прошла, какъ только я подошелъ къ открытому окну и подышалъ свѣжимъ воздухомъ. Въ это время вошла въ комнату жена Шиллера и сказала мнѣ, что этотъ ящикъ всегда наполняется гнилыми яблоками, потому что запахъ отъ нихъ благотворно дѣйствуетъ на Шиллера, и безъ него онъ не можетъ ни жить, ни работать“ [1]). Гете писалъ всегда рано по утрамъ, свободный отъ всякихъ внѣшнихъ возбудителей. Шиллеръ лихорадочно работалъ по ночамъ, возбуждая себя кофеемъ и шампанскимъ. Гюго могъ работать не иначе, какъ послѣ продолжительной прогулки. Декартъ и Лейбницъ — только лежа. Боссюэтъ обворачивалъ себѣ голову горячими полотенцами. Монтэнь и Руссо могли писать только при абсолютной тишинѣ, въ то время какъ Верлэну и Стюарту Миллю было необходимо ощущать около себя біеніе жизни.

Психологъ не смѣшаетъ существеннаго въ творчествѣ съ единичными капризами и идіосинкразіями. Но основнымъ положеніемъ, изъ котораго онъ будетъ выходить, останется признаніе, рядомъ съ естественнымъ, волевымъ двигателемъ, какого-то другого, если не сверхъестественнаго и мистическаго, то въ значительной мѣрѣ ускользающаго отъ медицинскаго анализа и переводящаго прямыя линіи здоровой психологіи въ зигзаги. По счастью, въ его распоряженіи окажутся человѣческіе документы высокой цѣнности, гдѣ сами творцы дадутъ ему точнѣйшій анализъ своихъ творческихъ состояній подъ двойной точкой зрѣнія — ихъ естественности и сверхчувственности.

„Для сочиненій, — пишетъ извѣстный композиторъ П. И.

---

[1]) Льюисъ, Жизнь Гете, II, 161.

Чайковскій, — которыя я пишу вслѣдствіе непосредственнаго влеченія и неотразимой внутренней потребности, не требуется никакого, хотя бы малѣйшаго, усилія воли. Остается повиноваться внутреннему голосу, и работа идетъ съ совершенно непостижимою легкостью. Забываешь все, душа трепещетъ отъ какого-то совершенно непостижимаго и неотразимо-сладкаго волненія, рѣшительно не успѣваешь слѣдовать за ея порывомъ куда-то, и время проходитъ буквально незамѣтно. Въ этомъ состояніи есть что-то сомнамбулическое. On ne s'entend pas vivre. Разсказать вамъ объ этихъ минутахъ нѣтъ никакой возможности. То, что выходитъ изъ-подъ пера или просто укладывается въ головѣ въ этомъ состояніи, всегда хорошо, и, если ничто не мѣшаетъ, то должно выйти совершенствомъ того, что въ силахъ создать тотъ или другой художникъ. Къ сожалѣнію, эти внѣшнія помѣхи совершенно неизбѣжны. Нужно идти на службу, зовутъ обѣдать, пришло письмо и т. д. Вотъ почему такъ рѣдки сочиненія, которыя во всѣхъ частяхъ уравновѣшены по количеству музыкальной красоты. Отсюда являются швы, приклейки, неровности, несоотвѣтствія. Для сочиненій, которыя пишутся по заказу, приходится иногда себя настраивать. Тутъ весьма часто приходится побѣждать лѣнь, неохоту. Затѣмъ бываютъ различныя случайности. Иногда побѣда достается легко. Иногда вдохновеніе ускользаетъ, не дается. Но я считаю долгомъ для артиста не поддаваться неохотѣ. Ждать нельзя. Вдохновеніе — это такая гостья, которая не любитъ посѣщать лѣнивыхъ. Оно является къ тѣмъ, которые призываютъ его... Находясь въ нормальномъ состояніи духа, я сочиняю всегда, каждую минуту дня и при всякой обстановкѣ. Иногда я съ любопытствомъ наблюдаю за тою непрерывною работой, которая сама собой, независимо отъ предмета разговора, который я веду, отъ людей, съ которыми нахожусь, происходитъ въ въ той области головы моей, которая отдана музыкѣ. Иногда это бываетъ какая-то подготовительная работа, то-есть отдѣлываются подробности голосоведенія какого-нибудь передъ тѣмъ проектированнаго кусочка, а въ другой разъ является совершенно новая, самостоятельная музыкальная мысль, и стараешься удержать ее въ памяти. Откуда это является — непроницаемая тайна!“ [1]).

[1]) Письмо къ Н. Ф. фонъ-Меккъ, отъ 24 іюня 1878 г.

намѣренныхъ возбужденіяхъ мозга, подготовляющихъ моментъ душевной аффектаціи. „Нѣтъ никакого сомнѣнія, — писалъ онъ въ другомъ письмѣ, — что даже и величайшіе музыкальные геніи работали иногда, не согрѣтые вдохновеніемъ. Это такой гость, который не всегда является на первый зовъ. Между тѣмъ работать нужно всегда, и настоящій честный артистъ не можетъ сидѣть сложа руки подъ предлогомъ, что онъ не расположенъ. Если ждать расположенія и не пытаться идти навстрѣчу къ нему, то легко впасть въ лѣнь и апатію. Нужно терпѣть и вѣрить, и вдохновеніе неминуемо явится тому, кто сумѣлъ побѣдить свое нерасположеніе. Со мной это случилось не далѣе, какъ сегодня... Стоило мнѣ поддаться неохотѣ работать, и я бы, навѣрное, долго ничего не сдѣлалъ. Но вѣра и терпѣніе никогда не покидаютъ меня, и сегодня, съ утра, я былъ охваченъ тѣмъ непонятнымъ и неизвѣстно откуда берущимся огнемъ вдоховенія, благодаря которому я знаю заранѣе, что все написанное мною сегодня будетъ имѣть свойство западать въ сердце и оставлять въ немъ впечатлѣніе. Я думаю, что вы не заподозрите меня въ самохвальствѣ, если я скажу, что со мной очень рѣдко случаются тѣ нерасположенія, о которыхъ я говорилъ выше. Я это приписываю тому, что одаренъ терпѣніемъ и пріучилъ себя никогда не поддаваться неохотѣ. Я научился побѣждать себя“.

Чайковскій отстаиваетъ то, что отстаивали старые аскеты и отцы церкви, обязывая молящагося не ждать, пока его осѣнитъ настроеніе молитвы, и вмѣняя ему въ обязанность самому господствовать надъ настроеніемъ. Къ сожалѣнію, въ вопросѣ творчества далеко не всѣ могли бы подписаться подъ увѣренными строками русскаго композитора. Увы, — огромное большинство творитъ не тогда, когда хочетъ, а когда можетъ. И сроки, въ которые муза стоитъ около художника съ опущенными крыльями, иногда бываютъ мучительно длительны. „Вотъ скоро будетъ годъ, какъ я — ни строчки“, сѣтовалъ такой писатель „нутра“, какъ Гоголь. „Какъ ни принуждаю себя, — нѣтъ, да и только!..“ Великому технику стиха, Альфіери, стихъ иногда настолько не давался, что онъ чувствовалъ себя безсильнымъ. „Вскочилъ съ постели съ мыслью взяться за нѣкоторыя октавы, уже давно обдумываемыя. Написалъ четыре плохихъ стиха (?), и съ величайшими усиліями. Не могу еще на дѣлѣ выполнить того, что вполнѣ сознаю. Невозможно приказывать стихамъ! На пятомъ стихѣ я заснулъ“ [1]).

[1]) Витторіо Альфіери, Жизнь и произведенія. И. И. Гливенко, т. I, 110.

Чрезвычайно любопытно, что огромное большинство людей творческаго типа совершенно совпадаютъ съ Чайковскимъ, Достоевскимъ и Щербиной въ расчлененіи, какъ совершенно разнородныхъ и разностильныхъ такихъ творческихъ моментовъ, какъ зачатіе и рожденіе, первое озареніе мыслью и послѣдующее закрѣпленіе ея на писанной буквѣ или нотѣ. Огромное большинство, почти умалчивая о вакхическомъ, діонисіанскомъ началѣ своего творчества, усиленно подчеркиваютъ въ немъ начало аполлоніанское.

„Писатели и въ особенности поэты, — написалъ однажды такой экстатическій человѣкъ въ творчествѣ, какъ Эдгаръ По, — въ большинствѣ предпочитаютъ, чтобы думали, что они сочиняютъ въ какомъ-то утонченномъ безуміи, въ состояніи экстатической интуиціи, и они положительно затрепетали бы при мысли о допущеніи публики на сцену, о позволеніи ей взглянуть на работу мысли въ періодѣ исканія и колебаній, на достиженія, схваченныя лишь въ послѣднюю минуту, на безчисленныя пробы еще не созрѣвшей мысли, на совершенно завершившіяся фантазіи, отброшенныя въ отчаяніи, какъ невыполнимыя, на осторожность выбираній и браковокъ, на мучительные вычерки и вставки, — словомъ, на всѣ колеса и шестерни, на подъемную машину, создающую перемѣну сценъ, на лѣстницы и на дьявольскіе трапы, на пѣтушьи перья, красную размалевку и бѣлыя наклейки, какія въ девяноста девяти случаяхъ изъ сотни отличаютъ литературнаго гистріона“. И, въ частности, о себѣ самомъ По говорилъ, что ни одна деталь въ его созданіяхъ не была результатомъ случая или интуиціи, — всегда произведеніе создавалось шагъ за шагомъ, „достигая своей законченности съ точностью и строгой послѣдовательностью математической проблемы“ [1]).

Не менѣе экстатическій авторъ, представитель „запойнаго“ творчества, Достоевскій оставилъ превосходную форму закона повторныхъ вдохновеній, искусственно вызываемыхъ рецидивовъ наитія. „Что у тебя за теорія, — писалъ онъ брату, — что картина должна быть написана сразу и проч. Когда ты въ этомъ убѣдился? Повѣрь, что вездѣ нуженъ трудъ, и огромный. Повѣрь, что легкое, изящное стихотвореніе Пушкина въ нѣсколько строчекъ потому и кажется написаннымъ сразу, что оно слишкомъ долго клеилось и перемарывалось у Пушкина. Это факты! Гоголь восемь лѣтъ

[1]) Эдгаръ По, Философія творчества.

писалъ „Мертвыя души“. Все, что написано сразу — все было незрѣлое. У Шекспира, говорятъ, не было помарокъ въ рукописяхъ. Оттого-то у него такъ много чувищностей и безвкусія, а работалъ бы — такъ было бы лучше. Ты явно смѣшиваешь вдохновеніе, т. е. первое, мгновенное созданіе картины или движеніе въ душѣ (что всегда такъ и дѣлается), съ работой. Я, напримѣръ, сцену тотчасъ же и записываю такъ, какъ она мнѣ явилась впервые, и радъ ей, но потомъ цѣлые мѣсяцы, годъ обрабатываю ее, вдохновляюсь ею по нѣсколько разъ, а не одинъ (потому, что люблю эту сцену), и нѣсколько разъ прибавлю къ ней или убавлю что-нибудь, какъ уже и было у меня, и повѣрь, что выходило гораздо лучше. Было бы вдохновеніе! Безъ вдохновенія, конечно, ничего не будетъ“.

Доведенное до крайности, аполлоніанское творчество рискуетъ уже обратиться въ чистый трудъ, не осѣненный никакими сверхчувственными мерцаніями. Отсюда — творчество нѣкоторыхъ авторовъ въ регулярные часы дня, не нуждающееся ни въ какихъ сторонніхъ возбудителяхъ, творчество чисто прозаическаго оттѣнка, сплошной итогъ ума, техники или наблюденія. „Ты думаешь, все зависитъ отъ таланта да отъ вдохновенія, — писалъ авторъ такой ремесленной складки, какъ Мельниковъ-Печерскій, своей женѣ. — Выкинь, пожалуйста, это изъ головы. Будучи женою писателя, ты могла видѣть, что никакого поэтическаго вдохновенія нѣтъ и не бываетъ. Талантъ заключается только въ томъ, что человѣкъ умѣетъ взяться за работу и имѣетъ тактъ. Главное же — трудъ, трудъ и трудъ. Не только обыкновенные смертные, къ числу коихъ принадлежу и я, все берутъ главнѣйшимъ образомъ трудомъ, но даже и геній есть не что иное, какъ трудъ [1])“. Такая скорѣе ремесленная, чѣмъ творческая работа можетъ протекать даже въполной параллели съ другимъ умственнымъ, хотя и свободнымъ отъ напряженія занятіемъ. Въ свое время извѣстный поэтъ И. И. Дмитріевъ записалъ въ своихъ запискахъ, что планъ своего „Ермака“ онъ обдумывалъ, играя въ шашки съ однимъ гостемъ своего отца [2]).

Писателю такой складки не оставалось бы ничего, какъ усомниться и заподозрить въ позерствѣ и фразерствѣ огненную тираду Ницше, которою начата наша статья. Ницше не

---

[1]) Соч. Печерскаго, изд. Вольфа, 1897, т. I, 273.

[2]) И. Дмитріевъ. Изъ запаса моей памяти, 128.

оставалось бы тоже ничего, какъ презрительно усмѣхнуться по адресу подобнаго прозаика творчества и мѣщанина въ искусствѣ. Тотъ и другой говорили рѣшительно на разныхъ языкахъ. Любопытно, однако, что въ такой аполлоніанской манерѣ расписывались иногда и тончайшіе художники, великолѣпные лирики, и, въ ихъ числѣ, нашъ Чеховъ. „Для литературы, — признавался онъ, — во мнѣ не хватаетъ страсти, и, стало быть, таланта. Во мнѣ огонь горитъ ровно и вяло, безъ вспышекъ и треска, оттого-то не случается, чтобы я за одну ночь написалъ сразу листа три-четыре, или, увлекшись работою, помѣшалъ себѣ лечь въ постель, когда хочется спать". Свидѣтели его жизни оставили не одну запись о томъ, какъ онъ писалъ почти „походя", т. е. между постороннимъ дѣломъ и разговоромъ могъ подойти къ столу и подвинуть начатый разсказъ на двѣ или три строки. И едва ли онъ согласился бы повѣрить своему литературному собрату, если бы тотъ сталъ увѣрять его въ своихъ „наитіяхъ". И свои, и чужія современныя писанія, казались ему „лимонадомъ", въ которомъ отсутствуетъ спиртъ. „Въ нашихъ талантахъ много фосфора, но нѣтъ желѣза... Кто изъ моихъ сверстниковъ далъ міру хоть одну каплю алкоголя?!. Мило, талантливо, вы восхищаетесь и въ то же время не можете забыть, что вамъ хочется курить"...

Чеховъ пожалъ бы руку Гете, однажды воскликнувшему: „какая польза говорить о настроеніяхъ (къ творчеятву)! Къ колеблющемуся настроеніе никогда не придетъ. Ужъ если вы выдаете себя за поэта, — такъ командуйте поэзіей!" И Чеховъ, въ частности, былъ хорошимъ командиромъ — вплоть до тѣхъ печальныхъ дней, когда недугъ вырвалъ изъ его ослабѣвшихъ рукъ маршальскую палочку.

Элементъ воли, такой властный въ нѣкоторыхъ случаяхъ, значительно стушевывается въ другихъ. Образъ древняго Пегаса, который не повинуется шпорѣ, а несетъ художника когда хочетъ и куда хочетъ, — сохраняетъ непреодолимую силу до сегодняшняго дня. Читая страницы многихъ писательскихъ біографій, положительно нельзя не вспомнить одной главы изъ нашумѣвшаго сочиненія извѣстнаго Ломброзо о маттоидахъ-графоманахъ, — до такой степени много общаго въ безотчетномъ влеченіи генія къ творчеству съ упрямымъ и болѣзненнымъ устремленіемъ помѣшаннаго къ безсмысленному переводу бумаги. Писательство иногда непреодолимо, какъ болѣзнь, какъ алкоголизмъ, какъ психозъ.

Достоевскій постоянно выслушивалъ энергичныя и грозныя запрещенія врачей, указывавшихъ ему на жестокій вредъ для его истощеннаго организма отъ постоянныхъ приливовъ крови къ головѣ, вызываемыхъ крайнею впечатлительностью и напряженіемъ, граничащими съ болѣзнью — и, однако, писательство было сильнѣе, чѣмъ онъ. Этого мало. Въ психіатріи считается элементарной истиной, что для эпилептика гибельно сосредоточеніе вниманія на подробностяхъ припадковъ, что подобныя размышленія ускоряютъ новые приступы, — и онъ все-таки не могъ устоять передъ соблазномъ детальнаго наблюденія и оставилъ намъ яркія картины болѣзни, которыя давно признаны классическими въ клиническихъ лекціяхъ. „Это одинъ изъ множества примѣровъ тѣхъ страданій, которыя вообще приходится выносить писателямъ, — замѣчаетъ по этому поводу біографъ Достоевскаго Н. Страховъ. — Кажется, можно считать исключеніемъ тѣхъ изъ нихъ, у которыхъ трудъ не связанъ съ нарушеніемъ равновѣсія въ организмѣ“ [1]). Художникъ иногда просто не властенъ молчать, какъ механизмъ, приведенный въ движеніе, какъ пророкъ, тѣснимый Божьимъ наитіемъ. „Стремленіе къ творчеству, — признавался Гете, — уже въ теченіе многихъ лѣтъ не оставляло меня въ покоѣ ни на минуту. Видѣнное днемъ врѣзывалось мнѣ ночью, и, какъ только я раскрывалъ глаза, мнѣ видѣлось въ цѣломъ, или въ частяхъ, новое чудное созданіе. Обыкновенно я писалъ рано поутру. Но также по вечерамъ и позднею ночью, когда вино и общество приводили меня въ возбужденное состояніе. Отъ меня могли требовать, чего хотѣли. Стоило только предложить мнѣ сколько-нибудь характерную тему, и я живо принимался за дѣло и живо приводилъ его къ концу. Разсуждая объ этомъ природномъ моемъ дарѣ, я увидѣлъ, что онъ вполнѣ мой собственный, что ничто внѣшнее не можетъ ни благопріятствовать, ни препятствовать ему, — слѣдовательно, онъ долженъ быть основой моего существованія“. Какимъ жидкимъ звукомъ, какою кукольной игрой кажутся передъ этимъ огнепальнымъ влеченіемъ къ творчеству, передъ этою литературной профетіей — искусственныя ухищренія посредственностей, силящихся поймать за хвостъ синюю птицу вдохновенія и искусственно подогрѣвающихъ пылъ достаточно пустой души, на манеръ стараго русскаго поэта Петрова, переводчика „Иліады“, искавшаго патріотическаго вдохновенія для своихъ одъ въ

[1]) Страховъ. Матеріалы, 215.

посѣщеніи московскаго Кремля. „За нимъ носилъ кто-то бумагу и чернильницу. При видѣ Кремля онъ наполнялся восторгомъ, останавливался и писалъ“ [1])

Тотъ же Гете, вѣдавшій спокойное, разсудочное, аполлоніанское творчество, въ иныхъ случаяхъ отдавался почти сомнамбулическому писательству. Какъ извѣстно, онъ считалъ себя обязаннымъ Шиллеру, какъ возбудителю многихъ изъ своихъ произведеній, которыя, можетъ быть, не увидѣли бы свѣта, если бы этого возбужденія не было. Но въ дѣйствительности онъ творилъ подъ давленіемъ необходимости. „Темы были у меня уже нѣсколько лѣтъ въ головѣ, писалъ Гете. Онѣ занимали мой умъ, какъ пріятныя картины, какъ прекрасныя мечтанія, которыя приходятъ и уходятъ, и я былъ счастливъ, когда моя фантазія разыгривалась надъ ними. Когда онѣ были исполнены, я смотрѣлъ на нихъ почти съ тоской, точно навсегда разставался съ любимымъ другомъ. Иные стихи писались совсѣмъ иначе. Я о нихъ предварительно не думалъ, не предчувствовалъ ихъ. Они внезапно находили на меня и требовали, чтобы я написалъ ихъ. И я чувствовалъ инстинктивное и мечтательное побужденіе тотчасъ же писать. Въ такомъ состояніи сомнамбулизма случалось, что мнѣ попадался подъ руку криво лежащій листъ бумаги, и я замѣчалъ это только тогда, когда все было написано или ужъ больше не хватало мѣста для письма. У меня было много такихъ по діагонали исписанныхъ листовъ, но они мало-по-малу исчезли, и мнѣ жаль, что я уже не имѣю этихъ свидѣтелей моего поэтическаго бреда“ [2]).

Не менѣе здоровая натура, чѣмъ олимпійски уравновѣшенный творецъ „Фауста“, нашъ Тургеневъ извѣдалъ на себѣ власть творческаго воображенія. Въ своей статьѣ о немъ Георгъ Брандесъ отмѣчаетъ, что русскій художникъ „творилъ съ какою-то сомнамбулической увѣренностью“. Онъ говорилъ Михайлову, профессору физіологіи въ Петербургѣ, отъ котораго я это слышалъ — слѣдующее: „Я вижу человѣка, поражающаго меня той или иной чертой, можетъ быть, совершенно незначительною. Я забываю о немъ. Долгое время спустя этотъ человѣкъ внезапно возникаетъ передо мною изъ мрака забвенія. Вокругъ замѣченныхъ мною у него чертъ группируются новыя, и теперь мнѣ не поможетъ и то, если я

---

[1]) И. Дмитріемъ. Изъ запаса моей памяти, 24.

[2]) Разговоры Гете съ Эккерманомъ. Спб. 1891. II, 257.

захочу непремѣнно забыть его. Я не могу, — онъ овладѣваетъ мною: я думаю вмѣстѣ съ нимъ, живу вмѣстѣ съ нимъ. Я не могу успокоиться, пока онъ не превращается въ живое существо“ [1]).

Удивляться ли тому, что творческая мысль иногда застигаетъ художника, какъ припадокъ „священной болѣзни“, — иногда тамъ, гдѣ, можетъ быть, всего менѣе онъ ожидалъ этого наитія? „Я начинаю въ полночь, — такъ начинаетъ Гете своего „Вѣчнаго Жида“. — Какъ безумный, вскочилъ я съ постели. Никогда еще я не былъ такъ полонъ вдохновенія! И хотя у меня нѣтъ дара отшлифованныхъ легкихъ риѳмъ, но я все же не долженъ медлить, ибо чувствую влеченіе, и оно превращается для меня въ обязанность. Если у меня ночью нѣтъ пера, то я хватаюсь за метельную палку“.

Пушкинъ разсказывалъ Анненкову про 14-ю сцену изъ „Бориса Годунова“ (Самозванецъ у фонтана), что ее „онъ обдумалъ всю, возвращаясь верхомъ изъ сосѣдней деревни. Какое-то обстоятельство помѣшало ему записать ее тотчасъ по пріѣздѣ, а когда онъ принялся за нее черезъ двѣ недѣли, многія черты уже сгладились въ его памяти. Онъ говорилъ потомъ друзьямъ своимъ, восхищавшимся этой встрѣчей страстнаго самозванца съ хитрой Мариной, что первоначальная сцена, совершенно оконченная въ умѣ его, была несравненно выше, несравненно превосходнѣе той, какую онъ написалъ“ [2]).

Біографъ Тютчева И. Аксаковъ такъ передаетъ о созданіи имъ громко-извѣстной прелестной пьесы „Слезы людскія, о, слезы людскія“. Однажды, въ осенній дождливый вечеръ, возвратясь домой на извозчичьихъ дрожкахъ, почти весь промокшій, поэтъ сказалъ эти стихи встрѣтившей его дочери. Пока его раздѣвали, онъ продиктовалъ ей это прелестное стихотвореніе. „Здѣсь, прибавляетъ біографъ, почти нагляденъ тотъ истинно поэтическій процессъ, которымъ внѣшнее ощущеніе капель частаго осенняго дождя, лившаго на поэта, пройдя сквозь его душу, претворяется въ ощущеніе слезъ и облекается въ звуки, которые сколько словами, столько же самою музыкальностью своей, воспроизводятъ въ насъ и впечатлѣніе дождливой осени, и образъ плачущаго людского горя“ [3]).

---

[1]) Брандесъ. Соч., подъ редакціей Лучицкой, т. VI, 147.
[2]) Анненковъ, Матеріалы для біографіи Пушкина, 112.
[3]) Аксаковъ, Біографія Тютчева, Р. Арх., 1874, 84.

Гр. Е. А. Саліасъ разсказывалъ пишущему эти строки, что онъ такъ же рѣшительно не владѣлъ секретомъ литературныхъ конспектовъ. И фабула, и діалогъ романа, слагались передъ нимъ только тогда, когда перо оказывалось въ его рукахъ. „Мнѣ мѣшало даже размышленіе нѣсколькихъ минутъ, предшествующее работѣ, на тему работы, и всегда, приступая къ ней, я или просилъ моихъ дочерей говорить со мной о чемъ-либо совершенно постороннемъ, или просматривалъ газету".

Если художникъ почти намѣренно высвобождаетъ себя въ такія минуты отъ чрезмѣрнаго контроля разсудочности, — естественно, что состояніе его иногда опредѣленно выходитъ за предѣлы нормальнаго, переноситъ его въ область почти психоза, вѣдомаго и увлекающемуся актеру. Описывая Аустерлицкое сраженіе, Бальзакъ слышитъ пушечные выстрѣлы, ружейные залпы, стоны раненыхъ. Флоберъ ощущалъ во рту вкусъ мышьяка, которымъ отравилась героиня его романа, г-жа Бовари, и ощущеніе было настолько реально, что вызывало два раза подъ рядъ рвоту. У Гете возникавшіе по его желанію зрительные образы достигали полной реальности, и онъ признавался, что можетъ вызывать памятью совершенно точное вѣяніе запаховъ. Объ одномъ художникѣ Вигандъ разсказываетъ, что способность объективировать умственные образы развилась у него до такой степени, что впослѣдствіи онъ началъ смѣшивать созданные его волею образы съ реальными личностями[1]). Упомянутый выше графъ Саліасъ признавался, что яркое воспроизведеніе описываемаго мѣста иногда совершенно уносило его вдаль отъ письменнаго стола. Однажды, сидя въ креслѣ, онъ такъ ясно представилъ себѣ вершину швейцарской горы, что невольно вскрикнулъ, обезпокоивъ домашнихъ. Въ печать проникло сообщеніе Леонида Андреева о томъ, какъ, по написаніи „Разсказа о семи повѣшенныхъ", первые дни онъ чувствовалъ себя совершенно не по себѣ и не сразу понялъ, что томительное и безпокойное состояніе его было непосредственнымъ отголоскомъ той психологіи ожиданія казни, которой онъ поддался, какъ нѣкогда Гете поддался психологіи Вертера.

Иногда творческое достиженіе приходитъ не какъ итогъ мучительныхъ усилій, а какъ осѣненіе со стороны, какъ истинное наитіе. Извѣстный ученый Пуанкаре сохранилъ разсказъ

---

[1]) Биттнеръ. „Вѣрить или не вѣрить". 1899, Спб., 39—40.

о происхожденіи своихъ главныхъ открытій. „Цѣлыя двѣ недѣли, — пишетъ онъ, — я силился доказать, что невозможна функція, подобная тѣмъ, какія я впослѣдствіи назвалъ „фуксовскими“. Тогда я былъ еще очень несвѣдущъ. Каждый день садился за работу, проводилъ за ней часъ или два, но, несмотря на испытаніе множества комбинацій, всѣ мои усилія оказывались тщетными. Однажды вечеромъ, противъ обыкновенія, я напился чернаго кофе, и это мнѣ помѣшало заснуть. Мысли стали рождаться во множествѣ. Я чувствовалъ, какъ онѣ сталкивались между собою, пока двѣ изъ нихъ, какъ бы, сцѣпились и образовали стойкое соединеніе. На слѣдующее утро я открылъ существованіе ряда фуксовскихъ функцій, послѣ чего мнѣ осталось только проредактировать выводы, что отняло всего нѣсколько часовъ“. Другое серьезное открытіе Пуанкаре сдѣлалъ въ ту минуту, когда поднимался на ступеньку омнибуса, неподготовленный къ открытію никакими предыдущими размышленіями [1]).

Автора широко извѣстной задушевной пѣсни „Среди долины ровныя“ Мерзлякова, порывъ вдохновенія застигаетъ въ гостяхъ. „Онъ разговорился о своемъ одиночествѣ, — записываетъ современникъ, — говорилъ съ грустью, потомъ взялъ мѣлъ и на открытомъ ломберномъ столѣ написалъ почти половину пѣсни. Потомъ ему подложили перо и бумагу, — онъ переписалъ написанное и кончилъ тутъ же всю пѣсню“ [2]).

Система подчиненія какому-то, какъ бы, стороннему наитію, а, выражаясь терминомъ хлыстовщины — „накатыванію“, оказывается доступной не однимъ корифеямъ творчества. Подчиненіе власти какихъ-то подсознательныхъ подсказовъ наблюдается иногда у талантовъ много болѣе скромныхъ, сознательно сторонящихся въ творчествѣ метода разсчета. „Все, что писалъ я прозой, — признавался Полонскій, — я писалъ безъ всякаго заранѣе обдуманнаго плана. Написавши первыя главы и ясно, до наглядности ясно, представивши себѣ выводимыя мною личности или характеры, я точно рѣшалъ задачу, что̀ выйдетъ изъ такихъ-то и такихъ-то ихъ соотношеній, и, такимъ образомъ, всѣ предыдущія главы диктовали мнѣ главы послѣдующія. Если событія или отношенія дѣйствующихъ лицъ усложнялись, я старался только ихъ распутать и только къ концу видѣлъ результатъ всего того, что

---

[1]) И. Мечниковъ. Сорокъ лѣтъ исканія раціональнаго міровоззрѣнія, 12.
[2]) И. Дмитріевъ. Изъ запаса моей памяти, 164.

мною выведено на сцену. Въ этомъ я впервые признаюсь только вамъ, но что же дѣлать"?

Если аффектъ всегда стремителенъ, то стремителенъ и порывистъ и аффектъ вдохновенія. Отсюда тѣ чудеса молніеносныхъ выполненій художническихъ задачъ, какія знаетъ исторія. Вольтеръ написалъ свою трагедію „Кателина" въ одну недѣлю, и самъ считалъ свой подвигъ необыкновеннымъ. „Вся эта трагедія, — писалъ онъ президенту Гено, — написана мною вчернѣ въ одну недѣлю. Этотъ подвигъ до сихъ поръ еще изумляетъ и пугаетъ меня. Въ самомъ дѣлѣ, написать цѣлую трагедію въ такой короткій срокъ гораздо менѣе вѣроятно, чѣмъ написать ее въ 30 лѣтъ. Пять актовъ въ недѣлю — это просто смѣшно. Но люди менѣе удивлялись бы подобнымъ вещамъ, если бы знали, на что способенъ энтузіазмъ, и какъ быстро можетъ работать голова, по несчастью одаренная поэтическимъ складомъ ума и разгоряченная чтеніемъ рѣчей Цицерона противъ Кателины".

Пушкинъ написалъ „Полтаву" со скоростью изумительной, — чуть ли не въ полмѣсяца. „Погода стояла отвратительная, — разсказываетъ объ этомъ Юзефовичъ. — Пушкинъ усѣлся дома, писалъ цѣлый день. Стихи ему даже грезились во снѣ, такъ что онъ ночью вскакивалъ съ постели и записывалъ ихъ впотьмахъ. Когда голодъ его прохватывалъ, онъ бѣжалъ въ ближайшій трактиръ, стихи преслѣдовали его и туда. Онъ ѣлъ на скорую руку, что попало, и убѣгалъ домой, чтобы записать то, что набралось у него на бѣгу и за обѣдомъ. Такимъ образомъ слагались у него сотни стиховъ въ сутки. Иногда мысли, не укладывавшіяся у него въ стихи, записывались имъ прозой"[1]). Только за этимъ приходила пора „аполлоніанскаго творчества", при которой, по словамъ того же лица, изъ набросковъ не оставалось и четвертой части. „Я видѣлъ листы, до того измаранные, что на нихъ нельзя было ничего разобрать. Надъ зачеркнутыми строками было по нѣсколько рядовъ зачеркнутыхъ же строкъ, такъ что на бумагѣ не оставалось уже ни одного чистаго мѣста".

Гете натаскивалъ на себя психологію того лица, которое изображалъ, искусственно отъединяя себя отъ всего, что могло бы этому мѣшать. Я совершенно уединился, — разсказываетъ онъ о времени писанія Вертера, — не принималъ даже друзей, даже въ самомъ себѣ устранилъ все, что не

---

[1]) Соч. Пушкина, ред. и изд. Венгерова, т. III, 7.

имѣло съ Вертеромъ непосредственной связи. Такимъ образомъ, послѣ продолжительной внутренней подготовки я написалъ Вертера въ четыре недѣли. До этого у меня ничего не было написано, ни общаго плана, никакой отдѣльной части". И Гете, какъ, вѣроятно, десятки другихъ художниковъ, въ такіе дни подвергался совершенно ошибочному воспріятію со стороны общества. Объ этомъ затворничествѣ его Меркъ записалъ: „Большой успѣхъ его драмы порядочно вскружилъ ему голову. Онъ отстранился отъ всѣхъ своихъ друзей и всецѣло ушелъ въ свои замыслы, какіе онъ готовитъ для публики" [1]).

Творческія напряженія бодрственнаго состоянія перекидываются и въ область сна. Клопштоку вдохновеніе часто являлось во время сна, когда онъ писалъ „Мессіаду". Лафонтенъ написалъ басню „Два голубя" во снѣ. На одномъ изъ сонетовъ Альфіери значится: „Случайный, — я не хотѣлъ его писать" [2]).

О первомъ пробужденіи вдохновенія Кольцова сохранилась небезынтересная запись въ литературныхъ воспоминаніяхъ А. Я. Головачевой-Панаевой. По ея словамъ, въ присутствіи ея, Бѣлинскаго и Каткова (въ началѣ 40-хъ годовъ еще возможно было такое соединеніе) Кольцовъ разсказалъ о первомъ своемъ опытѣ сочинительства слѣдующее: „Я ночевалъ съ гуртомъ отца въ степи. Ночь была темная-претемная, и такая тишина, что слышался шелестъ травы. Небо надо мною было тоже темное, высокое, съ яркими, мигающими звѣздами. Мнѣ не спалось, я лежалъ и смотрѣлъ въ небо. Вдругъ у меня стали въ головѣ слагаться стихи. До этого у меня постоянно вертѣлись отрывочныя, безъ связи риемы, а тутъ приняли опредѣленную форму. Я вскочилъ на ноги въ какомъ-то лихорадочномъ состояніи. Чтобы удостовѣриться, что это не сонъ, я прочель вслухъ свои стихи. Странное я испытывалъ ощущеніе, прислушиваясь самъ къ своимъ стихамъ" [3]).

Если вѣрить Булгарину, такимъ же полумистическимъ образомъ родилась безсмертная комедія Грибоѣдова. „Будучи въ Персіи въ 1821 г., — разсказываетъ Булгаринъ, — Грибоѣдовъ мечталъ о Петербургѣ, о Москвѣ, о своихъ друзьяхъ, родныхъ, знакомыхъ, о театрѣ, который онъ любилъ страстно,

[1]) Льюисъ. Жизнь Вольфганга Гете, ч. I, 198.
[2]) Ломброзо. Геніальность и помѣшательство.
[3]) Головачева-Панаева. Русскіе писатели и артисты, 1890, 85.

и объ артистахъ. Онъ легъ спать въ кіоскѣ, въ саду, и видѣлъ сонъ, представившій ему любезное отечество со всѣмъ, что осталось въ немъ милаго для сердца. Ему снилось, что онъ въ кругу друзей разсказываетъ о планѣ комедіи, будто бы имъ написанной, и даже читаетъ нѣкоторыя мѣста изъ оной. Пробудившись, Грибоѣдовъ беретъ карандашъ, бѣжитъ въ садъ и въ ту же ночь начертываетъ планъ „Горе отъ ума“ и сочиняетъ нѣсколько сценъ перваго акта. Комедія сія заняла всѣ его досуги, и онъ окончилъ ее въ Тифлисѣ въ 1822 г.“ Рѣдкое изъ литературныхъ произведеній дошло до насъ въ такомъ обиліи варіантовъ, какъ „Горе отъ ума“. Безконечное число разъ возвращался авторъ къ переработкѣ его отдѣльныхъ сценъ, но нѣтъ ничего неправдоподобнаго въ томъ, что его зачатіе было такъ своеобразно.

Вольтеру однажды приснилась первая часть „Генріады“ не въ томъ видѣ, въ какомъ онъ написалъ ее: „Я, пишетъ онъ, говорилъ во снѣ такія вещи, которыя едва ли сказалъ бы наяву. Мысль работала во снѣ. У меня не было ни воли, ни свободы и, однакожъ, идеи слагались остроумно, а иногда даже геніально“. Кольриджъ заснулъ при чтеніи путешествія Пурчаса и во время этого сна, продолжавшагося три часа, создалъ 200—300 стиховъ, которые, проснувшись, поспѣшилъ записать. Кондорсэ много разъ во время сна рѣшалъ трудныя вычисленія, оставшіяся не оконченными наяву [1]).

Въ русскихъ литературныхъ преданіяхъ сохраненъ разсказъ о томъ, какъ не совсѣмъ обычно написалъ Державинъ свою оду „Богъ“. Начавъ ее въ 1780 г., въ Свѣтлое Христово Воскресенье, по возвращеніи отъ заутрени, поэтъ въ февралѣ 1784 года, по разсказу его біографа Грота, рѣшилъ уединиться для ея окончанія и, уѣхавъ въ г. Нарву, остановился въ наемной комнатѣ, гдѣ и писалъ, запершись, нѣсколько дней. „Доказательствомъ, какъ воображеніе его было разгорячено, — разсказываетъ Гротъ, — служитъ разсказъ его объ окончаніи оды. Не дописавъ послѣдней строфы, уже ночью, онъ заснулъ передъ зарею. Вдругъ ему показалось, что кругомъ по стѣнамъ бѣгаетъ яркій свѣтъ. Слезы ручьями полились у него изъ глазъ. Онъ всталъ и при свѣтѣ лампады разомъ написалъ послѣднюю строфу“ [2]). Подоб-

[1]) Максимъ Перти, Москва, 1867, 5—6. „Таинственныя явленія человѣческой природы“.

[2]) Соч. Державина, академич. изд., т. VIII. Жизнь Державина, Грота, 349.

ный же случай творческаго экстаза связываютъ съ именемъ Жуковскаго, пережившаго его во время писанія своей послѣдней предсмертной вещи — поэмы „Агасферъ“. Въ обоихъ случаяхъ очевидную роль играетъ не только поэтическая, но и религіозная возбужденность. Классификаторъ экстазовъ, Мантегацца, вѣроятно, отнесъ бы эти случаи къ проявленіямъ экстаза столько же религіознаго, сколько и творческаго...

Въ „Запискахъ А. О. Смирновой“ — источникѣ, правда, довольно мутномъ и почти несомнѣнно испорченномъ позднѣйшими привнесеніями, — передается нѣсколько примѣровъ проявленія подсознательнаго творчества у Пушкина. Мѣста, относящіяся сюда, чужды противорѣчій, психологически объяснимы и, слѣдовательно, до извѣстной степени заслуживаютъ довѣрія и вниманія. „Пушкинъ, — разсказываетъ Смирнова, — иногда читалъ мнѣ великолѣпные стихи, и когда я говорила: „какъ это хорошо!“, онъ пожималъ плечами и говорилъ: „Хорошо? По-моему, это слабо, блѣдно, неполно. У себя въ головѣ я все это вижу въ совершенно другомъ видѣ, и мнѣ не удается все выразить, какъ бы я желалъ. Я иногда вижу во снѣ дивные стихи; во снѣ они прекрасны. Въ нашихъ снахъ все прекрасно, но какъ уловить, что пишешь во время сна? Разъ я разбудилъ бѣдную Наташу и продекламировалъ ей стихи, которые только-что видѣлъ во снѣ, потомъ я испыталъ истинныя угрызенія совѣсти: ей такъ хотѣлось спать!

— Почему вы тотчасъ же не записали этихъ стиховъ?

Онъ посмотрѣлъ на меня насмѣшливо, и грустно отвѣтилъ:

— Потому что жена моя мнѣ сказала, что ночь создана на то, чтобы спать. Она была раздражена, и я упрекнулъ себя за свой эгоизмъ. Тутъ стихи и улетучились...“ [1])

Не менѣе любопытенъ другой разсказъ, находящійся въ той же книгѣ. По словамъ Смирновой, поэтъ однажды обратился къ ней съ вопросомъ:

— Хотите ли, чтобъ я сдѣлалъ вамъ одно признаніе?

— Насчетъ чего?

— Насчетъ „Пророка“.

— Говорите, — я не буду нескромной.

— Вотъ почему я вамъ его и дѣлаю. Я какъ-то ѣздилъ

[1]) Записки А. О. Смирновой, изд. ред. „Сѣвернаго Вѣстника“, т. I, 311.

въ монастырь Святыя Горы, чтобъ отслужить панихиду по Петрѣ Великомъ... Служка попросилъ меня подождать въ кельѣ. На столѣ лежала открытая библія, и я взглянулъ на страницу, — это былъ Іезекіиль. Я прочелъ отрывокъ, который перефразировалъ въ „Пророкѣ“. Онъ меня внезапно поразилъ, онъ меня преслѣдовалъ нѣсколько дней, и разъ ночью я написалъ свое стихотвореніе. Я всталъ, чтобъ написать его. Мнѣ кажется, что стихи эти я видѣлъ во снѣ... Іезекіиля я читалъ раньше. На этотъ разъ текстъ показался мнѣ дивно-прекраснымъ, я думаю, что лучше его понялъ. Такъ всегда бываетъ со священнымъ писаніемъ: сколько его ни перечитывай, тѣмъ болѣе все освѣщается и расширяется“ [1]).

Нѣкоторымъ подтвержденіемъ правдивости разсказанныхъ случаевъ является и то, что на пространствѣ „Записокъ“ авторъ еще два раза говоритъ о той же странной способности Пушкина. Такъ, по прочтеніи нѣсколькихъ строфъ изъ „Онѣгина“, Смирнова заявила государю, что, по словамъ поэта, „онъ часто видитъ во снѣ стихи, и что они одни только и хороши“. Государь улыбнулся и замѣтилъ: — „Скажите ему отъ меня, что я прошу его видѣть такихъ сновъ побольше, такъ какъ для русской поэзіи это — прекрасные сны“ [2]).

Въ другомъ мѣстѣ поэтъ повторяетъ: „У меня въ головѣ всегда все лучше выходитъ. Я никогда не доволенъ. Два хорошихъ стихотворенія, лучшихъ, какія я написалъ, я написалъ во снѣ, только ихъ я могъ припомнить по утру“ [3]).

Къ этимъ показаніямъ Смирновой, кажется, можно относиться съ довѣріемъ, — въ частности, въ виду аналогичнаго показанія біографа Пушкина. Въ одномъ мѣстѣ своихъ „Матеріаловъ“ Анненковъ разсказываетъ, что поэтъ самъ разсказывалъ, будто ему снились стихи и разъ приснилось двустишіе: „Пускай Глицерія, красавица младая — равно всѣмъ общая, какъ чаша круговая“, и къ этому двустишію онъ придѣлалъ потомъ цѣлое стихотвореніе: „Лицинію“, долго носившее мнимую ссылку на передѣлку „съ латинскаго“ [4]).

Едва ли, однако, не самымъ загадочнымъ случаемъ слѣ-

---

[1]) Тамъ же, 267.
[2]) Тамъ же, 84.
[3]) Тамъ же, 321.
[4]) Анненковъ. Матеріалы для біографіи Пушкина, 39.

дуетъ признать слѣдующій, разсказанный поэтомъ Алексѣемъ Тостымъ въ одномъ изъ его писемъ изъ Флоренціи и, происшедшій съ нимъ не болѣе, какъ за восемь мѣсяцевъ до смерти.

„Со мной случилась — пишетъ поэтъ, — странная вещь, которую я хочу вамъ разсказать. Во время моей большой болѣзни въ деревнѣ, такъ какъ я не могъ ни лечь, ни спать сидя, я какъ-то ночью принялся писать маленькое стихотвореніе, которое мнѣ пришло въ голову. Я уже написалъ почти страницу, какъ вдругъ мои мысли смутились, и я потерялъ сознаніе. Пришедши въ себя, я хотѣлъ прочесть то, что я написалъ. Бумага лежала предо мной, карандашъ то же, ничего въ обстановкѣ, окружающей меня, не измѣнилось, а вмѣстѣ съ тѣмъ я не узналъ ни одного слова въ моемъ стихотвореніи. Я началъ искать, переворачивать всѣ мои бумаги, и не находилъ моего стихотворенія. Пришлось признаться, что я писалъ безсознательно, а вмѣстѣ съ тѣмъ мною овладѣла какая-то мучительная боль, которая состояла въ томъ, что я непремѣнно хотѣлъ вспомнить что-то, хотѣлъ удержать какую-то убѣгающую отъ меня мысль. Это мучительное состояніе становилось такъ сильно, что я пошелъ будить мою жену. Она, съ своей стороны, велѣла разбудить доктора, который велѣлъ мнѣ сейчасъ же положить льду на голову и горчичники къ ногамъ, — тогда равновѣсіе установилось. Стихотвореніе, которое я написалъ совершенно безсознательно, недурно и напечатано въ январьской книжкѣ „Вѣстника Европы“. Во всякомъ случаѣ, это — явленіе патологическое, довольно странное. Три раза въ моей жизни я пережилъ это чувство, — хотѣлъ уловить какое-то неуловимое воспоминаніе, но я не желалъ бы еще разъ пройти черезъ это, такъ какъ это чувство очень тяжелое и даже страшное. Въ томъ, что я написалъ, есть какого-то рода предчувствіе близкой смерти“.

Стихотвореніе это, по собственному указанію поэта, начинается словами: „Прозрачныхъ облаковъ спокойное движенье...“ Стихи, показавшіеся поэту предвѣстниками смерти, заканчиваютъ пьеску. Вотъ они:

„Кружася медленно въ безвѣтріи лѣсномъ,
На землю желтый листъ спадаетъ за листомъ;
Невольно я слѣжу за ними взоромъ думнымъ,
И слышится мнѣ въ ихъ паденіи безшумномъ:

— „Всему насталъ покой, прими жъ его и ты,
Пѣвецъ, державшій стягъ во имя красоты,
Провѣрь, усердно ли ея святое сѣмя
Ты въ борозды бросалъ, оставленныя всѣми,
По совѣсти ль тобой задача свершена,
И жатва дней твоихъ обильна иль скудна?.."

Однако Алексѣя Толстого правильнѣе выдѣлить въ категорію людей творчества особагопорядка. Какъ извѣстно, въ послѣдніе годы жизни тяжелыя физическія страданія вынудили поэта къ употребленію морфія, скоро перешедшему въ злоупотребленіе. Возможно, что чрезмѣрная доза его, принятая вопреки разрѣшенію врача, и прервала раньше срока его страдальческую жизнь. Во всякомъ случаѣ, въ связи съ злоупотребленіемъ наркотиками, психическая жизнь А. Толстого, въ ея финалѣ, была опредѣленно неуравновѣшенною. Есть свидѣтельства самыхъ вѣрныхъ людей, что ему бывали „видѣнія", и иногда онъ чувствовалъ себя отдѣлившимся отъ себя. „Самому злѣйшему врагу" онъ не пожелалъ бы этихъ мучительныхъ состояній [1]). Онъ просыпался отъ загадочнаго стука и, открывъ глаза, видѣлъ исчезавшую фигуру, склонявшуюся надъ его изголовьемъ [2]).

На страницахъ популярной книги о геніальности и помѣшательствѣ можно найти цѣлый рядъ подобранныхъ Ломброзо примѣровъ, гдѣ вдохновенное граничитъ съ больнымъ или безумнымъ. Созданіе своей знаменитой симфоніи „Сотвореніе міра" Гайденъ приписывалъ таинственному дару свыше. Вольтеръ въ одномъ изъ писемъ къ Дидро сдѣлалъ любопытное обобщеніе, что всѣ геніальныя произведенія созданы инстипктивно. „Философы цѣлаго міра вмѣстѣ, писалъ онъ, не могли бы написать „Армиды" Кино или басни „Моръ звѣрей", которую Лафонтенъ диктовалъ, хорошенько даже не зная, что изъ нея выйдетъ. Корнель написалъ своихъ „Горацієвъ" такъ же инстинктивно, какъ птица вьетъ гнѣздо" [3]).

Не рѣдки и такія литературныя созданія, которыя являются простой записью чисто болѣзненныхъ впечатлѣній. Прочтите нѣкоторые повѣсти и очерки Мопассана, припомните детали страннаго разсказа Гаршина „Красный цвѣтокъ", — что это,

[1]) „Литер. Вѣстникъ", 1901, № 1, 110. Письма гр. А. Толстого.
[2]) Тамъ же, книжка 2-я, 232.
[3]) Ломброзо. Геніальность и помѣшательство, 11.

какъ не точная запись галлюцинацій, продуктъ болѣзненнаго воображенія, проявленіе раннихъ симптомовъ психической ненормальности того ужаснаго недуга, который свелъ въ преждевременную могилу обоихъ писателей? Особое мѣсто въ изслѣдованіи патологическаго писательства надо отвести искусственнымъ возбудителямъ творчества.

Мопассанъ прибѣгалъ къ эѳиру, кокаину, морфію, гашишу, чтобы возстановить оскудѣвающую дѣятельность мозга. Но онъ употреблялъ эти средства не постоянно. Въ немъ жило то же извращенное любопытство, которое увлекало и Бодлэра въ сеансы отеля Пимоданъ, въ „Клубъ опьяняющихся гашишемъ", куда онъ ходилъ, однако, скорѣе въ качествѣ безкорыстнаго наблюдателя, чѣмъ убѣжденнаго приверженца. Его воображеніе наслаждалось фантастическими видѣніями, въ которыхъ воля не играла роли, — новымъ міромъ за предѣлами реальности. Но біографу Мопассана кажется весьма спорнымъ, чтобы онъ написалъ хоть одно изъ своихъ произведеній подъ непосредственнымъ вліяніемъ какого-либо возбуждающаго средства. Онъ готовъ признать только „воспоминаніе объ отдаленномъ личномъ опытѣ" въ такихъ разсказахъ, какъ „Одиночество", „Какъ знать?", „Магнетизмъ", „Грёзы", „Ночью", „Видѣніе" и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ книги „На водѣ", гдѣ ясны, впечатлѣнія отъ блужданія по искусственному раю.

Сначала эѳиръ былъ для Мопассана только средствомъ избавленія отъ жестокихъ невралгическихъ страданій. Какъ всегда случается, онъ привыкъ къ нему, а потомъ злоупотреблялъ имъ. Въ „Иветтъ", „На водѣ" и въ „Грёзахъ" онъ необыкновенно точно описываетъ его дѣйствіе. Это не грёзы гашиша и не болѣзненныя явленія опія, — это „сказочная острота мышленія, новая манера видѣть и оцѣнивать вещи и жизнь, вмѣстѣ съ убѣжденіемъ, что она-то и есть истинная. Утихаетъ и исчезаетъ не только боль, но и всѣ тѣлесныя ощущенія. Силы ума какъ бы удвоены. Пониманіе, чувство и разсудокъ пріобрѣли необыкновенную отчетливость, глубину и силу". Этотъ подъемъ умственныхъ способностей слитъ съ необыкновенною радостью и опьянѣніемъ. Это — что-то въ родѣ того состоянія восторга, которое описывалъ Достоевскій, какъ состояніе предшествующее эпилепсіи. Мопассану приходитъ на умъ образъ изъ священнаго писанія, ему кажется, что въ такія мгновенія „вкушаешь отъ древа познанія добра и зла", что всѣ тайны раскрываются, — до такой

степени онъ находится подъ властью новой, странной и неотразимой логики. Нѣкоторую аналогію этому Мопассанъ находитъ въ состояніи захлороформированнаго, когда тѣло становится легкимъ, какъ воздухъ, и словно испаряется, грудь расширяется, что-то живое и пріятное проникаетъ всѣ члены, странное опьянѣніе пронизываетъ мышцы, слухъ дѣлается тоньше, звуки полнѣе, и видѣнія осаждаютъ воображеніе человѣка. Это „дремотное благосостояніе“, вмѣстѣ и опасное, и чрезвычайно драгоцѣнное для людей умныхъ — „и очень умныхъ“, Мопассанъ рекомендуетъ испытать писателямъ, и самъ не скрываетъ, что нѣкоторыя страницы „Пьера и Жана“ написаны имъ подъ вліяніемъ вдыханія эфира [1]).

Исторія иностранныхъ литературъ предлагаетъ психологу интереснѣйшіе объекты для изученія и выводовъ именно въ лицѣ художниковъ, искусственно возбуждавшихъ въ себѣ вдохновеніе приведеніемъ нервной системы въ ненормальное состояніе. Какъ ни много объ этомъ написано, невозможно пройти мимо двухъ интереснѣйшихъ феноменовъ этого рода. Это — Гофманъ и Эдгаръ По, прибѣгавшіе къ наиболѣе вѣрному и сильному возбудителю человѣческаго мозга — алкоголю.

Печать рѣзкаго своеобразія лежитъ на огромномъ большинствѣ произведеній обоихъ. Сколько необузданной, болѣзненной фантазіи въ этихъ Гофмановыхъ „Элексирахъ сатаны“, „Ночныхъ разсказахъ“ или „Серапіоновыхъ братьяхъ“! Какимъ тяжелымъ кошмаромъ давятъ „Необыкновенныя повѣсти“ По, съ ихъ исключительными героями-маньяками, извращенно чувствующими и мыслящими по особенной логикѣ. Оба писателя предавались излишеству, видя въ немъ единственное средство къ пробужденію творчества, и съ откровенностью, можетъ быть, способною нѣсколько смутить читателя, одинъ изъ нихъ не только самъ признавался въ этомъ, но и слагалъ панегирики „божественному напитку“, благодаря которому мысль взвивается въ высь, какъ вспугнутая птица.

„Въ томъ счастливомъ настроеніи, — пишетъ Гофманъ въ одной философски-сентенціозной главѣ своей „Крейслеріаны“, — когда духъ переходитъ отъ грезъ къ творчеству, крѣпкіе напитки способствуютъ болѣе быстрому движенію мыслей. Неблагородно сравненіе, но я сказалъ бы, что, подобно сильно бѣгущему потоку, заставляющему двигаться мель-

---

[1]) См. „Жизнь и творчество Мопассана“, Эд. Меніаль XXX т. Собр. соч. въ русск. переводѣ, стр. 180—181.

ничное колесо, — вино, выпиваемое человѣкомъ, заставляетъ быстрѣе двигаться его внутренній механизмъ. Какъ чудно, что благородный плодъ заключаетъ въ себѣ тайну непостижимо овладѣвать духомъ человѣка въ наиболѣе свойственныхъ ему отголоскахъ! Въ эту минуту дымится передо мной въ стаканѣ напитокъ, образующійся отъ соединенія коньяка, арака или рома съ капающимся на нихъ жженымъ сахаромъ. Въ приготовленіи и употребленіи этого напитка есть для меня что-то благодѣтельное и веселящее. Когда вспыхиваетъ голубоватое пламя, я вижу, какъ, пылая и искрясь, являются духи огня и борются съ духами земли, обитающими въ сахарѣ“ ...

Въ отличіе отъ дипсомана По, возбуждавшаго себя слегка разведеннымъ спиртомъ или простою водкою, Гофманъ злоупотреблялъ виномъ, сознательно черпая въ немъ матеріалъ для творчества и сознательно же опредѣляя себя къ жалкому будущему. Полезный возбудитель творческой фантазіи въ ранніе годы жизни, — нашъ Чеховъ называлъ его „лучшимъ штопоромъ“, — вино сдѣлалось неизбѣжнымъ условіемъ работы въ послѣдней половинѣ существованія Гофмана. Панегирическія выраженія въ его дневникѣ по адресу энергичнаго двигателя, „внутренняго духовнаго колеса“, уже очень скоро смѣняются внушающими тревогу разсказами о тяжелыхъ галлюцинаціяхъ, — неустранимомъ результатѣ злоупотребленія. „Духъ, порождаемый свѣтомъ и подземнымъ огнемъ, — замѣчаетъ онъ о винѣ въ той же главѣ „Крейслеріаны“, — очень смѣло завладѣваетъ людьми. Онъ бываетъ опасенъ, и не слѣдуетъ вѣрить его привѣтливости: онъ быстро мѣняетъ личину, и изъ благодѣтельнаго, пріятнаго друга превращается въ страшнаго тирана“.

Нервный и воспріимчивый организмъ таланта быстрѣе обыкновеннаго подпадаетъ роковымъ послѣдствіямъ излишествъ. Галлюцинація, прежде легкая, граціозная, какъ мечта, и почти поэтическая, сдѣлалась удручающею и давящею, какъ кошмаръ. Самый вымыселъ у Гофмана, доселѣ свидѣтельствовавшій лишь о нѣкоторой недисциплинированности и капризности воображенія, получалъ все болѣе мрачный и зловѣщій колоритъ. Медленнымъ, но вѣрнымъ путемъ совершалось разрушеніе организма и психики. Фантастическія существа, въ мірѣ которыхъ жила вѣчно возбужденная мысль сказочника-поэта, пріобрѣтали все большую и большую устойчивость, сдѣлавшись, наконецъ, неотличимыми отъ существъ дѣйствитель-

ности. Получилась почти полная реализація поэтическихъ мечтаній, и между міромъ фантастически-красиваго и причудливаго вымысла и міромъ прозаической, но трезвой обыденности, различіе сгладилось до послѣдней черты. Дозы отравляющаго напитка послѣдовательно увеличивались, крупный талантъ оскудѣвалъ, становясь однообразнымъ и мельчая. И въ концѣ своей литературной и жизненной карьеры этотъ крупный писатель, пользовавшійся заслуженною извѣстностью среди людей своего времени, но застававшій утро въ таверн'ѣ и въ ней же встрѣчавшій вечеръ, представлялъ жалкое и печальное явленіе для современника и любопытную загадку для психіатра.

Особенности болѣзненныхъ проявленій творчества у По и Гофмана условлены разностью потребляемыхъ напитковъ. Пріятными ощущеніями Гофмана при употребленіи вина опредѣлялся относительно мягкій, причудливо-красивый фонъ его разсказовъ. Изъ болѣзненныхъ впечатлѣній страдавшаго запоемъ По проистекалъ тоскливо-мрачный, сурово-трагическій и безотрадный колоритъ его произведеній. Наслѣдственный алкоголикъ, еще ранѣе достиженія совершеннолѣтія представлявшій полное воплощеніе жалкаго типа запойнаго пьяницы, По искалъ въ спиртѣ не минутнаго веселья, но единственной возможности удовлетворить потребности, составлявшей проклятое наслѣдство. Онъ пилъ не какъ любитель спиртныхъ напитковъ, не какъ гастрономъ, но, по его словамъ, „какъ бы совершая какое-то человѣко-убійственное дѣйствіе“, „какъ варваръ“, по выраженію его университетскихъ товарищей. Пилъ голый ромъ стаканами, почти не пьянѣя, и такъ всю жизнь, то накидываясь на спиртные напитки, какъ голодный на хлѣбъ, то чередуя ужасные дни съ днями воздержанія. Характерно, что въ дни запоя, въ противоположность Гофману, По совсѣмъ не могъ работать. „Даже переставъ пить, онъ долго еще хворалъ и не могъ приступить къ работѣ... Въ свѣтлые періоды, продолжавшіеся иногда по полтора года, Эдгаръ очаровывалъ всѣхъ своею талантливостью, скромностью, прилежаніемъ, но, когда начиналъ запивать, превращался въ грубаго, вульгарнаго оборванца и ни на что негоднаго пьяницу... По ясно понималъ, что самъ онъ и есть тотъ „завоеванный бѣсами дворецъ“, который описанъ имъ въ стихотвореніи, носящемъ то же заглавіе [1]).

[1]) Патологич. литература и больные писатели въ „Вѣстн. иностр. литературы“, 1898 г.

Въ концѣ своей жизни По сталъ злоупотреблять и опіумомъ, повлекшимъ за собою галлюцинаціи бреда преслѣдованія.

Подавленное состояніе духа, овладѣвавшее писателемъ въ моменты его искусственнаго возбужденія, находило полное выраженіе въ пугающихъ образахъ и грозныхъ картинахъ, вышедшихъ изъ-подъ его пера...

Исторія могла бы значительно умножить рядъ такихъ писателей. Особенно интересны образы Жерара де-Нерваль, Де-Кэнси, автора знаменитой „Исповѣди потребителя опіума“, и Верлэна, котораго свела въ преждевременную могилу страсть къ абсенту [1]).

Удастся ли наукѣ вполнѣ разгадать тайну творчества, проникнуть въ его законы, синтетически обозрѣть его существенныя особенности, найти объясненіе странностямъ художественной психики, отыскать способы возбужденія творческихъ силъ безъ помощи тѣхъ ужасныхъ средствъ, которыя ставятъ художественную продуктивность въ неминуемую связь съ разрушеніемъ? Человѣческій духъ самобытенъ, неуловимъ и порою капризенъ, разность характеровъ и тѣлесной организаціи настолько существенна, что едва ли возможна даже въ отдаленномъ будущемъ полная разгадка тайны.

Но можно сказать съ утѣшительною увѣренностью, что отвѣтъ на нѣкоторые, болѣе частные вопросы творчества, несомнѣнно, ожидаетъ насъ впереди, когда на помощь историку литературы и изслѣдователю-диллетанту придетъ, какъ уже и приходитъ, во всеоружіи своего знанія—врачъ-психіатръ и съ своей точки зрѣнія взглянетъ на это дѣло. Можно видѣть и теперь начало подобнаго отношенія къ этому интереснѣйшему вопросу въ попыткахъ, — хотя пока и поверхностныхъ, и довольно рѣдкихъ, и не слишкомъ глубокихъ, — со стороны нѣкоторыхъ представителей современной медицины освѣтить душевный складъ кориѳеевъ-художниковъ и ихъ созданія. Тому же послужитъ и исторія литературы съ ея богатымъ матеріаломъ переписки, мемуаровъ и воспоминаній людей, близко стоявшихъ къ дѣятелямъ искусства. Возникнутъ, быть можетъ, и новыя формы литературныхъ работъ, способныя быстро двинуть все это интересное дѣло. Лѣтъ 15 назадъ французъ-психіатръ E. Toulouse издалъ цѣлый томъ медико-психологическаго изслѣдованія всѣхъ до-

---

[1]) О патологич. творчествѣ По, Гофмана, де-Кэнси см. еще въ книгѣ Arvède Barine „Les nevrosés“.

ступныхъ наблюденію сторонъ физической и духовной организаціи Золà и представилъ длинный рядъ отвѣтовъ автора „Ругоновъ“ на предложенные ему вопросы [1]). Можно пожалѣть о томъ, что до сей поры не появилось преднамѣченнаго авторомъ продолженія его любопытныхъ изслѣдованій по отношенію къ другимъ представителямъ французскаго искусства, — и о томъ, что онъ не нашелъ себѣ подражателей. Самъ по себѣ и взятый въ отдѣльности, указываемый трудъ не Богъ вѣсть какое пріобрѣтеніе. Ссвсѣмъ иное значеніе имѣла бы серія такихъ книгъ. Когда подобныя работы представятъ намъ духовно-нравственный обликъ не одного и не двухъ, а нѣсколькихъ десятковъ дѣятелей искусства, сумерки писательской души освѣтятся, и загадки свѣтлаго Діониса будутъ болѣе или менѣе разгаданы.

А. Измайловъ.

[1]) „Медико-психологическое изслѣдованіе по вопросу объ отношеніяхъ между умственнымъ превосходствомъ и невропатіей. „Эмиль Золя“. 1896.

* * *

Березы плакучія парка стариннаго
Роняютъ печально листву пожелтѣвшую,
Прощаясь съ минутами вечера длиннаго,
Грустя о величіи дня отлетѣвшаго.

А въ домѣ — въ стеклянныя двери балконныя —
Имъ отблески видны мерцанья каминнаго.
И молча тоскуютъ морозомъ спаленныя
Березы плакучія парка стариннаго.

В. Тарховъ.

ТОСКА.

(ТОСКУЮЩІЯ ДУШИ.)

Романъ **Граціи Деледда.**

I.

Поѣздъ подходилъ къ Риму.

Ноябрьская луна, огромная, перламутровая, ясная и грустная, озаряла равнину; сильный вѣтеръ, дувшій навстрѣчу, казался еще сильнѣе отъ быстроты бѣга поѣзда.

Реджина спала, и ей снилось, что она еще дома, что это не поѣздъ громыхаетъ, а шумитъ водяная мельница на По. Но внезапно она почувствовала, что Антоніо сжимаетъ ей руку, и сразу проснулась.

— Проснись, скоро пріѣдемъ, — говорилъ ей мужъ.

Реджина встала, прижалась лицомъ къ запертому окну и стала смотрѣть на дорогу.

Зеркальное стекло отражало внутренность вагона, лампочку, ея собственную фигуру въ длинномъ свѣтломъ манто, ея лицо, измятое, осунувшееся отъ дорожной усталости.

Она прищурила большіе близорукіе глаза, и въ невѣрномъ лунномъ свѣтѣ, на сѣромъ фонѣ манто отражавшагося въ окнѣ, побѣжали волнистыми, голубоватыми полосами картины: тихая, залитая луннымъ свѣтомъ тропинка, дерево съ серебряными листьями, трепетавшими отъ вѣтра; вдали рядъ акведуковъ съ мелькающими арками, похожими на гигантскія, запертыя лазурныя двери. Можетъ быть, акведуковъ и не было; можетъ быть, это былъ лишь обманъ зрѣнія — Реджина мало довѣряла своимъ близорукимъ глазамъ и упорно не хотѣла носить очковъ — но отъ этого ее не меньше волновали грандіозныя видѣнія, скользившія передъ нею въ невѣрномъ зеркалѣ стекла, по которому хлесталъ вѣтеръ.

Римъ! Дѣтская радость охватила ее при одной мысли, что она подъѣзжаетъ къ Риму — волшебному городу, о которомъ она столько мечтала, столицѣ міра, пріюту наслажденій, роскоши и блеска, — что отнынѣ Римъ будетъ ея.

Усталость, страхъ передъ невѣдомымъ будущимъ, такъ мало похожимъ на прошлое, боль объ утраченномъ, такомъ еще близкомъ и миломъ, робость передъ встрѣчей съ незнакомой семьей мужа, ожидавшей ее, неизбѣжная грусть и разочарованіе, связанныя съ первыми днями замужества, все, что было въ нихъ непріятнаго и отталкивающаго — все это разсѣялось передъ реальностью осуществленія завѣтной, дорогой мечты, взлелѣянной въ душѣ.

И Антоніо поднялся и тоже всталъ у окна; стекло отразило его высокую фигуру, статную, стройную, съ властной осанкой. Реджина увидѣла въ зеркало удлиненные сѣрые глаза, ласково глядѣвшіе на нее, красиво очерченный ротъ, алыя губы подъ огненными усами, улыбавшіяся ей, словно прося поцѣлуя, и почувствовала себя счастливой, счастливой, счастливой...

— Ты подумай! — шепнулъ Антоніо, нагибаясь къ ней, словно повѣряя ей тайну. — Ты только подумай, Реджина. Мы въ Римѣ!

Она не отвѣтила.

— Ты объ этомъ думаешь? — допытывался онъ.

— Ну, а то о чемъ же?

— У тебя бьется сердце?

Реджина улыбнулась, чуточку свысока, ей не хотѣлось показать мужу все свое волненіе и радость.

Антоніо взглянулъ на часы.

— Еще четверть часа. Если бъ не этотъ ужасный вѣтеръ, ты могла бы въ окно увидать издали Римъ.

— Спусти стекло, я выгляну.

— Я же тебѣ говорю, вѣтеръ очень сильный.

— Нѣтъ, ты все-таки отвори: я хочу смотрѣть въ окно, — настаивала она, капризнымъ тономъ балованной дѣвочки.

Антоніо началъ спускать стекло, но вѣтеръ былъ, дѣйствительно, такъ силенъ, что Реджина не рѣшилась высунуть голову.

— Закрой, закрой скорѣе.

Онъ повиновался.

— Нѣтъ, ты только подумай, черезъ десять минутъ ты будешь въ Римѣ. Ты бы шляпу надѣла — пора уже собираться.. Теперь они выходятъ изъ дому, чтобы идти на вокзалъ, —

задумчиво соображалъ онъ вслухъ. — Поправь волосы, дѣтка; а пудра гдѣ у тебя?

— Я уродка? — спросила Реджина, проводя руками по лицу.

Она сѣла, открыла дорожную сумочку, поправила передъ зеркаломъ волосы, освѣжила лицо и напудрилась; потомъ надѣла сѣрую шляпу matelot, поданную ей Антоніо, завязала у шеи ленты манто, изъ куньяго воротника котораго ея маленькое личико выглядывало, словно изъ чаши, блѣдное, усталое, похожее на мордочку хорошенькаго котенка; съ перваго взгляда вы только и замѣчали на этомъ лицѣ, что ротъ и глаза.

— Вотъ теперь ты отлично выглядишь, — сказалъ Антоніо, глядя на нее влюбленными глазами.

Молодая женщина снова встала, держась за дверь, чтобы не упасть.

Теперь передъ глазами ея бѣжала безконечно длинная стѣна; позади нея виднѣлись дома, заборы, огороды, тростники, колеблемые вѣтромъ, мѣстами фонари, свѣтъ которыхъ казался желтымъ въ блѣдномъ сіяніи осенней луны.

— Св. Павелъ, Тибръ, — говорилъ Антоніо, глядя черезъ плечо жены.

Св. Павелъ! Тибръ! Лишь на мигъ блеснули передъ глазами Реджины зеленоватыя воды рѣки, но сердце ея забилось быстрѣе, хотя сейчасъ же, послѣ перваго порыва радости, какъ это всегда съ ней бывало, тѣнь недовѣрія и грусти окутала ея душу.

„Да, — думала она, — Римъ, столица, дивный городъ не знающій тумановъ, полный солнца и цвѣтовъ. Но что меня тамъ ожидаетъ? Вотъ я, молодая, счастливая, любящая и любимая, спѣшу, чтобъ кинуться въ его объятія, какъ я кинулась въ объятья Антоніо. Но что дастъ мнѣ Римъ? Что можетъ онъ дать мнѣ? Мы не богаты, а столицы, какъ люди... мало любятъ и мало даютъ тѣмъ, кто бѣденъ.... Но, вѣдь, мы же и не бѣдны“, — заключила она, утѣшая себя.

Паровозъ далъ свистокъ. Реджина вздрогнула. Неожиданно передъ нею, въ смѣшанномъ свѣтѣ луны и фонарей, которые теперь попадались ужъ чаще, мелькнулъ и тотчасъ исчезъ, словно по волшебству, изящный домикъ.

— Совсѣмъ какъ нашъ! — вздохнула она, съ грустью вспомнивъ родное гнѣздо, пріютившееся на высокой запрудѣ черезъ По.

Паровозъ опять далъ свистокъ; поѣздъ постепенно замедлялъ свой сумасшедшій ходъ.

— Пріѣхали! — сказалъ Антоніо, и воспоминанія о домѣ мгновенно разсѣялись. Съ этого момента, несмотря на твердо принятое рѣшеніе не удивляться, не волноваться и не регистрировать свои впечатлѣнія, Реджина уже ничего не различала ясно, а видѣла все, какъ сквозь туманъ.

Антоніо снималъ съ полки и вытаскивалъ въ коридоръ чемоданы и картонки; Реджина взволновалась, потому что опрокинулась картонка съ ея лучшей шляпой, бѣлой, въ которой она вѣнчалась; нагнулась поднять ее, раскраснѣлась съ досады и снова принялась оправлять передъ зеркаломъ шляпку и манто.

За окномъ мелькали ряды чудовищно огромныхъ домовъ, желтоватыхъ на фонѣ синяго бархата неба; вѣтеръ стихъ, фонари попадались все чаще, теперь ужъ не желтые, а бѣлые, или фіолетовые, и лунное сіяніе меркло, побѣжденное ихъ рѣзкимъ, яркимъ свѣтомъ, который постепенно усиливался и, наконецъ, сталъ ослѣпительнымъ, весь сосредоточившись на крытой платформѣ, къ которой съ оглушительнымъ грохотомъ подкатилъ поѣздъ.

Римъ.

Сотни лицъ, освѣщенныхъ яркимъ фіолетовымъ свѣтомъ электрическихъ фонарей, напряженно внимательныхъ, эгоистически ищущихъ только своихъ, промелькнули передъ взволнованнымъ взглядомъ Реджины. И она смутно испытывала странное впечатлѣніе: ей казалось, что эта толпа, — въ которой она различала рыжеволосую синьору, мужчину въ клѣтчатомъ костюмѣ, блѣдную дѣвочку въ огромной черной шляпѣ, лысаго господина, поднятую кверху трость, бѣлый платочекъ, которымъ кто-то махалъ, привѣтствуя поѣздъ— вся эта безымянная и непріятная толпа была депутаціей, высланной ей навстрѣчу городомъ, которому она рѣшила отдать себя; но встрѣча не обѣщала быть слишкомъ радушной.

Дверь вагона съ силой распахнулась; ворвался нестройный хоръ звуковъ: паровозные свистки, громыханье колесъ, голоса; пассажиры, толкая другъ друга, толпились на черныхъ подножкахъ.

— Ри-и-и-мъ!

— Носильщикъ. Носильщикъ!

Пока Антоніо шарилъ на полкѣ, не осталось ли тамъ

какой-нибудь вещи, Реджина высунулась въ окно. На перронѣ еще толпилось не мало людей съ озабоченными, смѣющимися, или любопытными лицами; но значительная часть толпы уже схлынула по направленію къ выходу:

— Никого нѣтъ, Антоніо, — замѣтила молодая женщина немножко обиженная; но не успѣла сказать это, какъ увидала группу изъ пяти человѣкъ, поднимавшихся по ступенькамъ на площадку вагона, и поняла, что это они.

Она высунулась еще больше въ окно, приглядѣлась. Да, должно быть, они: трое мужчинъ, одинъ въ свѣтломъ пальто, и двѣ женщины: одна низенькая и толстая, другая высокая худая, въ большой черной шляпѣ, изъ-подъ которой совсѣмъ не видно лица. Эта послѣдняя держала въ рукѣ огромный букетъ цвѣтовъ; ея странная фигура, туго затянутая въ пальто, съ большими перламутровыми блестящими пуговицами, еще издали бросавшимися въ глаза, сразу приковала къ себѣ вниманіе Реджины. Это, навѣрное, ея невѣстка, Ардуина, редакторша женскаго журнала, еще до знакомства прославшая ей два-три престранныхъ письма.

— Мама! — крикнулъ Антоніо, выскакивая на площадку.

Реджина очутилась на тяжело дышавшей груди толстой дамы, потомъ почувствовала, что ей въ грудь впиваются огромныя пуговицы, блескъ которыхъ она замѣтила еще издали; затѣмъ, въ одной ея рукѣ очутился букетъ цвѣтовъ, а другая — въ крѣпкомъ пожатіи мужской руки, мягкой и пухлой.

Антоніо шутливо представлялъ ей:

— Мой братъ, Маріо, секретарь суда.

— Мой братъ Гаспаре, секретарь военнаго министерства.

— Мой братъ Массимо, помощникъ секретаря военнаго министерства.

— Ну и будетъ, — сказалъ этотъ послѣдній, граціозно склоняясь передъ невѣсткой.

Всѣ улыбались, но Антонію, не смущаясь, продолжалъ:

— Это — Ардуина безумная...

— Ты все тотъ же, насмѣшникъ...

— А это Реджина, жена моя. Ну вотъ вамъ, знакомьтесь. — Какъ поживаешь, Гаспаре?

— Превосходно, а ты? Проголодался, небось?

— Устала, милочка? — какимъ-то вздрагивающимъ голосомъ спрашивала толстая дама, приближая свое лицо къ лицу Реджины.

Какъ ни сильно пахли цвѣты, молодая женщина, все же, второй разъ почувствовала, что у свекрови скверно пахнетъ изо рта, и содрогнулась, охваченная неожиданнымъ страхомъ. Всѣ эти люди, окружавшіе ее, сжимавшіе ее въ своихъ объятіяхъ, разсматривавшіе ее съ плохо скрытымъ любопытствомъ, въ незнакомомъ мѣстѣ, ночью, на этомъ яркомъ свѣту, отъ котораго больно было глазамъ, — всѣ эти люди, говорившіе на ея родномъ языкѣ съ непривычнымъ для ея акцентомъ, были ей антипатичны.

Даже Антоніо, на минуту забывшій о ней на радостяхъ встрѣчи съ этими незнакомыми ей людьми, казался ей другимъ, какимъ-то чужимъ, человѣкомъ иной расы, чѣмъ ея собственная.

Она почувствовала себя одинокой, затерянной въ этой толпѣ, мысли ея спутались; потомъ всѣ куда-то двинулись и ее увлекли за собою; она увидала множество экипажей, вытянутыхъ въ одну линію на блестящей влажной мостовой, какъ ей показалось, вымощенной синими изразцами, и во влажномъ воздухѣ почувствовала запахъ лѣса.

Дѣйствительно, вдали какъ будто рисовался профиль лѣса, рядъ деревьевъ, черныхъ на стеклянномъ небѣ; фіолетовые шары электрическихъ фонарей, висѣвшихъ между этими черными деревьями, казались волшебными огненными плодами. Вообще, что-то сказочное, волшебное было въ этой огромной, какъ пустыня, площади, на которой безшумно появлялись и исчезали люди.

— Пойдемъ пѣшкомъ; нашъ домъ тутъ, близко, — сказалъ Антоніо, беря подъ руку Реджину. — Смотри, какая большая площадь передъ вокзаломъ?

— Какая огромная! — непритворно удивилась она. — Но что это? Здѣсь дождикъ шелъ? Да? Какъ красиво!

Вблизи Антоніо, къ которому ее прижимало грузное, тяжело дышавшее тѣло свекрови, молодая женщина снова почувствовала себя счастливой. Да, это правда, Римъ такой и есть, какимъ она себѣ представляла его въ мечтахъ — весь въ садахъ, въ фонтанахъ, съ грандіозными зданіями, одинаково величественный и ночью, и днемъ.

Реджина вдругъ развеселилась, точно отъ вина: она болтала безъ умолку, въ лихорадочномъ возбужденіи, но потомъ такъ и не могла вспомнить, что она говорила въ эти первые часы послѣ пріѣзда. Помнила только, что и сквозь это радостное возбужденіе ее раздражало пыхтѣнье и сопѣнье све-

крови, дурацкій смѣхъ Ардуины и разговоры шурьевъ, которые шли сзади нея и преспокойно говорили почему-то о мышахъ.

Антоніо просилъ своихъ не предупреждать объ ихъ пріѣздѣ родныхъ и знакомыхъ: ему не хотѣлось видѣть въ этотъ первый вечеръ постороннихъ; но, передъ большимъ палаццо на Via Торино, гдѣ Венутелли занимали двѣ квартиры, въ четвертомъ и пятомъ этажѣ, старая синьора, отдуваясь и тяжело вздыхая, сообщила:

— Тамъ Клара съ дочкой; онѣ пришли къ намъ посидѣть вечерокъ, и мы никакъ не могли ихъ сплавить — онѣ догадались.

— Вотъ досада! — молвилъ Антоніо. — Ну, да я живо сплавлю ихъ.

Газъ еще не былъ потушенъ; роскошный атріумъ и широкая мраморная лѣстница не разбивали впечатлѣнія величавости и красоты, вынесеннаго Реджиною отъ улицъ и площади.

— Мужайся, — шепнулъ ей Антоніо. — Это лѣстница Авраама. — Мужчины, впередъ!

Трое мужчинъ и Ардуина устремились впередъ; Реджина тоже хотѣла было взбѣжать по лѣстницѣ, но очень скоро устала и запыхалась.

— Эти лѣстницы — смерть моя! — жаловалась свекровь. — Ахъ, доченька, и я не всегда жила въ четвертомъ этажѣ.

Но Реджина уже не слушала. Сверху неслись крики, смѣхъ, шумные возгласы; что-то прошумѣло, зашелестѣло, запахло духами, замелькали въ воздухѣ цѣпочки, брелоки, кружевные воланы, бѣлокурые локоны, и на нихъ вихремъ налетѣло какое-то ослѣпительное видѣніе, едва не сбивъ съ ногъ новобрачныхъ и мамашу.

— Кларетта, осторожнѣй! Шею себѣ не сломай, — шутливо крикнулъ Антоніо.

Красавица обнимала Реджину, покрывая ее страстными поцѣлуями.

— Милая, поздравляю. Добро пожаловать, дорогая. Тысячи лучшихъ пожеланій. Мама ждетъ васъ наверху.

— Очень радъ слышать, — отвѣтилъ Антоніо. — Удѣли же хоть одинъ поцѣлуйчикъ и мнѣ.

Кларетта, не задумываясь, чмокнула его въ щеку, потомъ схватила за руку Реджину и потащила ее за собой, все время

что-то крича и смѣясь, высокая, шелестя шелкомъ юбокъ, разливая вокругъ благоуханіе: Реджина шла за нею, немного завидуя и ревнуя, и, все же, ослѣпленная такой красотой и непринужденностью. Кларетта почти на рукахъ втащила ее наверхъ, въ гостиную, бросила на пышную грудь поражавшей своей толщиной тетки Клары, и тотчасъ же увлекла смотрѣть другія комнаты.

Квартира освѣщалась газомъ; мебель блестѣла, какъ новая, и распространяла въ воздухѣ рѣзкій запахъ керосина, которымъ ее отполировали. Всѣ комнаты были маленькія, заставленныя мебелью, завѣшанныя грубыми безвкусными драпировками, устланныя циновками, со множествомъ огромныхъ подушекъ, вышитыхъ шерстями, всевозможныхъ вязаныхъ салфеточекъ и покрывашекъ, съ вѣерами и бумажными зонтичками на стѣнахъ. У Реджины стиснуло горло; ей казалось, что она задыхается. Съ невыразимой тоскою и нѣжностью вспомнился ей отцовскій домъ-дворецъ, съ большими комнатами, просто убранными, въ которыхъ было такъ много воздуха и простора... Чтобъ подбодрить себя, она сказала Клареттѣ:

— Мы здѣсь будемъ жить только, пока не найдемъ себѣ хорошей квартиры; вѣдь, это не трудно, не правда ли?

— Ну, знаешь, и не такъ ужъ легко. Здѣсь теперь столько иностранцевъ; они слетаются въ Римъ, точно саранча, — отвѣчала кузина, которая останавливалась передъ каждымъ зеркаломъ, вертясь во всѣ стороны и любуясь собой, и нарочно говорила громко, чтобъ ее слышали „мужчины“, собравшіеся въ гостиной.

— А вотъ это ваша комната, ваше гнѣздышко, перелетныя птички, — сказала она, вводя Реджину въ угловую комнату, гдѣ къ нимъ вскорѣ присоединились Антоніо, мамаша, Ардуина, служанка и чемоданы.

Комната была довольно большая, но придавленная низкимъ потолкомъ, сѣрымъ, съ вульгарными разводами; съ тремя окнами, закрытыми тяжелыми драпировками, при чемъ одно изъ нихъ приходилось какъ разъ въ ногахъ массивной огромной кровати, заваленной подушками и одѣялами. Этотъ сѣрый потолокъ, нависшій надъ этой вульгарно-мѣщанской комнатой, теперь загроможденной багажемъ новобрачныхъ до того, что въ ней нельзя было шагу ступить, еще усилилъ ощущеніе удушья, испытываемое Реджиной. Она озиралась вокругъ, безмолвная и грустная: ей казалось, что это снится

ей тяжелый сонъ, что она въ какой-то странной тюрьмѣ, гдѣ что-то сковываетъ ее по рукамъ и по ногамъ, давитъ и не даетъ свободно вздохнуть. Ахъ, зачѣмъ всѣ эти люди толпятся здѣсь, всѣ эти женщины, которыя дотрагиваются до нея, тискаютъ ее въ своихъ объятіяхъ, угнетаютъ ее своимъ жестокимъ любопытствомъ? Она всегда была чувствительная, деликатная, а теперь, въ этотъ поздній часъ, послѣ утомительнаго, долгаго путешествія, для нея почти мучительно было прикосновеніе этихъ чужихъ, несимпатичныхъ людей. Ей такъ хотѣлось отдохнуть, причесаться, переодѣться, а ее ни на мгновеніе не оставляли одну. Кларетта любовалась собой, вертясь передъ зеркалось и, видимо, не расположена была уходить; Ардуина, повидимому, въ качествѣ писательницы, считала своимъ долгомъ изучать впечатлѣнія; юной невѣстки; свекровь не сводила съ нея жалобныхъ, слезящихся глазъ.

Реджина сняла манто и шляпу, ея крохотное личико, на которомъ вы видѣли только ротъ и глаза, казалось такимъ испуганнымъ и блѣднымъ подъ пышными волнами спутанныхъ черныхъ волосъ.

Антоніо не обращалъ на нее вниманія: приводя въ порядокъ внесенныя вещи, онъ въ то же время разспрашивалъ мать о знакомыхъ.

Старуха пыхтѣла, вздыхала и, отвѣчая на вопросы сына, не сводила глазъ съ юной невѣстки.

— Гдѣ мнѣ умыться? — спросила Реджина. Ея большіе каріе глаза, обыкновенно бархатные, нѣжные, теперь смотрѣли дико; они сами собою закрывались отъ усталости.

— Здѣсь, милая, — поспѣшила отвѣтить Ардуина, бросаясь къ умывальнику. — Здѣсь, дорогая. Вотъ, тутъ все приготовлено. И мыло, и пудра, и гребень. Ты какое мыло предпочитаешь?

Реджина не отвѣтила. Она умылась, взяла изъ рукъ золовки полотенце, вытерла лицо и руки, поправила волосы, наклоняясь къ низкому зеркалу, вдѣланному въ умывальникъ.

— Да ты сядь, — убѣждала Ардуина, подставляя ей сзади стулъ. — Такъ же тебѣ не видно.

— Нѣтъ. Сидя, я еще меньше увижу, — возразила Реджина, все больше раздражаясь. — Я близорука.

Это заявленіе почему-то глубоко изумило всѣхъ женщинъ. Кларетта смущенно отвернулась къ зеркалу; синьора Анна, разсматривавшая подкладку на манто невѣстки, подняла

на нее удивленные, какъ будто даже огорченные глаза; Ардуина, озадаченная, смотрѣла на большіе, красивые глаза невѣстки.

— Близорука? Такіе дивные глаза и близорукая!

— Такая молоденькая! — воскликнула старая синьора.

— Ну такъ что же? Что за бѣда? — уже сердито возразила Реджина. — У насъ въ роду всѣ близоруки.

— А пенснэ у тебя есть? — спросила Кларетта.

— Есть, но я не ношу его; мнѣ не нравится.

— А между тѣмъ, это очень въ модѣ — носить пенснэ; это считается шикомъ, — замѣтила Ардуина. — Слушай, милочка, высвободи немного волосы на вискахъ; они слишкомъ прилизаны. Какіе дивные волосы! Завтра я сама тебя причешу. Погоди...

Она подняла руки, но головка новобрачной, эта маленькая головка, съ виду такая кроткая и податливая, отклонилась гордо и презрительно.

— Нѣтъ. Мнѣ нравится эта прическа.

Тонъ былъ, не допускающій возраженій; писательница сразу поняла, что Реджина — существо высшей породы, умѣющее только приказывать, но не повиноваться, и устремила на на нее взоръ, полный огорченной нѣжности и благоговѣйнаго восторга. Тутъ только Реджина, тронутая этимъ взгдядомъ, удостоила обратить вниманіе на золовку, которую Антоніо описывалъ ей, какъ форменную идіотку. И сразу же въ этой долговязой женщинѣ съ плоской грудью, съ лицомъ, точно вырѣзаннымъ изъ желтаго дерева, на которомъ маленькіе, бѣлесоватые глазки, всегда точно испуганные, маленькій ротъ съ черными зубами и три завитка пепельно-бѣлокурыхъ волосъ еще подчеркивали единственное въ своемъ родѣ безобразіе, она почувствовала существо, обреченное на вѣчное рабство и печаль. И съ недобрымъ чувствомъ подумала, утѣшая себя, что въ этомъ чужомъ и вражебномъ ей мірѣ, дверь котораго распахнулась передъ нею вмѣстѣ съ дверью маленькой квартирки матери мужа, есть не только палачи, но и жертвы, — вотъ какъ Ардуина, въ сравненіи съ которой она чувствовала себя императрицей. Но жалости къ ней не почувствовала.

Все это пронеслось у нея въ головѣ въ нѣсколько мгновеній, пока она поправляла волосы на глазахъ у трехъ женщинъ, смотрѣвшихъ на нее.

Антоніо замѣтилъ, что жена не въ духѣ, и выставилъ

изъ комнаты всѣхъ женщинъ, фамильярно подтолкнувъ кузину.

— Уходите, сдѣлайте милость; надѣюсь, вы не пожелаете присутствовать также и при моемъ туалетѣ? Идите въ столовую; мы тутъ долго не задержимся. Намъ надо только немножко отдохнуть.

— Завтра весь день будете валяться въ постели — все равно, дождь будетъ лить — нельзя выйти.

— Будемъ надѣяться, что нѣтъ.

— Будемъ надѣять, что да.

„Чтобъ тебѣ лопнуть, астрологу!“ — мысленно пожепожелала Регина.

Наконецъ, дамы ушли; моментально Антоніо очутился возлѣ Реджины, обнялъ ее, прижался своимъ лицомъ къ ея печальному личику и ласково шепнулъ ей:

— Подбодрись. Не будь такой печальной. Теперь только немножко закусимъ и сейчасъ же въ постельку. А завтра мы удеремъ отъ нихъ: уйдемъ одни, потихоньку, чтобъ никто не увязался за нами. Ладно? Ну, будь же веселенькой.

Онъ обхватилъ ея талію и увлекъ ее за собой въ столовую, напѣвая:

Тополинъ не хочетъ сыру,
Хочетъ въ жены онъ Реджину;
Если царь ему откажетъ —
Онъ царя убить прикажетъ.

Но Реджина уже не въ состояніи была развеселиться. Не успѣла она сѣсть на одинъ изъ неудобныхъ вѣнскихъ стульевъ, окружавшихъ слишкомъ тѣсно уставленный яствами столъ, какъ усталость всей тяжестью придавила ее, сутуля ей спину и отягощая вѣки. Снова у нея было такое ощущеніе, какъ будто ее давитъ тяжелый сонъ, и, какъ въ туманѣ, она видѣла вокругъ себя грубыя, вульгарныя лица. Вульгарно было лицо ея свекрови, жирное, пухлое, красное, въ рамкѣ лоснящихся черныхъ волосъ, слишкомъ черныхъ, чтобъ повѣрить, что это ихъ естественный цвѣтъ; вульгарно лицо шурина Маріо, точь-въ-точь такое же, какъ у его матери, съ тѣми же крохотными голубыми глазками и полуоткрытымъ ртомъ, дышавшимъ медленно и тяжело; вульгарно и лицо Гаспаре, розовое, безбородое, съ блестящимъ лысымъ лбомъ; и даже лицо Массимо, томнаго декадента, похожее на лицо Антоніо, но блѣдное, съ длинными прилизанными ры-

жеватыми волосами и сѣрыми наглыми глазами. Даже и красота Кларетты была вульгарная, искусственная, мѣщанская. Сама не зная почему, Реджина припоминала публику, мелькомъ видѣнную ею на промежуточныхъ станціяхъ и на вокзалѣ въ Римѣ; тамъ, въ толпѣ, она видѣла такія же лица; всѣ эти люди, окружавшіе ее, были такія же дѣти толпы — и толпа, ничего больше. Цѣлый міръ отдѣлялъ отъ нихъ ее, Реджину.

Несмотря на поздній часъ и обѣщаніе Антоніо, что они только „закусятъ“, ужинъ затянулся надолго. Подавала его молоденькая служанка, свѣтловолосая, въ розовой кофточкѣ; она все время не сводила удивленныхъ глазъ съ молодой и поминутно оступалась, рискуя что-нибудь выронить или разбить.

Эта фигура, то появлявшаяся, то исчезавшая, казалась самой значительной во всей картинѣ: всѣ слѣдили за ней, всѣ съ ней заговаривали; синьора Анна вздрагивала каждый разъ, какъ она входила въ комнату.

И Антоніо заговорилъ съ ней:

— Какъ живешь, Марина? Много у тебя возлюбленныхъ? Что, понравилась она тебѣ? — спросилъ онъ указывая на Реджину. — Кто красивѣе, она или синьора Ардуина?

Марина вспыхнула, засмѣялась, убѣжала и уже не вернулась. Гаспаре всталъ изъ-за стола, серьезный, медлительный, съ салфеткою черезъ плечо, и пошелъ за нею въ кухню. Оттуда неожиданно донесся крикъ; Гаспаре возвратился красный, съ сердитыми глазами.

— Мама, жаркое горитъ! — трагически возвѣстилъ онъ. — Подите... подите сами посмотрѣть.

Старуха, вздыхая, вылѣзла изъ-за стола, ушла, вернулась, но больше уже не могла спокойно усидѣть на мѣстѣ.

— Мама, — умолялъ Антоніо, — да сидите же вы за столомъ! Куда вы?

— Мама, — повторялъ Гаспаре, все еще сердитый, — подите, посмотрите за ней, а то она все испортитъ.

— Вотъ, доченька, — жаловалась свекровь, поворачиваясь къ Реджинѣ, — каковы нынѣшнія служанки! Говорятъ: не годится разговаривать о прислугѣ, но какъ же о ней не говорить, когда съ ней повсюду одно мученье? Я тебѣ потомъ разскажу...

— Вопросъ о прислугѣ одинъ изъ важнѣйшихъ соціальныхъ вопросовъ, — иронически замѣтилъ Массимо, ни на кого не глядя.

— Однако, ты первый не могъ жить безъ горничныхъ, — вскричалъ Гаспаре.

— А ты сохнешь изъ-за нихъ.

— О, я ихъ самихъ засушу, если онѣ у меня не будутъ ходить по стрункѣ...

Всѣ смѣялись; однакожъ, несмотря на частые навѣдыванья старой синьоры въ кухню, каждой смѣны блюдъ ждать приходилось безъ конца. Разговоръ оживился. Массимо болталъ съ кузиной; синьора Анна разсказывала синьорѣ Кларѣ о томъ, какъ ея служанка любитъ наряжаться.

— Ну, какъ себя ведетъ твое начальство? — спросилъ Антоніо у Гаспаре.

И Гаспаре началъ ругать министра, какъ онъ только что ругалъ прислугу.

— Получила ты мое послѣднее письмо? — подъ шумокъ спрашивала у золовки Ардуина.

— Которое?

— То, гдѣ я спрашивала тебя... позволила себѣ просить тебя дать мнѣ нѣкоторыя свѣдѣнія относительно частной благотворительности, въ особенности, женской, въ Мантуѣ...

— Оставь ты ее въ покоѣ, сдѣлай милость! — сказалъ Антоніо.

Реджина думала о домѣ, представляла себѣ ихъ большую столовую, такую веселую, съ огромнымъ окномъ, въ рамкѣ котораго лѣтомъ рисовалась буйная зелень лѣса, зеленый берегъ рѣки, блестѣвшей вдали. Все это теперь утрачено для нея. И дивный видъ на лѣсъ, и рѣка изъ окна, и другая, уже подлинная картина Баратта, висящая надъ каминомъ — зеленоватые берега Пармы, сиреневое небо за бѣлыми тополями, барка, которую тянутъ бечевой — все, все это утрачено... И снова, сидя на этомъ неудобномъ стулѣ, отъ жесткости котораго ныло усталое тѣло, среди этихъ вульгарныхъ людей, ведшихъ между собой вульгарные разговоры, она ощутила ужасъ и отвращеніе, какіе долженъ испытать осужденный на каторгу, при видѣ своихъ товарищей по несчастью, съ которыми ему придется жить изо дня въ день.

И Антоніо, мало обращавшій на нее вниманія, перебрасываясь вопросами и отвѣтами съ братьями, снова казался ей чужимъ, незнакомымъ.

Всякій разъ, какъ входила служанка и устремляла свои маленькіе, бирюзовые глазки на молодую, онъ допытывался у нея:

— Ну, такъ кто же красивѣе? Или безобразнѣе? Моя жена, или синьора Ардуина?

Дѣвушка смотрѣла то на одну, то на другую и смѣялась.

— Ну, говори же, кто? Синьона Ардуина?

— О, нѣтъ.

— Какъ? Развѣ она не самая безобразная?

Всѣ смѣялись. Чему они смѣются?

Счастье не дѣлало Антоніо добрѣе.

Зная отлично, что его братъ Маріо, человѣкъ уже въ лѣтахъ, говорившій мало, но краснѣвшій каждый разъ, какъ кто-нибудь другой высказывалъ мысль, проскользнувшую и въ его умѣ, ненавидитъ графоманію своей супруги, Антоніо разспрашивалъ золовку, какъ идетъ ея журналъ „Будущее женщины“ — сталъ онъ уже на ноги, или все еще ходитъ на четверенькахъ?

— Говорятъ, будто теперь онъ выходитъ уже въ трехъ экземплярахъ, — вставилъ Массимо.

— И что ему предстоитъ судебный процессъ изъ-за того, что онъ, безъ разрѣшенія, перепечаталъ сонетъ изъ одного калабрійскаго журнала.

— Боже! какъ ты остроуменъ! — вскричала Ардуина, сдѣлавъ гримасу, но все же лицо ея выразило испугъ.

Соръ Маріо, не поднимая головы, сопѣлъ и жевалъ громко, какъ разсерженный буйволъ.

Всѣ съ какой-то ребяческой жестокостью накинулись на бѣдное созданіе, которое и Реджинѣ представлялось карикатурой на передовую женщину.

— Я одного не могу взять въ толкъ — гдѣ же помѣщается редакція этого журнала, — говорила Кларетта. — Надо бы побывать тамъ, хоть посмотрѣть, какой у васъ редакторъ.

— Мало ты ихъ видала на улицѣ, — возразила Ардуина. — Такая хорошенькая дѣвушка, какъ ты, вездѣ найдетъ то, что ей нужно.

— Не совсѣмъ ясно, что ты хочешь сказать этимъ, — усмѣхнулся Гаспаре.

— Вамъ все не ясно, потому что вы ничего не понимаете.

— Ты-то много понимаешь! — фыркнулъ ея мужъ, угрожающе поднимая вилку

— А ты, Реджина, — феминистка?

— Я? Нѣтъ, — отвѣтила она вяло, словно съ просонокъ. Но тотчасъ же ей захотѣлось вступиться за Ардуину, не изъ жалости къ бѣдной журналисткѣ, но изъ презрѣнія къ остальнымъ родственникамъ. — Можетъ быть, Ардуина обратитъ меня.

— Антоній, скорѣе палку! — вскричалъ Гаспаре.

И снова всѣ захохатали.

Затѣмъ, разговоръ перешелъ на другую тему; говорили о русской „принцессѣ", госпожѣ Макулиной, ужъ много лѣтъ живущей въ Римѣ; Антоніо, познакомившійся съ нею черезъ Ардуину, иногда оказывалъ ей услуги, помогая вести ея дѣла.

— А знаешь, она приготовила подарокъ для Реджины, — сообщила писательница Антоніо. — Завтра она будетъ обѣдать у меня; приходите и вы.

Это заявленіе до извѣстной степени подняло шансы Ардуины; Реджина нѣсколько оживилась; рѣчь все время шла о графиняхъ и маркизахъ; Кларетта со смѣхомъ крикнула Массимо:

— Кстати, вспомнила! Тебя, говорятъ видѣли третьяго дня...

— Меня и сегодня могутъ видѣть.

— Видѣли, какъ ты бѣжалъ за каретой донны Маріи дель Карро; шелъ дождь, ты былъ безъ зонтика...

— Оттого и бѣжалъ, — усмѣхнулся Массимо, однакожъ, видимо, довольный и польщенный.

— Нѣтъ, голубчикъ, ты бѣжалъ просто-напросто за каретой.

— Но зачѣмъ же? — наивно удивилась Реджина.

— Какая ты прелесть! — засмѣялась Кларетта. — Бѣжалъ затѣмъ, чтобъ его увидали; говорятъ, маркиза дель Карро любитъ красивыхъ молодыхъ людей... даже и незнакомыхъ...

— Покорнѣйше благодарю! — насмѣшливо кланялся ей Массимо. — Очень радъ, что вы находите меня красивымъ.

Всѣ оживились; у каждаго оказалось несчетное число знакомыхъ знатныхъ дамъ, о которыхъ онъ разсказывалъ всякія чудеса. Даже синьора Клара, чтобы не отставать отъ прочихъ, принялась описывать туалетъ своей пріятельницы, графини, въ которомъ та на-дняхъ принимала гостей.

Реджина слушала. И что же? Сама себѣ не сознаваясь

въ томъ, она ощущала удовольствіе при мысли, что у ея новыхъ родственниковъ столько знакомствъ среди аристократіи.

Въ заключеніе подали кофе, и синьора Анна повернулась къ Реджинѣ, очевидно, съ намѣреніемъ поговорить съ ней „по душамъ".

— Твоя мама, — начала она, — навѣрно, думаетъ теперь: какъ-то моя доченька? Она, конечно, еще не можетъ привыкнуть къ мысли, что другая мать...

— Мама, — прервалъ ее Гаспаре, вернувшійся со второго ревизіоннаго осмотра кухни, — подите туда, посмотрите... Да идите же! — настаивалъ онъ, маша ей кончикомъ салфетки. — Тамъ, на кухнѣ, цѣлое море... Она оставила кранъ открытымъ.

Старая синьора снова принуждена была встать и, вздыхая, пойти за сыномъ на кухню. Тотчасъ же вслѣдъ за тѣмъ изъ кухни донеслись рыданія Марины.

— Онъ невыносимъ, этотъ Гаспаре! — возмущалась Ардуина. — Вѣдь не невольница же она его, эта бѣдная дѣвочка. Съ точки зрѣнія...

— Соціальной — подсказалъ Массимо.

— Но позвольте. Вѣдь она оставила кранъ открытымъ, — вмѣшалась тетя Клара.

— Если мой мужъ, когда я выйду замужъ, начнетъ совать носъ въ кухню, я ему, съ соціальной точки зрѣнія, такихъ тумаковъ надаю... — объявила Кларетта, оттягивая поясъ передъ зеркаломъ.

— И я тоже, — поддержала ее Ардуина.

Соръ Маріо свирѣпо тыкалъ въ зубы зубочисткой.

Синьора Анна вернулась; за нею шла Марина; глаза у у нея были красные; губы дрожали.

— Не реви! — крикнулъ на нее Массимо. — Нельзя ревѣть, отъ этого дурнѣютъ. Если бъ тебя теперь увидѣлъ булочникъ...

— Какъ? Ты развѣ теперь уже съ булочникомъ? — шутя спросилъ Антоніо.

— Да; его зовутъ Станиславомъ.

— Но, вѣдь, когда я уѣзжалъ, ты была влюблена въ газетчика.

— А ну его! Я его бросила; я вотъ уже два мѣсяца, какъ ни съ кѣмъ не хоровожусь, — объявила Марина, уже снова улыбаясь.

— Умница! — одобрила Кларетта. — Такъ и надо. А много у тебя было возлюбленныхъ?

— Четверо... нѣтъ, съ первымъ пятеро. Его звали Пеппино; онъ былъ служащій...

— Скажите, пожалуйста! Гдѣ?

— Въ Кампо Верано.

— Что же онъ дѣлалъ? Могилы рылъ?

— Ну да, — простодушно подтвердила служанка.

Снова всѣ захохотали, и снова Реджина почувствовала, что ей нечѣмъ дышать. Неужто они всегда говорятъ такія глупости? И Антоніо, ея Антоніо, всегда веселый, но съ нею никогда не проявлявшій и слѣда вульгарности, представился ей теперь въ новомъ свѣтѣ... Но, въ то время, какъ синьора Клара во второй разъ начала разсказывать, какъ была одѣта на раутѣ графиня, Реджина неожиданно поймала взглядъ мужа, устремленный на ея лицо; глаза у него вдругъ стали печальные, и молодая женщина тутъ только замѣтила, что у нея дрожатъ губы. Антоніо неожиданно всталъ, подошелъ къ ней, погладилъ ее по головѣ.

— Идемъ спать, милая; пора. Ты, вѣдь, устала? — шепнулъ онъ ей, почти умоляюще.

Реджина поднялась. Ардуина и Кларетта бросились обнимать ее и цѣловать, проводили ее до порога ея комнаты, и тутъ снова посыпались поцѣлуи...

Оставшись вдвоемъ съ мужемъ, она вздохнула свободнѣе; но тотчасъ же дверь снова отворилась, и вошла свекровь...

— Что вамъ? — растерянно вырвалось у Реджины, и она, закрывъ глаза, опустилась въ одно изъ чудовищно громоздкихъ креселъ, которыми была уставлена комната.

Синьора Анна подошла къ постели, пыхтя и вздыхая.

— Ахъ! — трагически простонала она. — Эти люди ничего не умѣютъ сдѣлать! Прости, доченька; въ домѣ всѣ голову потеряли...

— Да въ чемъ дѣло? Что такое случилось? — спрашивалъ Антоніо, уже наполовину раздѣтый.

— Они даже постели не открыли! — воскликнула старуха, снимая подушки и прижимая ихъ къ своей могучей груди.

Она постелила постель, подвернула одѣяло, заглянула внутрь ночныхъ столиковъ, посмотрѣла, есть ли въ графинѣ вода.

Реджина не раздѣвалась, дожидаясь, когда же, наконецъ, уйдетъ свекровь: неловко лежа въ креслѣ, съ закрытыми глазами, уронивъ руки на колѣни, она слышала неровные шаги и тяжелое дыханіе старухи и съ тоскою думала о завтрашнемъ днѣ.

— „Что же это? И завтра, и послѣзавтра, и каждый день я буду имѣть дѣло съ этими людьми? Какой ужасъ?“

— А гдѣ моя ночная рубашка? — спрашивалъ Антоніо, уже въ фуфайкѣ и кальсонахъ.

Реджина открыла глаза, встала и пошла искать рубашки въ чемоданѣ. Но тотчасъ же почувствовала у себя на шеѣ тяжелое, зловонное дыханіе свекрови.

— Давай я поищу, доченька. А ты раздѣвайся. Я и тебѣ рубашечку выну.

— Оставьте. Я сама найду, — говорила измученная Реджина.

— Нѣтъ-нѣтъ, пусти меня; ты иди, раздѣвайся.

— Не хочу.

— А я тѣмъ временемъ изображу балетъ, — шутилъ Антоніо, выдѣлывая затѣйливыя па, — онъ былъ хорошо сложенъ и ловокъ, какъ клоунъ.

— Дѣтка, что ты дѣлаешь? Вѣдь это же не ночныя сорочки; это кальсоны. Вотъ это рубашка Антоніо и, кажется, ночная. А твоя гдѣ? Ахъ, фланелевая. Тебѣ не будетъ жарко? У васъ тамъ холодно, не правда ли? И здѣсь бываетъ холодно, когда дуетъ трамонтана По три дня кряду — скверная штука, эта трамонтана! Какой узоръ красивый — ты сама вышивала? Вотъ ты какая!...

Реджина уже ничего больше не видѣла и не слышала; глухая злоба кипѣла въ ея груди, въ то время, какъ старуха шарила въ ея чемоданѣ, съ любопытствомъ разглядывая каждую вещь. Неожиданно Антоніо, прыгавшій по кресламъ, подхватилъ Реджину и закружилъ ее вмѣстѣ съ собой.

— Ахъ! — жалобно вскрикнула она. — Пора бы уже, наконецъ, дать мнѣ покой.

Старая синьора не поняла; она, не спѣша, уложила бѣлье обратно въ чемоданъ, подошла къ Реджинѣ и поцѣловала ее. И ушла. Реджину оставили, наконецъ, вдвоемъ съ мужемъ, но это уже не принесло ей утѣшенія. Она раздѣлась и легла. Огромная кровать была широка, и жестка, и холодна, какъ ложе рѣки. И молодая женщина сразу утонула въ ней; вокругъ нея плавали раскрытые чемоданы,

картонки, занавѣси, громоздкая, неуютная мебель; сверху тяжело нависъ гнетущій сѣрый потолокъ, напоминающій пасмурное, дождливое небо; въ ночной тишинѣ откуда-то издали, изъ невѣдомаго таинственнаго города доносились смутные шумы; въ сосѣднихъ комнатахъ еще звучалъ глупый смѣхъ Ардуины и истерическіе возгласы Кларетты. И все, всѣ эти голоса, далекіе и близкіе, покрывалъ унылый свистъ, пронзительный, жалобный свистъ ночнаго поѣзда... И Реджинѣ казалось, что она уже слышала этотъ свистъ гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ, что онъ звалъ ее, манилъ, молилъ...— О чемъ? она не знала, не помнила... знала только, что ей ужъ знакомъ этотъ унылый зовъ, и что теперь онъ звучитъ для нея одной, только ее одну ищетъ въ ночи невѣдомаго, огромнаго города и твердитъ ей что-то странное, ласковое и мучительное...

— Наконецъ-то! Гдѣ ты, моя радость? — говорилъ Антоніо, обнимая ее. — Это не кровать, а пустыня какая-то. Ой, какія ручки холодныя! Ты вся дрожишь. Тебѣ холодно?

— Нѣтъ.

— Такъ отчего же ты дрожишь? — допытывался онъ испуганно. — Ты недовольна, Реджина?

Она не отвѣтила.

— Ты недовольна?

— Я устала, — промолвила она, не открывая глазъ. — Мнѣ все кажется, что я еще въ поѣздѣ. Слышишь, свистъ... О! я узнаю его, — говорила она, какъ во снѣ. — Это свистокъ маленькаго пароходика на По. Ахъ, уѣхать!..

— Только что пріѣхала и уже думаешь объ отъѣздѣ? — усмѣхнулся онъ, и въ голосѣ его была и шутливая насмѣшка и горечь.

Она не отвѣтила; онъ думалъ, что она ужъ уснула и не смѣлъ пошевелиться, чтобъ не разбудить ея. Но внезапно услыхалъ, что она смѣется, и самъ сразу повеселѣлъ.

— Чему ты смѣешься? — спросилъ онъ, ласково сжимая въ своихъ рукахъ ея ручки, уже потеплѣвшія.

— Этотъ „служащій“... Такъ это былъ гробокопатель...— бормотала она, какъ во снѣ. — Если бъ тамъ была моя сестра изъ Тосканы... какъ бы она смѣялась!...

„Она душой все еще тамъ“, съ грустью думалъ Антоніо.

Ужъ много времени спустя Антоніо признался ей, что въ ту ночь онъ вовсе не спалъ. Ему хотѣлось спросить жену,

понравилась ли ей его мать и новая семья, и онъ не смѣлъ, смутно угадывая, что отвѣтъ не будетъ искреннимъ.

И онъ также слышалъ свистокъ, убаюкивавшій Реджину въ ея полузабытьѣ воспоминаніями и надеждами. И съ горечью думалъ:

„Уѣхать! Она уже мечтаетъ уѣхать отсюда!“

И готовъ былъ разсердиться на нее, припоминая, какъ она была холодна и печальна, какъ почти надменно, презрительно держала она себя въ эти первые часы, проведенные въ новой семьѣ. И, хотя чувствовалъ, какая непроходимая пропасть лежитъ между этой семьей и утонченнымъ, интеллигентнымъ существомъ высшей породы, на которомъ онъ рискнулъ жениться, думалъ:

„Но, вѣдь, она же знала; я же ей говорилъ, что семья наша совсѣмъ простая, чиновничья, что моя мать хорошая хозяйка и ничего больше, а золовка тихая идіотка. А она говорила, что это ей все равно, что она любитъ меня, а остальное неважно. Чего же она хочетъ отъ нихъ?“

У него вдругъ явилось глупое желаніе оттолкнуть ее отъ себя, отодвинуть, оставить одну въ этой безконечно огромной холодной постели; но она была такая миніатюрная, хрупкая, холодная, словно мертвая на его теплой груди, въ которой стучало горячее сердце...

„Напрасно я привезъ ее сюда. Надо было сперва приготовить ей гнѣздышко и уже прямо туда везти ее. Она теперь, какъ вырванный съ корнемъ цвѣтокъ, надо поскорѣй пересадить ее въ подходящую для нея почву“.

Онъ смотрѣлъ на нее съ глубокой нѣжностью и не смѣлъ пошевельнуться, чтобы не потревожить сна, сошедшаго на ея тоску и усталость.

II.

На другое утро Реджина проснулась одна на огромной жесткой постели.

Шелъ дождь; въ сѣромъ грустномъ полусвѣтѣ комната казалась еще болѣе унылой. Издали доносился стукъ экипажей; трамваи пробѣгали мимо съ пронзительнымъ свистомъ, похожимъ на завываніе бури и нагонявшимъ невыразимую тоску въ душу Реджины. Ей чудилось, что надо всѣмъ городомъ носится ураганъ, въ ревѣ котораго слышатся отзвуки различнѣйшихъ шумовъ, копошится уныло запуганная, печальная жизнь, подъ непрерывнымъ дождемъ.

Она оглядѣлась вокругъ, широко раскрывая глаза, чтобы лучше видѣть.

Да, все вульгарно и грубо, даже полотно на простыняхъ и наволочкахъ съ грубыми ручными прошивками; а этотъ сѣрый потолокъ съ разводами и три сѣрыхъ окна — въ особенности, среднее, упиравшееся въ кровать — казались ей почти зловѣщими.

Гдѣ же Антоніо? Раздосадованная его отсутствіемъ, Реджина уже готова была разсердиться на него за то, что онъ всталъ и одѣлся потихоньку, не разбудивъ ея, и оставилъ ее одну въ безкрайности этой непривычной и неудобной постели; но тотчасъ же дверь пріотворилась, и Антоніо заглянулъ въ комнату.

— А! — воскликнулъ онъ шутливо и ласково. — Вотъ они, глазки! Глядятъ!

Онъ вошелъ, притворилъ дверь и съ разбѣга бросился на кровать, такъ что губы его пришлись какъ разъ надъ губами Реджины.

— Проснулась, маленькая моя? Проснулась, дѣточка?

— Кажется, что такъ, — отвѣтила она еще чуточку сиплымъ голосомъ, обнимая его рукою за шею. — Что? Дождь идетъ?

— Идетъ, увы! — вздохнулъ онъ, преувеличенно тяжело. — Но онъ перестанетъ.

— Будемъ надѣяться. Открой ставни.

— Нынче воскресенье, — продолжалъ онъ, открывая ставни. — А по воскресеньямъ въ Римѣ всегда идетъ дождь, потому что папа проклялъ этотъ городъ за непочтеніе къ церкви. Ты полежи еще немножко; я сейчасъ скажу, чтобъ тебѣ дали кофе.

— Нѣтъ... нѣтъ! — испугалась она при мысли снова увидѣть свекровь. — Я сейчасъ встану. Надо написать домой, своимъ.

— Какъ только дождь перестанетъ, мы пойдемъ гулять. Если ты ничего не имѣешь противъ, возьмемъ съ собой и Гаспаре: онъ кое-что смыслитъ въ археологіи: пойдемъ на Форумъ...

— Ахъ! Форумъ! — повторила она, мгновенно озаряясь глубокою радостью.

— Да, дорогая, на Форумъ. Подумай: на Форумъ! Да ты знаешь ли, гдѣ ты?

Она улыбалась ему, не отвѣчая. Онъ принарядился, на-

дѣлъ ослѣпительный бѣлый воротничекъ, изумительный галстухъ, зеленоватый, подвилъ усы, сталъ свѣжій, душистый, красивый.

Онъ внесъ съ собой свѣтъ, и Реджина смотрѣла на него съ любовью и радостью; притянула его къ себѣ, цѣловала его волосы, издававшіе какой-то особый запахъ — горѣлыхъ цвѣтовъ, „fiori bruciati“ какъ она увѣряла; потомъ, сдѣлала видъ, будто хочетъ что-то по секрету сказать ему и крикнула ему въ ухо, по-дѣтски, а онъ сдѣлалъ видъ, будто вздрогнулъ, испугался и съ угрозой тряхнулъ ее за плечи; и за смѣхомъ и шутками оба позабыли обо всемъ на свѣтѣ, кромѣ своего счастья.

— Гдѣ мой зайчикъ, проснулся, а? Гдѣ? Говори же!— допытывался онъ, называя ее милымъ ласкательнымъ именемъ, слышаннымъ на ея родинѣ, гдѣ онъ три мѣсяца провелъ въ командировкѣ, въ качествѣ правительственнаго комиссара. — Ты знаешь, гдѣ ты? Вчера въ это время мы были въ Пармѣ, сегодня здѣсь. Ты только подумай, какое огромное разстояніе! А три мѣсяца тому наадъ мы и вовсе не были съ тобою знакомы. Помнишь нашу первую встрѣчу на берегу По. И это яркое солнце за лѣсомъ.., Маэстро смотрѣлъ на насъ и улыбался: онъ уже тогда зналъ, что намъ суждено быть мужемъ и женой. Вотъ, знакомьтесь: это синьоръ Антоніо Венутелли, помощникъ секретаря въ министерствѣ финансовъ, а это благородная синьорина Реджина Тальямари, — гнусилъ Антоніо, подражая старому учителю, подготовившему первую его встрѣчу съ Реджиной. — Подлинная царица ума и красоты, достойная царить въ Вѣчномъ Городѣ...

— Бѣдный старикъ! — промолвила Реджина, вновь становясь серьезной. — Да, дѣйствительно, мы ему обязаны нашимъ знакомствомъ.

— А что говорятъ теперь у тебя дома? Говорятъ: наша Реджина въ Римѣ и, навѣрно, еще въ постели, лѣнивица, и не пошла къ обѣднѣ, богоотступница. Какъ же это можно: быть въ Римѣ и не быть у обѣдни?

— Великолѣпно! — вскричала она, такимъ же комическимъ тономъ, какъ и Антоніо, захлопавъ въ ладоши. Но не развеселилась. Сердце ея тосковало по дому. Ей представлялось милое сердцу видѣнье: ея мама, ея добрая, нѣжная мама, и сестренка, такая граціозная, въ своемъ коротенькомъ платьицѣ, и младшій братишка, ея любимецъ, идутъ къ обѣднѣ

которая начинается въ девять утра. А домикъ на берегу стоитъ пустой, повитый туманомъ, межъ оголенныхъ тополей, какъ нарисованный домикъ въ глубинѣ декорацій; зимою въ немъ ярко пылаетъ каминъ; черный котъ сидитъ и смотритъ въ огонь; и въ отсвѣтахъ его красивѣй и значительнѣй кажутся сѣро-розовые тона пейзажа Баратта надъ каминомъ...

Въ застывшемъ отъ холода воздухѣ гулко разносится колокольный звонъ; подъ пасмурнымъ небомъ раскинулся сѣверный пейзажъ, прорѣзанный извилистой могучей рѣкой, голубѣющей, какъ толстая вена на бѣлизнѣ покрытой снѣгомъ равнины. Безмолвіе, таинственная безкрайность, мечтательная, сонная, окутанная дымкой грезы...

Отъ этого видѣнья души, тоскующей по родному краю и, однакожъ, находящей грустную отраду въ мысленномъ созерцаніи его сквозь ласки того, ради кого онъ покинутъ, ее оторвало неожиданное появленіе синьоры Анны. Старуха вошла, по обыкновенію пыхтя и вздыхая, уже причесанная, съ волосами, еще болѣе черными и лоснящимися, чѣмъ вчера, вся круглая, необъятная въ домашнемъ шерстяномъ красномъ капотѣ. Реджина вспыхнула, приняла руку, лежавшую на шеѣ Антоніо, и поспѣшила укрыться одѣяломъ.

— Что ты? Зачѣмъ? — запротестовалъ ея мужъ, приподнимая одѣяло. — Наоборотъ, ты покажи мамочкѣ, какія у тебя прелестныя ручки. Смотрите, мама, смотрите, какая бѣленькая моя Реджиночка!

— Нѣтъ-нѣтъ! Оставь меня! — восклицала она, прячась подъ одѣяло.

Но старуха подошла, помогла Антоніо разстегнуть пуговицы на обшлагахъ ночной рубашки Реджины, провела пальцемъ по бѣлымъ, тонкимъ, какъ у дѣвочки, рукамъ молодой женщины. И вздохнула:

— Ахъ! Благослови тебя Боже! Ты и вправду красива.

— Боже! Да что же это? Оставьте меня! — возмущалась Реджина, все же польщенная.

— Развѣ не правду я писалъ, что у меня жена красавица? — говорилъ Антоніо, цѣлуя тоненькія ручки.

— Красавица. И сложена отлично. Молодецъ! — одобрила свекровь, какъ словно Реджина была ея созданіемъ. — Я тоже въ свое время была и тѣломъ бѣла, и хорошо сложена. Теперь я ужъ старуха, но смолоду была отлично сложена.

„Воображаю!“ — думала Реджина, глядя на толстыя

руки свекрови, загорѣлыя, грубыя, растрескавшіяся, пахнувшія чеснокомъ, такъ рѣзко выдѣлявшіяся на нѣжной съ голубоватыми прожилками бѣлизнѣ ея изящныхъ рукъ.

— Хочешь кофе? Или молока? Сейчасъ тебѣ дадутъ кофе, молока, сливокъ, кашки, если хочешь...

— Ради Бога, не надо! Ничего я не хочу.

— Вставай, — сказалъ Антоніо. — Дождь перестаетъ: мы скоро выйдемъ.

— Ты хочешь вести ее гулять — въ такую погоду? — ужаснулась свекровь. — Да ты сума сошелъ! Пускай лежитъ въ постели. Когда я была молодая, — повернулась она къ Реджинѣ, — я не вставала раньше полудня, но теперь другія времена. Прежде служанки были преданныя, работящія, толковыя, и хозяйка могла разыгрывать изъ себя барыню, даже когда она не была ею. Ну, я то, благодаря Бога, всегда жила барыней...

— Да и теперь можете жить. Что вамъ мѣшаетъ? — мягко спросила Реджина.

— Богъ мой! Это съ нынѣшними-то служанками? Воровки, лживыя, неблагодарныя! Это мученье, отрава нашей жизни. Прежде я ихъ любила, какъ родныхъ, а теперь — нѣтъ, не люблю, не стоятъ онѣ того. Вотъ хоть бы взять нашу Марину: у меня иной разъ сердце болитъ, такъ она меня замучаетъ всякими непріятностями...

— Вставай же, дѣтка, — повторилъ Антоніо.

Но Реджина объявила, что не встанетъ, пока они оба не выйдутъ изъ комнаты. Оставшись одна, она вскочила съ постели и постояла немного на полу, въ длинной ночной рубашкѣ, въ сѣромъ свѣтѣ, падавшемъ изъ трехъ ужасныхъ оконъ. Уныло поглядѣла на вещи, хаотически раскиданныя по всей комнатѣ, и, дрожа отъ холода, сдѣлала печальное открытіе — что въ Римѣ холоднѣе, чѣмъ на ея родинѣ.

Одѣлась и умылась кой-какъ: все было неудобное, начиная съ умывальника и кончая зеркаломъ въ шкафу, задернутымъ плотной занавѣской. Реджина отдернула занавѣску, поглядѣлась въ зеркало, увидѣла себя изсиня блѣдной, растрепанной, некрасивой — и снова нахмурилась.

Не дождавшись ея, Антоніо пришелъ за нею: она отдернула всѣ портьеры, всѣ занавѣски и прибирала вещи, силясь привести ихъ въ порядокъ.

— Идемъ же. Что ты тутъ дѣлаешь? — сказалъ онъ, съ оттѣнкомъ нетерпѣнія въ голосѣ. И, взявъ ее за руку,

увлекъ въ столовую, гдѣ синьора Анна давно ужъ дожидалась ея передъ столомъ, накрытымъ на двоихъ, но уставленнымъ такимъ количествомъ ѣды, котораго хватило бы на десять человѣкъ.

— Я выпью только немножко чернаго кофе, — сказала Реджина.

— Чернаго кофе? Только? Да ты сума сошла! Прости, дорогая! это такъ у меня, сорвалось. Въ Римѣ нельзя такъ. Въ Римѣ надо кушать хорошенько. Вотъ тебѣ черный кофе; хочешь подлить немножечко коньяку?

— Нѣтъ, не надо; я не люблю.

— Да ты попробуй. Вотъ увидишь, понравится.

— Нѣтъ-нѣтъ, не хочу.

— А я говорю: подлей. Ну, сдѣлай же мнѣ удовольствіе.

Пришлось выпить кофе съ коньякомъ; потомъ кофе со сливками и съ хлѣбомъ, намазаннымъ масломъ, и съ сухариками, и съ печеньемъ. Подъ конецъ у Реджины даже слезы выступили на глазахъ, до того свекровь извела ее своими приставаньями; чтобъ подбодрить ее, синьора Анна спросила, не хочетъ ли она выпить еще чашку бульону и съѣсть крылышко цыпленка.

— Да вы хотите уморить меня! — воскликнула она, въ комическомъ отчаяніи.

Антоніо ѣлъ съ аппетитомъ и смѣялся.

Къ счастью, въ кухнѣ послышался трескъ разбиваемой посуды, и синьора Анна бросилась туда, вся трясясь, какъ желе, на ходу, въ своемъ широкомъ красномъ капотѣ; тогда Реджина пошла къ себѣ, надѣла бѣлый хорошенькій галстучекъ, черную шляпку съ розовымъ бантомъ, которая ей казалась очень элегантной, и напудрилась. Ей казалось, что на улицѣ всѣ будутъ смотрѣть на нее, какъ у нея на родинѣ.

— Нѣтъ, вы поглядите, какая красавица моя Реджина! — полушутя, полусерьезно сказалъ Антоніо, когда она снова вошла въ столовую. — А шляпка-то какова! Поглядите.

Гаспаре, туго затянутый въ новый сюртукъ, круглый, жирный, розовый и озабоченный, ждалъ у входной двери. Онъ украдкой посмотрѣлъ на Реджину, поздоровался съ ней и съ важностью объявилъ:

— Ну и шляпка у тебя! Точно ласточкино гнѣздо.

— Что ты понимаешь въ шляпахъ! — воскликнулъ Антоніо. — Ты, вѣдь, на женщинъ и не глядишь.

— Я никогда не женюсь, — объявилъ Гаспаре; — но, если бъ ужъ со мной случилась такая напасть, я никогда не позволилъ бы ей дѣлать себя смѣшной.

— Кому? Напасти? — иронически усмѣхнулась Реджина.

Гаспаръ не удостоилъ отвѣтить.

Они вышли. Реджина никогда не могла простить Антоніо, что онъ позволилъ Гаспаре сопровождать ихъ въ этой ихъ первой прогулкѣ по Риму.

— Спустимся по віа Кавуръ, зайдемъ на Форумъ и черезъ Венеціанскую Площадь и віа Національе вернемся обратно, — предложилъ Антоніо, взглянувъ на часы. — Уже поздно.

Погода прояснилась; съ деревьевъ въ садахъ на улицѣ Торино сыпались на землю крупныя, блестящія капли воды; еще вся влажная, сѣрая и розовая, съ омытой дождемъ широкой папертью, Санта Марія Маджоре вырисовывалась вдали, на лазоревомъ небѣ, высоко, словно на вершинѣ горы.

— Санта Марія Маджоре, — сказалъ Гаспаре, ткнувъ зонтикомъ по направленію къ церкви.

Реджина равнодушно скользнула взглядомъ по огромному храму; онъ показался ей некрасивымъ.

Они спустились улицей Кавура; мостовая быстро высыхала, и Реджина замѣтила, что камни на ней не такіе ужъ чистые и блестящіе, какъ показалось ей вчера вечеромъ.

— Выдумаетъ тоже! — сказалъ Гаспаре, который отъ времени до времени откашливался и оборачивался назадъ, чтобы сплюнуть. — Женщинамъ всегда мерещится Богъ знаетъ что — какъ разъ обратное тому, что есть въ дѣйствительности.

— И мужчинамъ тоже, сплошь и рядомъ.

— Мужчинамъ еще чаще, чѣмъ женщинамъ, — поддержалъ Антоніо, чтобы доставить удовольствіе женѣ.

— Не спорю, иной разъ бываетъ, — сказалъ Гаспаре, съ нехорошей усмѣшкой.

Хотя Антоніо и предупреждалъ молодую жену, что братъ его Гаспаре непріятный „типъ“, грубость манеръ шурина раздражала Реджину; но скоро она забыла о немъ, погрузившись въ созерцаніе всего того новаго, что видѣла.

Небо окончательно прояснилось; лишь нѣсколько серебристыхъ облачковъ еще темнили лазурь его. Люди быстро шагали, съ зонтиками подъ мышкой; въ прозрачномъ, влажномъ воздухѣ носился запахъ жареныхъ каштановъ. Да, эта

улица, широкая, залитая свѣтомъ, была красива и грандіозна; въ одной витринѣ было выставлено пять дамскихъ шляпъ, заинтересовавшихъ и восхитившихъ Реджину гораздо больше, чѣмъ храмъ Санта-Маріи Маджоре. Но внезапно оба брата свернули съ улицы Кавура, увлекая за собою Реджину, въ унылую улицу со старинными домами, съ висячими садами, перевѣшивавшимися черезъ мокрыя стѣны, похожія на бастіоны, безъ тротуаровъ, безъ магазиновъ, идущую неровно, то поднимаясь, то спускаясь; и уличная толпа здѣсь была иная, чѣмъ на той улицѣ — все больше мелкіе торговцы, барышники, продавцы травъ, грязные, бѣдно одѣтые. Казалось, этой скучной и тѣсной улицѣ не будетъ конца; Реджина утомилась, оперлась на руку мужа, и снова на сердцѣ у нея стало грустно и тяжело. Такъ вотъ онъ какой, Римъ!...

Антоніо и Гаспаре имѣли неосторожность вообразить, что Реджина можетъ ходить пѣшкомъ такъ же много, какъ они сами, и потащили ее на Форумъ когда глаза у нея уже заволакивало туманомъ отъ усталости, и она ничего не увидѣла тамъ, кромѣ печальныхъ и мокрыхъ развалинъ, кромѣ кладбища, надъ которымъ плыли тучи на темно-синемъ небѣ, окутывая грустной тѣнью обломки арокъ и колоннъ. Гаспаре что-то говорилъ — она не слушала. Повсюду мелькали бинокли, очки и англійскіе клѣтчатые костюмы, оживляя трагическое уединеніе огромнаго кладбища; и обломки славнаго прошлаго, еще мокрые отъ дождя, казались Реджинѣ гигантскими костями, вырытыми изъ земли толпой любопытныхъ ребятъ, забавлявшихся осквернеміемъ грандіозной усыпальницы умершей гражданственности.

Съ Форума Венутелли повернули на Пьяцца Венеція. Время близилось къ полудню; толпа брала приступомъ трамы; съ віа Національе непрерывной рѣкою текла на площадь толпа, состоявшая, главнымъ образомъ, изъ нарядныхъ синьоръ, и, разлившись по площади, вновь поднималась на Корсо; въ воздухѣ, все еще влажномъ, но теперь залитомъ яркимъ свѣтомъ, стоялъ смѣшанный гулъ трамваевъ, автомобилей, экипажей, человѣческихъ голосовъ. У Реджины кружилась голова; плохо видѣвшая вдали, она теперь и вблизи видѣла смутно, оглушенная всѣмъ этимъ шумомъ, сотканнымъ изъ тысячи разнообразнѣйшихъ звуковъ, среди которыхъ гудки автомобилей казались ей ревомъ затравленнаго звѣря и каждый разъ пугали ее до холодной дрожи.

Насильно раскрывая вѣки, смыкавшіяся отъ усталости,

молодая женщина смотрѣла на площадь, черезъ которую толпа струилась непрерывно, словно воды рѣки; потомъ поднимала глаза, и ей казалось, что сѣть телефонныхъ проводовъ закрываетъ небо, пронизанное лучистыми облаками. Усталая, удрученная, она, все же, увѣряла себя, что удивляться тутъ нечему. Больше всего поражало ее изящество дамскихъ нарядовъ, вызывая въ ней чувства и зависти, и отвращенія. Не можетъ быть, чтобы на свѣтѣ было столько женщинъ, такихъ красивыхъ и такъ чудно сложенныхъ: навѣрное, добрая половина ихъ накрашены и подхвачены. О, это ей отлично извѣстно; она знаетъ, сколько лжи и испорченности, сколько искусно скрываемой нищеты таитъ въ себѣ эта толпа, первое столкновеніе съ которой, въ это осеннее утро, подъ сѣтью переплетающихся металлическихъ проволокъ, вызывало въ ней загадочное чувство, въ которомъ была и жалость и отвращеніе.

— Возьмемъ извозчика? — предложилъ Антоніо, видя, что усталость съ каждой минутой все замѣтнѣй накладываетъ печать на личико его жены.

— Почему же не сѣсть въ трамвай? — удивился Гаспаре.

Антоніо возразилъ, что на извозчикѣ они скорѣе доѣдутъ; на самомъ дѣлѣ, ему просто хотѣлось, хоть въ первый день, не скупиться передъ Реджиной. Но Гаспаре стоялъ на своемъ, что надо ѣхать на трамваѣ.

— Идемъ пѣшкомъ, — сказалъ Реджина.

— Ты сама не знаешь, что говоришь. Ты съ ногъ валишься отъ усталости! — воскликнулъ ея шуринъ.

— Въ такомъ случаѣ, возьмемъ извозчика, — отвѣтила она, нарочно, чтобы позлить его.

— Подумаешь, какіе аристократы! — грубо захохоталъ женоненавистникъ.

Они сѣли на извозчика и стали подниматься по віа Національе, постепенно пустѣвшей. Въ бѣлесоватомъ свѣтѣ, струившемся съ неба, теперь совсѣмъ серебрянаго, вдали, въ глубинѣ словно повитой туманомъ площади Термини, струя фонтана, высоко взлетавшая на воздухъ, казалась огромнымъ хрустальнымъ цвѣткомъ. Въ этотъ часъ, подъ этимъ небомъ, грустнымъ и нѣжнымъ, на этомъ грандіозномъ фонѣ, роскошная улица, все болѣе и болѣе безлюдная, словно дремлющая, была дивно прекрасна; и Антоніо вглядывался въ лицо жены, надѣясь, наконецъ, уловить въ ея глазахъ выраженіе восторга; но большіе глаза, потускнѣвшіе отъ утомле-

нія, безучастно скользили только по убѣгавшимъ вывѣскамъ и ничего больше не видѣли.

Когда они свернули на via Наполи, онъ сказалъ ей:

— Посмотримъ, сумѣешь ли ты различить, которая изъ этихъ поперечныхъ улицъ наша, Реджинотта.

— Съ этого конца я, вѣдь, ея не видала, да если бъ и видѣла, узнала бы развѣ черезъ три мѣсяца. Ты же знаешь, что я плохо вижу.

— Особенно, когда не смотришь.

— Хотя бы и такъ. Что пользы смотрѣть?

— Зачѣмъ же тогда человѣку даны глаза? — буркнулъ Гаспаре.

— Да, дѣйствительно: зачѣмъ? Когда это нисколько не мѣшаетъ людямъ ошибаться, — съязвила Реджина, но Гаспаре, повидимому, не понялъ и удовольствовался тѣмъ, что высунулся изъ экипажа и сплюнулъ, говоря себѣ, что женщины всѣ либо полоумныя, либо кокетки.

Съ этого дня онъ помѣстилъ невѣстку въ „фалангу“ — какъ онъ выражался — „полоумныхъ бабъ“, вмѣстѣ Ардуиной, служанкой и прочими его знакомыми женщинами. И это положило начало взаимной на всю жизнь антипатіи шурина и невѣстки.

За завтракомъ, который, увѣряла синьора Анна: „готовъ, готовъ, сейчасъ подаютъ“, но котораго, однакоже, пришлось ждать больше получаса, Реджина вынуждена была подробно разсказывать свекрови обо всемъ, видѣнномъ ею. А трое братьевъ, тѣмъ временемъ, говорили о политикѣ и, какъ водится, спорили; такъ какъ взгляды у нихъ у всѣхъ были различные: Гаспаре былъ forcajnolo чистѣйшей воды, непримиримый и жестокій; Массимо — соціалистъ-толстовецъ, ненавистникъ военной службы и арміи, какъ братъ его былъ ненавистникомъ свободы и женщинъ; Антоніо былъ либераломъ, съ легкимъ уклономъ въ сторону оппортунизма.

У синьоры Анны была особая система вмѣшиваться въ такіе споры своихъ сыновей: стоило кому-либо изъ нихъ назвать фамилію какого-нибудь политическаго дѣятеля, какъ она начинала разсказывать о томъ, какъ онъ женился, или съ кѣмъ онъ живетъ, описывала его любовницу и, повидимому, была на этотъ счетъ прекрасно освѣдомлена.

Послѣ завтрака Реджина ушла къ себѣ, прилегла и уснула. Ее разбудилъ шумъ дождя, снова лившаго безъ перерыва; и снова, проснувшись одна на этой огромной, жест-

кой кровати, подъ сѣрымъ низкимъ потолкомъ, въ мрачномъ полумракѣ большой, холодной комнаты, ощутила приливъ тоски, почти отчаянія. Поднялась и сказала, что хочетъ написать письмо домой. Антоніо усадилъ ее за письменный столъ въ комнатѣ своей матери, и она начала письмо словами:

„Дождь идетъ; холодно; тоскливо...“

Да что это? Съ ума она сошла, что ли? Можно ли огорчать маму такими безплодными жалобами?

„Я сама этого захотѣла, — думала она, отрывая полоску отъ листка почтовой бумаги. — Кто же меня принуждалъ выходить замужъ, покидать родину, семью?.. И вотъ теперь я одна. Одна! И если я начну жаловаться, никто не пойметъ меня...

Облокотившись на письменный столъ, она съ горечью философствовала.

„Имѣю ли я право плакаться на свою участь? Нѣтъ. При томъ же безполезно жаловаться, когда причина нашего недовольства въ насъ самихъ. У меня душа больна: она — какъ растеніе, вырванное съ корнемъ изъ родной почвы, и каждый самый легкій толчекъ мучителенъ для него. На что же жаловаться? И на кого? И что пользы? Ничто въ данный моментъ не можетъ излѣчить моей тоски — ни даже любовь Антоніо. Дождь перестанетъ; придутъ ясные дни; у меня будетъ собственная квартира, гдѣ мнѣ не будутъ ежеминутно навязывать общества людей, несимпатичныхъ для меня — но буду ли я довольна тогда? Кто знаетъ? А, впрочемъ, не все ли равно? Надо брать жизнь, какъ она есть, подбодриться, выучиться жить одной. Не понимаю я этой страсти человѣка къ общенію съ себѣ подобными. Неужели нельзя жить одному? Развѣ это не лучше? Чье же общество можетъ быть милѣе намъ нашего собственнаго? И при томъ же, — заключила она, — все пройдетъ: и горе, и радость; всѣ мы умремъ, и этимъ все кончится...“

Ей показалось, что это ее успокоило, и она рѣшила написать своимъ письмо, полное благочестивой лжи; но, заглянувъ въ поискахъ конверта въ отпертый ящикъ стола, она увидала тамъ письма, которыя Антоніо писалъ своимъ въ тѣ три мѣсяца, что онъ былъ правительственнымъ комиссаромъ въ С., и, охваченная любопытствомъ, принялась читать ихъ. Въ первыхъ письмахъ Антоніо въ общихъ чертахъ описывалъ городъ и хвалилъ его обитателей, веселыхъ, живыхъ, остроумныхъ. Въ одномъ письмѣ сообщалъ: „Живу на полномъ

пансіонѣ въ хорошей семьѣ. Отецъ — школьный учитель въ сосѣднемъ городкѣ, но живетъ здѣсь, чтобы имѣть возможность посылать въ техническую школу своихъ дѣтей: Габріэле, ловкаго, энергичнаго, честолюбиваго мальчика, и Габріэллу, очень умненькую дѣвочку, которая мечтаетъ стать писательницей. Маэстро, котораго зовутъ el guendol, такъ какъ онъ ни минуты не можетъ посидѣть спокойно, очень славный: онъ все время говоритъ о Рафаэлѣ и Микель-Анджело, причемъ Рафаэля неизмѣнно называетъ по фамиліи, и художественныя опредѣленія у него своеобразныя; такъ, напримѣръ, про Рафаэля онъ говоритъ: „Тотъ, который написалъ Мадонну на маленькомъ стульчикѣ...“ и пр. и пр.

Въ этомъ письмѣ былъ postscriptum: „Маэстро предлагаетъ мнѣ жениться. Невѣста — барышня изъ дворянской семьи, когда-то очень богатой, но обѣднѣвшей: 23 года, не красавица, но и не уродъ, учень умная, развитая; 30 тысячъ лиръ приданаго“.

Въ другомъ письмѣ Антоніо, хвастаясь тѣмъ, что такого рода синьорины ему не въ диковинку, что и на его родинѣ онѣ заглядываются на него, говорилъ, что маэстро убѣждаетъ его жениться. „Семейство Тальямари одно изъ самыхъ уважаемыхъ въ этомъ краю: оно сохранило отъ прежняго богатства еще до 200 тысячъ лиръ, которыя придется раздѣлить на четверыхъ; старшей дочери, при выходѣ ея замужъ, будетъ дано въ приданое пока 30 тысячъ лиръ. Синьора Т. очень изящная, воспитанная женщина, вдова аристократа, который въ молодости растратилъ состояніе въ полмилліона. Маэстро увѣряетъ, что синьорина — кладезь учености и ангелъ доброты.

„Она умница, — понимаете — такая умница! Воспитывалась въ Пармѣ, въ институтѣ для благородныхъ дѣвицъ. Ее надо увезти отсюда, ей мѣсто только въ Римѣ“.

„Бѣдный маэстро! — добавилъ Антоніо, — онъ воображаетъ, что помощникъ секретаря въ министерствѣ финансовъ — это владѣтельный князь, который можетъ жениться и увезти съ собой такую необыкновенную умницу“.

„Конечно, — писалъ онъ въ письмѣ, помѣченномъ 20-мъ сентября, — тридцать тысячъ лиръ на дорогѣ не валяются, но надо сперва познакомиться съ синьориной“.

Въ слѣдующемъ письмѣ онъ описывалъ встрѣчу съ Реджиной, на берегу По, передъ виллой Тальямари:

„Она не красавица; у нея кошачья мордочка, но очень

граціозна, образованна и, дѣйствительно, умница. Маэстро, должно быть, разсказывалъ ей обо мнѣ, потому что она покраснѣла и поглядѣла на меня какъ-то особенно...

„Спросила меня: правда ли, что я секретарь княгини; повидимому, это званіе дѣлаетъ меня болѣе интереснымъ въ ея глазахъ, чѣмъ титулъ помощника секретаря въ министерствѣ финансовъ.

„Вчера былъ въ первый разъ въ гостяхъ у Тальямари. Изъ дамъ мнѣ больше всѣхъ понравилась сама синьора Т., настоящая аристократка. Она мнѣ разсказала (по всей вѣроятности, не безъ умысла, но это было сдѣлано очень умно) всю исторію своей жизни. Она родомъ изъ очень знатной семьи; мужъ ея былъ очень богатъ, но, какъ она говоритъ, биржевыя спекуляціи, банкротства фирмъ, съ которыми онъ имѣлъ дѣло, наводненіе 80-го года и разныя другія напасти разорили его“.

— Что ты тутъ дѣлаешь, Реджина? — спросилъ Антоніо, появляясь въ дверяхъ.

Она подняла голову.

— Я нашла тутъ интереснѣйшіе человѣческіе документы.

И она показала ему его письма.

Онъ слегка покраснѣлъ, хотѣлъ было отнять у нея письма и спрятать ихъ обратно въ ящикъ; потомъ передумалъ и, въ свою очередь, началъ перечитывать отдѣльныя мѣста.

— И тебѣ не стыдно? — говорила Реджина, — „... увезти съ собой такую необыкновенную умницу“... „Тридцать тысячъ лиръ на дорогѣ не валяются“... „Званіе секретаря княгини дѣлаетъ меня болѣе интереснымъ въ ея глазахъ“... и пр. и пр. Фу, какая гадость!

— А ты вотъ это прочти. Посмотри, что я дальше пишу, уже послѣ.

Она встала и подошла къ зеркалу.

— А это правда. Я, дѣйствительно, похожа на котенка.

— Ты вотъ это письмо прочти, — настаивалъ Антоніо, бѣгая за нею съ письмомъ въ рукѣ.

— Потомъ прочтемъ; сначала дай мнѣ написать, — возразила она, снова садясь за письменный столъ.

Антоніо забралъ всѣ свои письма, усѣлся поудобнѣй въ уголъ дивана и принялся ихъ перечитывать; по временамъ прерывая чтеніе удивленными возгласами или легкимъ смѣшкомъ; затѣмъ, вдругъ, сталъ серьезенъ, захваченный яркими воспоминаніями о послѣднихъ дняхъ его пребыванія въ С., объ его свадьбѣ, любви и счастьѣ...

Потомъ молодые пошли съ визитомъ къ Ардуинѣ, пригласившей ихъ на обѣдъ. Писательница жила въ томъ же домѣ, въ верхнемъ этажѣ въ квартирѣ, обставленной довольно странно: въ ней царилъ безпорядокъ, показавшіся Реджинѣ искусственнымъ.

Ардуина, сіяя радостью, бросилась имъ навстрѣчу, на ней былъ длинный бѣлый халатъ съ подвернутыми рукавами, изъ-подъ которыхъ виднѣлись желтыя, костлявыя руки.

— Ну, здравствуй. — сказала она, пряча руки за спину. — Поцѣлуй меня Реджиночка.

Реджина поцѣловала ее, не очень охотно. Антоніо усмѣхнулся.

— Я только что разсказывалъ ей, что ты, чтобъ имѣть время для работы въ своемъ журналѣ, готовишь завтракъ и обѣдъ съ пяти часовъ утра. Воображаю, какими пирогами ты накормишь насъ.

— А вотъ и неправда. Вотъ тебѣ и доказательство противнаго! — сказала Ардуина, показывая ему руки, перепачканныя мукой. — Иной разъ, правда, случается, что я пишу на кухнѣ — я, вѣдь, пишу легко, гдѣ угодно и когда угодно, только бы на меня нашло вдохновеніе; присяду за кухонный столъ и такъ увлекусь, и не замѣчу, какъ жаркое подгоритъ. Ну, такъ что же? Это ничего не значитъ. Жаркое остается жаркимъ, а искусство искусствомъ. — Она засмѣялась своимъ страннымъ смѣхомъ, глупымъ и въ то же время какъ будто насмѣшливымъ. — Но присядьте же; устраивайтесь поудобнѣе; вотъ тебѣ журналы, милая: пересмотри ихъ. Я сейчасъ вернусь. Ты мнѣ потомъ разскажешь, какъ поставлена женская благотворительность въ Мантуѣ.

— Да оставь ты ее въ покоѣ съ своей благотворительностью.

— Это ты оставь ее въ покоѣ. Никто больше меня не желаетъ добра твоей женѣ. Я обожаю ее. Обожаю! — повторила она, поворачиваясь къ Реджинѣ. — Мнѣ кажется, что мы съ тобой ужъ много лѣтъ знакомы. Ты мнѣ нравишься еще и потому, что у тебя такое имя. Видѣла ты уже королеву?

— Когда? Сегодня ночью во снѣ?

— Правда, ты только вчера вечеромъ пріѣхала. Ну, да это успѣется. Гдѣ вы сегодня утромъ были? Въ Колизеѣ. Ахъ, я обожаю Колизей! Я бы хотѣла жить тамъ. Реджина, ты читала Quo vadis? Какъ, ты еще не знаешь этой самой замѣчательной изъ современныхъ книгъ? Я дамъ тебѣ прочесть. Я тебѣ дамъ массу книгъ для чтенія, познакомлю

тебя со множествомъ писателей, буду водить тебя въ салоны, гдѣ собирается интеллигенція, на праздники искусства, на конференціи, всюду, гдѣ люди живы не хлѣбомъ единымъ...

— А мы то что же, однимъ хлѣбомъ живы что ли? — съ комической угрозой въ тонѣ, вопросилъ Антоніо. — Надѣюсь, ты, по крайней мѣрѣ, не заставишь Реджину писать въ своемъ журналѣ.

— Почему же нѣтъ?

— Потому что я убью тебя, велю тебя арестовать...

Реджина смѣялась; Ардуина ушла въ кухню.

Оставшись наединѣ съ женой, Антоніо подвелъ ее къ зеркалу.

— Мы съ тобой не красавцы, — сказалъ онъ, обнимая ее, — но вмѣстѣ мы составляемъ красивую группу. Посмотри же и засмѣйся, какъ давеча. Ты не знаешь, какъ у меня скверно становится на душѣ, когда я вижу тебя недовольной.

— Я не недовольна, — возразила она, кладя ему руки на грудь.

— Но и не довольна. Ты здѣсь не та Реджина, какую я встрѣтилъ на берегу По, у тебя вытянулось лицо; ты все время глядишь куда-то вдаль. Ты даже не замѣчаешь, что ты въ Римѣ, въ томъ самомъ Римѣ, о которомъ ты столько мечтала.

— Это все погода, погода, — монотонно протянула она.

— Дурная погода пройдетъ, — возразилъ Антоніо, подходя къ окну. — Ты увидишь, какъ прекрасенъ Римъ въ хорошую погоду, а она у насъ почти всегда хорошая, и холодовъ здѣсь не бываетъ. Ты увидишь, сколько тутъ садовъ. И здѣсь, на via Торино, масса зелени; хочешь посмотрѣть въ окно? Дождь уже не идетъ.

Онъ распахнулъ мокрыя рамы; Реджина облокотилась на подоконникъ между вазонами съ чахлыми растеньицами, на на рѣдкіе листы которыхъ ложился грустный отсвѣтъ сѣраго, пасмурнаго неба, и стала смотрѣть на намокшую пустынную улицу.

Подъ аркой запертыхъ воротъ напротивъ, старушка въ черномъ, присѣвъ на корточки, поставивъ возлѣ себя корзину лимоновъ, торопливо разувалась, вся синяя, дрожащая отъ холода.

Реджина еще утромъ примѣтила ее и теперь вмѣсто того, чтобъ любоваться дворцами и садами, снова уставилась на нее, жмуря глаза, чтобъ лучше разглядѣть ее съ высоты

пятаго этажа, между тѣмъ, какъ Антоніо показывалъ ей на зданіе театра Костанци, говоря, что на масленицѣ тамъ ожидаются гастроли Беллинчіони.

— Подумай, дѣтка, ты услышишь Беллинчіони.

Но Реджина смотрѣла на грязный тротуаръ и сидѣвшую на немъ на корточкахъ старушку въ черномъ, все имущество которой составляли вотъ эти шесть лимоновъ, такихъ же тощихъ на видъ и жалкихъ, какъ она сама. И ей казалось, что она не вправѣ тѣшиться мыслями о радостяхъ, которыя можетъ дать большой городъ, пока въ этомъ городѣ, по угламъ улицъ, подъ дождемъ, сидятъ такія вотъ старушки въ черномъ, дрожащія отъ холода, съ душой, навѣрное, такой же кислой и унылой, какъ эти лимоны, составляющіе все ихъ до смѣшного ничтожное достояніе, весь ихъ заработокъ, весь итогъ ихъ долгой жизни, полной труда и горя.

— Быть старикомъ и бѣднымъ — какой ужасъ!— сказала она, дѣлясь своимъ настроеніемъ съ мужемъ.

— Да ты что думаешь? Что эта старушенка мучается? Она привыкла къ такой жизни; если бъ ее оторвать отъ всѣхъ ея привычекъ, даже предоставивъ ей возможность лучшаго существованія, она была бы несчастна.

Реджина примѣнила это къ себѣ, спрашивая себя, не правъ ли Антоніо, но достаточно ей было вспомнить, что у нихъ дома въ этотъ часъ уже топится каминъ, и отсвѣты огня золотятъ полумракъ большой столовой, чтобы еще больше загрустить въ этой маленькой гостиной, холодной и нарочито безпорядочной.

Этотъ наплывъ тоски по дому разсѣянъ былъ появленіемъ Ардуины и ея заявленіемъ:

— Княгиня будетъ; она мнѣ обѣщала, но я думала, что въ такую скверную погоду она не рѣшится выйти изъ дому. Но она такая добрая, такая умница!.. Я обожаю ее. Надо мнѣ, однако, одѣться. Маріо!— закричала она, идя навстрѣчу входящему мужу, — иди сюда. Да накинь же на себя хотя пиджакъ.

Вошелъ соръ [1]) Маріо, солидный, грузный, задыхающійся, пожалъ руку Реджинѣ, запыхтѣлъ и, по настоянію жены, снова ушелъ, одѣваться. Реджина не могла понять, доволенъ онъ, или недоволенъ тѣмъ, что у нихъ на обѣдѣ будетъ такая почетная гостья; самой ей было интересно и даже немножко

---

[1]) Синьоръ.

жутко увидать настоящую аристократку. или, по крайней мѣрѣ, милліонершу, которую мужъ уже описывалъ ей въ довольно нелестныхъ выраженіяхъ. И ей не вѣрилось, чтобы эта „принчипесса“, хотя и милліонщица, была настоящею „знатной дамой“, разъ она удостоиваетъ бывать запросто у Ардуины.

— Она старуха и глухая, — говорилъ ей Антоніо. — Притворяется интеллигенткой и протежируетъ, или, по крайней мѣрѣ, принимаетъ у себя и сама посѣщаетъ сквернѣйшихъ русскихъ бумагомаракъ. Удивительный народъ, эти писатели. Проникаютъ всюду, какъ комары. Хорошая штука талантъ — пожалуй, даже важнѣе, чѣмъ деньги.

— Конечно, — отвѣтила ему тогда Реджина, — потому что съ талантомъ можно и деньги добывать, а если не добывать, то презирать ихъ.

— Пойдемъ и мы переодѣться, — предложилъ Антоніо. И тотчасъ же прибавилъ: — Не для нея — для насъ самихъ.

Они спустились внизъ, и Реджина надѣла свое шелковое платье табачнаго цвѣта, изящное фишю, фермуаръ, кольца; напудрилась и, по совѣту Антоніо, слегка взбила волосы на вискахъ.

— Вотъ такъ тебѣ хорошо. Такъ тебѣ идетъ, — съ удовольствіемъ похвалилъ онъ. — Совсѣмъ другое лицо.

Онъ тоже переодѣлся и началъ аккуратно завивать усы.

— Ты что такъ франтишь? — шутила Реджина. — Хочешь плѣнить принчипессу своими усами?

— Поди ты, насмѣшница! Кто въ меня можетъ влюбиться? Ни одно старое пугало.

— Какъ, кто? Я же влюбилась.

— Да что ты? Да развѣ это правда, что ты влюблена въ меня? — восклицалъ онъ, цѣлуя ее. — Даже не вѣрится.

— Это ты не былъ влюбленъ. „Тридцать тысячъ лиръ на дорогѣ не валяются“: „Кошачья мордочка...“

— Ну да, мордочка. Мордочка, мордочка и мордочка! — повторялъ онъ, какъ ребенокъ, упрямо твердящій свое.

Когда молодые вышли изъ своей комнаты, синьора Анна прибѣжала посмотрѣть на невѣстку въ парадѣ, пощупала матерію на платьѣ, посмотрѣла, шелковая ли подкладка, при чемъ все время глубокіе, протяжные вздохи колыхали ея могучую грудь. Изъ кухни доносился голосъ Гаспаре, распекавшаго за что-то Марину.

Реджина обрадовалась при мысли, что она не увидитъ

за обѣдомъ ни свекрови, ни шурина, но въ „салонѣ“ Ардуины, въ ожиданіи „madame“, гнетущая тоска вновь придавила ее.

Сумерки быстро спускались на землю, сгущаясь неуловимымъ, чернымъ, какъ сажа, туманомъ.

Ардуина хлопотала въ столовой; соръ Маріо, углубившись въ кресло, подтянувъ брюки на колѣняхъ, добродушно пыхтѣлъ; Антоніо молчалъ, снова задумчивый и озабоченный. Никто не догадался зажечь огонь въ гостиной.

Реджина чувствовала, что мрачная тоска обволакиваетъ ея душу. Было ли то впечатлѣніе сумерекъ, мрака, ночи, надвигающейся въ этомъ незнакомомъ и далекомъ отъ родины городѣ, куда забросила ее судьба, или же откликъ на необычную серьезность Антоніо? Она подошла къ окну и поискала глазами давешнюю черную старушенку. Блестѣли фонари бѣлыми желтыми звѣздочками въ мутномъ полумракѣ; блестѣли и мокрые тротуары; безпредѣльная грусть, таинственныя пугливыя тѣни нисходили съ неба, все больше темнѣвшаго.

— Реджина, — спросилъ измѣнившимся голосомъ Антоніо. — Маріо спрашиваетъ, знала ли ты въ Казальмаджоре нѣкоего Винчини.

— Винчини? — переспросила она, оборачиваясь. — Нѣтъ, не знаю такого.

— Онъ подрядчикъ; толстый такой, одинъ глазъ у него вставной, стеклянный.

Зазвенѣлъ колокольчикъ въ передней; быстро вошла служанка и едва успѣла зажечь газъ, какъ появилась madame.

Въ этомъ неожиданномъ свѣтѣ Реджина впервые увидала княгиню и была непріятно разочарована. Что-то мужское было въ этой высокой и грузной фигурѣ, не стянутой корсетомъ, въ ея одеждѣ, даже въ шляпкѣ, укрѣпленной на головѣ при помощи резинки, надѣтой подъ шиньонъ искусственныхъ черныхъ волосъ, приколотыхъ на затылкѣ. Толстыя сѣроватыя губы, небольшой вздернутый носъ, маленькіе глазки, желтозеленые, съ металлическимъ блескомъ; большое одутловатое лицо, блѣдное, словно застывшее. Изъ тѣхъ фигуръ, которыя разъ увидишь, такъ ужъ не забудешь.

— Bon soir, — сказала она, войдя. Голосъ ея, красивый и звучный, такъ странно не шелъ къ этому неуклюжему толстому тѣлу. Она продолжала по-французски, между тѣмъ, какъ Ардуина раболѣпно принимала у нея изъ рукъ шляпку и сумочку: — Очень рада снова увидѣться съ вами, Венутелли. Я получила ваше письмо. Это ваша супруга? Очень мила

Антоніо поклонился; Реджина изумленно раскрыла глаза.

— Синьора слишкомъ добра... — пролепетала она.

— Извините?.. — Madame повернулась лѣвымъ ухомъ къ Реджинѣ.

Молодая женщина вспомнила, какъ Антоніо изображалъ глухую „принчипессу“, и чуть было не разсмѣялась, но госпожа Микулина уже взяла ее за руку и говорила, надѣвая ей на безымянный палецъ прелестное кольцо съ сапфиромъ:

— Вы позволите? Примите лучшія мои пожеланія...

— О, благодарю васъ! Вы слишкомъ добры, — вскричала Реджина, искренно тронутая такимъ милымъ вниманіемъ. Антоніо тоже полюбовался кольцомъ и поблагодарилъ; затѣмъ, всѣ усѣлись, и принчипесса сняла грязныя бѣлыя перчатки, обнаживъ, къ изумленію Реджины, крохотныя, совсѣмъ дѣтскія ручки, покрытыя драгоцѣнными кольцами.

— Какая гадкая погода, — говорила она, ни на кого не глядя своими желтыми кошачьими глазками: — я ужъ много лѣтъ живу въ Римѣ и не запомню такой осени. Говорятъ, что не слѣдуетъ говорить о погодѣ, но что же дѣлать, когда погода вторгается въ нашу жизнь и начинаетъ играть въ ней такую же роль, какъ и наше здоровье? Я думаю, что погода вліяетъ на насъ больше, чѣмъ даже важныя событія нашей жизни.

— Monsieur Антоніо, эта гадкая погода испортитъ вамъ медовый мѣсяцъ, — пошутила Ардуина. Реджина запротестовала...

— Извините?..

— Ардуина права, — сказалъ Антоніо: — моя жена, дѣйствительно, въ прескверномъ настроеніи.

— Неправда! — вскричала Реджина. — Наоборотъ, мнѣ очень весело.

Но за обѣдомъ madame нѣсколько разъ спрашивала Реджину, почему она такъ мало говоритъ.

— Я люблю молчать, — сухо замѣтила, наконецъ, молодая женщина. — Я предпочитаю слушать, когда говорятъ другіе.

— Это очень хорошо, — замѣтила тогда княгиня. — Въ молодой женщинѣ, которая умѣетъ молчать есть особое cachet; въ молчаніи женщины всегда чувствуется какая-то тайна, что-то скрытое, нѣжное, заманчивое. Жоржъ Зандъ говорила мало и рѣдко, и одинъ мой дядюшка, который былъ очень близокъ съ ней, увѣрялъ меня, что Жоржъ дѣлала это умышленно.

— Вы были знакомы съ Жоржъ Зандъ, княгиня? — не особенно любезно освѣдомился Массимо.

— Нѣтъ, — ни мало не смутившись отвѣтила madame, — elle était l'amie de mon oncle [1]).

— Она, навѣрное, была знакома съ ея матерью, — пробормоталъ Антоніо.

— Извините?

Тотъ громко пояснилъ: — На дняхъ я читалъ статью о матери Жоржъ Зандъ — чрезвычайно интерезную. Это была женщина ярко талантливая и съ сердцемъ, легко загоравшимся; ея авантюры, несомнѣнно, оказали вліяніе на развитіе фантазіи у Жоржъ Зандъ...

— Гдѣ эта статья? — всполошилась Ардуина. — Надо бы ее перепечатать.

Соръ Маріо затрясъ головой, склоненной надъ тарелкой, издавая тихое, очевидно, непроизвольное мычаніе.

Начался скучный разговоръ о любовныхъ приключеніяхъ и о романахъ Жоржъ Зандъ, но Ардуина объявила, что она не любитъ ея романовъ; она любитъ только современную литературу и больше всего — Quo vadis.

— Богъ мой! — взмолился Антоніо, — да оставь ты насъ всѣхъ, наконецъ, въ покоѣ съ твоимъ Quo vadis; во-первыхъ, онъ вовсе и не современный.

Реджина молчала и слушала. Рѣчь шла только о книгахъ, о театрѣ, о различныхъ писателяхъ; княгиня разсказала нѣсколько анекдотовъ о Толстомъ, котораго она знала лично; подъ конецъ обѣда разгорѣлся жаркій споръ между Массимо и Ардуиной объ извѣстномъ итальянскомъ романистѣ и поэтѣ.

— Успокойтесь. Успокойтесь, господа! — смѣясь, унималъ ихъ Антоніо.

Тутъ произошло нѣчто необычайное: заговорилъ соръ Маріо. Онъ въ жизнь свою не прочелъ ни строчки изъ этого поэта, однакожъ отзывался о немъ дурно.

— Разъ я видѣлъ его въ Анціо, — разсказывалъ онъ: — на пляжѣ; онъ былъ весь въ бѣломъ, и шляпа, и перчатки бѣлыя, на бѣлой лошади...

— Кто? Шляпа и перчатки были на бѣлой лошади? — нервно смѣялся Массимо, встряхивая головой; волосы его растрепались, какъ у разозлившагося ребенка.

— Да будетъ вамъ! — повторялъ Антоніо.

---

[1]) Она была дружна съ моимъ дядей.

— Если бъ у меня были, по крайней мѣрѣ, хоть эти выкупающія качества! — сказалъ Массимо, нагло уставившись на нее.

— Нѣтъ ихъ у васъ: умный человѣкъ не станетъ помадиться, какъ вы. Вѣдь у него волосы напомажены, не правдали, синьора?

— Не... не знаю, — пролепетала Реджина. — Мнѣ кажется, нѣтъ.

— Бѣдненькая! Она даже не въ состояніи различить, напомаженъ онъ или не напомаженъ. Этакъ, вы не замѣтите, что у васъ подъ носомъ дѣлается.

„Вотъ сумасшедшая!“ подумала Реджина.

— Вы принимаете меня за дуру, или за простушку, — говорила между тѣмъ Маріанна, — но послушайте: я забыла вамъ сказать то, о чемъ я довожу до свѣдѣнія всѣхъ, съ кѣмъ я встрѣчаюсь въ первый разъ,

— Знаемъ, знаемъ! — закричали Антоніо и Массимо.

Однакожъ Маріанна все-таки разсказала:

— Однажды, шесть лѣтъ тому назадъ, въ Одессѣ, загорѣлся домъ, въ которомъ я жила. Я находилась въ комнатѣ, со всѣхъ сторонъ охваченной огнемъ, въ одномъ изъ верхнихъ этажей. Спастись было немыслимо: дымъ уже тѣснилъ мнѣ грудь и рѣзалъ глаза; я слышала, какъ пламя приближалось. Тогда, какъ и теперь, я не вѣрила въ Бога; и все же ощутила потребность обратиться къ сверхестественному существу, къ тайной и всемогущей силѣ. Я и дала обѣтъ. Если я спасусь, обѣщаю всегда говорить правду. Въ это мгновеніе на меня обрушился потолокъ; я потеряла сознаніе и очнулась живой и невредимой, въ объятіяхъ пожарнаго — уродъ былъ невозможный! — „Какъ это вышло, что я жива?“ спросила я. — „Такъ и такъ“. — И онъ разсказалъ мнѣ, какъ онъ спасъ меня, рискуя жизнью самъ. — „Превосходно, — сказала я: — мнѣ сдается, что вы немножко преувеличиваете, но все же я вамъ признательна и никогда васъ не забуду, тѣмъ болѣе, что такого безобразнаго человѣка нельзя забыть“.

Реджина засмѣялась.

— Мнѣ кажется, что я прослушала переводъ съ русскаго.

— Да правду ли это было? — допытывался Массимо; а Антоніо прибавилъ.

— Какъ будто вы мнѣ, синьорина, разсказывали эту исторійку нѣсколько иначе.

— Ну вотъ, теперь они острятъ! — вскричала Маріанна.

Часовъ около девяти, когда Ардуина разливала кофе, явилась компаньонка княгини. Въ сѣромъ платьѣ, маленькая суховатая, съ черными блестящими глазками, длинноносая, съ миніатюрнымъ, недобрымъ лицомъ, она произвела на Реджину странное впечатлѣніе — показалась ей не человѣкомъ, а какимъ-то ублюдкомъ, феноменомъ, помѣсью женщины и мыши, рожденной отъ какого-то противоестественнаго брака.

И, дѣйствительно, съ появленіемъ этой дѣвушки въ гостиной поднялась какая-то мышья бѣготня: пискливые возгласы, пожатія руки, поцѣлуи, похожіе на укусы, вопросы и замѣчанія, смѣшки и вскрикиванья и, главное, взгляды, въ которыхъ Реджинѣ чудились любопытство, тревога, пытливость и насмѣшка.

— Маріанна, — сказала Ардуина, между тѣмъ, какъ новая гостья ощупывала обѣими руками лобъ княгини, — если хотите кофе, налейте себѣ.

— Горячій какой! — говорила Маріанна. — Вы много кушали? Чѣмъ вы накормили ее? — обратилась она къ Ардуинѣ. — Да, я выпью вашего кофе, хоть онъ и прескверный. Какія у васъ чашки маленькія! Въ родѣ меня.

Реджина съ интересомъ разглядывала эту дѣвушку, припоминая, что Антоніо говорилъ ей, будто многіе считаютъ Маріанну незаконной дочерью княгини и думала.

— „Вотъ ужъ подлинно: гора родила мышь".

Маріанна точно угадала ея мысли: она тотчасъ повернула головку въ ея сторону, какъ мышь настораживается при малѣйшемъ шумѣ; потомъ подошла къ ней, держа чашку на ладони, и лукаво сказала ей:

— Вы знаете: вашъ мужъ — mauvais sujet; вы хорошенько смотрите за нимъ, а то онъ будетъ жестоко надувать васъ.

— Мнѣ кажется, — возразилъ Антоніо, — что въ данный моментъ нехорошій человѣкъ это вы. Зачѣмъ вамъ надо будить подозрѣнія въ душѣ моей жены?

— Затѣмъ, что мнѣ жаль ея.

— Жаль? Почему? — удивилась Реджина,

— Да, просто потому, что вы вышли замужъ. Вотъ и онъ тоже нехорошій, — продолжала Маріанна, указывая пальчикомъ на Массимо, подходившаго къ нимъ. — А, впрочемъ, мужчины всѣ нехорошіе. Но самые дурные изъ нихъ лучше, чѣмъ хорошіе, потому что хорошіе глупые. А мнѣ нравятся дурные люди, злые, жестокіе, потому что они умные и съ характеромъ.

— Напрасный трудъ, господа. Вѣдь мужчины стараются блеснуть остроуміемъ передъ женщинами, которымъ они хотятъ понравиться, а я знаю, что мнѣ вы отнюдь не стремитесь нравиться.

— О! я стремлюсь! — воскликнулъ Массимо. — Это единственная цѣль моей жизни.

— Смѣйтесь, сколько хотите — меня это не задѣваетъ. Есть женщины много ниже меня, которымъ вы никогда не сможете понравиться,

— Но, можетъ быть, тѣмъ, которыя выше васъ?

— Не думаю, чтобы на свѣтѣ было много женщинъ выше меня, но къ этимъ вы и близко никогда не подойдете.

— Значитъ, меня, напримѣръ, вы считаете ниже себя? — спросила Реджина, чтобъ что-нибудь сказать.

— Да, потому что вы вышли замужъ. Женщина высшаго типа или вовсе не выходитъ замужъ, или, если выходитъ, въ періодъ, пока она еще не стала сознательной, очень скоро въ томъ раскаивается. Если бъ мнѣ захотѣлось сказать вамъ комплиментъ, я бы сказала, что, мнѣ думается, вы уже раскаялись.

— Чортъ возьми? — вскричалъ Антоніо, — Съ этой женщиной шутки плохи.

— А княгинѣ вы тоже всегда говорите правду? — поинтересовалась Реджина.

— Она только изъ-за этого и взяла меня съ собой, — сказала Маріанна, съ любовью глядя на madame, которая разсказывала Ардуинѣ исторію одной изъ своихъ тетокъ.

— Она была самая элегантная женщина въ Парижѣ. И самая красивая. Говорила я вамъ, какъ она вышла замужъ? — Въ пятнадцать лѣтъ ее выдали за любовника женщины, которая въ теченіе десяти лѣтъ была ея другомъ, повѣренною и руководительницей. Десять лѣтъ она ни о чемъ не догадывалась.

Соръ Маріо слушалъ, откинувшись на спинку кресла, борясь съ дремотой и съ желаніемъ поковырять въ зубахъ.

Маріанна возмущалась Ницше и его сужденіями о женщинахъ, но Реджину больше интересовалъ разсказъ княгини, доносившійся до нея урывками свозь пискливые и задорные выкрики ея компаніонки.

— ... Если женщина понимаетъ его, она не можетъ не признать его правымъ, — доказывалъ Массимо. — Если она ругаетъ его, это значитъ, что она его не понимаетъ.

— Можно и понимать, и не соглашаться, оспаривать.

— Если бъ здѣсь былъ Гаспаре, онъ бы скоро разсудилъ васъ, — замѣтилъ Антоніо.

Словно тѣнь прошла по душѣ Реджины при воспоминаніи о Гаспаре, и о свекрови, и служанкѣ...

— ... Второй мужъ моей тетки, — разсказывала княгиня, — былъ испанецъ, красавецъ собой, въ дружбѣ со всѣми литераторами своего времени. Но развратникъ! Не было горничной, не было гувернантки, которая бы миновала его рукъ. Однажды ночью тетушка...

— Воспитаніе женщины еще не начиналось, — говорила Маріанна, обращаясь къ Реджинѣ. — Только когда мужчина начнетъ говорить правду женщинѣ, она станетъ сколько-нибудь сознательной.

— Что такое правда? — спрашивалъ Массимо. — Правда, между женщиной и мужчиной, выходитъ наружу только, когда они ссорятся.

— Это очень тонко сказано, въ извѣстномъ смыслѣ. Я часто думаю, почему это всѣ такъ не любятъ правды? Про меня говорятъ, что я сумасшедшая, потому что я никогда не лгу; но никто за это не сердится на меня, ибо, въ концѣ концовъ, ни для кого особенно не важно то, что я скажу о немъ. Но, если бъ, напримѣръ, синьора вздумала говорить своему мужу все, что она думаетъ, — о немъ, объ его родныхъ и друзьяхъ, я увѣрена, что синьоръ Антоніо захворалъ бы отъ огорченія...

— Реджина! — вскричалъ Антоніо, изобразивъ на лицѣ своемъ комическій ужасъ. — Неужто это правда?

Реджина смѣялась, но про себя думала, что Маріанна права.

— ... Жанна, сказала тетушка, постучавшись въ дверь комнаты, гдѣ находились ея супругъ и горничная, — передайте мнѣ „Фигаро“... — разсказывала madame. — Ничего больше.

— И что же они? Отвѣтили? — спросилъ соръ Маріо, неожиданно выпрямляясь.

— Ну разумѣется, нѣтъ, — сконфузилась Ардуина. — Какъ можно предлагать такіе вопросы?

Передъ уходомъ „принчипесса“ пригласила Реджину на свои пятницы, и Реджина поблагодарила и обѣщала бывать; но уже въ постели, почти засыпая, раснѣженная тепломъ, она сонnымъ голосомъ окликнула мужа:

— А знаешь, Антоніо... Ты не спишь?

— Нѣтъ. А что?

— Эта ваша княгиня внушаетъ мнѣ какое-то отвращеніе.

— Почему? Она очень милая.

— Да; но я не знаю... понимаешь?..

— Что?

Она помолчала, потомъ продолжала, совсѣмъ соннымъ голосомъ:

— Помнишь укротительницу львовъ, которую мы видѣли въ Парижѣ? Какой у нея былъ странный взглядъ, когда она смотрѣла на женщинъ. Я никакъ не могла припомнить, кого мнѣ напоминаетъ эта княгиня... думала... думала... у нея глаза совсѣмъ такіе, какъ у той укротительницы... Видѣлъ ты, какъ она пристально глядѣла на меня?

— Ну такъ что же? Вѣроятно, ты ей понравилась. Кто знаетъ, быть можетъ, она оставитъ тебѣ нѣсколько сотъ тысячъ лиръ, когда помретъ.

— Да она вправду богатая?

— Еще бы. Милліонщица.

— А перчатки грязныя.

— А кольца — видѣла, какія?

— Что мнѣ кольца, когда перчатки грязныя!

Реджина замолкла; потомъ тихо, чуть слышно, засмѣялась и уснула. Ей снилось, что она въ лѣсу, на берегу По, близъ Віадана. На рѣкѣ стоитъ мельница; блестящая вода шумитъ, ниспадая съ колеса, и мельница эта — дворецъ съ огромными залами, въ которыхъ вся мебель, и обои, и портьеры красныя, и дворецъ этотъ принадлежитъ мадамъ Микулиной. Княгиня умерла, но душа ея живетъ на верхушкѣ тополя, сквозь серебристую листву котораго блеститъ рѣка, словно фіолетовый хрусталь. Въ шумѣ мельницы слышится пѣсня; Реджина сидитъ на крыльцѣ и моетъ ноги зеленоватой водой, покрывшей ступени; бѣлая уточка подплыла, клюетъ ей мизинчикъ правой ноги и смѣется. И Реджина смѣется; смутно сознаетъ, что это сонъ, потому что она и во снѣ все анализируетъ и знаетъ, что мельница не можетъ быть дворцомъ, и что утки не смѣются, и души умершихъ не сидятъ на тополяхъ; но въ то же время ее гнететъ какой-то смутный страхъ, и чувства отвращенія и печали томятъ ее душу.

И снова Антоніо услыхалъ ея смѣхъ, тихій и странный исходившій изъ глубины сна, сковавшаго ея тѣло, словно голосъ безумія. И растроганно подумалъ:

„Хорошій сонъ, видно, снится ей: довольна моя маленькая“.

III.

Зима эта въ Римѣ выпала холодная. Все время шли дожди; даже въ чудесные казалось бы дни небо внезапно заволакивалось тучами, поднимался вѣтеръ, и начиналъ лить дождь: обыкновенно это длилось недолго; тротуары быстро высыхали, тучи разсѣивались, и вновь ясное небо словно улыбалось шуткѣ, сыгранной имъ надъ людьми; но тѣ, кому случилось быть въ это время на улицѣ, возвращались домой измокшіе, съ промоченными ногами, съ кашлемъ и въ прескверномъ настроеніи.

— Ваше хваленое римское небо, — говорила Реджина Антоніо, — производитъ на меня впечатлѣніе дома умалишенныхъ, въ которомъ нѣтъ сторожей и полоумныя тучи дурятъ, какъ имъ вздумается.

Зима эта была одною изъ самыхъ тоскливыхъ въ жизни молодой женщины. Она любила мужа, и въ первый день, когда ему пришлось оставить ее одну и уйти на службу, она ощутила вокругъ себя страшную пустоту, и ей показалось, что отнынѣ она неразрывна съ нимъ, какъ кора съ деревомъ. Но жизнь въ домѣ Венутелли, общеніе со свекровью, постоянное присутствіе Гаспаре, эта спальня съ креслами, тяжелыми и громоздкими, какъ жизнь заурядныхъ, вульгарныхъ людей, были не выносимы.

Да и самый Римъ былъ ужасенъ подъ этимъ вѣчнымъ дождемъ, въ которомъ словно сквозило жестокое издѣвательство. У прохожихъ были синія отъ холода лица; у женщинъ грязные подолы, самое небо, казалось, было перепачкано грязью, и душа Реджины тонула во всей этой сырости, туманной и грязной. Выйдя изъ дому, она возвращалась измокшая и разстроенная; а дома было холодно, шумно, неуютно, и не было огня въ каминѣ, и за столомъ было такъ неудобно сидѣть на высокихъ круглыхъ стульяхъ, видя передъ собой саркастическую усмѣшку массимо, и злое, красное лицо Гаспаре, и тяжело колышущуюся необъятную грудь синьоры Анны; а въ постели было еще хуже лежать на этихъ матрацахъ, точно набитыхъ булыжникомъ, въ холодныя ночи, и слышать даже сквозь сонъ трамвайные звонки и унылый стукъ колесъ экипажей.

Неужели и всѣ такъ живутъ въ Римѣ? Такъ вотъ онъ

какой, этотъ Римъ. Неужели это и есть прославленное Корсо — эта узкая и грязная улица, скверно пахнущая, гдѣ люди, перебраниваясь и толкаясь, какъ глупое стадо, стоятъ шпалерами, глазѣя на проѣзжающіе мимо нихъ экипажи съ старыми и некрасивыми женщинами?

Такъ вотъ какой соборъ св. Петра? Реджина представляла его себѣ болѣе величественнымъ. Это Пинчіо? — Она думала, онъ красивѣе. Это Колизей? По фотографіямъ онъ казался ей болѣе импозантнымъ. Гдѣ же эта хваленая красота и величіе Рима? Ничего этого она не видѣла, а все, что видѣла, казалось ей унылымъ и ничтожнымъ; и дивилась она только собственнымъ впечатлѣніямъ, испытывая странное удовольствіе при мысли, что, вотъ, всѣ провинціалы, пріѣзжающіе въ Римъ, на каждомъ шагу ахаютъ и охаютъ отъ восхищенія, и только она одна видитъ вещи, какъ онѣ есть. Иной разъ она и не скрывала этого своего презрительнаго отношенія къ вѣчному городу, даже преувеличивая его; но, добросовѣстно анализируя себя, убѣждалась, что такое отношеніе подсказано ей личной обидой, и это огорчало ее. Чего же она хочетъ? Чего домогается? Она чувствовала, что больна, что въ душѣ у нея глубокая рана. Тщетно говорила она себѣ, что зима пройдетъ, что скоро они съ Антоніо покинутъ этотъ ненавистный домъ, гдѣ она все время зябнетъ и задыхается. — Вѣдь, въ милый родной домъ она, все равно, больше ужъ никогда не вернется.

И однажды утромъ, наскоро осмотрѣвъ памятники и музеи и давъ себѣ слово со временемъ осмотрѣть ихъ внимательнѣе — какъ это дѣлаютъ всѣ пріѣзжающіе въ Римъ на постоянное жительство и затѣмъ годами откладываютъ исполненіе этого обѣщанія — Реджина и Антоніо начали гораздо болѣе интересный для нихъ осмотръ квартиръ, отдававшихся въ наемъ. Жалованье одного и проценты съ капитала другой могли дать молодымъ до трехъ тысячъ лиръ въ годъ. У княгини было много довѣренныхъ лицъ и услугами Антоніо она пользовалась только, когда у нея выходили какія-нибудь недоразумѣнія съ рентой, или были дѣла въ министерствѣ финансовъ, такъ что вознагражденіе онъ получалъ отъ нея очень скромное, и молодые могли тратить на квартиру не болѣе пятидесяти или шестидесяти лиръ въ мѣсяцъ.

Первая, которую имъ довелось осмотрѣть, въ улицѣ Массимо д'Адзеліо, должна была освободиться въ январѣ. Реджина недовѣрчиво оглядѣлась вокругъ, войдя въ роскошную

швейцарскую, со злобой посмотрѣла на широкую мраморную лѣстницу и начала подниматься по второй лѣстницѣ, снизу казавшейся совершенно темной, но все свѣтлѣвшей по мѣрѣ того, какъ они поднимались.

— Одинадцать, двадцать двѣ, тридцать три, сорокъ четыре, пятьдесятъ пять, шестьдесятъ три... Еще выше?

Она остановилась передохнуть; сердце ея колотилось.

Антоніо, снисходительно улыбнувшись, взялъ подъ руку свою „маленькую“, помогая ей подняться. Чѣмъ выше, тѣмъ ступени становились круче.

— Восемьдесятъ восемь, девяносто девять. Боже мой! Неужто еще выше?

— Подбодрись. Сейчасъ придемъ.

— Сто десять.

Наконецъ-то, они добрались. Но, еще раньше, чѣмъ имъ отворили, Реджина, вся дрожа и задыхаясь, съ горечью сказала себѣ:

— Здѣсь будетъ жить Реджина? Никогда! Ни за что!

Квартира была милая и красиво отдѣланная, барская: настоящее гнѣздышко для новобрачныхъ въ огромномъ каменномъ лѣсу, который зовется городомъ. Два окна выходили въ садъ; остальныя на задній дворъ, Реджина объявила, что здѣсь мало свѣта, мало воздуха, и, вообще, квартира ей не нравится.

— Мало свѣту? Мало воздуха? — удивлялся Антоніо. — Да этого здѣсь даже больше, чѣмъ надо. Смотри, и садикъ тамъ, внизу. И потомъ, эта квартира недалеко отъ министерства, въ центрѣ города...

— Нѣтъ. Я хочу квартиру окнами на улицу.

— Хорошо, поищемъ оконъ на улицу. Но, вотъ увидишь, за тѣ деньги, которыя мы можемъ ассигновать на квартиру, лучше этой намъ не сыскать.

— Будто? — недовѣрчиво протянула она.

Но скоро ей пришлось убѣдиться въ правотѣ ея мужа.

Цѣлый двѣ недѣли странствовали они, тщетно подыскивая себѣ пристанище. Вначалѣ, кружа по Эсквилино, Квириналу, Виллѣ Людовизи, Реджина, съ странной улыбкой, и насмѣшливой, и горькой, напѣвала:

„Безъ крова и пріюта
Я по міру брожу“...

Потомъ утомилась, нахмурилась, ходила, съ трудомъ передвигая ноги, и лицо ея выражало полную безнадежность.

Она и ея товарищъ по несчастью заходили въ агенство пріисканія квартиръ, похожее на какой-то притонъ, брали десятка два адресовъ и поднимались по Корсо, добросовѣстно изслѣдуя всѣ прилегающія къ нему улицы, какъ путешественники поднимаются по теченію рѣки, въ поискахъ невѣдомыхъ странъ, или неуловимыхъ источниковъ. Антоніо согласился бы жить и далеко отъ министерства, была бы только довольна Реджина, но Реджина все была недовольна.

Всѣ квартиры, которыя они смотрѣли, были или черезчуръ большими и дорогими для нихъ, или темными, или подъ крышей, или такими тѣсными и холодными, что сердце сжималось и холодѣло при одномъ видѣ ихъ. Особенно поразили Реджину четыре большихъ комнаты въ мезонинѣ, совершенно темныхъ, въ которыхъ жило несчетное количество нарядныхъ дѣвушекъ. Это былъ прямо какой-то склепъ для живыхъ, и Реджина убѣжала, придя въ ужасъ при одной мысли, что ей пришлось бы жить въ такой квартирѣ. Какой ужасъ! И это Римъ! Такъ вотъ какой пріютъ находятъ въ Римѣ тѣ, кто такъ стремился къ нему, такъ мечталъ о немъ. Могилы для заживо-погребенныхъ, темныя логовища, пещеры для невольниковъ — да любая крестьянская избенка на берегу По, свѣтлая и обвѣянная вольнымъ воздухомъ, въ тысячу разъ лучше этого.

А дождь все лилъ, изо дня въ день, и Реджина, не привыкшая много ходить, все больше утомлялась отъ этихъ поисковъ гнѣзда, гдѣ она могла бы свернуть измятыя крылья. Въ нѣсколько дней она похудѣла, поблѣднѣла, стала раздражительной и некрасивой. Порой она смотрѣла на Антоніо съ насмѣшливой жалостью. Можетъ ли быть болѣе смѣшное и въ то же время болѣе достойное состраданія зрѣлище, чѣмъ элегантный молодой человѣкъ, который „тащится на буксирѣ“ съ маленькой некрасивой женой въ поискахъ квартиры за пятьдесятъ лиръ въ мѣсяцъ? Какая грустная вещь цивилизація!.. Реджина съ завистью смотрѣла на прохожихъ и шептала, словно въ бреду:

— У каждаго изъ нихъ есть пристанище, хотя бы и темная нора, и каждый знаетъ, гдѣ ему пріютиться, а не таскается по улицамъ, какъ мы, въ поискахъ крова и пріюта. Мы точно собаки паршивыя — даже ямы не можемъ себѣ найти, гдѣ бы издохнуть.

Съ завистью смотрѣла она на парки и виллы, недоступныя имъ по цѣнѣ, и думала:

— И у меня былъ домъ. Полный свѣта и поэзіи. Я своими руками заперла его и никогда ужъ мнѣ не найти отъ него ключа.

При этой мысли жгучія слезы туманили ей глаза. Антоніо, тащившій ее за собой, молчаливую и утомленную, тоже смотрѣлъ на нее съ состраданіемъ, отчасти угадывая причину ея недовольства; но теперь и онъ иногда начиналъ раздражаться.

— Въ концѣ концовъ, почему она отказалась отъ милой квартирки въ улицѣ Адзеліо? Чего же ей еще надо?

Оба возвращались домой усталые и раздраженные; въ огромной холодной постели Реджина свертывалась клубочкомъ вдали отъ Антоніо, и порой онъ слышалъ сдавленныя рыданія, но вмѣсто того, чтобы растрогать его, это его только злило. Да что же съ ней такое, наконецъ? Что? Не можетъ же быть, чтобы его Реджина, такая серьезная, умная, развитая, плакала только потому, что не могла сразу найти квартиру себѣ по вкусу.

— Нѣтъ, — говорилъ онъ ей иногда: — ты меня разлюбила; ты уже каешься, что вышла за меня — оттого ты и плачешь. Какъ я несчастень! Какъ ты меня мучишь, Реджина!

Реджина, озябшая, вдали отъ него, въ огромной холодной постели, чувствовала себя безнадежно несчастной и покинутой; ей казалось, что она заблудилась на безкрайной обледенѣвшей равнинѣ; пронзительные свистки трамваевъ, доносившіеся сквозь шумъ дождя, походили на завыванья сырого осенняго вѣтра; все вокругъ нея было окутано туманомъ, и лишь далеко чуть мерцалъ огонекъ, появляясь и исчезая; въ туманѣ блестѣла полоска воды, рядъ оголенныхъ деревьевъ...

— Зачѣмъ я уѣхала изъ дому? — недоумѣвая, спрашивала она себя. — Я дала себя вырвать съ корнемъ, какъ тополь, и вотъ, теперь, меня, какъ тополевую доску, привезли на постройку этого чудовищнаго сооруженія, которое зовется большимъ городомъ. И я сгнію тутъ, какъ доска, источатъ меня черви, я истлѣю...

Она съ ужасомъ спрашивала себя: неужели она не любитъ больше Антоніо? Иногда ей казалось, что нѣтъ; но были минуты, когда вся душа ея наполнялась нѣжностью при мысли о немъ.

— Я дѣлаю его несчастнымъ. Вѣдь онъ же говорилъ мнѣ, что въ Римѣ у него семья, родные, что жизнь ихъ скромная, мѣщанская. Чего же я хочу отъ него? За что

мучу его? Все равно, когда-нибудь придется умирать. Такъ покоримся же своей судьбѣ. Все приходитъ въ свое время, и часъ смерти придетъ ужъ навѣрно. Ахъ! Умереть. Не мучиться больше, не тосковать, не видѣть свекрови, Ардуины, Гаспаре, служанки, не бродить подъ дождемъ по улицамъ въ поискахъ квартиры...

— Нѣтъ, — говорила она себѣ, — я не стану больше огорчать Антоніо. Его ли вина, что всѣ напасти цивилизаціи стали между имъ и мною? Онъ не могъ этого предвидѣть, и я тоже. Но все же это кончится же когда-нибудь. Всѣ мы умремъ. Такъ примиримся же со своей участью и переѣдемъ въ улицу Адзеліо. Не все ли равно, тамъ, или гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ? День за день — такъ жизнь и пройдетъ.

Она засыпала, успокоенная такими философскими размышленіями, и каждую ночь видѣла во снѣ далекій родной домъ, рощу, затопленный каминъ, отблескъ заката на окнахъ кота, неподвижно стоящаго передъ окномъ, уставившись на стволъ бѣлаго тополя...

А на другой день вновь просыпалась въ ненавистной ей комнатѣ, подъ давившимъ ее, какъ кошмаръ, потолкомъ, принужденная встать, умыться и идти подъ дождь или дрожать и зябнуть въ холодной комнатѣ въ обществѣ синьоры Анны.

Примириться. Въ теоріи это казалось возможнымъ; на практикѣ всѣ нервы въ ней ходуномъ ходили при мысли о примиреніи съ такою дѣйствительностью.

Послѣ мѣсяца тщетныхъ исканій, больше отъ усталости, чѣмъ добровольно, Реджина согласилась, наконецъ, взять на годъ квартирку въ улицѣ Адзеліо, все еще свободную. Но какъ только Антоніо подписалъ контрактъ, раскаялась и раскапризничалась до невозможности.

— Стоило покидать родину и ѣхать въ Римъ, чтобъ жить въ такой трущобѣ! Я задохнусь тамъ, я умру...

Антоніо, наконецъ, обозлился.

— Но чего же ты хочешь, желалъ бы я знать? Или ты вообразила себѣ, что вышла замужъ за владѣтельнаго герцога? Ты же знала, что я могу предложить тебѣ; ты сотни разъ твердила мнѣ, что душа твоя чужда суетнаго честолюбія, что ты сильна, не эгоистка, что ты не требуешь отъ жизни невозможнаго. Ты погляди вокругъ себя. Вѣдь ты же считаешь себя немножко соціалисткой. Милліонамъ женщинъ живется несравненно хуже тебя — почему же ты не сравнишь свое положеніе съ ихъ положеніемъ?

Она плакала, прижимаясь лицомъ къ стекламъ, залитымъ снаружи дождемъ: ей казалось, что само небо плачетъ вмѣстѣ съ нею. Она сознавала, что Антоніо правъ, хоть и беретъ вопросъ съ одной лишь его матеріальной стороны и не умѣетъ понять тайной причины ея недовольства. Тѣмъ не менѣе, она засмѣялась сквозь слезы, иронически и надменно.

— Будетъ тебѣ ораторствовать. У тебя это не выходитъ.

— Я худо говорю, да хорошо дѣлаю, — возразилъ онъ, мгновенно смягчаясь. — Усталъ я отъ этого твоего вѣчнаго недовольства!.. Чего ты отъ меня хочешь? Что я могу дать тебѣ, кромѣ того, что имѣю, что могу дать? — Весь свой трудъ, всю свою любовь и заботу, приличное положеніе, жизнь безъ заботы о завтрашнемъ днѣ.

„Онъ не можетъ понять, — со страданіемъ думала она. — Я буду страдать, но никто не долженъ видѣть этого, и меньше всего Антоніо. Я буду одна. Такимъ, какъ я, никто не нуженъ. Я сильная. Возможно ли, Реджина, чтобы ты позволила залѣзать къ себѣ въ душу всѣмъ этимъ мелкимъ людишкамъ?“

Ей казалось, что она, какъ птичка, упавшая въ воду, расправляетъ крылья, чтобы взвиться на воздухъ.

Антоніо подошелъ къ ней, и они тотчасъ же помирились.

— Къ тому же, — утѣшалъ онъ ее, гладя ея волосы, — контрактъ, вѣдь всего на годъ. А за годъ мало ли что можетъ случиться. Я выдержу конкурсный экзаменъ на секретаря; мнѣ прибавятъ жалованья, дадутъ квартирныя; я буду искать частной работы, которую можно дѣлать на дому: можетъ быть княгиня поручитъ мнѣ вести всѣ свои дѣла, — тогда наше положеніе улучшится; мы возьмемъ другую квартиру, побольше, и не высоко... Да и къ этой ты привыкнешь... Потомъ сама будешь смѣяться надъ собой, что плакала изъ-за такихъ пустяковъ. Ну, теперь поди, умойся. Какая ты некрасивая съ заплаканными глазами!

— Красивая, или некрасивая, все же это я, а не кто другой, — возразила она, погружая лицо въ холодную воду. Потомъ тщательно осушила лицо полотенцемъ напудрилась, поправила волосы и согласилась подняться наверхъ, къ Ардуинѣ.

Дверь была не заперта; они вошли, не звоня и въ передней услыхали доносившійся изъ гостиной громкій голосъ Ардуины.

— У нея кто-то есть, — сказала Реджина.

Но въ гостиной никого не было, кромѣ хозяйки.

— Что ты тутъ дѣлаешь? Разговариваешь сама съ собою? — спросилъ Антоніо.

Писательница покраснѣла, засмѣялась, сначала отнѣкивалась, потомъ призналась, что она репетировала рѣчь, съ которой она немѣревалась обратиться къ его превосходительству, министру народнаго просвѣщенія, прося у него субсидіи для своего журнала.

— А мужъ твой знаетъ объ этомъ? Нѣтъ? Ну, такъ я его спрошу, что онъ объ этомъ думаетъ.

— Ради Бога! — испугалась она.

— Но какъ же ты не стыдишься идти просить денегъ? — удивленно спросила Реджина.

— Чего же стыдиться? Всѣ такъ поступаютъ. Вѣдь я не для себя прошу — для дѣла; наша редакція такая инертная... Я хлопочу теперь еще объ аудіенціи у королевы — тоже хочу просить субсидіи... Завтра надо будетъ пойти къ моему дядѣ сенатору — узнать, есть ли надежда получить ее.

— Я бы умерла со стыда, если бъ мнѣ пришлось клянчить, — сказала Реджина.

— Но почему же? — удивилась писательница. — Что тутъ дурного? Если бъ ты была литераторомъ и сама издавала журналъ, ради того, чтобъ сохранить его и восторжествовать...

— Да будетъ тебѣ, глупая! — прикрикнулъ на нее Антоніо.

— Молчи! А ты не ходатайствуешь о пособіяхъ? А ты, при случаѣ, не пользуешься тѣмъ, что можетъ пригодиться? Что ты смотришь на меня, Реджина, такими, удивленными глазами? Привыкнешь...

„Привыкнешь“... Второй ужъ разъ сегодня она слышала это слово. Негодованіе кипѣло въ ея груди; злыя слова просились на уста; но она молчала, говоря себѣ, что она не должна унижаться до возраженій. Она подошла къ окну и опять увидала старушку въ черномъ съ корзиной лимоновъ подъ аркой запертыхъ воротъ, но теперь это зрѣлище не нагоняло на нее тоски, какъ въ первые дни по пріѣздѣ въ Римъ. Она привыкла видѣть эту старушенку.

— Княгиня все спрашиваетъ меня о тебѣ, — говорила Ардуина. — Пойдешь къ ней въ пятницу? Теперь, когда вы нашли квартиру и скоро устроитесь самостоятельно, вы можете начать отдавать визиты заводить знакомства.

— На что мнѣ это!

— Какъ на что! — почти сердито возразилъ Антоніо. — Пожалуйста, не оригинальничай.

— Развѣ у меня есть гостиная, чтобъ принимать знакомыхъ? — спросила молодая женщина ледянымъ тономъ, отъ котораго холодно стало и на сердцѣ у нея мужа,

Онъ смутился и умолкъ. Ардуина не поняла.

— Гостиная у тебя будетъ маленькая — значитъ, и знакомыхъ много нельзя имѣть. Но у княгини ты все-таки будешь бывать: это важно и въ интересахъ твоего мужа.

— Не желаю. Не нужны мнѣ твои княгини! — вскричала Реджина, но тотчасъ же раскаялась, вспомнивъ о своемъ недавномъ рѣшеніи, засмѣялась, расшалилась, перевернула вверхъ дномъ весь „салонъ“ Ардуины и, въ заключеніе, пообѣщала ей завтра вмѣстѣ съ нею идти къ дядѣ сенатору.

— Я ему скажу, что я поэтесса и попрошу его исходатайствовать мнѣ ауді̀енцію у королевы.

— Милая! — восклицала восхищенная Ардуина. — Нѣтъ, какая она прелесть! Да-да, мы поѣдемъ вмѣстѣ.

Но Реджина сдѣлала плутовскую гримаску и показала ей носъ, помахавъ въ воздухѣ четырьмя пальцами: Ардуина смѣялась, но послѣ этого окончательно убѣдилась, что золовка ея полоумная.

На другой день онѣ обѣ отправились къ пресловутому дядѣ сенатору, дальнему родственнику матери Ардуины. Писательница одѣлась тщательнѣй обыкновеннаго: въ черное шелковое платье, висѣвшее складками, на спинѣ и на груди; желтую соломенную шляпу съ красными маками, и боа изъ перьевъ, такое жалкое и общипанное, что прохожіе оглядывались на нее и усмѣхались. Рядомъ съ нею Реджина, тоже вся въ черномъ, съ неизбѣжнымъ галстучкомъ, казалась почти красавицей.

Дядя сенаторъ жилъ на Via Систина, въ пятомъ этажѣ. Это было очень утѣшительно для Реджины. Если сенаторъ живетъ въ четвертомъ этажѣ, то и она можетъ привыкнуть жить въ пятомъ.

Еще больше утѣшилась она, увидавъ почти темную квартиру сенатора, обставленную съ простотой, отдававшей ужъ не скромностью, а самой настоящей бѣдностью. Лишь нѣсколько растеній съ блестящей темной зеленью, широкіе

листья которыхъ, казалось, свѣтились слабымъ собственнымъ свѣтомъ въ сѣроватомъ полумракѣ, украшали прихожую и два унылыхъ салончика, черезъ которые старая горничная провела посѣтительницъ.

На желтоватомъ фонѣ портрета, писаннаго масляными красками, немного насмѣшливо улыбался старикъ, съ худымъ и краснымъ лицомъ, съ выпуклыми голубыми глазами и чудесными бѣлыми волосами, густыми, точно парикъ. Большое потрескавшееся зеркало отражало портретъ, и темная, унылая гостиная, казалось, была оживлена присутствіемъ двухъ человѣческихъ фигуръ — недвижныхъ на желтоватомъ фонѣ картины и зеркала — глядѣвшихъ другъ на друга, саркастически улыбаясь, словно дѣлясь другъ съ другомъ мыслью, и забавной и грустной.

Реджина поглядѣлась въ зеркало, и ей показалось, что обѣ фигуры смотрятъ на нее, чуточку издѣваясь надъ ней; потомъ обернулась, увидавъ медленно приближавшуюся къ ней изъ зеркала третью фигуру, точь-въ-точь похожую на первыя двѣ. Это былъ сенаторъ.

— Вотъ это хорошо, что вы пришли! — началъ онъ совсѣмъ молодымъ голосомъ, здороваясь съ Ардуиной и глядя на Реджину.

— Позвольте вамъ представить мою золовку, — сказала Ардуина. — Она всего лишь мѣсяцъ замужемъ.

„Вотъ дура!“ — подумала Реджина: однакожъ и сама не нашлась ничего сказать, когда старикъ заговорилъ съ ней.

Ардуина тотчасъ же изложила цѣль своего посѣщенія. Старикъ одобрительно поддакивалъ: „Ага! отлично! превосходно!“ Но, хоть онъ и не говорилъ этого словами, Реджина поняла, что онъ абсолютно не помнитъ, о какомъ „дѣлѣ“ идетъ рѣчь.

— Такъ-такъ. Отлично. Такъ у васъ, значитъ, журнялъ? Феминистическій?

— Да нѣтъ же... впрочемъ, если хотите... это тоже феминизмъ, только правильно понятый.

— Конечно, феминизмъ, правильно понятый. Учить всѣхъ женщинъ работать. Воспитывать въ нихъ идею необходимости труда, заработка, самостоятельности... Когда я бываю за границей, въ особенности, въ Англіи, меня всегда поражаетъ „нравственная физіономія“ тамошнихъ женщинъ, такихъ не похожихъ на нашихъ... на васъ...

— Но я же работаю, — запротестовала Ардуина.

— Но, очевидно, твоя работа мало даетъ тебѣ, если ты вынуждена обращаться къ правительству за поддержкой, — съ живостью возразила Реджина.

— Браво! браво! А вы — тоже пишете?

— О! я никогда ничего не дѣлаю.

Сенаторъ остановилъ на ней свой пристальный взоръ, насмѣшливый и грустный; она покраснѣла, вспомнивъ, что она и въ самомъ дѣлѣ, никогда въ жизни не работала.

— Пока, я еще не нуждаюсь въ поддержкѣ, потому что въ Италіи трудъ плохо вознаграждается. Но въ будущемъ... Но поколѣнія, воспитанныя нами... и т. д. и т. д.

Ардуина произнесла длинную рѣчь о будущихъ поколѣніяхъ и вернулась къ исходному пункту — къ субсидіи.

— Успокойтесь, милая: субсидію вамъ дадутъ, — сказалъ сенаторъ, все время смотрѣвшій на Реджину.

— И аудіенцію?

— И аудіенцію тоже, — пообѣщалъ онъ. Говоря это, онъ улыбался, совсѣмъ какъ въ зеркалѣ и на портретѣ, и Реджина замѣтила, что онъ жалѣетъ бѣдную итальянскую журналистку и думаетъ о „нравственной физіономіи“ трудящихся англичанокъ.

— Но зачѣмъ же аудіенція? — осмѣлѣвъ, спросила Реджина и улыбнулась чуть-чуть насмѣшливо, подражая улыбкѣ сенатора. — Ну, положимъ, субсидія необходима — до извѣстной степени, но аудіенція?

— Это нравственная поддержка. Хотя мои принципы.

— Да-да; конечно, нравственная поддержка, — поддакнулъ сенаторъ, продолжая иронически улыбаться.

Въ Реджинѣ поднимался внутренній протестъ. Почему этотъ человѣкъ, бывавшій за границей и видавшій иностранокъ, „нравственная физіономія“ которыхъ такъ не похожа на итальянскихъ женщинъ, недаровитыхъ и способныхъ быть только рабынями, — почему онъ не растолкуетъ бѣдной Ардуинѣ всей неправильности ея метода?

— Но, — возразила она, почти сердито, — если все время искать поддержки, моральной или матеріальной, тогда ужъ лучше... сидѣть, сложа руки. Всѣ мы живемъ на чужой счетъ и чужимъ трудомъ. Такъ не все ли равно, кого эксплоатировать — отца, мужа, любовника, правительство или королевскую казну?..

— Но ты не понимаешь... — начала Ардуина, не уловившая основной мысли Реджины. — Ты говоришь такъ, потому что сама не нуждаешься.

— Вы изъ Ломбардіи? — спросилъ сенаторъ, державшій руки сложенными на груди, развлекаясь тѣмъ, что вертѣлъ одинъ палецъ вокругъ другого.

— Я итальянка, недаровитая и безполезная, — отвѣтила она съ презрѣніемъ къ самой себѣ.

— Вы еще такъ молоды. Почему вы не пишете?

— Зачѣмъ писать? — она насмѣшливо посмотрѣла на него. — Чтобы выпрашивать субсидіи и аудіенціи?

Старикъ поднялся, не отнимая рукъ отъ груди и не переставая играть пальцами, и шагнулъ въ ея сторону.

— Какое впечатлѣніе производитъ на васъ Римъ?

— Скверное. Я скучаю; обывательская жизнь такая убогая и скучная. И потомъ, этотъ вѣчный дождь. — Реджина засмѣялась, думая про себя:

„Почему онъ такъ смотритъ на меня? Вѣроятно, находитъ, что я, по своей нравственной физіономіи, напоминаю англичанокъ?“

Старикъ сталъ передъ нею, повернувшись спиной къ Ардуинѣ, о присутствіи которой онъ, казалось, позабылъ.

— Обывательская жизнь убога, потому что она ничѣмъ не заполнена, — наши женщины тѣшатся несбыточными мечтами и, какъ вы правильно изволили выразиться, эксплоатируютъ мужчинъ, которые тупѣютъ отъ непосильнаго труда на семью. Въ обществѣ, гдѣ и женщина работаетъ, мужчина имѣетъ досугъ для развитія своихъ дарованій. Въ Англіи...

— Но что же дѣлать, если насъ не пріучили работать?

Сенаторъ точно не слыхалъ. Онъ рисовалъ картины жизни англійскаго общества, гдѣ всякій, обыватель, чиновникъ, даже простой рабочій всегда въ курсѣ всего новаго, что даетъ литература, искусство, политика, и можетъ говорить о чемъ угодно; а женщины не скучаютъ, потому что онѣ работаютъ и зарабатываютъ.

— Сотни писательницъ, переводчицъ, газетныхъ сотрудницъ зарабатываютъ иной разъ до десяти тысячъ лиръ въ годъ; иныя даже больше. М-ссъ Гемфри Уордъ, напримѣръ... вы знаете, сколько ей даетъ каждый ея романъ?

Реджина не знала.

— Отъ семи до восьми тысячъ фунтовъ стерлинговъ и даже больше.

Ардуина тотчасъ перевела это на итальянскій счетъ.

— Больше двухсотъ тысячъ лиръ! — ужаснулась она. — О Боже! Я бы не хотѣла такъ много зарабатывать.

— Почему?

— Потому что я бы ошалѣла отъ такого богатства.

— Въ Италіи... — начала было Реджина.

— И въ Италіи женщина можетъ отлично зарабатывать. Работать, трудиться — въ этомъ весь секретъ.

Словно солнечный лучъ въ душѣ унесла съ собою Реджина изъ унылой и темной квартирки сенатора.

Работать? Трудиться? Да, она тоже хочетъ работать; хочетъ писать, такъ какъ ни на что другое она не годна, хочетъ зарабатывать. И, прежде всего, хочетъ жить.

— Надо выйти изъ этого круга, въ которомъ мнѣ душно и тѣсно; надо посмотрѣть жизни въ лицо. Надо обойти не только парадныя улицы, но и закоулки Рима, почувствовать душу толпы, описывать жизнь бѣдняковъ, или тѣхъ, кто тоскуетъ, какъ я, кто только кажется счастливымъ, а на самомъ дѣлѣ несчастливъ — жизнь какъ она есть.

Вернувшись домой, она оглядѣлась вокругъ, и все представилось ей въ новомъ свѣтѣ. Свекровь и служанка, Ардуина и братья мужа, вещи и люди — все теперь внушало ей жалость и состраданіе. И эта жалость заливала душу такимъ благодѣтельнымъ и нѣжнымъ тепломъ.

Зная, что жены нѣтъ дома, Антоніо не спѣшилъ домой. Реджина ушла къ себѣ и сѣла съ книгой у окна. Спускались сумерки. И въ душѣ ея постепенно гасли свѣтъ и тепло, рожденные прогулкой. И словно неуловимыя пелены, одна за другой, медленно спускались и окутывали душу. Молодая женщина закрыла книгу, казавшуюся ей неинтересной, и стала смотрѣть на небо. Но небо — скорѣй, полоска его, виднѣвшаяся надъ унылымъ фасадомъ дома напротивъ, было такое сѣрое и тяжелое, что напоминало стоячую воду пруда; одно лишь скользящее алое облачко, словно падающій уголекъ, озаряло пепелъ этого мертваго неба.

Неожиданно Реджина ощутила внутри себя страшный холодъ и пустоту. Это розовое облачко напомнило ей огонь далекаго, навѣкъ утраченнаго родного очага. И съ нимъ все прочее, далекое, потерянное для нея — простое и тихое, но насколько больше и ярче всякой пышности и блеска. Она думала:

„Работать! Трудиться! Если даже это и было возможно, вѣдь это бы не вернуло мнѣ моего дома, моего прошлаго, моей среды, съ которой я сжилась душой. Самый крохотный кусочекъ дѣйствительности, утраченный, цѣннѣе, са-

мыхъ высокихъ идеаловъ. И что такое идеалъ?“ — спрашивала она себя, слѣдя за медленно плывшимъ по небу облачкомъ.

И улыбалась улыбкой стараго сенатора, вспоминая, что и ей казалось, что у нея есть идеалы...

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Пер. съ итал. З. Журавская.

ВОЙНА И ПАТРІОТИЗМЪ.

Весь міръ — кровавая борьба. Стремленіемъ къ побѣдѣ опредѣляется сейчасъ повсюду жизнь народовъ. Въ происходящемъ безпримѣрномъ состязаніи на долю нашего отечества досталась чуть ли не серьезнѣйшая часть задачи. Къ естественнымъ трудностямъ ея еще не мало отъ себя прибавила извѣчная россійская бѣда. Война, какъ искони водилось, захватила нашу власть врасплохъ. Страна едва лишь размахнулась, какъ обычная неподготовленность свела на нѣтъ блестящіе успѣхи первыхъ мѣсяцевъ. Одной рукой сражаясь, народъ другою вынужденъ послѣдно создавать тѣ средства, забота о которыхъ въ годы мира — важнѣйшая обязанность правительства. Только въ опредѣленной оцѣнкѣ дѣйствительныхъ причинъ и возможныхъ послѣдствій этой войны, только въ ясной постановкѣ ея коренныхъ задачъ, только въ чувствѣ зрѣлаго патріотизма страна черпаетъ силы для борьбы, интенсивность и размѣры которой далеко превосходятъ все то, что рисовали себѣ и Россіи оффиціальные руководители ея политики. И сейчасъ, когда надъ нами взошло снова солнце галиційскихъ побѣдъ, необходимо отдать себѣ ясный отчетъ въ томъ, что только неустанное напряженіе патріотической энергіи способно обезпечить тотъ успѣхъ, который окупилъ бы всѣ принесенныя нами жертвы.

Но, — скажемъ прямо, — русскому народу, его энергіи и волѣ — не дано возможности сосредоточиться всецѣло на войнѣ. Массы обнаружили безпримѣрную въ нашей исторіи сознательность. Прогрессивные общественные круги дошли въ своихъ уступкахъ до крайней границы; но другая сторона осталась непреклонной. И предъ лицомъ грознаго испытанія старые споры замолкли далеко не по всему фронту. Основной вопросъ русскаго политическаго бытія остается попрежнему не разрѣшеннымъ. Текущая жизнь ежечасно объ этомъ напоминаетъ; тормозятся національныя усилія, направленныя на организацію побѣды.

Повидимому, цѣль у всѣхъ въ Россіи сейчасъ одна. Въ сторонѣ отъ общаго порыва остается только кучка противниковъ существующаго государственнаго строя, сильная еще тѣми вліяніями, на которыя она опирается, но сама по себѣ морально и численно ничтожная. Для борьбы съ обрушившеюся опасностью извнѣ ей не хватаетъ ни способностей, ни пониманія, ни воли. Съ головой уйдя въ охрану своего маленькаго группового интереса, эта обреченная на смерть кучка безсильна чѣмъ-либо пожертво-

вать во имя общаго большого дѣла. Помощи никто оттуда и не ждетъ. Только бы она не мѣшала: дальше не идутъ сейчасъ пожеланія.

Но полная обособленность этой группы сугубо лишь подчеркиваетъ столь для нашихъ дней характерный объединительный порывъ. Краснорѣчивѣйшею иллюстраціей къ нему явился въ Думѣ прогрессивный блокъ, сплотившій до тѣхъ поръ рѣзко враждебныя между собою парламентскія партіи. Кромѣ чувства любви къ родинѣ, кромѣ сознанія нависшей надъ нею угрозы, кромѣ потребности дать заслуженный отпоръ вторгшемуся въ наши предѣлы врагу, — что способно было перебросить мость отъ кадетовъ къ нашимъ націоналистамъ? Данъ собственно примѣръ патріотизма. Программы не забыты, но отодвинуты, безъ колебаній, въ сторону. Длительныя политическія и соціальныя симпатіи подчинены одинаково для всѣхъ дорогой ближайшей цѣли.

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Слишкомъ часто патріотизмъ заслоняется заботами объ интересахъ вѣдомствъ. И вытекающая отсюда политика обезцвѣчиваетъ патріотизмъ широкихъ круговъ общества, парализуя наиболѣе цѣнныя и дѣйственныя его проявленія. Именно на этой почвѣ постепенно выросло и обывательское безразличіе, признаки котораго, увы, даютъ себя чувствовать во всѣхъ областяхъ нашей жизни.

У насъ нѣтъ худшаго врага, у нѣмцевъ лучшаго союзника, чѣмъ . .
. . . . . — апатія. . . .
. . . . . .
. . . . . .

Вопреки тому, что наблюдается во всей Европѣ, оріентація власти не измѣнилась въ Россіи съ войной. Въ этомъ основная причина половинчатости всѣхъ оффиціальныхъ начинаній и коренной источникъ молчаливаго, но длительнаго конфликта съ Думой. Созывъ народныхъ представителей въ пору жесточайшихъ неудачъ и роспускъ парламента въ разгаръ его организаціонной работы по созданію средствъ государственной обороны — наиболѣе яркіе показатели этой политики. Правительство отдаетъ себѣ полный отчетъ въ способахъ подъема военныхъ рессурсовъ страны; но линія поведенія власти далеко не всегда опредѣляется указанной цѣлью. Если гдѣ-либо, то именно здѣсь болѣе всего погрѣшаютъ противъ лозунга: «Все для побѣды!»

Идеаломъ русскаго правительства и по сей часъ еще является пат-

ріотизмъ дающій, но не разсуждающій. Такимъ и былъ еще совсѣмъ недавно патріотизмъ широкихъ круговъ нашего народа. Поворотъ обозначился только на исходѣ прошедшаго вѣка и окончательно опредѣлился подъ вліяніемъ великихъ событій, завершившихся манифестомъ 17-го октября.

Путь, пройденный Россіей за десять лѣтъ ея конституціонной жизни, ни въ чемъ другомъ, быть можетъ, не сказался съ такой силой, какъ въ характерѣ отклика, который встрѣтило провозглашеніе войны. Непріятельское нашествіе угрожало нашей родинѣ не въ первый разъ. Не въ первый разъ Россія становилась въ необходимость охранять съ оружіемъ въ рукахъ завѣщанное ей отъ предковъ достояніе. Готовность населенія на жертвы была всегда безгранична. Но, за крайне рѣдкими исключеніями, въ основѣ ея лежало до недавняго времени чисто пассивное чувство.

«Охранять государство — обязанность власти. Пусть она володѣетъ нами. Отдадимъ ей наши животы. Предоставимъ наше имущество. Народу надлежитъ нести тяготы. Задача правительства — дѣйствовать». — Такова, несомнѣнно, внутренняя сущность нашего дореформеннаго патріотизма.

Дѣленіе на «мы» и «они» повсюду во время войны ослабляется. Но только въ свободной странѣ оно окончательно исчезаетъ. Стремленіемъ уничтожить грань, отдѣляющую народъ отъ власти, опредѣляется послѣ 19 іюля 1914 года весь тонъ русской общественной жизни. Никакіе удары—а наносятся они въ большихъ и малыхъ дозахъ каждодневно, — неспособны ослабить силу этого порыва. Патріотизмъ нашихъ дней въ высшей степени активенъ. Погоня за львиною долей работы, способность и готовность отвѣчать за ея результаты — показатель громадныхъ успѣховъ, достигнутыхъ русской гражданственностью.

Не жаждой власти, а внутренней потребностью принять непосредственное участіе въ оборонѣ государства вызвано было это движеніе. Ибо великая война дѣйствительно застала передовые круги русскаго народа «въ тогѣ мужа». Не закономъ инерціи, не тупою привычкой, не слѣпымъ принужденіемъ, а тревогою за будущее нашей родины держатся производимыя страною изо дня въ день усилія.

Только такимъ, очевидно, и можетъ быть современный патріотизмъ. Люди прожили вѣка съ другой психологіей. Цѣною великой борьбы они дошли до нынѣшняго состоянія. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . Достаточно указать на политическія комбинаціи властителей разрозненной Италіи въ эпоху возрожденія.

Народъ — дитя! И даже самая охрана внѣшней его независимости

должна вершиться волей старшихъ, т. е. власти. Давно ли въ этомъ стали сомнѣваться!

Поколебать утвердившуюся на протяженіи столѣтій «истину» могъ только горькій опытъ жизни. И онъ явился въ образѣ великихъ потрясеній конца XVIII и начала XIX вѣка. Французская революція и въ этомъ смыслѣ означала похороны стараго порядка. Напоръ народовъ въ лицѣ предводительствуемыхъ Наполеономъ армій, крайняя растерянность опиравшихся на свой «авторитетъ» нѣмецкихъ государей, блестящій успѣхъ, достигнутый ими затѣмъ въ результатѣ обращенія къ націи краснорѣчиво свидѣтельствовали о совершившемся великомъ переломѣ. Вести войну становилось отнынѣ возможнымъ не иначе, какъ имѣя за собой сознательную поддержку массъ. Защита государственныхъ границъ тѣмъ самымъ превращалась для народа въ отвѣтственный, тяжелый, но сладчайшій долгъ.

Когда наступаетъ пора полнаго крушенія старой политической идеологіи, кто-либо изъ наиболѣе усердныхъ исповѣдниковъ послѣдней обычно самъ такъ или иначе окончательно ее колеблетъ. Въ роковой періодъ германской исторіи нашелся для этой роли исполнитель въ лицѣ сидѣвшаго тогда на тронѣ Гогенцоллерна. И вслѣдъ за выступленіемъ его пронесся по странѣ тотчасъ же голосъ Фихте и Штейна — блестящихъ провозвѣстниковъ новой національной эры.

«Ruhe ist die erste Bürgerpflicht». Это — патріотизмъ эпохи крайняго упадка прусской государственности. Какъ громъ небесный грянули Іена и Ауерштедтъ. Главныя силы королевской арміи были разбиты. Все пришло въ разстройство. Первоклассныя крѣпости капитулировали не подъ ударами осадной артиллеріи, а при видѣ приближающихся вражескихъ разъѣздовъ. Непріятель, не встрѣчая болѣе препятствій, шелъ на Берлинъ. И въ это время провозглашается лозунгъ: «Спокойствіе есть первая обязанность гражданина».

Лучшаго не могъ бы придумать въ своихъ интересахъ самъ Наполеонъ. Ибо, что другое болѣе способно закрѣпить плоды достигнутыхъ успѣховъ, чѣмъ спокойствіе сраженнаго противника. «Спокойствія» и требуетъ обыкновенно отъ покоренной имъ страны завоеватель. И тѣмъ не менѣе даже въ этотъ грозный часъ, когда на картѣ стояла судьба родины, страхъ передъ «смутой» и недовольствомъ внутри государства волновалъ прусскія власти больше, чѣмъ опасность потери лучшихъ провинцій и перспектива крайняго умаленія международнаго престижа страны.

Спасти отечество способны были только «новые люди». И, вѣрные патріотическому долгу, они, предавъ забвенію старыя обиды, тотчасъ же явились. На знамени у нихъ начертано было: «Долой спокойствіе, да здравствуетъ національная война». А это означало полный разрывъ съ прошлымъ. Король сначала всячески сопротивлялся призыву къ власти Штейна. Результатомъ этого призыва была система коренныхъ реформъ. Пробу-

дились къ жизни силы, устремившіяся съ одинаковой энергіей и противъ внѣшняго врага, и противъ внутренней отсталости. Государство получило все, что было нужно для побѣды. Но получило лишь цѣной открытаго удара по старой государственности.

. . . . . .
. . . . . .
. . . . жизнеспособный народъ . . . . . .
. . . . . .
. . . . прежде всего . . утверждаетъ свое право на активность, на патріотическое дѣланіе, на вмѣшательство въ заботу объ охранѣ отъ угрожающихъ извнѣ опасностей.

Сознательный патріотизмъ, это — тревога. Та непреодолимая тревога, которая толкаетъ впередъ, мѣшая успокоиться, предаться отдыху, почить на лаврахъ.

Передовая Россія, въ своей патріотической тревогѣ, создала союзы земствъ и городовъ, военнопромышленные комитеты и всякія другія, продиктованныя тою же нуждою единенія. И неотступная тревога побуждаетъ уже сложившіеся коллективы непрерывно расширять свою работу, все ближе съ каждымъ разомъ подходя къ задачѣ непосредственной обороны государства.

Не было ли бы спокойнѣе союзамъ земскому и городскому вѣдать лишь эвакуацію и больше ни во что не вмѣшиваться? А прослѣдите ихъ краткую исторію, — какое постоянство въ стремленіи взвалить на свои плечи возможно большую массу труда, сколько бы онъ мало благодаренъ ни былъ, и за чьи бы грѣхи ни приходилось при этомъ расплачиваться. Бѣженцы! Дороговизна! Эпидемія! Противогазы! Помощь семьямъ призванныхъ! Все, что принесла съ собой война!

Да и можно ли было ожидать другого? Общественная работа въ тылу арміи не можетъ замкнуться въ тѣ узкія рамки, въ которыя ее пытаются вогнать люди, воспитанные на принципѣ вѣдомственныхъ подраздѣленій. И общественная работа будетъ продолжаться, какъ бы ревностно ее ни тормозили сихъ дѣлъ мастера.

Учрежденія и лица, исполненныя мистическаго страха передъ всякой самодѣятельностью, становятся неизмѣнно поперекъ пути всѣмъ серьезнымъ общественнымъ начинаніямъ. Но созданіе отвѣтственности передъ родиной помогло преодолѣвать и не такія трудности. И движимая патріотическимъ безпокойствомъ, увѣнчанная майскими побѣдами энергія найдетъ себѣ и дальше выходъ. Тревога научаетъ игнорировать препятствія. Тревога открываетъ наиболѣе практичные для этого пути. Тревога удесятеряетъ силы. Воплощенной въ дѣйствіе тревогой и опредѣляется въ годину тяжелой войны мѣра нашего патріотизма.

Г. Штильманъ.

ПУТЕВЫЕ НАБРОСКИ.

Еще недавно, только два роковыхъ года тому назадъ, поѣздка изъ Парижа въ Петроградъ черезъ Англію, Норвегію и Швецію могла привлечь лишь туриста, которому надоѣли обычные прямые маршруты, дешевые, но однообразные, скорые, но не способные дать новыхъ дорожныхъ мотивовъ.

Теперь эта туристская роскошь стала необходимостью. Многочисленныя нити, соединяющія Западъ съ Востокомъ, оборвались, и лишь нѣсколько пароходовъ, съ рискомъ курсирующихъ между Ньюкастлемъ и Бергеномъ, поддерживаютъ международную связь, казавшуюся еще недавно такой крѣпкой, такой необходимой. Традиціонный типъ туриста, ищущаго новыхъ, еще неизвѣданныхъ наслажденій въ шхерахъ и фіордахъ, исчезъ, уступивъ мѣсто путешественнику, для котораго красоты Сѣвернаго моря, живописной Норвегіи и Швеціи, страны красивѣйшихъ озеръ, являются въ большинствѣ случаевъ невольной тяготой, преодолѣваемой съ трудомъ, потому что дорога длится слишкомъ долго, потому что ѣхать приходится на послѣднія, потому что путешествіе сопровождается слишкомъ ощутительными неудобствами.

Объ этомъ новомъ и единственномъ пути для отправляющихся изъ Франціи и Англіи въ Россію и обратно, въ нашей прессѣ время отъ времени появляются отрывочныя данныя, далеко, однако, не исчерпывающія всей картины передвиженія. Въ частности, замѣтки и статьи, наиболѣе полныя, въ которыхъ наши журналисты, общественные дѣятели и депутаты, посѣщавшіе союзныя страны, дѣлились впечатлѣніями съ публикой, неизбѣжно страдали нѣкоторой оптимистической односторонностью изложенія, такъ какъ передъ ними повсюду широко раскрывались всѣ двери, тщательно запертыя для простыхъ смертныхъ, такъ какъ для нихъ старательно сглаживались всѣ неудобства, которыя могли бы нарушить гармоничность впечатлѣній, предусмотрительно устранялись рогатки, превращавшія весьма интересное путешествіе въ тяжелый пробѣгъ съ многочисленными препятствіями.

Въ нашей статьѣ мы намѣрены показать читателю, какъ въ настоящее время путешествуетъ обыкновенный средній человѣкъ, не вооруженный депутатской или корреспондентской карточкой, все время сознающій, что каждый лишній день путешествія наноситъ жестокій ударъ его скромному

бюджету, тотъ самый средній человѣкъ, который сиденъ лишь въ коллективѣ, а въ распыленномъ состояніи являетъ нерѣдко образецъ полнѣйшей безпомощности и неувѣренности въ себѣ. Намъ кажется, что описаніе такого путешествія имѣетъ не только случайный бытовой интересъ — и главнымъ образомъ потому, что оно можетъ выявить нѣкоторыя симптоматическія черты регрессивнаго процесса въ области международныхъ сношеній, старательно поддерживаемаго рѣзкимъ рецидивомъ пограничнаго бюрократизма, который еще недавно казался отживающимъ даже для Россіи.

I.

Есть у Парижа особая обаятельность, которой мнѣ не приходилось наблюдать въ другихъ крупныхъ городскихъ центрахъ. Этотъ огромный городъ привязываетъ къ себѣ людей, какъ живое существо, и поэтому разставаніе съ нимъ всегда связано съ обостренными, не лишенными извѣстной болѣзненности переживаніями, особенно для тѣхъ, кто жилъ въ немъ нѣсколько лѣтъ.

Надо думать, что эта обаятельность коренится, главнымъ образомъ, въ демократичности его житейскаго уклада. Парижская улица, парижскіе кабачки и кафе, народные театры—пропитаны насквозь той непринужденной свободностью, которая заражаетъ даже иностранцевъ, привыкшихъ къ болѣе стѣснительнымъ порядкамъ общежитія. Значитъ ли это, что французы не знаютъ бюрократическихъ рогатокъ и административныхъ скорпіоновъ, что имъ удалось разъ навсегда покончить, по крайней мѣрѣ, съ внѣшними, болѣе стѣснительными проявленіями регулирующихъ и охранительныхъ органовъ власти? До войны на этотъ вопросъ можно было бы отвѣтить въ значительной степени утвердительно. Путемъ долгихъ и тяжелыхъ усилій Франція довела возможность личнаго вмѣшательства государственнаго управленія въ нормальную жизнь гражданъ до того минимума, при которомъ всякій отчетливо знаетъ, чего съ нимъ не могутъ сдѣлать и, по крайней мѣрѣ, въ этихъ рамкахъ чувствуетъ себя дѣйствительно совершенно свободнымъ. Это сознаніе и до сихъ поръ во многихъ отношеніяхъ остается доминирующимъ во всей Франціи и особенно въ Парижѣ, гдѣ каждый камень напоминаетъ о томъ, какою цѣною была куплена демократичность этой страны. Но... не во всѣхъ отношеніяхъ.

Наступленіе войны выдвинуло рядъ проблемъ, пришедшихъ въ столкновеніе съ привычностью парижанъ къ свободности публичнаго общежитія. Я говорю не столько о мѣропріятіяхъ исключительнаго свойства, общихъ для всѣхъ воюющихъ странъ, въ родѣ ограниченія свободы собраній, введенія военной цензуры, не замедлившей пріобрѣсти ярко выраженный политическій характеръ и т. п., сколько объ измѣненіяхъ въ такъ называемыхъ «мелочахъ жизни». Потому что можно еще съ извѣстной рѣшимостью утвер-

ждать, что съ окончаніемъ войны цензура будетъ немедленно отмѣнена, свобода собраній возстановлена, но нельзя предсказывать того же относительно сейчасъ еще мало выпятившихся наружу и тѣмъ не менѣе уже успѣвшихъ сдѣлать свое дѣло частичныхъ бытовыхъ перерожденій, подтачивающихъ основныя и наиболѣе характерныя свойства самой психологіи француза вообще и парижанина въ частности.

Печать подчинена военной цензурѣ. Средній французъ считаетъ, что это необходимо, такъ какъ «журналисты въ погонѣ за сенсаціей могутъ выболтать военную тайну». Администрація стѣсняетъ открытое проявленіе общественнаго мнѣнія и настроеній. До поры до времени, думаетъ обыватель, можно примириться и съ этимъ, потому что митинги, собранія, манифестаціи отвлекаютъ вниманіе массъ отъ непосредственной задачи и въ то же время способны создать замѣшательство внутри страны, которое можетъ быть выгодно только «тевтонамъ». Всѣ эти резоны, излагаемые въ прессѣ съ достаточной настойчивостью, съ самаго начала войны были подготовлены и подкрѣплены рядомъ судебныхъ процессовъ, послѣ которыхъ у рядового француза не могло остаться и тѣни сомнѣнія насчетъ ихъ цѣлесообразности.

Но вѣдь этимъ дѣло не исчерпывается. Французъ можетъ согласиться съ необходимостью временнаго упраздненія свободы собраній и манифестацій, но въ то же время онъ останавливается въ полномъ недоумѣніи передъ закрытіемъ кафе и ресторановъ въ 8—9 часовъ вечера, т. е. какъ разъ въ то самое время, когда, освободившись отъ дневныхъ напряженныхъ заботъ, онъ считаетъ вполнѣ естественнымъ и необходимымъ потолковать съ друзьями и знакомыми о томъ, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ. Для французовъ кафе—это ихъ гостиная. Свободное время они привыкли проводить здѣсь за стаканомъ вина или рюмкой ликера. Если по мотивамъ высшаго порядка ихъ лишаютъ излюбленнаго напитка — абсента, они примиряются и съ этимъ, но кафе и кабачки, закрывающіе свои двери въ 8—9 часовъ,— это для нихъ необъяснимо, и они учитываютъ такое лишеніе, какъ административный скорпіонъ, надъ которымъ стоитъ призадуматься.

То же самое и въ другой области, однако, близко соприкасающейся съ только что упомянутой. Парижская улица, прежде всего, привлекательна непринужденной легкостью общенія между людьми. Однимъ изъ самыхъ любопытныхъ и красивыхъ проявленій этой легкости было до войны образованіе группъ вокругъ бродячихъ музыкантовъ, пріучающихъ толпу къ новымъ пѣснямъ. Стоитъ появиться пѣвцу въ сопровожденіи скрипача или гитариста на перекресткѣ или тротуарѣ, какъ вокругъ нихъ немедленно вырастаетъ большое правильное кольцо любителей, которые сначала выслушиваютъ мелодію, потомъ раскупаютъ ноты, хоромъ повторяютъ пѣсню по нѣсколько разъ, чтобы, разойдясь, разнести ее по всѣмъ закоулкамъ Парижа.

Теперь появленіе такихъ пѣвцовъ запрещено. «Почему?» — вопро-

шаетъ парижанинъ. — «Мы миримся, какъ съ необходимымъ зломъ, съ воспрещеніемъ митинговъ и манифестацій, но пѣсня?.. И при томъ пѣсня невиннаго свойства, въ которой воспѣвается прелесть возлюбленной или доблесть нашихъ poilus?...» И, однако, нельзя.

Передъ самымъ отъѣздомъ я наблюдалъ на Большихъ Бульварахъ любопытную сцену такого изгнанія пѣсни изъ парижскаго быта. Три смѣльчака-музыканта вздумали продемонстрировать новую патріотическую пѣсню явочнымъ порядкомъ. Вокругъ нихъ, конечно, немедленно же образовалось большое правильное кольцо, по которому всегда можно издалека узнать музыкальную сходку. Первый куплетъ прошелъ къ большому удовольствію публики благополучно, но исполненіе второго было прервано появленіемъ нѣсколькихъ дюжихъ «ажановъ», которые немедленно арестовали пѣвцовъ, предложивъ публикѣ въ достаточно энергической формѣ разойтись. Публика молчаливо повиновалась, но по недоумѣвающимъ взглядамъ, по ироническимъ пожиманіямъ плечъ и короткимъ, но очень выразительнымъ репликамъ можно было отчетливо видѣть, что она не понимаетъ, не можетъ добровольно пріять это вмѣшательство въ ея интимную жизнь и поэтому недовольна.

Парижане, какъ я уже указалъ выше, примирились съ цензурой газетъ, но они въ равной степени отказываются понять, почему газетчикамъ воспрещено выкрикивать не только сенсаціонныя новости, но даже самыя названія изданій. Это неудобно, потому что парижскія улицы велики, и не всегда замѣтишь «камло», который мчится съ пачкой свѣжихъ газетъ подъ мышкой. Это неудобно и непонятно, потому что разъ газета выпущена, значитъ она прошла сквозь цензурный строй и, стало быть, въ стратегическомъ отношеніи обезврежена. «Крики газетчиковъ волнуютъ толпу», говорятъ изобрѣтатели этого очередного скорпіона. Парижане недоумѣвающе пожимаютъ плечами и иронически спрашиваютъ: «Развѣ мы дѣти или истерическія дѣвицы?»

Еще одинъ примѣръ. Недостатокъ угля и позднѣе налеты цеппелиновъ привели къ тому, что съ самаго начала войны Парижъ по вечерамъ, я не говорю уже о ночи, погруженъ почти въ полную темноту. Парижане не могутъ пойти въ кафе, потому что они заперты, но имъ предоставлено право ходить другъ къ другу въ гости, посѣщать кинематографы и театры. Однако, не всякій рискнетъ выйти на улицу въ такую темноту: одни боятся свернуть себѣ шею, другіе остерегаются апашей. И вотъ начинается тщательный анализъ дѣйствительности. Нужно наводить экономію въ углѣ? Хорошо. Гасите огни къ $11^1/_2$ часовъ, когда кончается театральная и кинематографическая жизнь. Необходимо предохранить городъ отъ налетовъ цеппелиновъ? Прекрасно. Приглушите огни такъ, чтобы сверху они не были видны, умножьте и усильте сторожевые посты; дѣлайте, что хотите, но не создавайте обстановки, которая даетъ самые отрицательные результаты! А

между тѣмъ дѣло безусловно идетъ къ этому, потому что число несчастныхъ случаевъ, благодаря почти абсолютной темнотѣ по вечерамъ и ночью, возрастаетъ въ угрожающей прогрессіи. И совершенно права была газета «L'Oeure», которая недавно не безъ язвительности вопрошала парижскую префектуру, учитываетъ ли она, что число жертвъ искусственнаго мрака грозитъ опередить тѣ несчастія, которыя приносятъ собою цеппелины.

Я не берусь утверждать, что въ общемъ и цѣломъ всѣ парижане проявляютъ склонность къ обобщенію перечисленныхъ и аналогичныхъ съ ними ограниченій свободности ихъ общежитія. Нѣмецкая армія все еще стоитъ въ двухдневномъ переходѣ отъ Парижа, и это угнетающе дѣйствуетъ на работу скептицизма. Но тѣмъ не менѣе мысль работаетъ, и есть не мало признаковъ, на основаніи которыхъ можно нащупать начало такого обобщающаго процесса. Демократическая масса начинаетъ постепенно и вполнѣ осязательно ощущать, что надъ нею производится въ широкомъ масштабѣ экспериментъ распыленія, и, вѣроятно, ей не потребуется особыхъ усилій, чтобы въ ближайшемъ будущемъ осознать его результаты и подыскать для него достаточно опредѣленную формулировку.

Да и сейчасъ уже, собственно, результаты этого эксперимента во многихъ случаяхъ выяснились настолько отчетливо, что нерѣдко при обсужденія ихъ бо́льшее вниманіе обращается на мотивы, чѣмъ на самый фактъ, слишкомъ бросающійся въ глаза, чтобы его можно было бы оспаривать. При этомъ, что вполнѣ естественно, коллективная мысль направляется преимущественно по линіи наименьшаго сопротивленія: такъ какъ война неизбѣжно влечетъ за собою извѣстныя ограниченія правъ гражданина, то вполнѣ понятно, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ бюрократическое начало начинаетъ проявлять «излишнюю ревность», пользуясь ослабленіемъ контроля со стороны демократіи. Но эти досадныя «излишества» бюрократіи еще не ставятся въ связь съ общей тенденціей, которая настолько скрыта подъ официальными лозунгами войны, что необходима дѣйствительно большая смѣлость мысли, чтобы высвободить ее изъ плѣна и поставить анализъ ея на реальную почву. Въ дѣйствительности французскіе бюрократы, подчиняясь общимъ директивамъ, не только предаются «излишествамъ», но въ то же время и проводятъ опредѣленную внутреннюю политику, которая находится въ тѣсной связи съ многочисленными мѣропріятіями общегосударственнаго характера, подготовляетъ благопріятную почву для рецидива минувшихъ временъ путемъ энергичнаго распыленія массъ, ослабленія общественныхъ навыковъ и организаціонныхъ наклонностей.

Тѣ пріемы, съ помощью которыхъ правительственный бюрократическій механизмъ достигаетъ этой цѣли по отношенію къ французамъ, естественно, примѣняются въ сугубой степени и къ иностранцамъ, проживающимъ во Франціи въ качествѣ «союзниковъ», и особенно къ тѣмъ, которые въ силу различныхъ причинъ вынуждены оставить ея предѣлы, для того

чтобы переѣхать въ другое союзное государство, напримѣръ, Англію или Россію.

Русскимъ читателямъ уже извѣстно, что съ самаго начала войны ихъ соотечественники были подвергнуты во Франціи тщательной анкетѣ и регистраціи. Одновременно съ этимъ всѣ они, наряду съ другими иностранцами, какъ alliés, такъ и neutres, были обязаны запастись особыми видами на жительство, снабженными ихъ фотографическими карточками. Каждый иностранецъ, мѣняющій мѣсто жительства, хотя бы даже въ предѣлахъ даннаго квартала, обязанъ немедленно сообщить объ этомъ въ комиссаріатъ. Это, такъ сказать, офиціально-регулярныя мѣры. Кромѣ нихъ, существуютъ еще и специфическія, направленныя противъ иностранцевъ, какъ матеріала, удобнаго для возбужденія узко-національныхъ страстей, о которыхъ по нѣкоторымъ соображеніямъ мы не станемъ распространяться, но которыя въ послѣднемъ счетѣ приводятъ къ такимъ же результатамъ, какъ и вся система распыленія массъ, о которой мы говорили выше. Всѣ эти мѣры рѣзко расходятся съ обычной свободою проживанія иностранцевъ во Франціи, и для объясненія ихъ имѣется опять строго фиксированный мотивъ: «Этого требуетъ война намъ и самимъ это неудобно, но ничего не подѣлаешь!» ... Съ того момента, какъ у иностранца оказывается необходимость оставить предѣлы Франціи, начинается дальнѣйшее изощреніе этого мотива, и при томъ уже не въ узко національномъ, а въ интернаціональномъ масштабѣ. Нѣсколько деталей дадутъ достаточно ясное представленіе о томъ, какимъ путемъ это достигается.

II.

Съ самаго же начала я долженъ отмѣтить, что роль русскаго консульства въ Парижѣ,—а всѣ ѣдущіе въ Россію неизбѣжно направляются черезъ этотъ центръ, — сведена за послѣднее время къ минимуму, поскольку дѣло идетъ о главной формальности, т. е. о визѣ паспортовъ. Если у путешественника есть этотъ драгоцѣнный документъ, безъ котораго онъ вообще несчастнѣйшій изъ смертныхъ, ему стоитъ только явиться въ консульство, уплатить 3 франка за гербовую марку, и все готово: никакихъ вопросовъ о вѣроисповѣданіи, объ отношеніи къ воинской повинности, никакихъ изученій физіономіи для внесенія въ паспортъ традиціонныхъ данныхъ о цвѣтѣ глазъ, волосъ и проч. Словомъ, удивительная упрощенность, способная привести къ опредѣленному скептицизму, который немедленно же справдывается, какъ только будущій мытарь попадаетъ въ парижскую префектуру для дальнѣйшей визы его паспорта.

Здѣсь ему, прежде всего, предлагаютъ заполнить многочисленные пункты опроснаго листа, при чемъ наиболѣе трудными являются объясненія, зачѣмъ именно путешественникъ отправляется на родину, а также указаніе на

двухъ лицъ изъ среды крупныхъ промышленниковъ, банкировъ или общественныхъ дѣятелей, которыя могли бы дать о немъ положительный отзывъ. Послѣ выполненія этихъ формальностей просителю предлагаютъ отправиться домой и ждать особаго приглашенія для визы. Послѣдняя же можетъ быть дана лишь въ томъ случаѣ, если результаты особой полицейской анкеты окажутся для него благопріятными.

Мнѣ неизвѣстны случаи, когда на основаніи такого изслѣдованія кому-нибудь было отказано въ разрѣшеніи выѣхать изъ предѣловъ Франціи; и я сомнѣваюсь, чтобы такіе случаи вообще имѣли мѣсто, прежде всего, потому, что, если бы данное лицо было дѣйствительно подозрительно, по своимъ отношеніямъ къ германскому правительству, то его засадили бы въ тюрьму или отправили въ концентраціонный лагерь, не дожидаясь, покуда онъ проявитъ желаніе уѣхать изъ Франціи. Но зато анкета получитъ достаточный смыслъ, если къ ней отнестись, какъ къ средству, которое должно дать распыляющій результатъ, т. е. продолжить внутреннюю бюрократическую политику до самой границы и даже придать ей международный характеръ.

Анкета обычно длится 6—8 дней. Непосредственно послѣ перваго посѣщенія префектуры путешественникъ долженъ отправиться въ Permit Office — особое контрольное бюро при англійскомъ консульствѣ. Здѣсь его снова заставляютъ отвѣтить на рядъ анкетныхъ вопросовъ, причемъ любознательность чиновниковъ доходитъ до курьеза. Мнѣ, напримѣръ, предложили въ очень вѣжливой, но въ то же время достаточно настойчивой формѣ, не только дать названія журналовъ, въ которыхъ я сотрудничаю, но также назвать тѣ вопросы, которыми я занимаюсь, и даже перечислить темы нѣкоторыхъ напечатанныхъ мною работъ. Какъ и въ префектурѣ, наибольшее число сомнѣній и недоразумѣній вызываютъ два вопроса. Первый — относительно цѣли возвращенія на родину. Указаніе на *родину*, не требующее другихъ объясненій, приводитъ англійскихъ чиновниковъ въ состояніе плохо скрываемой раздражительности.

— Хорошо, — отвѣчаютъ они несговорчивому мытарю, — но вотъ, вы пробыли во Франціи цѣлыхъ четыре года и не проявляли особой готовности вернуться. Почему же именно теперь у васъ появилась такая охота, какъ разъ въ такое время, когда дорога стоитъ такъ много и при томъ совершенно не безопасна?

Итакъ, россійскій гражданинъ долженъ дать детальныя объясненія англійскому чиновнику на предметъ возвращенія въ свою родину,—объясненія, которыхъ въ русскомъ консульствѣ у него не спрашивали. Почему? Потому ли, что послѣднее стало либеральнѣе англійскаго, или просто потому, что контроль надъ россійскими гражданами перешелъ цѣликомъ въ руки французскаго и англійскаго правительствъ?

Второй вопросъ еще сложнѣе, такъ какъ для разрѣшенія его требуется

указаніе на двухъ извѣстныхъ и вполнѣ благонадежныхъ лицъ изъ имущихъ слоевъ, которыя могли бы дать благопріятный отзывъ о путешественникѣ. Я лично не былъ въ состояніи дать такого указанія, такъ какъ не зналъ, насколько случайныя знакомства могли въ данномъ случаѣ пригодиться; французы вообще не легко сходятся съ иностранцами, быстро забываютъ ихъ варварскія фамиліи, и поэтому импровизированнымъ указаніемъ можно было скорѣе повредить, чѣмъ помочь дѣлу. Учитывая эту возможность, я и рѣшилъ сослаться на своего консьержа. Фамилія его была тщательно занесена чиновникомъ въ мой статейный списокъ, но когда затѣмъ обнаружилось низменность соціальнаго положенія моего поручителя, чиновникъ бросилъ ручку, откинулся на спинку кресла и, скрестивъ руки, сухо заявилъ:

— Но вы напрасно шутите, мсье! Мы связаны опредѣленными правилами и не можемъ ихъ нарушать. Консьержъ не годится! Вы съ нами поступаете, какъ тотъ американецъ, съ которымъ мы вчера провозились цѣлый день... Онъ просто отказался указать намъ имена уважаемыхъ лицъ на томъ основаніи, что какъ американскій гражданинъ, онъ самъ ручается за себя... Но все-таки мы заставили его подчиниться нашимъ правиламъ.

Мое положеніе было безвыходное, и выручила меня лишь корреспондентская карта отъ «Записокъ *Императорскаго* Техническаго Общества», засвидѣтельствованная у французскаго консула въ Петроградѣ, о которой я совершенно случайно вспомнилъ.

— А, это другое дѣло! Нужно было начать съ этого... Если у васъ будутъ какія-нибудь затрудненія или недоразумѣнія при проѣздѣ черезъ Англію (за другія страны я не ручаюсь, не безъ гордости прибавилъ чиновникъ), вамъ стоитъ только предъявить этотъ документъ...

Итакъ, меня вывезла бумага съ гербомъ и консульская печать, но сколько путешественниковъ покидаетъ Францію безъ такого документа и безъ знакомства съ вліятельными банкирами, промышленниками и общественными дѣятелями!

Вотъ любопытная иллюстрація. Въ Permit Office (парижскій, о лондонскомъ рѣчь будетъ впереди) является русская дама. Она родомъ изъ Сибири. Долго жила въ Парижѣ, въ Лондонѣ познакомилась съ англійскимъ офицеромъ, стала его невѣстой и теперь направляется въ Саутгемптонъ, чтобы тамъ встрѣтиться съ женихомъ и вмѣстѣ съ нимъ уѣхать въ... Бомбей, куда онъ получилъ назначеніе. Англійскій чиновникъ рѣшительно отказываетъ ей въ визѣ паспорта на томъ основаніи, что подлинность письма, въ которомъ ея женихъ приглашаетъ ее выѣхать немедленно, чтобы не опоздать на пароходъ, не засвидѣтельствована нотаріальнымъ порядкомъ!

И все-таки спустя 8 дней послѣ начала консульской кампаніи на паспортѣ послѣдовательно, рядомъ съ русской визой, появляется печать парижской префектуры, затѣмъ англійскаго вице-консула, затѣмъ шведскаго

и норвежскаго консуловъ, которыми, впрочемъ, никто и нигдѣ не интересуется, что не мѣшаетъ имъ оцѣнивать свои визы по 5 съ лишнимъ франковъ за штуку, въ то время, какъ русская стоитъ 3 франка, англійская 2 шиллинга, а французская дается безплатно.

Черезъ 3 дня,—ибо по истеченіи этого срока всѣ визы теряютъ свою силу, и хожденія должны начаться снова,—я, наконецъ, на вокзалѣ. Пассажировъ пропускаютъ къ поѣзду послѣ осмотра паспортовъ. Посторонней публики не допускаютъ вовсе.

Въ вагонѣ свободно. Рядомъ со мной — бельгійскій офицеръ, весь въ голубомъ, съ пышной русой бородой и воспаленными отъ безсонницы глазами. Онъ прекрасно говоритъ по-англійски, недурно объясняется по-русски, не безъ гордости заявляетъ, что очень увлекается изученіемъ японскаго языка, неистощимо веселъ, очень практиченъ и старается какъ можно меньше говорить о войнѣ. Напротивъ насъ какой-то странный субъектъ съ желѣзнымъ крючкомъ вмѣсто руки. Офицеръ ѣдетъ на побывку къ родственникамъ въ Лондонъ, гдѣ разсчитываетъ хорошо выспаться послѣ трехъ безсонныхъ ночей. «Теперь, — заявляетъ онъ съ лукавой усмѣшкой, — это самое главное въ моей жизни». Человѣкъ съ крючкомъ ѣдетъ въ Ливерпуль; у него въ карманѣ «кодакъ», которымъ онъ щелкаетъ каждый разъ, когда мы проѣзжаемъ мимо какого-нибудь живописнаго мѣста.

— Снимите-ка вотъ это, тамъ за поворотомъ... Отличная старинная церковь! — совѣтуетъ ему офицеръ и ехидно прибавляетъ: — Только осторожнѣе! Если замѣтятъ, вамъ и вмѣсто головы придется пирдѣлать себѣ крючокъ.

Къ вечеру, послѣ ряда непредвидѣнныхъ остановокъ, поѣздъ подходитъ къ перрону Гаврскаго вокзала. Здѣсь снова просмотръ паспортовъ, бѣглый опросъ англійскимъ чиновникомъ, а затѣмъ всѣ пассажиры отправляются въ особомъ трамваѣ на пристань, гдѣ въ особомъ баракѣ происходитъ осмотръ вещей; затѣмъ освобожденіе пассажировъ отъ золотой монеты путемъ принудительнаго обмѣна ея на бумажныя деньги; наконецъ, новая виза паспорта въ особомъ бюро. Къ коллекціи печатей прибавляется еще одна Commissariat special de police. Le Hayre.

Ровно въ полночь небольшой пароходъ медленно, словно нехотя, отходитъ отъ пристани. Въ то же время по другую сторону гавани быстро убѣгаютъ въ тѣмноту маленькіе огоньки.—Это миноносцы, а, можетъ быть, и наши подводныя лодки, — объясняетъ мнѣ маленькій, сухощавый кюре, успѣвшій перемѣнить корытообразную шляпу на удобную каскетку и сразу превратившійся въ англичанина, — они будутъ насъ сопровождать всю дорогу и защищать отъ нѣмецкихъ субъ-маринъ.

И это—единственное упоминаніе о возможной опасности за весь переѣздъ черезъ Ламаншъ, который вмѣсто обычныхъ $2^1/_2$—3-хъ часовъ длится

теперь восемь. Пассажиры спускаются внизъ, ужинаютъ, укладываются спать, какъ ни въ чемъ не бывало. Никто даже не спрашиваетъ, гдѣ находятся спасательные пояса, а пароходная администрація не считаетъ нужнымъ ознакомить съ ними пассажировъ. Увѣренность въ томъ, что опасности нѣтъ, или такая привычность къ ней, что пропадаетъ всякій интересъ къ предосторожностямъ? Все-таки странное существо человѣкъ!

Пароходъ мѣрно рѣжетъ волны, слегка покачиваясь и дѣлая каждыя нѣсколько минутъ виражи зигзагомъ. Это очень удлиняетъ путь, но, какъ объясняетъ капитанъ, такъ легче уйти отъ торпеды. Къ утру мы идемъ уже вдоль англійскаго берега, минуемъ плавучій маякъ, похожій на пирамиду, старый броненосецъ, превращенный въ военный госпиталь, и медленно причаливаемъ къ Саутгемптонской пристани, гдѣ насъ ждетъ очередное испытаніе.

Пассажиры сначала проходятъ мимо стола, у котораго сдаютъ свои квитанціи. Затѣмъ ихъ направляютъ съ ручнымъ багажемъ въ особую комнату, гдѣ часть пропускается въ таможню послѣ простого осмотра паспортовъ. Эти счастливцы—англичане или французы. Иностранцевъ переводятъ въ новую комнату, откуда ихъ по одному вызываютъ передъ лицо контрольнаго трибунала. Процедура тянется утомительно долго. Нѣкоторыхъ держатъ по полчаса, подвергаютъ самому придирчивому допросу, стараясь всячески сбить, обыскиваютъ съ ногъ до головы, роются въ волосахъ и т. д. Другихъ освобождаютъ скорѣе.

Мой паспортъ не понравился толстому офицеру съ маленькими острыми глазками.

— Вашъ паспортъ устарѣлъ, — заявилъ онъ мнѣ самымъ безапелляціоннымъ тономъ.

— По русскимъ законамъ, — объясняю ему, — заграничный паспортъ имѣетъ силу въ теченіе пяти лѣтъ. Моему, стало быть, остается еще четыре мѣсяца.

— Это для Россіи, а для Англіи онъ устарѣлъ.

Смотрю на него съ изумленіемъ, но ничего не отвѣчаю. Толстый офицеръ, повидимому, чувствуетъ себя вправѣ вносить спеціальныя поправки въ русскую паспортную систему.

— Мы задержимъ вашъ паспортъ и перешлемъ въ лондонскій Permit Office, тамъ разберутъ, какъ съ вами поступить.

Затѣмъ начинается форменный допросъ по всѣмъ пунктамъ: кто, откуда, куда, зачѣмъ и т. д. На вопросъ о профессіи предъявляю магическую корреспондентскую карту. Увы, парижскій чиновникъ изъ Permit Office ошибся въ своей оцѣнкѣ этого документа. Онъ не производитъ никакого впечатлѣнія на Саутгэмптонскій трибуналъ, и допросъ доходитъ до логическаго завершенія. Затѣмъ мнѣ вручаютъ квитанцію вмѣсто паспорта,

пропускаютъ сквозь таможню, откуда я попадаю въ распоряженіе диккенсовскаго кучера съ ветхозавѣтной каретой и совершенно дохлой клячей.

Часа черезъ два мы въ Лондонѣ. Хорошій путешественникъ, у котораго бумажникъ всегда въ добродушномъ настроеніи, останавливается въ Лондонѣ въ «особо рекомендованныхъ» отеляхъ. Здѣсь можно основательно отдохнуть и на практикѣ познакомиться съ особенностями настоящаго англійскаго комфорта. Публика попроще, каждый вечеръ подводящая итоги своему бюджету и съ ужасомъ констатирующая, что безжалостный военный режимъ уничтожаетъ всякую систему въ расходахъ, обычно останавливается въ мелкихъ отеляхъ, среди которыхъ едва ли не первую роль играетъ Mills Hotel (128, Gower Street). Его знаютъ всѣ, потому что агентства Кука и Берка неизмѣнно даютъ этотъ адресъ всякому путешественнику, имѣющему несчастье ѣхать третьимъ классомъ. Кромѣ того, сюда же парижское русское консульство направляетъ всѣхъ путешественниковъ, ѣдущихъ на казенный счетъ, точнѣе на средства выдаваемыя имъ въ ссуду подъ особую расписку съ присовокупленіемъ нѣкоторыхъ довольно стѣснительныхъ для самолюбія обрядностей.

Mills Hotel — это вавилонское смѣшеніе языковъ и нравовъ, причудливое сочетаніе англійскаго, бельгійскаго, русскаго, польскаго, еврейскаго, армянскаго и другихъ колоритовъ. Но главный тонъ задаютъ здѣсь все-таки русскіе, поведеніе которыхъ съ англійской точки зрѣнія есть сплошное чудачество. Они не желаютъ ѣсть по утрамъ поджаренную жирную ветчину; они требуютъ къ столу салфетки; жиденькій супъ ими рѣшительно отвергается; по вечерамъ они играютъ въ карты и все время громко хохочутъ и разговариваютъ; когда всѣ добропорядочные англичане идутъ спать, эти варвары требуютъ содовую воду и лимонадъ; упаковка ихъ вещей небрежна; если автомобиль немного запоздаетъ къ отъѣзду на вокзалъ, русскіе приходятъ въ такое волненіе, на какое не способенъ англичанинъ даже въ минуту самой ужасной катастрофы... Странный, чудной народъ, эти русскіе! И при томъ почти каждый изъ нихъ разсказываетъ про себя такія диковинныя исторіи, что какъ-то даже не вѣрится.

Вотъ эта томная дѣвица, всегда скучающая и не знающая, куда дѣваться, ѣдетъ изъ Саратова, гдѣ она всегда живетъ, черезъ Швецію, Норвегію и Англію въ... Трансвааль. Зачѣмъ? Въ гости къ родственникамъ.

— Но, вѣдь, это же опасное путешествіе, которое лучше было бы отложить до конца войны!

— Ничего...

— Но, вѣдь, васъ можетъ потопить любая шальная мина?

— Ну, и пусть...

— Но, вѣдь, вы тамъ все равно не уживетесь, тамъ совсѣмъ другая культура, тамъ скучнѣе еще, чѣмъ въ Саратовѣ!

— А не уживусь, поѣду обратно.

— Какъ! снова такой путь и въ такое время?

— Ну, такъ что жъ!

Объясните это англичанину, когда и русскій не всякій пойметъ, что за бѣсъ сидитъ въ этой съ виду флегматичной, неподвижной дѣвушкѣ!

Номеръ второй. Недавно, т. е. до войны, самый рядовой штурманъ берегового плаванія по Каспійскому морю. Теперь ему захотѣлось воздуха. Сдалъ въ Англіи однимъ изъ первыхъ экзаменъ на пилота, ждетъ отправки съ аппаратомъ моремъ на Архангельскъ, а покуда бѣгаетъ по Лондону, скупаетъ на послѣднія вороха цвѣтовъ и молится на нихъ въ своей комнатѣ, убѣждая всѣхъ, что лучше цвѣтовъ нѣтъ ничего на свѣтѣ, и что женщинъ онъ любитъ только потому, что онѣ похожи на цвѣты. Кто загналъ этого сантиментальнаго романтика сюда, какой бѣсъ? А, вѣроятно, тотъ же самый, который увлекъ и томную дѣвицу въ Трансвааль. Россія такъ огромна и многообразна, а ихъ все-таки куда-то швыряетъ, и при томъ какъ можно подальше!

Дальше — сильно прихрамывающая дама, вся въ черномъ. Ѣдетъ изъ Рима. У нея усталое, но всегда спокойное лицо. А между тѣмъ она за короткое время перенесла столько потерь, что ихъ съ успѣхомъ хватило бы на добрую дюжину крѣпко нервныхъ людей. Умеръ мужъ, убито двое племянниковъ, опасно заболѣла мать, сама сломала ногу. Подъ Парижемъ въ поѣздѣ упала въ обморокъ. Ее вытащили изъ вагона на перронъ, но всѣ вещи уѣхали дальше и исчезли. Пропало все до послѣдней нитки, до послѣдняго гроша. Изъ Парижа ѣдетъ на казенный счетъ. Въ рукахъ кожаная сумочка и корзинка съ фруктами. Это все ея богатство. Такъ она свершитъ свой путь отъ Парижа до Бессарабіи, повергая въ полное недоумѣніе таможенный дозоръ, потому что ему не въ чемъ рыться. Такое стеченіе обстоятельствъ: не въ чемъ рыться!

И много, много такихъ своеобразныхъ представителей россійской культуры проходятъ черезъ Mills Hotel, суетится, наводитъ справки, бѣгаетъ по различнымъ учрежденіямъ, дѣлаетъ всевозможныя ошибки, негодуетъ и исчезаетъ, уступая мѣсто новымъ и новымъ пришельцамъ. Сейчасъ же по пріѣздѣ въ Лондонъ жителю Mills Hotel'я—будемъ считать это имя нарицательнымъ для всѣхъ гостиницъ, гдѣ останавливается публика побѣднѣе,—приходится снова заполнять опросный листокъ, въ которомъ, кромѣ обычныхъ пунктовъ, есть еще вопросы о возрастѣ и объ отношеніи къ воинской повинности. Этотъ листокъ остается въ отелѣ, какъ память о путешественникѣ и матеріалъ для справокъ изъ полиціи. На слѣдующій день испытуемому предстоитъ визитъ въ Permit Office, гдѣ его снова подвергнутъ самому тщательному экзамену, послѣ чего предложатъ вернуться черезъ четыре дня.

Когда я заявился туда за своимъ паспортомъ, чиновникъ мнѣ сообщилъ, что онъ еще не полученъ изъ Сауттэмптона, и предложилъ зайти на слѣ-

дующій день. Во второй разъ мнѣ заявили, что паспортъ полученъ и что онъ былъ задержанъ по недоразумѣнію, по ошибкѣ. Мнѣ тутъ же его вручили съ предложеніемъ отправиться въ комиссаріатъ моего участка и прописаться. Здѣсь я снова долженъ былъ отвѣтить на рядъ до смерти надоѣвшихъ вопросовъ, послѣ чего почувствовалъ значительное родство съ попугаемъ. Простые вопросы, но когда на нихъ приходится отвѣчать почти каждый день, и когда знаешь, что это вовсе не нужно, что это никого ни отъ чего не спасаетъ, все это, въ концѣ концовъ, унижаетъ и совершенно отбиваетъ охоту двигаться съ мѣста!

На паспортѣ появляется новый штемпель — участковый, послѣ чего необходимо снова идти, — это уже въ третій разъ, — въ Permit Office. Здѣсь опять длительный разговоръ о томъ, зачѣмъ я изъ Россіи уѣхалъ во Францію, зачѣмъ изъ Франціи я ѣду въ Россію, почему я — литераторъ, пишущій статьи въ толстыхъ журналахъ, почему я не имѣю ученой степени, что приводитъ чиновника въ искреннее изумленіе. Выходъ изъ этого затрудненія онъ находитъ въ настойчивой просьбѣ перечислить названія напечатанныхъ мною статей—не всѣхъ, конечно, но хотя бы самыхъ главныхъ. Послѣ этого на паспортѣ появляется новое клеймо: Permit Office разрѣшаетъ мнѣ выѣхать изъ Англіи, предупреждая, что я не долженъ брать съ собою чужихъ писемъ, посылокъ, золота и т. п. Отсюда я отправляюсь въ русское консульство, которое снова визируетъ мой паспортъ и опять-таки безъ всякихъ разговоровъ.

III.

Еще пара-другая дней для осмотра Лондона, который въ общемъ скорѣе оглушаетъ, чѣмъ удовлетворяетъ, и оставляетъ послѣ себя странное ощущеніе чего-то слишкомъ большого, слишкомъ шумнаго, слишкомъ непосильнаго для слабой нервной организаціи человѣка; а затѣмъ уютный опрятный вагонъ III класса, способный съ успѣхомъ выдержать сравненіе съ вагонами II класса на континентѣ. Отъ Лондона до Ньюкастля, гдѣ начинается вторая часть нашего путешествія, нѣсколько часовъ. Дорога все время идетъ по уютнымъ долинамъ, окаймленнымъ волнистыми линіями холмовъ. Однако, нельзя сказать, чтобы смѣна пейзажа была разнообразна. Колоритъ почти повсюду одинъ и тотъ же: зелень, небольшія группы домиковъ, окруженныхъ садами, купы деревьевъ, разбросанныя повсюду и смягчающія однообразіе полей, — обычный англійскій пейзажъ, къ которому глазъ уже давно привыкъ въ картинныхъ галлереяхъ...

Въ Ньюкастлѣ одинъ изъ вездѣсущихъ агентовъ Кука усаживаетъ насъ въ автомобиль, и черезъ нѣсколько минутъ мы на пристани въ огромномъ холодномъ сараѣ, загроможденномъ ящиками, бочонками, кулями. Маленькій юркій человѣкъ, хорошо говорящій по-русски, раздаетъ путешественникамъ опросные листки, на этотъ разъ почему-то по два на каждаго,

Затѣмъ, послѣ тщательнаго осмотра вещей, мы поднимаемся по грязной крутой лѣстницѣ въ пароходное бюро, гдѣ особая комиссія подвергаетъ насъ по очереди новому испытанію. Вопросы, которые намъ предлагаютъ здѣсь, все тѣ же; мы только что дали отвѣты на нихъ въ анкетныхъ листкахъ. Нужно, однако, прибавить, что время отъ времени члены комиссіи обнаруживаютъ и дополнительную любознательность, которая могла бы дать обильную пищу для юмориста. Въ заключеніе нѣкоторыхъ изъ пассажировъ, показавшихся почему-либо «подозрительными», тщательно обыскиваютъ, ощупываютъ съ ногъ до головы, выворачиваютъ карманы, словомъ — продѣлываютъ процедуру, которую никакъ не удается примирить съ обычными представленіями объ англійской свободѣ.

Сарай находится на самомъ берегу, и заднія ворота его ведутъ прямо къ пароходу. У сходней стоитъ капитанъ и снова провѣряетъ паспорта.

Наконецъ, мы на пароходѣ!

Нашъ «Iris» — небольшое суденышко, довольно опрятное, съ чистыми каютами и комфортабельной каютъ-компаніей. Среди своихъ шести собратьевъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ очередной день отхода, оно не самое лучшее, и публика вообще старается попасть на пароходы болѣе крупные и быстроходные, а потому и менѣе подверженные качкѣ, какъ, напримѣръ, «Haakon VII» или «Hercules». Но это далеко не всегда удается, такъ какъ, во-первыхъ, далеко не для всѣхъ хватаетъ мѣстъ, а, во-вторыхъ, публика въ значительной степени ставится въ зависимость отъ выполненія особыхъ предписанныхъ и на этотъ случай формальностей въ Парижѣ и Лондонѣ. Только благодаря этому и на долю маленькихъ пароходовъ перепадаетъ по нѣсколько десятковъ пассажировъ, въ числѣ которыхъ оказалась и наша партія.

Покуда заканчивается нагрузка и выполненіе различныхъ пароходныхъ формальностей, пассажиры I класса получаютъ ужинъ въ каютъ-компаніи. Обитатели II и III классовъ, т. е. именно тѣ, кто больше всего въ этомъ нуждается, получаютъ довольствіе лишь съ утра слѣдующаго дня. Намъ, впрочемъ, послѣ переговоровъ съ капитаномъ все-таки предложили чай съ холодной закуской.

Ровно въ полночь къ «Ирису» подходитъ маленькій тяжелый буксирный пароходъ, передаетъ ему канатъ и медленно поворачиваетъ его въ узенькомъ каналѣ носомъ къ выходу. Нѣсколько гулкихъ отрывистыхъ свистковъ, вода вскипаетъ подъ винтомъ, и черное зданіе таможеннаго сарая начинаетъ постепенно сливаться со мглой.

Холодно. Свѣжій морской вѣтеръ забирается подъ наглухо застегнутое пальто, всячески норовитъ сорвать шляпу, относитъ въ море слова. Матросы, снующіе по палубѣ, приглашаютъ пассажировъ спуститься внизъ. Огни на пароходѣ быстро исчезаютъ одинъ за другимъ. Впереди 36 часовъ странствованія по волнамъ Сѣвернаго моря, если только оно не будетъ пре-

рвано шальною миной или сознательной торпедой. Думаетъ ли кто-нибудь объ этой возможности? Трудно, конечно, узнать, что дѣлается у каждаго въ душѣ, но никто объ этомъ не говоритъ, быть можетъ, потому, что на очереди гораздо болѣе важный вопросъ: морская болѣзнь.

Выходъ въ открытое море ощущается совершенно отчетливо даже въ каютѣ. Легкія вздрагиванія парохода отъ удара винта исчезаютъ подъ нервными перебоями волнъ. Начинается характерное раскачиваніе всего корпуса, вызывающее своеобразное ощущеніе безпомощности. Чувствуется, что наша хрупкая скорлупа попала во власть могучей стихіи, отъ которой уйти некуда: надо терпѣть и баста! А изъ каютъ уже доносятся первые отзвуки ужасной симфоніи, которая вскорѣ разрастется и охватитъ весь пароходъ. Всякія мысли о подводныхъ лодкахъ исчезаютъ передъ этой болѣзнью, выворачивающей человѣка наизнанку. Публика стонетъ, взываетъ о помощи, корчится въ судорогахъ, лица покрываются смертельною восковою блѣдностью, прислуга суетится, бѣгаетъ по каютамъ съ коньякомъ, крѣпкимъ чаемъ, лимонами; бравый помощникъ капитана, стройный норвежецъ, безъ церемоніи врывается въ дамскія каюты и, свернувъ полотенца въ видѣ компрессовъ, туго перетягиваетъ таліи у мученицъ, увѣряя ихъ со спокойной улыбкой, что морская болѣзнь происходитъ отъ того, что качка слишкомъ треплетъ внутренности. Пассажиры, у которыхъ хватаетъ больше выдержки, борются изо всѣхъ силъ, но болѣзнь, въ концѣ концовъ, заражаетъ и ихъ, создаетъ особую разновидность перьной эпидеміи. На слѣдующее утро обширный столъ I класса совершенно пустуетъ, за столомъ II класса насъ только трое. Пароходная компанія немного теряетъ на такомъ продовольствіи пассажировъ.

Море живетъ. Волны играютъ, пляшутъ въ хороводахъ, выбрасываютъ пышные пѣнистые гребни, съ рокотомъ убѣгаютъ отъ бортовъ, вздымая облака тончайшихъ брызгъ. Не хватаетъ только наядъ и тритоновъ на этомъ безграничномъ беклиновскомъ фонѣ зеленоватыхъ подвижныхъ холмовъ. Одиночество нашего маленькаго суденышка подчеркивается полной пустынностью моря. Только на второй день мы прошли мимо кольца изъ нѣсколькихъ шкунъ, занятыхъ рыбною ловлей.

На второе утро волненіе стало успокаиваться. Изъ-за мохнатыхъ, сѣрыхъ тучъ, до сихъ поръ прикрывавшихъ небо и придававшихъ всему пейзажу мрачный пепельный оттѣнокъ, выглянуло солнце, осыпало гребни волнъ міріадами разноцвѣтныхъ блестковъ и бросило на палубу рѣзкія тѣни отъ угловъ, мачтъ и трубы. Стало сразу весело и спокойно. Страдальцы повылѣзали изъ каютъ перевести духъ. Палуба ожила, заговорила, засмѣялась. Вдали показались смутныя очертанія гористаго берега, и предвкушенія близости твердой почвы подняли общее настроеніе.

У входа въ шхеры море еще было неспокойно и довольно ощутительно раскачивало пароходъ, но въ этихъ каменистыхъ пескахъ оно сразу

успокоилось и присмирѣло. Не похожа даже на море эта безмятежная голубая поверхность, такъ послушно, словно безстрастное зеркало, отражающая въ себѣ и огненные снопы солнечнаго свѣта, и бѣлые взмахи чаячьихъ крыльевъ, и строгія четкія пятна вздутыхъ парусовъ, и неуклюжій, похожій на большую черепаху, кузовъ буксирнаго парохода. Только отъ носа нашего «Ириса», разбѣгаясь въ стороны, правильными закругленными пластами ложатся прозрачные валы, поддернутые тончайшей кружевной сѣтью пѣнистыхъ налетовъ, и напоминаютъ объ огромной скрытой силѣ стихіи, которая каждую минуту можетъ превратить неподвижную ласковую поверхность въ бурное сборище играющихъ и борющихся волнъ.

Подгоняемый ритмическими толчками винта, «Ирисъ» медленно скользитъ мимо живописныхъ скалистыхъ островковъ, гранитные угрюмые берега которыхъ смягчены красивымъ покровомъ земли. Повсюду маленькіе домики, садики. Женщины и дѣти, мужчинъ очень мало, машутъ платками. Не знаю,—потому ли, что публикѣ очень надоѣла суровая жизнь большихъ заграничныхъ городовъ, или потому, что она не таитъ въ своей душѣ особенно радужныхъ перспективъ въ ближайшемъ будущемъ, а можетъ быть, и просто потому, что она очень устала отъ морскихъ испытаній, — у всѣхъ одновременно просыпается какое-то странное однородное влеченіе къ этимъ тихимъ островкамъ, такъ мирно покоящимся на зеркальной поверхности морскихъ лагунъ.

— Вотъ этотъ островокъ я охотно бы купила, — задумчиво говоритъ молоденькая курсистка изъ Швейцаріи, закутанная въ пледъ и еще не оправившаяся отъ морскихъ страданій. — Здѣсь, должно быть, очень хорошо лѣтомъ, когда всюду такъ пыльно и жарко.

Дюжій солдатъ, бѣжавшій изъ нѣмецкаго плѣна и теперь возвращающійся снова на фронтъ, поддерживаетъ это скромное желаніе сочувственнымъ кивкомъ головы. Ему тоже хотѣлось бы здѣсь отдохнуть послѣ тѣхъ лишеній, которыя выпали на его долю.

— Конечно, земля здѣсь не Богъ вѣсть какая. Вишь, камень повсюду... Однакожъ, огородышко все-таки есть. Прожить, стало быть, можно,— произноситъ онъ дѣловитымъ тономъ.

И похоже, будто между нимъ и маленькой курсисткой протягивается тонкая нить общаго желанія и пониманія другъ друга.

Послѣдній крутой поворотъ, а жаль, потому что хочется ѣхать такъ до безконечности, и мы медленно подходимъ къ Бергенской пристани. Она совсѣмъ жалкая и вовсе не напоминаетъ важнаго пункта на большой дорогѣ теперешнихъ международныхъ сообщеній. Бергенъ наполовину разрушенъ пожаромъ. Всѣ многочисленныя гостиницы его переполнены погорѣльцами, и передохнуть отъ морского путешествія для средняго странника нѣтъ никакой возможности. Пришлось ограничиться отдыхомъ въ нѣсколько часовъ въ пансіонѣ у одной очень привѣтливой норвежки, которая насъ на-

кормила, позволила посидѣть въ чужой комнатѣ, убранной съ большимъ вкусомъ и уютной, какъ гнѣздышко, а затѣмъ отправляться на вокзалъ.

Первое, что бросается въ глаза при проѣздѣ черезъ Норвегію и Швецію, — это полное отсутствіе признаковъ войны. Люди живутъ, словно въ зачарованномъ царствѣ. Ни плакатовъ, ни солдатъ, ни офицеровъ, ни сестеръ милосердія, ни военныхъ обозовъ, ни траура... И нервы такъ охотно успокаиваются въ этой мирной обстановкѣ. Я говорю, конечно, о чисто внѣшнихъ впечатлѣніяхъ, потому что подъ этой спокойной оболочкой тоже бурлятъ страсти, возбужденныя очень близкимъ сосѣдствомъ пылающаго очага; но намъ, иностранцамъ, прикованнымъ къ окну вагона, онѣ не доступны и во благо, потому что и такъ всѣ мы устали отъ двухлѣтнихъ переживаній вблизи театровъ военныхъ дѣйствій.

Насъ завораживаетъ этотъ тихій, упрощенный темпъ жизни, почти патріархальной, пріуроченной къ земледѣльческому укладу, еще не успѣвшей основательно втянуться въ бурный водоворотъ городскихъ отношеній. Эти спокойныя, крестьянски-медлительныя движенія людей... Эти маленькіе домики, разбросанные всюду по скаламъ, словно гнѣзда... Узенькія шоссе... Игрушечныя станціи, похожія на санаторіи... Какъ все это отлично отъ большихъ дорогъ жизни, которыя привели насъ сюда и неумолимо поведутъ еще дальше къ новымъ ощущеніямъ, быть можетъ, еще болѣе острымъ и бьющимъ по нервамъ.

Въ нашемъ вагонѣ преобладаетъ русскій элементъ. Здѣсь нѣсколько интеллигентовъ, а остальные, ихъ около десятка, все рабочіе, среди которыхъ есть нѣсколько солдатъ, бѣжавшихъ изъ нѣмецкаго плѣна и отправляемыхъ изъ Франціи и Англіи на родину; наконецъ, нѣсколько рабочихъ-эмигрантовъ изъ Америки. До Бреста они ѣхали съ лошадьми для французской арміи на огромномъ океаническомъ пароходѣ, а оттуда ихъ переправили въ Англію для доставки въ Россію, въ качествѣ призывныхъ. На пароходѣ имъ было хорошо. Они ухаживали за лошадьми и за это получали отличную пищу и жалованье. Теперь имъ ѣдется тяжело. Питаются все время въ сухомятку. Спятъ кое-какъ, растянувшись, если мало пассажировъ, на скамьяхъ.

Въ Крыльбо, гдѣ начинается серія скучнѣйшихъ пересадокъ, почью въ нашемъ вагонѣ появляется молодой литовецъ съ женой и 4-ми дѣтьми, мальмала меньше. Ѣдетъ изъ Даніи, гдѣ все время работалъ на заводахъ и откуда ему предложили убраться, такъ какъ у него не оказалось паспорта. Пришлось бросить хозяйство, продать все за безцѣнокъ и двинуться въ путь. Въ вагонѣ сразу становится тѣсно, дѣти вертятся подъ ногами, ревутъ, ползаютъ по скамьямъ, падаютъ... Шведы удираютъ въ сосѣдній вагонъ II класса, объясняя кондуктору, что въ такой обстановкѣ они путешествовать не могутъ. Мы во время пересадокъ стараемся найти вагонъ поспокойнѣе, но роковымъ образомъ каждый разъ сталкиваемся съ этимъ шум-

нымъ питомникомъ. Жалко эту злополучную семью донельзя, но нервы изодраны, требуютъ покоя и плохо мирятся съ шумомъ и ревомъ.

Послѣ 2-хъ дней проѣзда вдоль Швеціи, почти все время живописными озерами, которыя непрерывно слѣдуютъ другъ за другомъ, словно бусы огромнаго ожерелья, мы подъѣзжаемъ къ крохотной конечной станціи Гапаранда, у русской границы, гдѣ насъ задерживаютъ, прежде всего, на «питательномъ пунктѣ», устроенномъ мѣстнымъ магистратомъ. Здѣсь для неимущихъ или малоимущихъ пассажировъ въ маленькой столовой приготовленъ прекрасный наваристый супъ съ ситнымъ хлѣбомъ и чай, при чемъ все продовольствіе отпускается безплатно; для публики побогаче имѣется платный буфетъ. Это очень важно, такъ какъ таможенный досмотръ на пограничномъ пунктѣ, куда насъ отправляютъ въ поѣздѣ послѣ обѣда, а затѣмъ посѣщеніе русскаго вице-консула — длятся довольно долго.

Шведскіе чиновники изслѣдуютъ багажъ весьма тщательно, интересуясь особенно тѣмъ, не везутъ ли съ собою пассажиры лѣкарства, напримѣръ, аспирина, морфія, опія и т. п. Русскій вице-консулъ (чувствуется близость центральнаго начальства) очень активно разбирается въ имущественномъ состояніи пассажировъ, изъявляющихъ желаніе продолжать путешествіе на казенный счетъ, и попутно дѣлаетъ экскурсію въ область политики, справляясь, не знакомъ ли проситель съ такимъ-то лицомъ за границей, не бывалъ ли въ Германіи, и пр.

Теперь остается переправиться на пароходѣ-паромѣ черезъ рѣку, и мы въ Россіи. Странное чувство, которое долженъ былъ бы ощущать зубъ передъ тѣмъ, какъ его вырываютъ, если бы онъ былъ одаренъ сознаніемъ. Переѣздъ длится нѣсколько минутъ. Передъ нами пристань съ аркой, увитой зеленью. Это для инвалидовъ, которые проѣхали днемъ раньше. На пристани вейки, жандармы, отбирающіе паспорта.

Въ Торнео снова таможенный досмотръ, затѣмъ заполненіе опросныхъ бланковъ въ жандармскомъ управленіи, съ личнымъ обыскомъ для лицъ, не внушающихъ особаго довѣрія, потомъ обѣдъ въ обширномъ свѣтломъ залѣ — финляндская «сеста». Вся эта процедура тянется съ утра до 5 часовъ вечера. Тутъ и происходитъ первое приспособленіе къ отечественной культурѣ у лицъ, пробывшихъ долгое время за границей. Любопытно наблюдать офранцуженнаго россійскаго гражданина, который увѣренными шагами направляется въ «лавабо» — умыться послѣ дороги, и немедленно выходитъ съ совершенно обезкураженнымъ лицомъ. Въ тазу для умыванія грязная вода, ведро до краевъ полно помоевъ, въ рукомойникѣ ни капли. Уборная гдѣ-то далеко, и, чтобы добраться до нея, нужно пройти маленькую Сахару, оставляющую крѣпкое воспоминаніе о прогулкѣ въ видѣ изрядной доли песку въ ботинкахъ. Крючковъ на дверяхъ не полагается . . . Идиллія!

И повсюду патріархальное «ты» въ обращеніи къ тѣмъ, кто одѣтъ по-

хуже. Это рѣжетъ слухъ, и къ этому привыкнуть неизмѣримо труднѣе, чѣмъ къ техническимъ неудобствамъ и матеріальной некультурности.

Здѣсь же впервые начинаешь реально ощущать, какъ вопросъ о дороговизнѣ успѣлъ глубоко захватить россіянъ. При таможенномъ осмотрѣ вещей грозный жандармъ съ чудовищными усами, очень внимательно слѣдившій за тѣмъ, чтобы въ моей корзинѣ не осталось обрывковъ иностранныхъ газетъ, обратилъ вниманіе на пару новыхъ ботинокъ.

— Извините, господинъ, это я не по службѣ, а такъ, по любопытству спрашиваю.... Эти сапоги у васъ за границей куплены?

— Да, за границей, а что?

— Хорошіе сапоги! — И лицо у жандарма дѣлается хозяйственно-сосредоточенное. — А, къ примѣру, сколько за нихъ плачено, если считать на наши?

— Около 14-ти рублей.

— Около 14-ти рублей! Вотъ жизнь! Вѣдь у насъ за такіе всѣ сорокъ отдашь, да и то достать негдѣ! Вѣрное слово...

Ботинки переходятъ на хозяйственное разсмотрѣніе еще двухъ любопытныхъ, которые съ удивленіемъ констатируютъ ихъ непонятную доброкачественность при такой дешевизнѣ, а затѣмъ бережно укладываются на мѣсто.

Въ Германіи обувью проѣзжающихъ интересуются съ точки зрѣнія каблуковъ и подметокъ, какъ повѣдалъ намъ въ своихъ очеркахъ г. Ликіардопуло въ «Рѣчи»; въ Англіи она тоже иногда заинтересовываетъ досмотрщиковъ по специфическимъ мотивамъ: мало ли что тамъ можно запрятать! У насъ на первый планъ выступаетъ предметное ознакомленіе съ обувью съ точки зрѣнія дороговизны. Впрочемъ, эта привилегія касается неравномѣрно различныхъ предметовъ обихода. Такъ, напримѣръ, книги, если онѣ имѣютъ несчастье родиться въ переплетахъ, подвергаются совсѣмъ иной и при томъ суровой расправѣ. Я везъ съ собою толстый томъ прекраснаго парижскаго изданія въ красивомъ переплетѣ.

— По новымъ правиламъ крышки срываются, — рѣшительно заявляетъ жандармскій офицеръ.

Вступаю въ переговоры, но совершенно безплодно. Крышка сорвана и тутъ же, безъ всякой попытки проанализировать ея сущность, возвращается мнѣ. Это, конечно, очень предупредительно, но зачѣмъ же въ такомъ случаѣ было портить дорогой экземпляръ?

Въ Улеаборгѣ, въ нѣсколькихъ часахъ ѣзды отъ Торнео, изъ поѣзда, который идетъ дальше въ Петроградъ, пассажиры III класса высаживаются. Почему? — неизвѣстно. Нѣкоторыя усталыя и оптимистическія души высказываютъ одобреніе этой мѣрѣ: можно будетъ отдохнуть, вымыться, выспаться... Увы, дѣйствительность совершенно не отвѣчаетъ этимъ мечтамъ! Въ двухъ-трехъ гостиницахъ, обслуживающихъ обычно

городъ, нѣтъ ни одного свободнаго мѣста. Обыватели отказываются впускать къ себѣ путешественниковъ наотрѣзъ. И долго еще бродятъ по городу унылыя фигуры въ сопровожденіи ленсмана, который, пользуясь авторитетомъ власти, уговариваетъ домохозяевъ сжалиться надъ невинно пострадавшими и впустить ихъ переночевать.

Я не стану описывать дальнѣйшаго пути, который завершается послѣднимъ спросомъ въ Бѣлоостровѣ, гдѣ на сцену снова появляются злополучные анкетные листки, дополняемые словеснымъ испытаніемъ. Послѣдняя печать на паспортѣ, а свободнаго мѣста на немъ осталось очень мало, и спустя короткое время я у цѣли своего путешествія.

Таковы въ бѣглыхъ чертахъ условія, въ которыхъ вольнымъ и невольнымъ путешественникамъ II и III ранга приходится продѣлывать свой путь между Западомъ и Востокомъ. Первый выводъ, который самъ собой напрашивается у извѣдавшихъ на практикѣ эти условія, сводится къ тому, что послѣдовательный рядъ анкетъ и обысковъ, которыми путешественникъ доводится до изнеможенія, совершенно не отвѣчаетъ оффиціально поставленной цѣли. Если, въ самомъ дѣлѣ, задача осмотровъ заключается въ изобличеніи подозрительныхъ лицъ, то она вообще не разрѣшима, такъ какъ нѣтъ никакой возможности въ теченіе нѣсколькихъ часовъ исчерпывающе изслѣдовать багажъ каждаго путешественника. При этомъ, насколько мнѣ удалось установить, къ пассажирамъ I и даже II класса при осмотрахъ относятся несопзмѣримо снисходительнѣе, чѣмъ къ пассажирамъ III класса, которыхъ просто ставятъ ни во что.

При мнѣ, напримѣръ, почти безъ всякихъ дополнительныхъ вопросовъ, кромѣ чисто формальныхъ, въ Ньюкастлѣ пропущено было на пароходъ нѣсколько величественныхъ, тщательно одѣтыхъ и выбритыхъ господъ, но самымъ детальнымъ и унизительнымъ образомъ былъ обысканъ скромный рабочій. Само собой разумѣется, что нѣмецкій шпіонъ, зная это, а на то онъ и шпіонъ, чтобъ знать такія детали, поѣдетъ въ I, а не въ III классѣ. Но зато такимъ путемъ достигается другая цѣль, которая вполнѣ отвѣчаетъ данной системѣ: рядовой путешественникъ, а черезъ него и тѣ обыватели, съ которыми онъ соприкасается, воочію убѣждается, что опасность шпіонажа дѣйствительно очень велика (иначе, зачѣмъ бы его такъ мучили даже въ такой классической странѣ личной свободы, какъ Англія?), и что лучше сидѣть, если можно, на мѣстѣ, чѣмъ подвергать себя такимъ испытаніямъ; напротивъ, пассажиръ I класса, слѣдующій въ томъ же поѣздѣ или на томъ же пароходѣ, выноситъ глубокое убѣжденіе, что все въ международныхъ сообщеніяхъ обстоитъ, поскольку это мыслимо вообще, въ самомъ лучшемъ видѣ, и что даже такое огромное потрясеніе, какъ настоящая война, не въ состояніи нарушить обычныхъ удобствъ.

Второй выводъ, соприкасающійся съ первымъ, относится къ самой психологіи массы. Бываютъ случаи, когда тотъ или иной индивидуумъ,

выведенный изъ себя явной нецѣлесообразностью контрольно-охранительныхъ мѣръ, начинаетъ бурно протестовать, какъ это было въ парижскомъ Permit Office съ гордымъ сыномъ Американскихъ Штатовъ. Но это единичные случаи, которые поэтому не идутъ въ счетъ. Типичнымъ, наоборотъ, является чисто пассивное, безропотное подчиненіе новому режиму, и при томъ не только со стороны всевыносящихъ русскихъ, но и иностранцевъ. Переглядываются, пожимаютъ плечами, перебрасываются ироническими репликами, но подчиняются. Почему? Потому что понимаютъ, что это необходимо въ стратегическихъ интересахъ? Меньше всего! Нецѣлесообразность новыхъ методовъ въ этомъ отношеніи бросается всѣмъ въ глаза. Подчиняются потому, что процессъ разъединенія, распыленія и ослабленія опредѣленныхъ демократическихъ нормъ и навыковъ успѣлъ оказать на нихъ глубокое вліяніе уже до начала путешествія. И это самое любопытное и въ то же время самое тягостное впечатлѣніе, которое остается у объективнаго наблюдателя послѣ мытарствъ по различнымъ контрольнымъ учрежденіямъ, бюро, заставамъ на границахъ, и это вытравляетъ изъ мозга и души всѣ эстетическія впечатлѣнія отъ путешествія.

Повсюду, и въ вольной Франціи, и въ свободолюбивой Англіи, этотъ процессъ привелъ къ такому рецидиву бюрократическихъ навыковъ, уже успѣвшихъ было въ значительной мѣрѣ атрофироваться въ довоенную эпоху, что невольно возникаетъ мысль, да туда ли ведутъ современныя событія эти страны, куда ихъ зовутъ оффиціальные лозунги? Путешествіе, которое мнѣ пришлось совершить, лишній разъ показало, что надъ этимъ вопросомъ, во всякомъ случаѣ, стоитъ призадуматься.

Г. Цыперовичъ.

М. М. КОВАЛЕВСКІЙ, КАКЪ ИСТОРИКЪ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ.

Въ 1906 г. появились три тома книги Максима Ковалевскаго „Отъ прямого народоправства къ представительному и отъ патріархальной монархіи къ парламентаризму“. Къ этому заглавію авторомъ былъ прибавленъ еще подзаголовокъ: „Ростъ государства и его отраженіе въ исторіи политическихъ ученій“. Подзаголовкомъ ясно опредѣлялся своеобразный характеръ работы. Построеніе изслѣдованія не походило на обычно встрѣчавшіяся построенія общихъ обзоровъ и курсовъ исторіи политическихъ доктринъ. Одни авторы „излагали ихъ въ связи съ ученіями о нравственности, другіе — съ развитіемъ метафизики. Связать исторію политическихъ ученій съ исторіей политическихъ учрежденій, показать, что одна не можетъ быть понята безъ другой — такова была основная задача новаго труда [1]).

I.

Признаніе наличности неразрывной связи между политическими теоріями и философіей есть базисъ, на которомъ зиждется вся схема богатѣйшей по матеріалу извѣстной пятитомной „Исторіи политическихъ ученій“ Б. Н. Чичерина. Послѣдній твердо убѣжденъ, что начала философскія и политическія въ существѣ своемъ одни и тѣ же, и что, поэтому, каждой изъ главныхъ философскихъ школъ соотвѣтствуетъ и особая политическая школа, основанная на томъ же самомъ принципѣ. Матеріалисты и въ политикѣ, равно какъ въ философіи, являются, по его мнѣнію, выразителями тенденціи дробленія цѣлаго на части и „обособленія“ отдѣльныхъ элементовъ, именно — приверженцами рѣзко-индивидуалистическихъ тенденцій, сторонниками правъ личности и строго-демократическаго строя государствъ [2]).

[1]) Отъ прям. народоправства, т. I, стр. III.

[2]) Ист. пол. уч. III, 48—103.

„Идеалисты", въ родѣ Гегеля, предъ умственнымъ взоромъ которыхъ весь міръ въ его матеріальныхъ и духовныхъ элементахъ представляется объятымъ единымъ стремленіемъ къ высшей цѣли, въ политикѣ оказываются идеологами такого строя, въ которомъ наиболѣе полно осуществляется высшая цѣль государства — общее благо, — строя, въ которомъ примиряются интересы разнообразныхъ слоевъ населенія, и который особенно полное осуществленіе находитъ въ конституціонномъ государствѣ съ наслѣдственнымъ монархомъ во главѣ [1]). Благодаря этому соотвѣтствію, эволюція политическихъ ученій вполнѣ совпадаетъ съ исторіей философіи, какъ таковой, и потому на всемъ протяженіи своей грандіозной „Исторіи" Чичеринъ, излагая ученія отдѣльныхъ мыслителей, всякій разъ анализируетъ предварительно ихъ философскія воззрѣнія и затѣмъ подчеркиваетъ вліяніе этихъ послѣднихъ на политическія ученія.

Слѣдомъ за нимъ въ построеніи „Исторіи философіи права" [2]) идетъ Н. М. Коркуновъ, полагая, что „нравственныя, правовыя и соціальныя теоріи всегда въ значительнѣйшей степени опредѣляются чувствами, вѣрованіями, метафизическими и этическими чаяніями" [3]).

Ковалевскій подходитъ къ политическимъ ученіямъ съ иной стороны. Съ небесъ отвлеченности онъ низводитъ правовыя теоріи на землю политической борьбы и изъ-подъ оболочки метафизическихъ формулъ выявляетъ и обнажаетъ стремленія и интересы враждующихъ партій. При такомъ освѣщеніи съ особенною ясностью видно, насколько несущественна связь политическихъ концепцій съ обще-философскими, и какъ часто дѣло обходится даже безъ всякаго вліянія со стороны послѣднихъ.

II.

Благотворность результатовъ указаннаго пріема явственно сказалась на работахъ Ковалевскаго. Особенно живо она отразилась на его изслѣдованіяхъ о происхожденіи западноевропейскихъ либерально-демократическихъ идей. Многими изслѣдователями онѣ связывались съ реформаціей. Освобожденіе совѣсти отъ навязываемой ей догмы было, по ихъ мнѣнію, источникомъ ученія о свободѣ личности вообще, какъ въ области духовной, такъ и въ сферѣ политической;

---

[1]) Ист. пол. уч. IV, 586—590.

[2]) Спб. 1908.

[3]) Ист. фил. пр., стр. 3.

оно повело къ требованію свободы вѣры, мысли и слова. Широкое самоуправленіе церковныхъ общинъ съ избраніемъ пастырей вызвало, съ ихъ точки зрѣнія, къ жизни идеи политическаго самоуправленія народа подъ главенствомъ выборныхъ правителей. Французскіе монархомахи-кальвинисты, отстаивавшіе свободу исповѣдыванія ихъ вѣроученія и права сословныхъ собраній, англійскіе индепенденты, вліяніямъ которыхъ въ 1649 г. Англія превратилась изъ монархіи въ республику, и выселившіеся въ Америку пуритане, создавшіе величайшую въ мірѣ республику, казалось, были живымъ и убѣдительнымъ подтвержденіемъ этой связи политики съ религіозными идеями реформаціи. Наиболѣе рельефную формулировку это теченіе нашло себѣ у Г. Еллинека, по мнѣнію котораго „установить законодательнымъ путемъ рядъ неотчуждаемыхъ, прирожденныхъ и священныхъ правъ индивида — это мысль не политическаго, а религіознаго происхожденія; то, что до сихъ поръ считали послѣдствіемъ революціи, на самомъ дѣлѣ было плодомъ реформаціи и вызванной ею борьбы“[1]).

Вѣрный историческій взглядъ Ковалевскаго сумѣлъ подмѣтить всю относительность и условность этой связи. Ковалевскій справедливо указалъ на рядъ невольно напрашивающихся фактическихъ возраженій. Прежде всего, полагалъ онъ, нельзя утверждать, что личныя вольности возникли впервые въ XVI вѣкѣ. „Что значитъ, въ такомъ случаѣ, признаніе ихъ еще Великой Хартіей короля Іоанна Безземельнаго въ 1215 г.“[2])? А затѣмъ, къ однѣмъ ли идеямъ свободы приводила реформація? Освободивши въ Англіи свѣтскую власть отъ контроля духовной, въ лицѣ папы, она перенесла въ руки короля назначеніе высшихъ органовъ церковной іерархіи и контроль надъ ними. „Цезаризмъ въ церкви, какъ доказываетъ примѣръ и императорскаго Рима, и нашего отечества со временъ Петра Великаго, и Англіи эпохи Тюдоровъ и первыхъ двухъ Стюартовъ, никогда не былъ условіемъ благопріятнымъ развитію политической свободы, а, наоборотъ, содѣйствовалъ упроченію абсолютизма“. Гоненія, которымъ Кальвинъ подвергъ за религіозное разномысліе Сервета, и оживленіе имъ въ Женевѣ теократическихъ порядковъ путемъ соединенія въ рукахъ избранниковъ паствы ду-

---

[1]) Декларація правъ. М. 1905, стр. 60.
[2]) Отъ прямого народоправства II, 4.

ховнаго и свѣтскаго меча, говорятъ вовсе не о свободѣ религіозной и политической. Не о томъ же свидѣтельствуетъ какъ отстаиванье Лютеромъ неограниченности власти князей, такъ и его подлинная одобрительная подпись подъ заявленіемъ богослововъ Виттенберга о необходимости казнить анабаптистовъ мечомъ.

Этими сопоставленіями Ковалевскій показалъ, что не въ въ реформаціи, самой по себѣ, какъ извѣстномъ теоретическомъ ученіи, кроется дѣйствительный источникъ идей политической и религіозной свободы, а въ чемъ-то другомъ. Огромной научной заслугой его является указаніе на то, кого въ дѣйствительности должно считать подлинными родоначальниками идей неотчуждаемости правъ личности, равенства сословій и раздѣленія властей, какимъ путемъ выработались всѣ эти идеи. Онъ считаетъ безплодными и напрасными поиски принципа неотчуждаемости правъ свободы у нѣмецкихъ приверженцевъ реформаціи, когда они исповѣдуютъ религіозную терпимость лишь до той поры, пока сами находятся въ числѣ преслѣдуемыхъ, и забываютъ о ней всякій разъ, какъ скоро ихъ исповѣданіе начинаетъ опираться на силу государственной власти [1]). Онъ считаетъ также невозможнымъ найти этотъ принципъ и у французскихъ кальвинистовъ. Съ монархомаховъ и даже съ Руссо, Монтескье и Локка онъ переноситъ свой взоръ, вмѣстѣ съ Еллинекомъ, на англійскихъ сектантовъ. Но Еллинекъ лишь мелькомъ упоминаетъ объ ученіи, собственно, англійскихъ диссидентовъ и выдвигаетъ, главнымъ образомъ, воззрѣнія выселенцевъ въ Америку, связывая ихъ демократизмъ съ ихъ вѣроученіемъ. Ковалевскій доказываетъ, что упомянутыя начала успѣли ясно оформиться въ самой Англіи и вовсе не въ зависимости отъ основъ реформаціоннаго движенія. Для этого ему, конечно, нужно было найти новые источники.

III.

И онъ ихъ нашелъ не въ богословскихъ или философскихъ трактатахъ, не въ стройныхъ сочиненіяхъ ученыхъ политическихъ мыслителей, а „въ памфлетахъ, проповѣдяхъ, дидактическихъ виршахъ, пастырскихъ поученіяхъ, наконецъ, въ

---

[1]) Т. II, 11.

текстахъ манифестовъ и декларацій, поспѣшно редактированныхъ вожаками народныхъ движеній“ [1]). Этимъ весьма расширялся кругозоръ для изслѣдованія исторіи политической мысли и устанавливалась возможность прослѣдить ее въ самомъ зарожденіи. Особенно тщательному изслѣдованію было подвергнуто Ковалевскимъ возникшее въ эпоху первой англійской революціи движеніе левеллеровъ. Онъ внесъ богатый вкладъ въ русскую науку изученіемъ ихъ обширной памфлетной литературы, характеристикой враждующихъ партій революціонной арміи Кромвеля, описаніемъ самой борьбы, начиная съ преній о принципахъ государственнаго устройства въ совѣтѣ офицеровъ и кончая пораженіемъ левеллеровъ Кромвелемъ послѣ вооруженнаго столкновенія съ ними [2]). Наибольшій интересъ представляютъ три приводимыхъ Ковалевскимъ манифеста левеллеровъ, подъ названіемъ „Народное соглашеніе“ [3]), „Соглашеніе свободныхъ жителей Англіи насчетъ мѣръ къ установленію мира“ [4]) и „Основные законы и вольности Англіи“ [5]) — эти три прототипа декларацій правъ. Условія ихъ появленія проливаютъ свѣтъ и на происхожденіе заложенныхъ въ нихъ принциповъ.

Королевская реформація въ Англіи не удовлетворила всѣхъ стремленій реформаціоннаго движенія, шедшаго изъ народныхъ низовъ. Въ положеніи раскольниковъ по отношенію къ государственной церкви оказались не только католики, но и пуритане-протестанты, развѣтвленіемъ которыхъ явились левеллеры. Сторонникамъ реформаціоннаго движенія неоднократно приходилось испытывать притѣсненія. Эти не разъ повторявшіяся въ Англіи съ первой половины XVII столѣтія религіозныя преслѣдованія, шедшія въ разныхъ направленіяхъ, и навели, какъ это установлено Ковалевскимъ, многихъ на мысль, что должна же быть граница вмѣшательства государства въ жизнь подданныхъ, что свобода личности, совѣсти, печатнаго слова должна быть поставлена внѣ возможности посягательствъ съ чьей бы то ни было стороны, и что не одинъ король, но и парламентъ не въ вправѣ поднять на нихъ руку [6]). Такимъ путемъ была заложена левеллерами въ

---

[1]) Т. I, стр. III.
[2]) Т. II, 173—346.
[3]) Т. II, 215.
[4]) Т. II, 326—330.
[5]) Т. II, 342—345.
[6]) Т. II, 308, 309.

ихъ манифестахъ основа ученія о неотъемлемыхъ правахъ личности, которое затѣмъ ими же было примѣнено и къ принципу національнаго суверенитета „Нація“ — говорится въ манифестѣ„ Основные законы и вольности Англіи“ — есть начало, середина и конецъ власти. Таково наслѣдіе, завѣщанное намъ предками. Основы зданія готовы, намъ не предстоитъ создать ихъ снова, а только защитить отъ узурпаціи королей, лордовъ и священниковъ. Это наслѣдіе не только наше, но и нашихъ дѣтей. Въ предѣлы нашихъ полномочій поэтому не входитъ ихъ отчужденіе. Живущее поколѣніе не можетъ распорядиться тѣмъ, что составляетъ общее достояніе всѣхъ предшествующихъ поколѣній; оно не можетъ обезволить своихъ преемниковъ“ [1]). — „Верховные совѣты или парламенты Англіи безсильны уменьшить или нарушить только что перечисленныя конституціонныя основы“, заканчиваетъ одинъ изъ левеллерскихъ манифестовъ [2]).

Такъ же и въ атмосферѣ политической борьбы, именно борьбы левеллеровъ съ „долгимъ парламентомъ“, бывшимъ выразителемъ интересовъ наиболѣе зажиточныхъ классовъ англійскаго общества, возникли требованія какъ періодичности и краткосрочности законодательныхъ собраній, такъ и равнаго для всѣхъ избирательнаго права (отчего за левеллерами, представителями интересовъ низшихъ слоевъ городского населенія [3]), и упрочилось названіе „уравнителей“): осуществленіемъ лишь этихъ требованій имъ казалось возможнымъ устранить расхожденіе между волей парламента и волей націи. Какъ выраженіе практическихъ интересовъ момента, былъ выдвинутъ левеллерами и принципъ раздѣленія властей, впослѣдствіи не рѣдко поставлявшійся въ особую заслугу Монтескьё. „Свободолюбивый“ Джонъ Лильборнъ, одинъ изъ виднѣйшихъ представителей этой партіи, такъ мотивировалъ необходимость раздѣленія властей: „Народное представительство должно ограничить свою задачу начертаніемъ общихъ правилъ для руководства судовъ. Предоставленіе законодателямъ права быть одновременно исполнителями закона само по себѣ неблагоразумно, — оно является источникомъ пристрастія, неправосудія и угнетенія“ [4]). — „Да будутъ — значится въ текстѣ нортумберландской петиціи —

[1]) Т. II, 343.
[2]) Т. II, 345.
[3]) Т. II, 318, 324.
[4]) Т. II, 330.

законодатели одновременно и исполнителями закона, строгое разграниченіе да будетъ удержано между этими двумя основными властями въ государствѣ изъ опасенія, чтобы въ противномъ случаѣ не пострадала свобода“ [1]).

Трудно удержаться отъ подробнаго цитированія этихъ документовъ, столь тщательно изученныхъ Ковалевскимъ: такъ выразительно характеризуютъ они идеологію левеллеровъ и такъ убѣдительно говорятъ за то, что источникъ основныхъ принциповъ всего новѣйшаго демократизма вовсе не въ религіи и не въ философіи, а въ политикѣ.

Политическія же условія, не одинаково сложившіяся въ эпоху реформаціи для отдѣльныхъ государствъ, въ достаточной мѣрѣ уясняютъ и различіе возникшихъ среди дѣятелей ея политическихъ доктринъ. „Монархическая власть во Франціи представляла собою возрожденіе неограниченной власти римскихъ императоровъ, съ тою особенностью, что, въ противность послѣдней, она являлась служительницей интересовъ церкви“ мечомъ ея въ преслѣдованіи еретичества. Естественно „поэтому, что кальвинисты-гугеноты, отстаивая право свое исповѣдывать угодное имъ вѣроученіе, оказывались въ положеніи гонимыхъ еретиковъ и благодаря этому пришли, въ концѣ концовъ, къ антимонархическимъ идеямъ“ [2]). Въ Германіи, напротивъ, свѣтская власть, враждуя съ Римомъ, оказывала поддержку реформаціи, и Лютеръ училъ безусловному повиновенію князьямъ, а Меланхтонъ провозглашалъ послѣднихъ защитниками обѣихъ скрижалей завѣта. Правительственный характеръ англійской реформаціи, шедшей сверху отъ королевской власти, придалъ ей характеръ цезаропапизма, тогда какъ слѣдующія смѣны государственной религіи и событія эпохи долгаго парламента способствовали возникновенію доктрины левеллеровъ.

IV.

Такое же значеніе вліянія политическихъ условій явствуетъ и изъ изслѣдованій Ковалевскаго о двухъ величайшихъ политическихъ мыслителяхъ XVIII в. — Руссо и Монтескьё.

Считая необходимымъ изучать исторію политическихъ ученій не иначе, какъ въ связи съ исторіей философіи, Чи-

[1]) Т. II. 325.
[2]) Т. II, 17—27.

черинъ, Коркуновъ и др. какъ-то упускаютъ изъ вниманія, что нерѣдко оригинальнѣйшіе философы, какъ Лейбницъ или Кантъ, оказывались весьма посредственными или далеко не оригинальными политическими писателями, тогда какъ часто на цѣлыя эпохи клали отпечатокъ такія политическія сочиненія, авторы которыхъ были или вовсе не знамениты, какъ философы, или не имѣли никакого отношенія къ философіи. Достаточно вспомнить Макіавелли, Бодэна, Руссо, Монтескьё или Бенжамэна Констана. Въ „философской" схемѣ„ Исторіи политическихъ ученій" Чичерина они представляются какъ-то искусственно втиснутыми. Не вставить же ихъ нельзя, какъ столповъ политической мысли.

При изслѣдованіи Руссо, въ качествѣ философскихъ предпосылокъ его политической доктрины обычно разсматривать его ученіе о „естественномъ состояніи", изложенное въ трактатѣ „О происхожденіи неравенства". Въ немъ нѣтъ, однако, ни рѣшенія гносеологическихъ проблемъ, ни попытокъ построить цѣлостное ученіе о мірѣ и человѣкѣ; здѣсь скорѣе можно найти мораль, чѣмъ философію. Но и принимая „естественное состояніе" за отправную точку, нельзя еще надлежащимъ образомъ установить, почему Руссо въ конечномъ счетѣ стоитъ за созданіе небольшихъ демократическихъ республикъ съ непосредственными народными собраніями. Какъ это теперь уже установлено анализомъ первоначальнаго текста „Общественнаго договора", до-государственное состояніе человѣка, утратившаго первобытное блаженное невѣдѣніе, простоту и близость къ природѣ, развращеннаго появленіемъ собственности, развитіемъ наукъ, искусствъ и вообще культуры, рисовалось Руссо царствомъ эгоизма, вражды и безпорядка[1]), т. е. въ такихъ же приблизительно краскахъ, какъ и Гоббсу. Гоббсъ пришелъ отсюда къ выводу о необходимости для общаго и личнаго блага отказаться каждому отъ индивидуальной воли въ пользу неограниченной государственной власти. Къ тому же самому пришелъ и Руссо. „Какъ природа, говоритъ онъ, даетъ каждому человѣку власть надъ всѣми его членами, такъ и общественный договоръ даетъ политическому тѣлу абсолютную власть надъ его членами"[2]). Но тутъ-то и возникаетъ вопросъ, почему именно спасительный государственный абсолютизмъ одному рисуется въ

[1]) А. С. Алексѣевъ, Этюды о Ж. Ж. Руссо, т. II, прилож.
[2]) Общ. дог., кн. II, гл. IV.

видѣ монархіи, а другому въ видѣ непосредственной республики, да при томъ еще — небольшой по своимъ территоріальнымъ размѣрамъ? Отвѣтъ становится яснымъ при установленіи Ковалевскимъ связи между доктриной Гоббса и борьбой съ первой англійской революціей, борьбой партій кавалеровъ и круглоголовыхъ, близостью самого Гоббса къ первымъ, и, съ другой стороны, связи между воззрѣніями Руссо и республиканскимъ бытомъ Женевы, съ которымъ ему пришлось близко познакомиться въ свои молодые годы [1]).

V.

Ученіе Монтескьё о раздѣленіи властей точно такъ же мало стоитъ въ связи съ какой бы то ни было философіей и его же представленіемъ о первобытномъ человѣкѣ, какъ и республиканскія тенденціи Руссо.

Ученіе Гоббса о человѣкѣ въ естественномъ состояніи, какъ о кровожадномъ звѣрѣ, и ученіе Локка о томъ же человѣкѣ, сохранившемъ, несмотря на испорченность, добрыя черты, являются логически понятнымъ предисловіемъ къ признанію государственной власти — или ничѣмъ не ограниченной, или ограниченной „естественными правами“ гражданъ. Но если и можно еще сопоставить картину естественнаго состоянія, нарисованную Монтескьё, съ соціологической частью его „Духа законовъ“, то ее весьма трудно связать съ политической частью этого произведенія. Да и вообще эта неизбѣжно не лишенная фантазіи картина не имѣетъ существеннаго значенія въ трезво разсудочномъ трактатѣ о „Духѣ законовъ“. Она является не столько фундаментомъ, сколько своего рода невольной данью научному духу времени. Использовавъ изданныя Баркгаузеномъ „Путевыя замѣтки“ Монтескьё, написанныя имъ во время путешествія по Европѣ, Ковалевскій прекрасно выяснилъ ту историческую почву, на которой выработались политическія воззрѣнія ихъ автора. Передъ взоромъ послѣдняго всѣ тогдашнія монархіи и аристократіи: Пруссія, Швеція, городскія республики Германіи, итальянскія государства представлялись клонящимися къ деспотизму и анархіи, въ силу произвола въ правленіи [2]). Только въ Англіи онъ могъ наблюдать нѣсколько иную

---

[1]) Т. II 128, 220—522.

[2]) Т. III, 104—112.

картину, съ задатками въ конституціи раздѣленія функцій государственной власти. Эти наблюденія, въ связи съ традиціями, привитыми воспитаніемъ и прежнимъ служебнымъ положеніемъ, и выставляются Ковалевскимъ, какъ обстоятельства, объясняющія особый интересъ Монтескьё къ противоположенію государствъ деспотическихъ и недеспотическихъ [1]), къ способамъ организаціи умѣренныхъ формъ правленія и къ выясненію того принципа, который дѣлаетъ возможнымъ существованіе послѣднихъ, т. е. принципа раздѣленія властей, этого жизненнаго нерва всей его доктрины.

Съ методологической точки зрѣнія представляютъ весьма большой интересъ и изслѣдованія Ковалевскаго о Спинозѣ. Здѣсь, прежде всего, бросается въ глаза объясненіе того непонятнаго при „философскомъ“ методѣ исторіи политическихъ ученій факта, что, по существу, антииндивидуалистическій пантеизмъ, растворявшій все частное въ единомъ великомъ міровомъ цѣломъ, не помѣшалъ, однако, Спинозѣ написать рядъ красивыхъ страницъ въ защиту правъ личности, свободы мысли и совѣсти. Равнымъ образомъ, тщательно подчеркиваемое Ковалевскимъ сходство исходныхъ моментовъ Гоббса и Спинозы, ихъ одинаковый взглядъ на человѣка, какъ на существо, движимое грубыми страстями, одинаково дедуктивный характеръ ихъ аргументаціи [2]), невольно вызываютъ вопросъ, какъ же они могли отстаивать совершенно противоположныя формы государственнаго устройства? Та эпоха, съ которой связано появленіе трактатовъ Спинозы и которая была свидѣтельницей прогрессивнаго развитія несовершенной федераціи Соединенныхъ Нидерландъ, возникшей послѣ кровопролитной войны съ Испаніей изъ-за религіозной свободы и мѣстной автономіи, лучше всего уясняютъ, по Ковалевскому, и демократическій характеръ политическихъ воззрѣній Спинозы, и отстаиванье имъ принципа свободы совѣсти [3]).

VI.

Если возможность вывести изъ одной и той же философской системы различныя политическія ученія и построить послѣднія не только независимо, но и вопреки

---

[1]) „Духъ зак.“, кн. II, гл. I.
[2]) Т. II, 439, 440.
[3]) Т. II, 427—438, 456 и сл.

первой, свидѣтельствуютъ о тщетности „философскаго“ построенія исторіи политическихъ ученій, то каждый разобранный Ковалевскимъ авторъ является новымъ подтвержденіемъ связи доктрины этого автора съ современнымъ ему государственнымъ строемъ. Но было бы, конечно, излишней узостью сосредоточиваться на одной лишь политической борьбѣ. На каждой доктринѣ, помимо этой печати времени, лежитъ не поддающаяся пока никакому анализу печать личныхъ дарованій автора и слѣдъ вліянія на него его предшественниковъ. Это выдвигаетъ задачу изученія произведеній отдѣльныхъ мыслителей, какъ своеобразнаго логическаго цѣлаго, и ихъ литературной генеалогіи.

М. Ковалевскій никогда не упускалъ этого изъ вниманія, и онъ потратилъ не мало — быть можетъ, и напрасной — энергіи на попытку реконструировать по сохранившимся весьма любопытнымъ отрывкамъ и замѣткамъ произведеніе Руссо „Institutions politiques“, которое должно было объединить всѣ его воззрѣнія и, по его же словамъ, увѣнчать его репутацію [1]).

По отношенію къ Монтескьё Ковалевскій изслѣдуетъ лежащій въ основѣ его соціологическихъ воззрѣній взглядъ на ходъ человѣческой исторіи, анализируетъ его ученіе о вліяніи различныхъ факторовъ, подчеркиваетъ у него отсутствіе идеи прогресса и констатируетъ слишкомъ преувеличенное представленіе о роли законодателя [2]). Признавая единство и цѣлостность доктрины Руссо и ея новаторскій характеръ, Ковалевскій отмѣчаетъ отраженіе въ ней идей предшествовавшихъ мыслителей, начиная съ Платона и кончая Спинозою, Гоббсомъ, Локкомъ и Монтескьё. Это онъ дѣлаетъ и въ цѣломъ рядѣ другихъ случаевъ [3]).

Наиболѣе важнымъ является выясненіе тѣхъ литературныхъ вліяній, подъ дѣйствіемъ которыхъ была создана политическая доктрина, положенная дѣятелями великой революціи въ основаніе конституціи 1791 г. Вопреки воззрѣнію, приписывающему французской революціи два взаимно исключавшихъ другъ друга теченія, изъ которыхъ одно, имѣвшее своимъ родоначальникомъ Монтескьё, стремилось надѣлить Францію уравновѣшенной свободой при сохраненіи монархической формы правленія, а другое, шедшее отъ Руссо, отри-

[1]) Т. II, 243 и сл.

[2]) Т. II, 171—174.

[3]) „Происх. совр. дем.“, т. I, ч. III и IV, 428 и сл. „Отъ прям. народ.“ т. I, 133—190, 494.

цало законность всякаго иного правленія, кромѣ прямого народоправства, наподобіе древнихъ республикъ, — Ковалевскій доказалъ, что между этими двумя теченіями не было того глубокаго различія, которое обычно устанавливается, что, напротивъ, между ними было не мало точекъ соприкосновенія, благодаря чему въ конституціи 1791 года оба эти направленія и были примирены въ одной общей искусственной схемѣ, которая ближе всего можетъ быть опредѣлена терминомъ „демократическая монархія“ [1]).

VII.

Изслѣдованіе М. Ковалевскимъ литературныхъ источниковъ революціонной доктрины касается не только самой конституціи 1891 г., но и декларацiи правъ. Поль Жанэ, авторъ извѣстнаго французскаго курса по исторіи политическихъ ученій, разсматривающій послѣднія въ связи съ ученіями о нравственности, доказываетъ, что декларацiи правъ человѣка и гражданина созданы были подъ вліяніемъ французскихъ мыслителей XVIII в.: Вольтера, Монтескьё и, главнымъ образомъ, Руссо [2]). Эта точка зрѣнія встрѣтила очень энергичную критику со стороны Ковалевскаго [3]), равно какъ и Еллинека [4]). Оба они сходятся въ признаніи того, что на французскую декларацію правъ оказали огромное вліяніе идеи, шедшія изъ-за границы, и въ выясненіи этого положенія взаимно дополняютъ другъ друга. Ковалевскій подробно останавливается на англоманствѣ и американофильствѣ среди дѣятелей великой французской революціи, отмѣчая попутно сходство между французской и американскими декларацiями правъ [5]), а Еллинекъ подвергаетъ вопросъ о сходствѣ французской и американскихъ декларацій самому подробному разбору, цитируя по пунктамъ французскую декларацію и подыскивая къ каждому изъ нихъ соотвѣтствующія мѣста изъ американскихъ [6]). Если Ковалевскій хочетъ доказать американское вліяніе путемъ разбора воззрѣній такихъ вид-

---

[1]) „Отъ прям. нар.“ III, 204—206. „Происх. соврем. дем.“ 330—361.

[2]) Histoire de la science politique dans ses rapports avec la morale. Paris, 1887, t. II, 455—60.

[3]) Т. I его „Происхожденія современной демократіи“.

[4]) Въ его „Декларацiи правъ“. М. 1906.

[5]) Т. I, ч. IV, 159—329, изд. 1899.

[6]) Стр. 19—31.

ныхъ дѣятелей той эпохи, какъ Лафайетъ, Кондорсэ и Бриссо, часто собиравшихся въ домѣ американскаго посла въ Парижѣ Джефферсона, то Еллинекъ стремится къ той же цѣли путемъ анализа основныхъ принциповъ декларации. Оба они рѣшительнымъ образомъ отрицаютъ вліяніе Руссо въ самомъ важномъ пунктѣ декларации, а именно — въ ученіи объ естественныхъ и неотчуждаемыхъ правахъ, признаніе которыхъ, по ихъ мнѣнію, никакъ нельзя найти въ „Общественномъ договорѣ“, съ его проповѣдью государственнаго абсолютизма[1]). Этотъ фактъ лишній разъ подчеркивалъ существованіе особаго вліяніе, помимо Руссо, и давалъ Ковалевскому основаніе ставить французскую декларацію, совмѣстно съ Еллинекомъ, въ связь съ американскими.

Во французской литературѣ указаніе на американское вліяніе вызвало живыя возраженія, именно со стороны Бутми, въ статьѣ его, направленной противъ Еллинека[2]). Бутми утверждаетъ, что пункты декларации относительно неотчуждаемыхъ правъ нисколько не противорѣчатъ принципамъ Руссо и находятся въ полномъ соотвѣтствіи съ „Общественнымъ договоромъ“; если говорить объ иностранномъ вліяніи, то ужъ скорѣе объ англійскомъ, чѣмъ объ американскомъ, и французская декларація создана не только вліяніемъ Руссо, но вообще вліяніемъ всего философскаго духа XVIII вѣка. Въ частности, вслѣдъ за Жанэ, Бутми указываетъ, что Руссо признаетъ свободу необходимымъ свойствомъ человѣческой личности, что самое отчужденіе правъ личности совершается у Руссо въ пользу самого же суверенаго народа и съ цѣлью болѣе полнаго сохраненія ея[3]). Однако, если вникнуть въ эти доводы Бутми, то придется признать, что они по существу дѣла не убѣдительны, такъ какъ у Руссо власть законодателя надъ индивидами безгранична, и послѣдніе не имѣютъ ничего такого, чего законодатель не могъ бы у нихъ отнять. Черезъ это Руссо своей проповѣдью обязательной государственной религіи въ дальнѣйшемъ самъ приходитъ къ стѣсненію религіозной свободы подданныхъ. Это, несомнѣнно, противорѣчитъ его основному принципу. Но противорѣчіе создается только благодаря тому, что Руссо не признаетъ за личностью никакихъ правъ, которыми не могла бы распорядиться государственная власть. Противорѣчіе это такимъ, образомъ, лишь сильнѣе подчерки-

[1]) Ковалевскій, т. I ч. IV, 426—427; Еллин. 6—7.
[2]) Etudes de politiques. P. 1907.
[3]) Стр. 125—128.

ваетъ отмѣчаемое Ковалевскимъ и Эллинекомъ отсутствіе у Руссо идеи неотчуждаемыхъ правъ.

Болѣе вѣрны указанія Бутми на наличность въ декларацiи 1789 г. такихъ положеній, которыя носятъ на себѣ чисто французскій отпечатокъ. Таковы, напр., ст. 4—6, опредѣленіе свободы и ученіе о равенствѣ предъ закономъ съ устраненіемъ всякихъ сословныхъ ограниченій. И Ковалевскій считаетъ стремленіе къ равенству, усиленно подчеркиваемое Жанэ въ смыслѣ вліянія Руссо[1]), характерной чертой именно французской революціи.

Вообще Ковалевскій не идетъ столь далеко въ своихъ выводахъ, какъ Еллинекъ, и не считаетъ американскія декларацiи прямымъ прототипомъ французской. И это вполнѣ справедливо. Многіе принципы послѣдней выросли на родной почвѣ; другіе, будучи заимствованы, успѣли ярко обнаружиться еще до созданія американскихъ конституцій. За принципомъ народовластія, напримѣръ, не требовалось французамъ XVIII в. ѣздить не только за океанъ, но и черезъ Ламаншъ: принципъ этотъ отъ монархомаховъ черезъ Журье докатился непосредственно до времени Руссо, который, по утвержденію Ковалевскаго „не могъ не знать „Пастырскихъ писемъ“ [2]). Отраженіе идей свободы личности, совѣсти и мысли можно найти въ XII и другихъ книгахъ „Духа законовъ“ Монтескьё.

Помимо указанныхъ уже возраженій, Бутми замѣчаетъ, что какъ американскія, такъ и французская декларацiи имѣютъ одинъ общій источникъ — англійскія политическія доктрины, что послѣднія весьма легко могли проникнуть во Францію прямо черезъ Ламаншъ, вовсе не нуждаясь въ предварительномъ перенесеніи ихъ въ Америку. Это замѣчаніе очень существенно. Такое проникновеніе англійскихъ идей во французское общество мы видимъ на яркомъ примѣрѣ „Духа законовъ“ Монтескьё. Однако, это замѣчаніе можетъ быть направлено лишь противъ Еллинека, но не Ковалевскаго, который подчеркиваетъ, напротивъ, совмѣстность англійскаго и американскаго вліяній и, между прочимъ, на примѣрѣ Мабли устанавливаетъ, какъ нѣкоторые французы XVIII в. вмѣстѣ съ уваженіемъ, которое они питали къ американскимъ порядкамъ, соединяли признаніе справедливости и мудрости ученія

---

[1]) Т. II, стр. 453.

[2]) „Отъ прям. народопр.“, т. II, стр. 54.

Локка о естественной свободѣ человѣка и о природѣ правительства [1]), — того самаго ученія, которое питалось принципами левеллеровъ.

Возраженія Бутми, такимъ образомъ, или вовсе не затрагиваютъ положеній, выставленныхъ Ковалевскимъ, относясь лишь къ Еллинеку, или никакъ не могутъ поколебать основного утвержденія о заимствованіи изъ англо-американскаго источника ученія о неотчуждаемыхъ правахъ, вмѣстѣ съ манерой выражать въ декларацiяхъ принципы государственнаго строя. Кромѣ того, Ковалевскій гораздо совершеннѣе, чѣмъ Еллинекъ, установилъ причины возникновенія самой доктрины неотчуждаемыхъ правъ.

VIII.

Не мало и другихъ вопросовъ изъ исторіи политическихъ ученій, не затрагивавшихся ранѣе въ русской научной литературѣ, было освѣщено въ свое время М. Ковалевскимъ. Перечень ихъ былъ бы утомителенъ. Достаточно указать лишь на нѣкоторые изъ нихъ. Въ первомъ томѣ „Отъ прямого народоправства“ подвергаются обстоятельному изслѣдованію произведенія раннихъ схолатиковъ: Іоанна Салюсберійскаго, Роджера Бэкона, Геральда-дю-Барри, Винцента изъ Бовэ, которымъ обычно мало удѣляется вниманія (за исключеніемъ Іоанна Салюсберійскаго), и самыя произведенія которыхъ иногда считаются интересными „только для начетчиковъ“. Часть матеріаловъ, касающихся этихъ раннихъ схоластиковъ, открыта самимъ Ковалевскимъ, именно: имъ открыты неизданныя доселѣ рукописи Геральда-дю-Барри и Винцента изъ Бовэ [2]). Въ противоположность съ существовавшимъ мнѣніемъ, Ковалевскій устанавливаетъ вліяніе произведеній раннихъ схоластиковъ не только на монархистовъ (Ѳому Аквина, Салмазія), но и на монархомаховъ (Дю-Плесси-Морнэ, Буханана и др.), на первыхъ — ученіемъ о превосходствѣ монархическаго образа правленія, а на вторыхъ — ученіемъ о тираноубійствѣ [3]).

Особенно много вообще удѣлялъ Ковалевскій вниманія англійскимъ идеямъ. Имъ даются подробныя свѣдѣнія о такихъ произведеніяхъ, какъ интересная поэма XIII в. о битвѣ

[1]) „Происхожденіе совр. дем.“, стр. 294.
[2]) Т. I, 162.
[3]) Т. I, 173—165; 179—180.

подъ Льюисомъ, являющаяся оригинальнымъ выраженіемъ идей сословной монархіи [1]), или о такихъ писателяхъ XIV в., какъ Симонъ Ислепъ, энергичномъ обличителѣ обременительныхъ для англійскаго народа чрезвычайныхъ способовъ пополненія королевской казны [2]), или Дж. Фортескью, одномъ изъ наиболѣе раннихъ выразителей идей конституціонной монархіи, развившемъ ученіе о достоинствахъ правительства одновременно монархическаго и республиканскаго [3]). Изъ числа писателей XVI в., въ произведеніяхъ которыхъ отразилась политическая борьба короны съ парламентомъ, М. Ковалевскимъ изслѣдованы сторонники обоихъ противоположныхъ направленій: полные чисто англійскаго практицизма произведенія защитниковъ правъ парламента еписк. Джона Поннэ, Томаса Симса, Вальтера Ралейга, — и защитниковъ неограниченности королевской власти: итальоната Чарльза Мербери и Альберика Джентилиса, утверждавшаго, что абсолютная власть монарха свойственна всѣмъ націямъ, и что она, въ частности, имѣется и у англичанъ, среди которыхъ слыветъ подъ наименованіемъ „прерогативы“ [4]).

На ряду съ англійскими, слѣдуетъ упомянуть и о разработкѣ произведеній итальянскихъ писателей, главнымъ образомъ, — флорентійскихъ и венеціанскихъ. Изъ трактата, предшествовавшаго по времени работамъ Макіавелли, и написаннаго Саванароллой по предложенію временно восторжествовавшаго, съ изгнаніемъ Медичей, республиканскаго правительства, Ковалевскій возсоздаетъ картину того поразительнаго политическаго интригантства, которое царило въ маленькихъ итальянскихъ государствахъ, того макіавелизма, который существовалъ тамъ еще до Макіавелли и былъ не изобрѣтенъ имъ, а только воспринятъ. Ковалевскій отмѣчаетъ живо звучащіе мотивы народовластія въ трактатѣ Саванароллы, полагавшаго, что природа флорентійцевъ не можетъ мириться съ правительствомъ князя, что соотвѣтствовать ей можетъ только народоправство [5]).

Въ трактатѣ Гвичардини, написанномъ уже по возвращеніи Медичи, Ковалевскій нашелъ, вмѣстѣ съ отраженіемъ стремленія къ умѣреннымъ республиканскимъ поряд-

---

[1]) Т. I, 209—218.
[2]) Т. I, 222—240.
[3]) Т. I, 247—301.
[4]) Т. II, 90—112.
[5]) Т. I, 394—398.

камъ, характеристику послѣднихъ тѣми именно чертами, которыя присущи современнымъ представительнымъ республикамъ, въ частности — Франціи, т. е. наличностью единоличнаго главы, выбираемаго двумя представительными собраніями и управляющаго съ помощью комиссіи, отвѣчающей современному понятію министерства [1]). Произведенія венеціанскихъ писателей: Контарини и Паруты, рисуются по 2 т. „Отъ прямого народоправства", какъ такія, которыя даютъ ясную формулировку аристократическимъ тенденціямъ, сосредоточенію власти въ рукахъ меньшинства. У Паруты, въ частности, отмѣчается столь часто повторявшаяся мысль, что предоставленіе людямъ, не равнымъ по достоинству, правъ равныхъ — граничитъ съ оскорбленіемъ, а у Контарини подчеркивается высказанное имъ задолго до Монтескьё положеніе о добродѣтели, какъ о жизненномъ принципѣ не однѣхъ только демократій, но и всякихъ вообще республикъ [2]).

Изъ двухъ трудовъ Ковалевскаго по исторіи политическихъ ученій: „Отъ прямого народоправства къ представительному" и „Происхожденія современной демократіи" (собственно IV части I тома), второй трудъ является продолженіемъ перваго, содержа въ себѣ анализъ политической доктрины эпохи французской революціи, тогда какъ первый кончается эпохой, предшествующей революціи. Цѣннымъ дополненіемъ къ обѣимъ этимъ работамъ служитъ Курсъ лекцій, читанныхъ Ковалевскимъ на экономическомъ отдѣленіи спб. политехническаго института въ 1912—13 учебномъ году и изданныхъ отдѣльной книгой (литограф.) подъ названіемъ „Демократія и ея политическая доктрина", а также брошюра „Общій ходъ развитія политической мысли во второй половинѣ XIV вѣка" (Спб. 1905 г.). Курсъ лекцій — это исторія демократическихъ учрежденій, главнымъ образомъ, новаго времени, доведенная до современнаго ихъ состоянія во Франціи, Германіи и другихъ государствахъ, и, въ связи съ ней, исторія демократической доктрины. Особенно интересными являются обыкновенно мало затрагиваемыя въ другихъ общихъ руководствахъ данныя о писателяхъ періода второй имперіи во Франціи, какъ оправдывающихъ переворотъ Наполеона III, напр., Ипполитъ Пасси, такъ и тѣхъ, которые своими произведеніями заранѣе содѣйствовали вы-

---

[1]) Т. I, 405.
[2]) Т. I, 445—459.

работкѣ основныхъ принциповъ конституціи третьей республики, каковы: Броль, Лабулэ и Прево-Парадоль.

Суммируя всѣ изслѣдованія М. Ковалевскаго по исторіи политической мысли, нельзя не замѣтить, что съ новымъ методомъ, который, въ виду принципіальнаго признанія связи изслѣдуемыхъ теорій съ политикой, можетъ быть названъ „политическимъ“, создавалась и новая періодизація. При „философскомъ“ методѣ объ этомъ не нужно было и безпокоиться, поскольку ходъ политическихъ теорій совпадалъ съ общефилософскими. Періоды, естественно, опредѣлялись смѣной схоластики, раціонализма, матеріализма и т. п. Только независимый отъ философской мысли ходъ политическихъ теорій могъ создать потребность въ самостоятельныхъ дѣленіяхъ, и такой періодизаціей явилась у Ковалевскаго смѣна формъ государственнаго устройства. Поэтому онъ послѣдовательно даетъ характеристику аѳинской и римской демократіи, королевства варваровъ, сословной монархіи и т. д., стараясь затѣмъ показать, какъ то или другое современное данному автору государственное устройство отражалось и въ его докт ри нѣ. Именно этимъ путемъ можетъ излагаться исторія политическихъ ученій, какъ наука самостоятельная по отношенію къ философіи, и только въ этомъ направленіи могутъ быть уяснены всѣ особенности изгибовъ политической мысли.

Три тома „Отъ прямого народоправства къ представительному“ не являются полной исторіей политическихъ ученій: это не входитъ въ намѣренія Ковалевскаго [1])

Дѣленіе на эпохи у него тоже лишь намѣчено, но не проведено въ деталяхъ на протяженіи всего историческаго процесса. Его основной идеей было показать необходимость построить исторію политическихъ ученій не на основаніи исторіи философіи, а на на основаніи эволюціи формъ государственнаго устройства. Эта идея прекрасно оправдана результатами всѣхъ его работъ по исторіи политической мысли.

IX.

Исторія по справедливости считается одной изъ наиболѣе объективныхъ наукъ, но и сквозь изслѣдованія фоліантовъ вѣковой давности чувствуется личность ихъ изслѣдователей. У каждой книги есть свое лицо — образъ и подобіе ея авто ра

[1]) Т. I, вступленіе, III.

Въ пятитомной „Исторіи политическихъ ученій“ Чичерина невольно ощущается могучій по силѣ анализа умъ, съ богатѣйшей эрудиціей, съ обширнымъ кругозоромъ; умъ упорный, дошедшій до кристаллической ясности своихъ воззрѣній, увѣрившійся въ нихъ, непоколебимо стоящій на избранной позиціи, отражая во всеоружіи логики нападки справа и слѣва, не отступая ни назадъ, ни впередъ, умъ болѣе, чѣмъ упорный, закаленный въ постоянствѣ до неподвижности, до черствости, а потому нерѣдко сухой и холодный. Полный упрямой вѣры въ высоту разъ познанной истины, онъ лишь сквозь призму ея можетъ смотрѣть на весь міръ, на все прошлое и даже будущее, не преклоняясь ни предъ тѣмъ, ни предъ другимъ. „Начала, вытекающія изъ природы вещей“ и открытыя философскимъ прозрѣніемъ автора, „всегда одни и тѣ же“. „Мы видимъ“ въ прошедшемъ, „въ исторіи мысли повтореніе однихъ и тѣхъ же воззрѣній“. „Будущее“ то же „не дастъ намъ ничего существеннаго, чего бы не было въ прошедшемъ“ [1]). Но прошедшее не можетъ, конечно, стоять на одной ступени съ настоящимъ: будучи тѣмъ же по кругу идей, оно не равно по ихъ разработкѣ. „Что прежде существовало въ зародышѣ, то впослѣдствіи является во всей полнотѣ своихъ опредѣленій“. Такъ, эпоху за эпохой, съ точки зрѣнія Чичерина, проходила человѣческая мысль, пока не достигла до вершины настоящаго, до ученія о конституціонномъ государствѣ, возглавляемомъ наслѣдственнымъ монархомъ и охраняющемъ въ равной мѣрѣ какъ духовную, такъ и экономическую свободу подданныхъ, не вступаясь ни за богатаго, ни за бѣднаго [2]).

Коркуновъ возражалъ противъ такого превознесенія настоящаго предъ прошедшимъ. „Попытки представить исторію философіи права, какъ законченное цѣлое, приводятъ“, по его мнѣнію, „къ ничѣмъ не обоснованному возвеличенію даннаго историческаго момента, къ историческому эгоизму, какъ говоритъ Савиньи“. Къ чему же сводится въ такомъ случаѣ историческое развитіе политической мысли? Такъ какъ во всѣ эпохи, по мнѣнію Коркунова, мы находимъ одни и тѣ же основные принципы: противоположеніе свободы и власти, равенства и аристократизма, положительнаго права и естественнаго, личной обособленности, общественной связанности и т. п.,

---

[1]) Ист. пол. уч. т. I, 3.
[2]) Ист. пол. уч. т. I, 11—15.

то „болѣе подходящими признаками для исторической группировки философскихъ ученій о правѣ можетъ служить различіе не по содержанію предлагаемыхъ ими отвѣтовъ, а по самой постановкѣ вопроса“ [1]).

Критикуя въ своей „Исторіи философіи права“ доктрину Чичерина и его четырехчленный діалектическій законъ, Коркуновъ указываетъ на неизбѣжность, при его допущеніи замѣны прогрессивнаго движенія по тремъ гегелевскимъ ступенямъ безплоднымъ движеніемъ по кругамъ. По существу дѣла онъ самъ впадаетъ въ ту же цикличность, да еще худшую. У него мы видимъ то же вѣчное повтореніе однѣхъ и тѣхъ же идей, и даже безъ того усовершенствованія, которое устанавливается Чичеринымъ. Различіе возникаетъ лишь въ формѣ, а не въ содержаніи. Поэтому позднѣйшее въ существѣ дѣла не даетъ ничего новаго въ сравненіи съ прежде бывшимъ. Подобно вѣтру, упоминаемому Екклезіастомъ, идеи кружатся, кружатся и снова возвращаются на мѣсто свое, къ исходному моменту. Вѣчнымъ застоемъ, суетой суетъ вѣетъ отъ такой трактовки исторіи философіи права. Въ этомъ приравненіи, вопреки Чичерину, настоящаго къ прошлому чувствуется дыханіе того консерватизма, который глубоко проникалъ и мысль и психику Коркунова.

Упорная неподвижность и догматизмъ одинаково свойственны и манчестерскому либерализму Чичерина, и консерватизму Коркунова. То и другое было чуждо живой мысли Ковалевскаго. Онъ не думалъ, что вѣчная истина — старая истина. Жизненной истиной для него была идея прогресса во всемъ: въ промышленности, въ политическомъ строѣ, въ человѣческой мысли. На пути этому убѣжденію стояла высказываемая даже нѣкоторыми выдающимися соціалогами нашего времени, напр., Лиліенфельдомъ, мысль что „идея прогресса едва ли примѣнима къ исторіи государства и, въ частности, формы политическаго устройства, извѣстныя еще Аристотелю, продолжаютъ жить и по настоящій день“ Но на на это у Ковалевскаго было основательное возраженіе, указывающее на то, что „подъ старыми названіями, еще извѣстными Аристотелю, намъ приходится имѣть дѣло съ совершенно новыми политическими образованіями“ [2]), и что

---

1) Ист. фил. пр. стр. 3—4.

2) Т. I, стр. V.

поэтому — прогрессъ можетъ быть отмѣченъ и въ исторіи государства.

Вѣрный своему принципу, Ковалевскій всюду отмѣчалъ параллельно съ непрерывнымъ ростомъ государства постоянную эволюцію политической мысли. И это вѣчное движеніе впередъ представлялось ему не праздной суетой, а имѣющимъ высокій смыслъ. То не былъ смыслъ неподвижной конечной цѣли, за которой уже ничего не можетъ быть. То былъ смыслъ общаго направленія въ ходѣ развитія политическихъ образованій: „отъ прямого народоправства къ представительному и отъ патріархальной монархіи къ парламентаризму“. Дѣйствительная природа этой эволюціи потому была дорога Ковалевскому, что она соединялась съ развитіемъ самого общества, съ исчезновеніемъ въ немъ рабства и крѣпостничества, проведеніемъ въ жизнь равенства всѣхъ предъ закономъ и судомъ, ростомъ общественной самодѣятельности, укрѣпленіемъ неприкосновенности тѣхъ самыхъ правъ личной свободы, которыя еще со стороны левеллеровъ столь торжественно были провозглашены неотчуждаемыми, и которыя въ послѣднее время нашли лучшее, по его мнѣнію, осуществленіе въ парламентарныхъ государствахъ. Но Ковалевскій не считалъ и парламентаризмъ послѣднимъ словомъ политическаго творчества, и, ожидая въ будущемъ трансформаціи современнаго государства, онъ заранѣе привѣтствовалъ всякое дальнѣйшее развитіе его, которое будетъ совершаться „въ духѣ равенства и свободы“ [1])

М. Ковалевскій не уравнивалъ настоящаго съ прошлымъ и не возводилъ его на пьедесталъ. Оно казалось ему однимъ изъ звеньевъ въ цѣпи событій на пути къ бо̀льшему совершенству. Состоящимъ изъ такихъ же безпрестанно смѣнявшихся и неизмѣнно новыхъ звеньевъ рисовалось ему и прошлое. Это представленіе о вѣчномъ обновленіи жизни человѣчества, въ противоположность представленію о постоянствѣ и повторяемости формъ ея, и дало ему возможность явственнѣе отмѣтить такія детали политическихъ ученій, которыя сглаживались и оставались въ тѣни въ изслѣдованіяхъ Коркунова и Чичерина; но оно же способствовало и тому, что въ его изложеніи заполнились подлинно живымъ содержаніемъ сухія схемы абстрактныхъ теорій.

А—ндръ Боголѣповъ.

---

[1]) Т. I, V—VII.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Итоги двухлѣтней войны. — Общественное настроеніе въ Германіи — Планы и дѣйствія союзниковъ. — Германскія „звѣрства“. — Новыя международныя конвенціи. — Отставка С. Д. Сазонова и новый министръ иностранныхъ дѣлъ.

Вступая въ третій годъ міровой войны, участвующіе въ ней народы не могутъ еще утѣшаться мыслью о скоромъ ея окончаніи; но обѣ воюющія стороны, несомнѣнно, переживаютъ критическій моментъ поворота въ ходѣ событій. Послѣ крупныхъ успѣховъ и обширныхъ завоеваній германцевъ начинается, повидимому, періодъ ихъ постепенныхъ и систематическихъ неудачъ; союзники, наконецъ, собрались съ силами, выставили вполнѣ свѣжія милліонныя арміи, обезпечили ихъ громаднымъ количествомъ орудій и боевыхъ снарядовъ и стали дѣйствовать по общему, совмѣстно выработанному плану, наступая одновременно на всѣхъ фронтахъ и не давая противнику возможности перебрасывать войска съ одного фронта на другой. Рѣшительныя пораженія австрійцевъ въ Галиціи, вынужденныя отступленія германцевъ на Соммѣ, безплодныя пятимѣсячныя усилія и страшныя жертвы подъ Верденомъ, непрерывныя русскіе успѣхи на Кавказѣ, начало наступленія англо-французскаго экспедиціоннаго корпуса на Балканахъ, — все это указываетъ на крутую перемѣну въ общемъ политическомъ положеніи, сравнительно съ недавнимъ прошлымъ. Иниціатива, находившаяся до сихъ поръ въ рукахъ германцевъ, перешла теперь къ союзникамъ, и нѣмцамъ приходится уже больше думать объ оборонѣ, чѣмъ о нападеніи.

Успокоительныя объясненія германскаго главнаго штаба и популярныхъ газетныхъ стратеговъ отчасти смягчаютъ тревогу, вызываемую въ общественномъ мнѣніи Германіи новѣйшими военными обстоятельствами; но тревожное чувство растетъ и распространяется въ странѣ не столько подъ вліяніемъ испытываемыхъ неудачъ, сколько вслѣдствіе чрезмѣрной продолжительности войны, которой не предвидится конца. Нѣмцы попрежнему убѣждены въ своемъ военномъ превосходствѣ и въ непобѣдимости своихъ армій; они

привыкли вѣрить въ компетентность, добросовѣстность и энергію своего правительства, которое обыкновенно, въ самомъ дѣлѣ, комплектуется изъ свѣдущихъ и способныхъ людей; они безусловно полагаются также на своихъ генераловъ и полководцевъ, выдвигаемыхъ не случайно, по протекціи, а въ силу ихъ доказанныхъ на опытѣ дарованій. Основная вѣра нѣмцевъ въ побѣду далеко не поколебалась въ той мѣрѣ, какъ представляютъ себѣ ихъ противники; это видно уже изъ отзывовъ и разсужденій нѣмецкой печати по поводу назначенія фельдмаршала Гинденбурга главнокомандующимъ всѣми арміями, дѣйствующими противъ Россіи. Одного этого назначенія достаточно было, чтобы успокоить нѣмецкую публику и внушить ей увѣренность въ благополучной ликвидаціи русскаго наступленія. Правда, южная часть австрійскихъ войскъ, расположенныхъ на русскомъ фронтѣ, оставлена подъ высшимъ начальствомъ наслѣдника австрійскаго престола, чтобы сохранить, по крайней мѣрѣ, видимость самостоятельности монархіи въ военномъ отношеніи; эта часть австрійскихъ войскъ можетъ терпѣть пораженія безъ ущерба для чести и достоинства Германіи, которая, напротивъ, только выиграетъ отъ выпадающей на нее роли неизбѣжной спасительницы Австро-Венгріи. Неудачи австрійскихъ эрцгерцоговъ и полководцевъ усиливаютъ военно-политическій авторитетъ Германіи и ускоряютъ тотъ процессъ фактическаго сліянія обѣихъ центральныхъ имперій, о которомъ мечтаютъ нѣмецкіе патріоты. Что военныя неудачи австрійцевъ могутъ повліять на ходъ военныхъ дѣйствій самой Германіи, — этого никто не высказываетъ открыто, и мысль объ этой возможности считается непозволительною антипатріотической ересью.

Публицисты нейтральныхъ странъ, посѣщавшіе Германію за послѣдніе мѣсяцы, не замѣчали въ ней признаковъ упадка духа или недовѣрія къ ближайшему будущему по поводу новѣйшихъ перемѣнъ и колебаній въ ходѣ военныхъ дѣйствій. Нѣмецкое общество, повидимому, не сомнѣвается въ прочности достигнутыхъ результатовъ и пріобрѣтеній; оно недовольно лишь упорствомъ противниковъ, не желающихъ признать эти результаты окончательными и прекратить дальнѣйшую безплодную борьбу. Въ этомъ отношеніи общественное мнѣніе Германіи представляется вполнѣ солидарнымъ съ заявленіями и стремленіями правительства. Швейцарскій обыватель, вернувшійся недавно изъ Германіи, гдѣ онъ имѣлъ много случаевъ наблюдать общественное настроеніе съ самаго начала войны, пишетъ въ лондонскомъ „Times“, что иностранная публика жестоко ошибается, приписывая нѣмцамъ какіе-либо скептическіе взгляды относительно вѣроятнаго исхода кампаніи и предполагаемыхъ условій мира. Народное довѣріе къ веденію военныхъ операцій и къ официаль-

нымъ о нихъ отчетамъ — по словамъ этого безпристрастнаго наблюдателя—остается нисколько не поколебленнымъ. Публика повторяетъ вслѣдъ за правительственными органами, что подъ Верденомъ германская армія методично, съ безпощадною послѣдовательностью, исполняетъ крайне трудную задачу, требующую громадной выдержки и терпѣнія, и что крѣпость будетъ непремѣнно взята къ надлежащему, приблизительно разсчитанному сроку, послѣ чего начнутся мирные переговоры. Народъ твердо знаетъ, что война ведется гдѣ-то за предѣлами его отечества, что богатѣйшія области враждебныхъ сосѣднихъ странъ заняты германскими войсками и подчинены нѣмецкому управленію, и что вѣковой восточной вопросъ окончательно рѣшенъ Германіею въ ея пользу, о чемъ свидѣтельствуетъ прямое желѣзнодорожное сообщеніе между Берлиномъ и Константинополемъ. Больше ничего не требуется нѣмцамъ, и если даже союзникамъ удастся сократить на десятки квадратныхъ километровъ огромное пространство занятыхъ германцами земель, то Германія будетъ все-таки вправѣ признавать себя побѣдительницей. Такъ разсуждаютъ нѣмцы средняго круга, по словамъ швейцарскаго наблюдателя.

Въ томъ же родѣ характеризуетъ внутреннее положеніе Германіи независимый нѣмецкій журналистъ и историкъ Розенмейеръ, вынужденный эмигрировать въ Швейцарію и сообщившій свои любопытныя замѣчанія случайному корреспонденту газеты „Temps“. Д-ръ Розенмейеръ утверждаетъ, что всѣ классы нѣмецкаго общества, не исключая передовыхъ либераловъ и большинства соціалистовъ, стоятъ за присоединеніе завоеванныхъ территорій, съ незначительными лишь уступками, и что къ этому, въ сущности, сводятся туманныя фразы о необходимомъ „расширеніи“ имперіи на востокѣ и о гарантіяхъ ея безопасности на западѣ. Надежды на миролюбіе и умѣренность нѣмецкой демократіи въ случаѣ преобразованія политическаго строя Германіи въ демократическомъ духѣ не имѣютъ подъ собою, по мнѣнію Розенмейера, никакой почвы: демократическій режимъ не измѣнитъ стремленій народа къ территоріальному расширенію и къ господству надъ болѣе слабыми народностями. Только дѣйствительная и явная для всѣхъ побѣда союзниковъ можетъ заставить Германію отказаться отъ завоевательныхъ плановъ.

Многіе нѣмецкіе соціалъ-демократы открыто проповѣдуютъ необходимость широкихъ аннексій и крупныхъ контрибуцій. Въ бесѣдѣ съ испанскимъ публицистомъ, Антоніо Муноцомъ, депутатъ Гейне, принадлежащій къ соціалистической партіи, развивалъ тѣ же идеи, какъ и заурядные прусскіе патріоты, хотя и дѣлалъ разныя либеральныя предположенія на случай добровольной покорности про-

тивниковъ. „Мы возстановили бы, вѣроятно, независимость Бельгіи, — говорилъ онъ, — если бы она заключила съ нами военную конвенцію; Францію мы оставили бы въ томъ же видѣ, какъ она была, съ тѣмъ условіемъ, чтобы она отреклась отъ всякихъ мечтаній объ Эльзасъ-Лотарингіи и примирилась съ положеніемъ побѣжденной державы; но соглашеніе на этой почвѣ немыслимо, пока оружіе не сказало своего послѣдняго слова. Что касается Россіи, — продолжалъ депутатъ Гейне, — то мы, конечно, сохранимъ значительнѣйшую часть завоеванныхъ земель; но Польшѣ будутъ предоставлены спеціальныя привилегіи, сущность которыхъ еще подлежитъ обсужденію". По словамъ Гейне, милитаризмъ, противъ котораго возставали соціалисты, не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ, противъ котораго ополчаются союзники. „Мы боролись противъ привилегій военной касты, но не противъ необходимыхъ вооруженій. Всякое германское правительство должно держать наготовѣ сильную армію для защиты отечества отъ нападеній враговъ, постоянно угрожающихъ Германіи. Соціалисты защищали и будутъ защищать границы, признанныя нужными для спокойствія и безопасности страны; они хотятъ сохранить территоріи, пріобрѣтенныя съ такимъ трудомъ, и было бы недостойно ихъ, соціалистовъ, допускать мысль объ уступкѣ чего бы то ни было". Эластичныя слова депутата Гейне, относящіяся къ „нужнымъ" для страны земельнымъ пріобрѣтеніямъ, могутъ быть примѣнены, очевидно, не только къ Эльзасу-Лотарингіи, но и ко всѣмъ французскимъ, бельгійскимъ и русскимъ областямъ, занятымъ нынѣ германскими войсками: стоитъ только германскому генеральному штабу заявить, что извѣстныя части этихъ чужихъ областей непремѣнно нужны Германіи для обезпеченія ея спокойствія и безопасности, и нѣмецкіе соціалисты тотчасъ станутъ защищать эти новыя границы, не допуская и мысли объ обратной уступкѣ какой-либо доли сдѣланныхъ пріобрѣтеній. Еще болѣе рѣшительно высказался въ бесѣдѣ съ тѣмъ же испанскимъ журналистомъ другой благонамѣренный нѣмецкій соціалъ-демократъ, депутатъ Зюдекумъ, пріобрѣвшій въ свое время сомнительную извѣстность своими попытками закулисныхъ сношеній съ представителями иностранныхъ соціалистическихъ партій, по порученію имперскаго правительства. Онъ признаетъ, что продолжительность военныхъ дѣйствій превысила всѣ ожиданія и расчеты самыхъ отчаянныхъ пессимистовъ среди нѣмцевъ и что британская блокада создала для Германіи серьезныя затрудненія относительно продовольствія; но „если народъ вовлеченъ въ войну потребностью распространенія своей расы, онъ имѣетъ право стремиться къ справедливому миру". Нѣмцы, по свидѣтельству Зюдекума, не чувствуютъ никакой вражды къ Франціи

и готовы жить съ ней въ мирѣ; однако, какъ бы они ни были утомлены войною, они не допустятъ даже разговора объ Эльзасъ-Лотарингіи. „Французы — безумцы, если они надѣются на обратное полученіе потерянныхъ провинцій; для этого они должны были бы вновь завоевать ихъ силою своего оружія. До сихъ поръ, — говорилъ далѣе депутатъ, — нельзя сказать, что мы побѣждены. Какъ нѣмецъ, я вѣрю въ великія средства нашей индустріи. Вмѣшательство нейтральныхъ странъ могло бы, разумѣется, измѣнить предусмотрѣнный результатъ войны; но даже въ послѣдней крайности, говорю вамъ искренно, я не вѣрю въ подавляющую побѣду союзниковъ; они будутъ жертвовать собою, дойдутъ до послѣдняго человѣка и до истощенія всѣхъ своихъ рессурсовъ, но не будутъ въ состояніи довести дѣло до завоевательной войны. Нравится ли это другимъ или не нравится, во всякомъ случаѣ мы представляемъ собою великую націю, которая по праву претендуетъ на подобающее мѣсто среди великихъ державъ Европы. А теперь: можемъ ли вѣчно оставаться въ томъ жалкомъ положеніи, въ какомъ мы находимся и которое навязываетъ намъ Англія?“ („Temps“ отъ 18 іюля.)

Безполезно было бы прилагать мѣрку здравой логики къ этимъ сбивчивымъ изліяніямъ нѣмецкихъ патріотовъ. Германія занимала до войны безспорно первенствующее мѣсто въ Европѣ, и нельзя понять, какого еще болѣе выдающагося положенія могла она требовать для себя среди другихъ великихъ націй; если же въ настоящее время она чувствуетъ себя стѣсненною и даже жалкою подъ вліяніемъ англійской блокады, то вѣдь это результатъ войны, которую предприняла сама Германія. При томъ обиженная великая нація жестоко мститъ англичанамъ ежедневнымъ систематическимъ потопленіемъ британскихъ коммерческихъ и пассажирскихъ пароходовъ, безъ предварительнаго осмотра ихъ груза и безъ предоставленія людямъ возможности спастись, вопреки общепринятымъ началамъ международнаго права. Поступая такимъ образомъ, нѣмцы лишаютъ себя права жаловаться на британское засилье, мѣшающее имъ получать необходимые продукты изъ заморскихъ странъ. Депутаты Гейне и Зюдекумъ, какъ и большинство образованныхъ нѣмцевъ, не замѣчаютъ внутренняго противорѣчія въ ихъ требованіяхъ и жалобахъ. Они возмущаются при мысли о возвращеніи Эльзаса-Лотарингіи подъ власть Франціи, согласно желанію населенія, и въ то же время считаютъ вполнѣ естественнымъ, чтобы другія націи отдали значительную часть своихъ территорій германцамъ. Почему Германія можетъ отнимать у другихъ нужныя ей земли, а другіе ничего не должны отнимать у нея обратно,—остается безъ объясненія. Если все зависитъ отъ превосходства военной силы, то и Германія

вынуждена будетъ уступить Эльзасъ-Лотарингію въ случаѣ побѣды союзниковъ, — точно такъ же какъ и наоборотъ, въ случаѣ торжества германскаго оружія, союзникамъ придется распрощаться съ частью своихъ земель, захваченныхъ нѣмцами. Признавая исключительное господство права силы, Германія должна быть заранѣе готова на неизбѣжныя уступки въ случаѣ своего пораженія, и разумѣется само собою, что только въ этомъ случаѣ — мало вѣроятномъ съ точки зрѣнія нѣмецкаго патріотизма — можетъ быть серьезно поставленъ вопросъ объ Эльзасъ-Лотарингіи. Однако самая гипотеза германскаго пораженія не допускается нѣмецкимъ общественнымъ мнѣніемъ, и въ этомъ именно заключается характеристика внутренняго настроенія Германіи, насколько можно судить по имѣющимся въ печати даннымъ. Такое настроеніе большинства народа, послѣ двухъ лѣтъ страшной, небывалой еще борьбы, служитъ сильнѣйшей нравственной поддержкою для правительства, которому обыватели упорно и слѣпо вѣрятъ, несмотря на все его лицемѣріе и лживость. Грубѣйшія искаженія фактовъ и произвольныя, ни на чемъ не основанныя выдумки, пущенныя въ оборотъ правительствомъ для оправданія возмутительной войны, до сихъ поръ еще принимаются образованными и даже учеными нѣмцами за безспорныя истины. Нѣмецкіе публицисты и общественные дѣятели все еще при каждомъ подходящемъ случаѣ, повторяютъ, что главная виновница войны — Англія, что Бельгія имѣла съ нею секретный союзный договоръ и потому не могла остаться нейтральною, что Германія не желала войны и до послѣдней минуты хлопотала о сохраненіи мира, что она вынуждена бороться за свое существованіе противъ враждебной коалиціи, которая рѣшила ее уничтожить, и т. п. Народъ вѣритъ всему этому и чувствуетъ себя солидарнымъ съ правителями, которые будто бы борются за его жизненные интересы. Это искусственно поддерживаемое единодушіе народа и правительства въ Германіи позволяетъ ей дѣйствовать свободно, не стѣсняясь, и направлять всѣ свои силы и средства къ достиженію единой цѣли. Значеніе этого единодушія усиливается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что союзники Германіи подчиняются ея военному руководительству, при чемъ всѣ предпринимаемыя операціи пріобрѣтаютъ характеръ планомѣрнаго единства и практической цѣлесообразности.

Въ нездоровой атмосферѣ національнаго ослѣпленія, при отсутствіи разумной критики и контроля, германское правительство попрежнему возлагаетъ свои надежды на систему террора, въ видахъ побужденія противниковъ къ миролюбію. Двухлѣтній опытъ въ этомъ отношеніи ничему не научилъ нѣмецкихъ военно-политическихъ дѣятелей. Они имѣли уже, кажется, возможность убѣдиться

что безчеловѣчная практика подводной войны не производитъ желаннаго устрашающаго воздѣйствія на умы англичанъ и весьма слабо отражается на размѣрахъ британскаго торговаго судоходства, вызывая лишь безплодное раздраженіе въ союзныхъ и нейтральныхъ странахъ; тѣмъ не менѣе, несмотря на недавнее соглашеніе съ Соединенными Штатами относительно соблюденія извѣстныхъ ограничительныхъ правилъ командирами подводныхъ лодокъ, прежніе пиратскіе пріемы стали вновь примѣняться въ обширныхъ размѣрахъ, и частнымъ коммерческимъ пароходамъ даже запрещается прибѣгать къ самозащитѣ подъ угрозою признанія ихъ виновными въ морскомъ разбоѣ. И эта угроза приводится въ исполненіе. Такъ, захваченный вмѣстѣ со своимъ судномъ капитанъ Фрайеттъ былъ преданъ военному суду и приговоренъ къ смертной казни за то, что больше года тому назадъ, при встрѣчѣ съ германскою подводною лодкою, не подчинился ея приказу остановиться, а двинулся на нее быстрымъ ходомъ, пытаясь ее протаранить, чѣмъ спасъ свой корабль и экипажъ отъ гибели, но едва не погубилъ напавшую на него лодку, которая съ трудомъ успѣла избѣгнуть удара и погрузиться въ воду. Военныя власти поторопились исполнить смертный приговоръ надъ Фрайеттомъ въ тотъ же день 28 (15) іюля, когда его судили, — чтобы не давать повода къ американскому или иному дипломатическому вмѣшательству. Офиціальное германское сообщеніе объ этой казни кончается словами: „Одинъ изъ многочисленныхъ и пагубныхъ актовъ нападенія англійскихъ пиратовъ противъ нашихъ военныхъ судовъ получилъ такимъ образомъ запоздалое, но заслуженное наказаніе“. Утверждаютъ положительно, что приговоръ по этому дѣлу былъ представленъ на усмотрѣніе Вильгельма II и санкціонированъ имъ и его главнымъ штабомъ безъ всякихъ колебаній. Газеты большею частью одобряютъ суровый актъ возмездія по отношенію къ англичанамъ въ лицѣ Фрайетта. Кельнская „Volkszeitung“ съ удовольствіемъ констатируетъ, что „германскому флоту въ первый разъ дано ясно выразить свое мнѣніе о поведеніи капитановъ британскихъ торговыхъ судовъ, пытающихся топить германскія подводныя лодки; этотъ языкъ будетъ понятенъ въ Лондонѣ, ибо это языкъ пороха и пуль. Казнь Фрайетта послужитъ предостереженіемъ для людей, готовыхъ слѣдовать его примѣру. Пусть поднимутся крики противъ германскаго варварства, какъ это было въ дѣлѣ миссъ Кавель; эти крики не нарушатъ нашего спокойствія“. Нѣмецкіе патріоты, очевидно, полагаютъ, что капитаны англійскихъ пароходовъ, запуганные примѣромъ Фрайетта, перестанутъ защищаться отъ нападеній подводныхъ лодокъ и будутъ покорно ждать своей участи отъ дѣйствія германскихъ минъ. Необходимая оборона

противъ нападеній въ открытомъ морѣ всегда признавалась за коммерческими пароходами, тѣмъ болѣе противъ подводныхъ лодокъ, дѣйствующихъ явно незаконно, въ духѣ безсмысленно-жестокаго пиратства, а самозащита въ подобныхъ случаяхъ объявляется преступленіемъ, за которое слѣдуетъ смертная казнь. Такъ называемая казнь Фрайетта подъ видомъ исполненія судебнаго приговора, состоявшагося даже безъ участія защитника, является простымъ убійствомъ военноплѣннаго, и этотъ актъ злобной мести долженъ былъ повсюду въ нейтральныхъ странахъ — не говоря уже о союзныхъ націяхъ, — возбудить чувство глубокаго возмущенія.

Въ британскомъ парламентѣ, 19 іюля (1 августа), премьеръ Асквитъ произнесъ по этому поводу многозначительныя слова, которыя при извѣстныхъ обстоятельствахъ могутъ получить серьезное практическое примѣненіе. „Великобританское правительство, — заявилъ онъ, — съ глубочайшимъ негодованіемъ узнало объ этомъ гнусномъ преступленіи противъ международнаго права и обычаевъ войны. Трудно предсказать, къ какимъ новымъ звѣрствамъ будутъ еще прибѣгать германцы; но великобританское правительство считаетъ долгомъ заявить самымъ опредѣленнымъ образомъ, что, когда наступитъ подходящій моментъ, эти преступленія не останутся безнаказанными. Правительство твердо рѣшило, когда придетъ время, привлечь преступниковъ къ отвѣтственности, кто бы они ни были, какое бы ни занимали положеніе. Во всякомъ случаѣ, лицо, давшее свое согласіе на установленіе режима, при которомъ было совершено упомянутое преступленіе, должно, несомнѣнно, признаваться главнымъ виновникомъ. Правительство занято теперь обсужденіемъ вопроса о томъ, какія мѣры надлежитъ принять въ настоящее время“. Конечно, для суда надъ Вильгельмомъ II и его помощниками потребовалось бы взять ихъ въ плѣнъ послѣ окончательной побѣды надъ Германіею, — но надѣяться на этотъ шансъ довольно трудно, при несомнѣнной солидарности нѣмецкаго народа съ правительствомъ и династіею. Приведенное указаніе британскаго премьера, во всякомъ случаѣ, весьма характерно, какъ выраженіе господствующаго настроенія въ Англіи.

Впрочемъ, Германія, видимо, мало интересуется протестами, какіе вызываются ея рѣшеніями и дѣйствіями за границей; она не отказывается и отъ періодическихъ избіеній мирныхъ англійскихъ гражданъ бросаемыми съ цеппелиновъ бомбами, а недавно она удивила міръ новою совершенно исключительной мѣрой — принудительнымъ выселеніемъ на принудительныя работы массы молодыхъ людей, женщинъ и дѣвушекъ изъ Лилля и нѣкоторыхъ другихъ городовъ, занятыхъ германцами въ сѣверной Франціи, при чемъ выбираются для

высылки и увозятся куда-то отдѣльные члены семействъ, преимущественно дѣвушки, по произвольному выбору командующихъ мѣстными нѣмецкими отрядами офицеровъ. Въ официальныхъ извѣщеніяхъ, расклеенныхъ по городу военными властями Лилля, сказано буквально слѣдующее: „Всѣ обитатели, за исключеніемъ дѣтей моложе четырнадцати лѣтъ и ихъ матерей, а также стариковъ, должны быть готовы къ тому, что ихъ увезутъ въ назначенный часъ; относительно каждаго дома офицеръ рѣшитъ окончательно, какія лица будутъ уведены въ сборный лагерь; съ этой цѣлью всѣ жильцы должны собраться впереди своего дома, и только въ случаѣ дурной погоды могутъ ждать у выхода или въ коридорѣ; дверь дома должна оставаться открытою. Всякія возраженія будутъ безполезны. Ни одинъ житель, даже изъ лицъ, не подлежащихъ уводу, не имѣетъ права выходить изъ дома ранѣе восьми часовъ утра. Каждый можетъ имѣть при себѣ не болѣе тридцати килограмовъ багажа: у кого окажется больше, тотъ безусловно лишается права имѣть какой бы то ни было багажъ. Пакеты должны быть приготовлены отдѣльно для каждаго и снабжены четко написаннымъ адресомъ, съ номеромъ свидѣтельства о личности. Необходимо въ интересахъ каждаго имѣть при себѣ посуду для ѣды и питья, а также одѣяло, прочные чулки и бѣлье. Всякій, кто сдѣлаетъ попытку избѣгнуть увода, будетъ безпощадно наказанъ“. Официальные протесты мѣстнаго мэра и епископа, краснорѣчивые и трогательные по содержанію, были оставлены безъ вниманія; не помогло и заступничество римскаго папы, которому, однако, былъ посланъ подробный дипломатическій отвѣтъ. Въ этомъ замѣчательномъ документѣ германское правительсто заявляетъ, что оно руководствуется лишь соображеніями человѣколюбія, удаляя изъ оккупированныхъ мѣстностей избытокъ населенія, для котораго не имѣется достаточныхъ запасовъ продовольствія, и что за печальныя послѣдствія принимаемыхъ германцами мѣръ отвѣтственна одна лишь Англія, не пропускающая хлѣбныхъ продуктовъ въ Германію. Въ Берлинѣ всегда найдутъ оправданіе для всякихъ жестокостей, совершаемыхъ по распоряженію высшаго военнаго начальства, и бумажные протесты, хотя бы самые авторитетные, ничего въ этомъ отношеніи не измѣнятъ.

Правительства союзныхъ державъ знаютъ по опыту, что убѣдить въ чемъ либо современную официальную Германію, заставить ее смягчить практикуемые ею способы дѣйствія возможно только путемъ дѣйствительнаго и прочнаго торжества надъ ея могущественными арміями. Чтобы достигнуть этой цѣли, союзники должны были лучше прежняго обезпечить правильную согласованность

своихъ дѣйствій, и насколько можно судить по многимъ признакамъ, желательное единство общаго плана осуществляется все съ большею послѣдовательностью. Вмѣстѣ съ тѣмъ расширяется кругъ политическихъ соглашеній, облегчающихъ свободу дѣйствій главныхъ силъ и ограждающихъ союзныя державы отъ посягательствъ на ихъ интересы въ другихъ частяхъ свѣта. Въ этомъ смыслѣ чрезвычайно важное значеніе имѣетъ русско-японская конвенція, заключенная 20 іюня (3 іюля). Въ краткихъ и ясныхъ словахъ она устанавливаетъ близкія союзныя связи между двумя имперіями, разъединеніе которыхъ было предметомъ постоянныхъ стараній германской дипломатіи. Правительства обѣихъ странъ — какъ гласитъ текстъ конвенціи — „рѣшивъ объединить свои усилія для поддержанія постояннаго мира на дальнемъ Востокѣ", уславливаются, что ни Россія, ни Японія не примутъ участія ни въ какомъ соглашеніи или политическомъ сочетаніи, направленномъ противъ другой изъ договаривающихся сторонъ; а „въ случаѣ, если бы что-либо грозило территоріальнымъ правамъ или особымъ интересамъ на дальнемъ Востокѣ одной изъ договаривающихся сторонъ, признаннымъ другою договаривающею стороною, Россія и Японія согласятся между собою относительно мѣръ, которыя онѣ примутъ въ видахъ оказанія другъ другу поддержки и содѣйствій для охраны и защиты сказанныхъ правъ и интересовъ", Другая конвенція, заключенная между Англіею и Россіею, съ одной стороны, и Персію, съ другой, имѣетъ цѣлью установить опредѣленный порядокъ въ персидскихъ дѣлахъ, положить конецъ хронической внутренней неурядицѣ, создать регулярную армію и способствовать культурному и экомическому развитію страны подъ совмѣстнымъ протекторатомъ Англіи и Россіи.

Заключеніе этихъ важныхъ международныхъ актовъ — русско-японскаго и англо-русско-персидскаго — составляетъ безспорную заслугу двухъ министровъ иностранныхъ дѣлъ — британскаго, сэра Эдуарда Грея, возведеннаго теперь въ лорды съ титуломъ графа, и русскаго, С. Д. Сазонова, уволеннаго въ отставку 7 іюля. Въ теченіе своего почти шестилѣтняго пребыванія на посту руководителя русской внѣшней политики С. Д. Сазононъ сумѣлъ пріобрѣсть довѣріе иностранныхъ и особенно союзныхъ кабинетовъ, а также симпатіи тѣхъ политическихъ дѣятелей и дипломатовъ, съ которыми ему приходилось непосредственно имѣть дѣло. Можно сказать, что ему мы въ значительной мѣрѣ обязаны превращеніемъ англо-русской офиціальной дружбы въ прочный взаимный союзъ, который далъ намъ возможность справиться съ финансами и обезпечить наши арміи боевымъ снаряженіемъ въ настоящей великой войнѣ·

Укрѣпленіе союза съ Японіею было, несомнѣнно, результатомъ заботъ и усилій С. Д. Сазонова. Въ своихъ выступленіяхъ въ Государственной Думѣ онъ всегда оставался корректнымъ и добросовѣстнымъ представителемъ власти и не обнаруживалъ того влеченія къ узко-партійнымъ правымъ реакціонерамъ, какое проявляли нѣкоторые изъ его коллегъ по министерству; но несправедливо было бы приписывать ему какія-либо особыя либеральныя тенденціи, которыя оправдывали бы его удаленіе въ интересахъ однородности кабинета, какъ предполагали наши газеты. С. Д. Сазоновъ вышелъ въ отставку довольно неожиданно, вскорѣ послѣ отъѣзда его въ отпускъ на три недѣли въ Финляндію; органы правой печати давно нападали на него, какъ на слишкомъ „конституціоннаго“ будто бы министра въ западно-европейскомъ стилѣ, готоваго относиться съ подобающимъ вниманіемъ и уваженіемъ къ народному представительству, и эти же органы громко и рѣзко выражали свое удовольствіе по поводу его ухода. Для успѣховъ русской дипломатіи внезапная отставка такого свѣдущаго и опытнаго руководителя, какъ С. Д. Сазоновъ, не можетъ быть благопріятна; и она не могла не вызвать недоумѣнія въ сочувствующихъ намъ государствахъ. На его мѣсто назначенъ, какъ извѣстно, предсѣдатель Совѣта Министровъ, бывшій до сихъ поръ министромъ внутреннихъ дѣлъ, Б. В. Штюрмеръ, весьма опытный въ вопросахъ внутренней администраціи, но не имѣвшій понынѣ никакого отношенія къ дѣламъ и задачамъ иностранной политики. Въ бесѣдѣ съ журналистами новый министръ иностранныхъ дѣлъ заявилъ, что въ своей новой политической дѣятельности будетъ слѣдовать образцамъ и традиціямъ русской дипломатіи XVII вѣка, при чемъ привелъ одно изреченіе Ордына-Нащокина и резолюцію царя Алексѣя Михайловича. Эти ссылки на русскую старину, конечно, интересны, но онѣ едва ли могутъ дать какія-либо полезныя указанія для нашей современной международной дѣйствительности, съ ея крайне сложными національными и иными задачами, не имѣющими ничего общаго съ той эпохою, когда не было еще прорублено окно въ Европу. Разумѣется, фактически, при данныхъ обстоятельствахъ, общее направленіе нашей внѣшней политики не можетъ и не должно измѣниться въ связи съ перемѣною лицъ во главѣ дипломатическаго вѣдомства, и этотъ взглядъ высказывается теперь въ значительной части заграничной печати.

ИЗЪ РЯДОВЪ ФРАНЦУЗСКОЙ АРМІИ.

... Съ мѣрной четкостью, гулкой дробью отскакиваетъ непрерывный топотъ копытъ нашихъ лошадей отъ безконечно тянущихся вдоль дороги каменныхъ оградъ и заборовъ. Для пѣшехода весь этотъ чудесный уголокъ въ самомъ сердцѣ старой Франціи — одна сѣрая, печальная и пыльная стѣна, за камнями которой спрятана жизнь всѣхъ тѣхъ, кто имѣетъ возможность отгородиться отъ чужого, нескромнаго взгляда. Для насъ же — то здѣсь, то тамъ поминутно открываются веселыя, подъ утреннимъ солнцемъ, ярко зеленыя лужайки, заботливо подстриженные газоны, цвѣтники, уютные бѣлые дома — „замки“, какъ ихъ здѣсь называютъ, выступаютъ неподвижно со своими обвитыми плющемъ башнями и красной черепицей островерхихъ крышъ на густой и темной зелени садовъ и и парковъ. Но повсюду безлюдье и тишина. Повсюду закрытыя ставни, спущенныя жалюзи, запертыя ворота... Между деревьями не мелькаютъ свѣтлыя, лѣтнія платья обитательницъ этихъ, созданныхъ для пріятной и легкой жизни мѣстъ, не слышно ни смѣха, ни шумныхъ, веселыхъ разговоровъ. Только большая, тихая рѣка попрежнему сіяетъ на солнцѣ тысячами своихъ струй, похожихъ издали на колеблющіяся блестки расплавленнаго серебра, да такъ же, какъ и два года тому назадъ, не вѣдая объ ужасѣ творящагося сейчасъ на землѣ, беззаботно чирикаютъ птицы среди жаркой и мирной тишины.

Мы ѣдемъ долго — больше часу. Въ однообразномъ покачиваніи бѣгущихъ лошадей, въ монотонномъ топотѣ ихъ копытъ по гладкому шоссе, въ звенящемъ лязгѣ трясущихся у сѣделъ тяжелыхъ сабель — въ этихъ дымныхъ клубахъ неподвижно слѣдующей за нами тонкой пыли невольно начинаетъ чудится что-то далекое, безконечно старое и знакомое, что было когда-то и что все такъ же упорно продолжаетъ выскальзывать изъ постепенно тупѣющаго сознанья... И понемногу мысль совершенно перестаетъ работать. Гипнозъ совмѣстнаго, массового движенія охватываетъ ослабѣвшую волю. Кажется — точно не было никакой прежней

жизни и вотъ ѣхалъ такъ всегда рядомъ съ такими же странно близкими и странно далекими людьми въ мягкихъ же запыленныхъ бѣлыхъ блузахъ и голубыхъ фуражкахъ, съ ремешкомъ подъ подбородкомъ, такъ же лязгали сабли у сѣделъ и такъ же быстро и съ тѣмъ же равнодушіемъ покорная чужой волѣ рука направляла поводья лошади — то на канаву, которую нужно перескочить, то на ограду, земляной валъ или еще какое-нибудь другое препятствіе, которое въ такихъ случаяхъ „берутъ“, совершенно не думая о томъ, что можно сломать себѣ шею...

Повидимому, въ этомъ растворенiи собственной личной воли среди десятковъ и десятковъ другихъ подобныхъ и точно такъ же подчиненныхъ механической мѣрности общаго движенія и кроется секретъ знаменитыхъ „атакъ кавалерій“, когда люди и лошади въ одномъ и томъ же вихрѣ взаимнаго изступленья продѣлываютъ то, что представляется въ обычныхъ условіяхъ немыслимымъ и невозможнымъ.

Одинъ изъ моихъ новыхъ товарищей, ѣдущій сейчасъ рядомъ со мной, разсказывалъ мнѣ, что въ началѣ войны, когда стратегическія условія еще позволяли французскимъ гусарамъ оправдывать свое наименованье „легкой конницы“ — во время одной изъ атакъ во Фландріи осколкомъ разорвавшагося снаряда подъ нимъ была убита лошадь. На полномъ скаку онъ грохнулся со всего размаха о землю, но сейчасъ же вскочилъ и побѣжалъ впередъ. Зачѣмъ и куда онъ бѣжалъ? — Ему было самому неизвѣстно. Вокругъ него мелькали лошадиныя морды, виднѣлись размахивающія саблями фигуры товарищей, мчавшихся точно общей, неудержимой лавиной, а онъ все бѣжалъ, рискуя быть растоптаннымъ на каждомъ шагу, покамѣстъ одинъ изъ скакавшихъ отдѣльно, сбоку maréchals de logis (унтеръ-офицеровъ) не схватилъ его и не посадилъ насильно сзади на свою лошадь...

Но вотъ нашъ собственный maréchal de logis дѣлаетъ впереди знакъ рукой перемѣнить аллюръ. Топотъ и грохотъ копытъ становятся рѣже, размѣреннѣе и тяжелѣе... Усталые, покрытые потомъ и пылью мы ѣдемъ шагомъ на взмыленныхъ лошадяхъ. Я оглядываюсь на лица моихъ товарищей. Какая все условность — всѣ эти географическія, этнографическія и всякія прочія перегородки, которыя люди понастроили себѣ на землѣ! Вотъ я сейчасъ за тысячи и тысячи верстъ отъ моей „за горами, за долами, за широкими морями“ оставшейся и все еще мнѣ далекой и недоступной родины, а вокругъ меня, вмѣсто надлежащихъ быть въ реальности „Гастоновъ“, „Шарлей“ и „Франсуа“, — всѣ тѣ же прежніе „Митюхи“ и „Иванны“!...

Возьмемъ хотя бы наудачу моего самаго ближайшаго сосѣда. Онъ только лишь по-французски крѣпко выругалъ свою лошадь, за то что она шарахнулась въ сторону и встала на дыбы отъ метнувшейся ей подъ ноги испуганной курицы. Онъ родомъ изъ департамента Сены и Уазы. По профессіи — бывшій батракъ на фермѣ. Зовутъ его Пьеромъ.

Но глядя на его круглую добродушную курносую физіономію въ веснушкахъ, на толстыя щеки, веселые сѣрые глазки — „глядѣлки“ подъ еле видными бровями, — мнѣ невольно хочется хлопнуть его по плечу и сказать, разумѣется, не по-французски.

— Ну, полно, братъ... Будетъ притворяться — какой ты тамъ „Пьеръ“!.. Просто-напросто самый нашъ обыкновеннѣйшій россійскій „Петька“!..

И во многихъ другихъ случаяхъ, кромѣ наружнаго сходства — постоянно приходится наблюдать, если можно такъ выразиться, сходство внутреннее между окружающими меня сейчасъ сыновьями бретанскихъ рыбаковъ, батраками нормандскихъ фермеровъ, конюхами скаковыхъ конюшенъ изъ Парижскаго Отеля и Шантильи и тѣми ихъ собратьями по тяжести жизненнаго бремени и труда, что сотнями тысячъ стоятъ теперь на границѣ такой невѣдомой здѣсь и безконечно чуждой Россіи...

Тѣ же разговоры, тѣ же жалобы, тѣ же надежды, что „авось перемѣнится“, тотъ же основанный на тысячелѣтнемъ опытѣ пессимизмъ — „съ сильнымъ не борись — съ богатымъ не тянись“ — тѣ же заботы, маленькія радости, большія огорченья...

И надо всѣмъ тѣмъ — та же свѣтлая, чистая душа подъ грубой подчасъ и корявой внѣшней оболочкой. Тотъ же „мірской духъ“, тѣ же коллективная воля къ исканью лучшаго, болѣе справедливаго на землѣ — часто безсознательное, но вѣрное опредѣленье истинной правды жизни...

Но вотъ уже показались вдали средневѣковыя башни замка нашего маленькаго городка и готическій шпицъ его стараго собора. Парижскій экспрессъ съ пыхтѣньемъ и грохотомъ проносится по кружевному высоко висящему надъ тихой рѣкой желѣзнодорожному мосту. Мы въѣзжаемъ въ сѣренькое, тусклое, съ банальными каменными ящиками-домиками предмѣстье...

Я опять оглядываюсь на своихъ товарищей. А вотъ сейчасъ имъ всѣмъ чего-то недостаетъ! Чего-то не хватаетъ и при томъ абсолютно необходимаго „для полноты картины“.

И вспоминаю немедленно — да вѣдь у нихъ же во Франціи не поютъ! Нѣтъ пѣсни, нѣтъ удали, нѣтъ размаху и буйной радости, подъ которыми такъ хорошо бываетъ укрыть то, что на

самомъ дѣлѣ происходитъ на душѣ... Ѣдутъ всѣ молчаливые, раскисшіе, серьезные. Въ глазахъ усталость и скука. На загорѣлыхъ запыленныхъ физіономіяхъ одно только желанье — поскорѣе слѣзть съ лошади и отдохнуть...

А между тѣмъ мы уже въ городѣ. Звонко откликается намъ старая раскаленная солнцемъ мостовая. Пестрѣютъ разноцвѣтныя сторы, спущенныя надъ зеркальными окнами магазиновъ. Гудитъ и злобно трясется при нашемъ приближеніи чей-то „барскій“ наполненный нарядной публикой автомобиль. Отовсюду выглядываютъ изъ оконъ любопытствующія лица. Пѣшеходы останавливаются на углахъ, чтобы дать намъ дорогу.

Да неужели же — ну хотя бы вотъ этотъ самый, ѣдущій рядомъ со мной „Пьеръ — Петька“ не ухмыльнется сейчасъ во всю свою широкую физіономію, не махнетъ рукой и, придержавъ коня, не затянетъ тонкимъ теноромъ:

— Выйду-ль я на рѣченьку —
Посмотрю на быструю!..

Но устало и апатично молчитъ мой сосѣдъ. Онъ дѣйствительно сейчасъ гораздо больше „Пьеръ“, чѣмъ „Петька“, — сынъ своей чудной веселой, смѣющейся родины, которая дала человѣчеству Гуно, Бизе и Берліоза и которая по какой-то странной аномаліи научила своихъ дѣтей горевать молча, а веселиться лишь подъ звуки сочиняемой въ Парижѣ шансонетки!..

... Нашъ маленькій и чрезвычайно живописный городокъ съ похожимъ на оперную декорацію старымъ замкомъ на вершинѣ высокаго холма, съ узенькими уличками, кривыми, тѣсными переулками, окаменѣвшими ручейками, переплетающимися въ прихотливыхъ зигзагахъ между рядами нивенькихъ подъ массивными крышами средневѣковыхъ домовъ, производитъ впечатлѣніе настоящаго лошадинаго царства. Люди здѣсь точно лишь какой-то необходимый придатокъ къ лошади, которую они должны „проваживать“, которую обязаны чистить, поить и кормить и заботами о которой всецѣло наполнено ихъ ежедневное существованіе.

Куда ни посмотришь — или ведутъ вамъ навстрѣчу сразу цѣлый десятокъ лошадей, или меланхолическая лошадиная морда привѣтливо киваетъ вамъ изъ-за низенькой каменной ограды — или надпись аршинными буквами на домѣ возвѣщаетъ, что „Здѣсь сдается внаймы немедленно чрезвычайно удобная конюшня“...

Дома построены всѣ или съ заранѣе уже приготовленными помѣщеніями для „наиболѣе благороднаго изъ завоеваній человѣче-

ства“ (подразумѣвается лошадь), или во всякое время дня и ночи любой домъ можетъ быть обращенъ въ указанную выше „чрезвычайно удобную конюшню“...

Разговоры здѣшнихъ обителей преимущественно вращаются вокругъ вполнѣ опредѣленныхъ темъ — „онъ взялъ барьеръ“, „онъ не взялъ барьера“... „Черезъ простую канаву и черезъ валъ она у меня прошла легко, ну, а у сложной канавы съ валомъ пришлось дать шпоры“ и т. д. Центръ города — огромнѣйшая площадь, по бокамъ обстроенная дворцами — манежами и непрерывно тянущимся рядомъ гигантскихъ конюшенъ. На этой площади съ утра до вечера играютъ сигнальные рожки и въ разныхъ концахъ то бѣшенымъ аллюромъ съ обнаженными саблями въ рукахъ, съ развѣвающимися позади мѣдныхъ касокъ конскими хвостами, то сомкнутыми грозно ощетиненными пиками рядами носятся въ облакѣ пыли изучающіе дѣла смерти и разрушенья наши эскадроны... Сбоку площади — длинная аллея, проскакать которую изъ конца въ конецъ — значитъ столько же разъ подвергнуться перспективѣ испытать собственнымъ затылкомъ крѣпость утоптаннаго сотнями лошадиныхъ копытъ песка, сколько тамъ понастроено разныхъ валовъ, „простыхъ и сложныхъ“, накопано канавъ, воздвигнуто разныхъ прочихъ, съ большимъ искусствомъ придуманныхъ „головоломныхъ“, въ буквальномъ смыслѣ, слова сооруженій... И часто видишь — мчится всадникъ — еще моментъ — и мчится уже лошадь безъ всадника!.. Но подобныя „маленькія случайности ремесла“ здѣсь не считаются чѣмъ-нибудь серьезнымъ. Настоящему обитателю здѣшнихъ мѣстъ полагается не столько не падать съ лошади, сколько не бояться ни при какихъ обстоятельствахъ возможности всякаго паденья!

А кругомъ на эти ежедневныя картины смотрятъ старыя много видѣвшія на своемъ вѣку стѣны „историческихъ сооруженій“. На одномъ изъ нихъ надпись: — „Построено въ 1760 году“. Здѣсь еще скакали блестящіе маркизы эпохи „короля Солнца“ въ пудреныхъ парикахъ и въ расшитыхъ камзолахъ. Здѣсь скакали смѣнившіе ихъ санкюлоты великой революціи... Эпохѣ Наполеона отведенъ другой уголъ. — На этомъ обширномъ и внушительномъ зданіи не менѣе внушительная, хотя и краткая надпись — „Манежъ Лассаля“... Къ чему служитъ слава и подвиги человѣка? Кто помнитъ сейчасъ это имя, ничего не имѣющее общаго, спѣшу оговориться, надѣюсь, съ незабытымъ еще россійской широкой публикой Фердинандомъ Лассалемъ!.. А между тѣмъ полковникъ Лассаль, командиръ Наполеоновскихъ гусаръ — тотъ самый „первый наѣздникъ и кавалеръ Европы“, слава о безумной храбрости и

лихости котораго гремѣла отъ тогдашней Москвы до береговъ Тахо и Гвидалквивира, тотъ щеголь, усачъ и сердцеѣдъ, который создалъ цѣлый сонмъ подражателей во всей Европѣ своей манерѣ врубиться въ ряды непріятелей съ вѣчно дымящейся коротенькой трубкой въ зубахъ, быть первымъ въ бою, въ салонѣ и будуарѣ и слѣдовать которому во всемъ такъ усиленно старались блестящій и несчастный король Неполитанскій и маршалъ Франціи Мюратъ, а у насъ генералъ Милорадовичъ, „Бурцевъ — ёра, забіяка“ и знаменитый поэтъ-партизанъ 12 года Денисъ Давыдовъ...

Но — современники умираютъ, слава проходитъ. Другія времена — другіе люди. А нынѣшняя война на смѣну прежней лихости молодечества выдвинула прежде суровый скромный долгъ, незамѣтно выполненный въ тѣни сѣрой массой незамѣтныхъ, маленькихъ людей, въ которой такъ безслѣдно затерялись и наши россійскіе доморощенные „ёры-забіяки“ и французскіе блестящіе и элегантные полковники Лассали...

Еще одинъ характерный штрихъ для обрисовки нашего маленькаго городка: съ незапамятныхъ временъ вплоть до начала войны здѣсь была знаменитая во всей Европѣ высшая кавалерійская школа. Для „завершенія образованья“ сюда съѣзжалось каждый годъ все, что считалось лучшаго, блестящаго и богатаго во всѣхъ шикарныхъ кавалерійскихъ полкахъ отъ Константинополя до Берлина. Германскіе оберъ-лейтенанты скакали здѣсь рядомъ съ русскими гусарскими поручиками, болгары вмѣстѣ съ сербами, турки съ англичанами и т. д. Скакали, отличались, веселились и — разумѣется, снимались въ мѣстныхъ фотографіяхъ каждый по отдѣльности и всѣ вмѣстѣ группами въ парадныхъ мундирахъ своихъ полковъ въ память общей веселой жизни и совмѣстнаго обученья.

Теперь, когда многіе изъ нихъ уже пали, пронзенные пулями и саблями своихъ прежнихъ друзей и пріятелей, очутившихся волею „рока“ въ противоположныхъ рядахъ, когда все, напоминающее вражескій языкъ, вражескую жизнь, вражескія физіономіи, такъ тщательно изгоняется изо всѣхъ уголковъ враждующей между собой Европы — въ одномъ лишь уголкѣ ея — у насъ можно видѣть открыто выставленные портреты нынѣшнихъ враговъ во всемъ блескѣ и элегантности ихъ закрученныхъ усовъ, ихъ горделивыхъ позъ, ихъ гвардейскихъ и всякихъ прочихъ мундировъ. И дружно сидитъ русскій гусаръ рядомъ съ германскимъ оберъ-лейтенантомъ болгаринъ рядомъ съ сербомъ, турецкій поручикъ въ фескѣ рядомъ съ англичаниномъ, протянувшимъ черезъ всю карточку свои длинныя ноги.

— Кавалерія не имѣетъ отечества! — возразилъ на мой не-

скромный вопросъ одинъ изъ мѣстныхъ „компетентныхъ старожиловъ“. — Что мнѣ за дѣло, если, скажемъ, какой-нибудь Нури-бей — по происхожденью турокъ?.. Я знаю, что „ирландскіе банкеты“ никто лучше Нури-бея не беретъ, и за то я Нури-бея уважаю!..

Помню, когда еще былъ мальчикомъ — съ китайскаго похода вернулся нашъ прежній кучеръ Иванъ — саженнаго роста дѣтина, румянецъ во всю щеку, широченныя плечи и залихватскіе усы. За эти свои качества и зычный голосъ, которымъ онъ гаркалъ: „Здравія желаю...“ — онъ былъ назначенъ въ почетный караулъ во дворецъ китайскаго императора, когда тогдашній главнокомандующій европейскими отрядами германскій фельдмаршалъ графъ Вальдерзее производилъ смотръ войскамъ за впервые увидѣвшей иностранцевъ священной стѣной таинственнаго обиталища Сына Неба...

— Ну, Иванъ, разскажи — какъ тамъ въ Китаѣ? — приставали мы, сгорая отъ любопытства, къ увѣшенному крестами и медалями герою китайскаго похода.

— Да, что, — нехотя отвѣчалъ Иванъ, — обнаковенное дѣло: жарко!..

— Да ты разскажи — какъ вы тамъ... Ну, а дворецъ-то богдыхана какой?.. Навѣрное — интересно?..

Но Иванъ, какъ китайскій идолъ, оставался непроницаемъ.

— Да чего вамъ разсказывать? Дѣло обнаковенное!.. А ежели, что хочешь узнать — почитай въ книжкѣ: тамъ, небось, все лучше написано!

Приблизительно въ такомъ же точно положеніи мнѣ пришлось очутиться теперь, много-много лѣтъ спустя, за многія тысячи верстъ отъ моего роднаго города, когда я, среди чужой и далекой жизни пытался снова разспрашивать здѣшнихъ „Ивановъ“, но уже не о китайскомъ походѣ, а о знаменитомъ, безвременно погибшемъ въ бою французскомъ летчикѣ Пегу, вмѣстѣ съ нашимъ, тоже погибшимъ Нестеровымъ, впервые сдѣлавшимъ въ воздухѣ „мертвую петлю“. Оказывается — Пегу началъ свою военную карьеру именно здѣсь, въ лошадиномъ городкѣ и въ скромной роли денщика какого-то оставшагося для исторіи неизвѣстнымъ драгунскаго капитана. Цѣлыхъ два года подъ рядъ, почти ежедневно Пегу — уже и тогда, повидимому, отличавшійся мятежными исканіями, являлся аккуратно въ одно маленькое кафэ и постоянно былъ тамъ душой все общества. Друзья погибшаго „короля воздуха“ собираются все тамъ же и понынѣ. Но въ результатѣ всѣхъ моихъ усилій узнать, что

нибудь новое объ этомъ интересномъ и смѣломъ человѣкѣ — я добился только одного:

— Пегу?.. Помилуйте, да какъ же... Какъ же!.. Первые пріятели мы съ нимъ... Каждый, можно сказать, день... Хорошій парень былъ... Очень хорошій... И на мандолинѣ хорошо игралъ!..

Не знаю — лавры ли бывшаго кавалериста, ставшаго авіаторомъ, не даютъ спать моимъ новымъ товарищамъ по службѣ, или вообще кавалерія по роду своихъ занятій отличается большей иниціативой, чѣмъ другіе виды оружія, только въ настоящій моментъ почти всѣ окружающіе меня мечтаютъ о карьерѣ военнаго летчика какъ о чемъ-то самомъ заманчивомъ и интересномъ. Есть многіе, которые подавали прошеніе о переводѣ ихъ въ авіацію по 5—6 разъ и все еще не потеряли надежды, въ концѣ концовъ, добиться завѣтной цѣли.

Явленіе это весьма характерно для отношенія извѣстной части французской военной среды къ совершающемуся сейчасъ на фронтѣ. Современная война въ томъ видѣ, который она приняла вскорѣ же послѣ своего начала, упразднивъ всякую романтику бѣшеныхъ молніеносныхъ налетовъ, столь свойственныхъ французскому національному характеру, всякую эстетику, хотя бы и кровавую, въ видѣ прежнихъ блестящихъ красивыхъ и элегантныхъ рыцарскихъ атрибутовъ, тѣмъ самымъ обнажила свою реальную сущность: истребляй врага всѣми безъ исключенія способами, или онъ сдѣлаетъ то же самое съ тобой!

Въ началѣ войны мои товарищи отправились на фронтъ въ своихъ красивыхъ мундирахъ, съ эполетами, шнурами, и т. д. Потомъ съ нихъ сняли эполеты, потомъ шнуры — потомъ, все сѣрѣя и сѣрѣя съ каждымъ днемъ, они незамѣтно слились съ остальной, облеченной въ „защитные цвѣта“ сѣро-голубой массой французскихъ „пуалю“, а потомъ сами собой кончились героическія праздничныя атаки „съ дымящейся трубкой въ зубахъ“, и наступили прозаическіе будни... Кавалерія ждетъ того счастливаго момента, когда снова смогутъ возродиться условія боя ставшихъ теперь почти легендарными временъ полковника Лассаля!..

Людей импульсивныхъ, которыхъ, какъ крышка гроба, давитъ тѣснота ихъ нынѣшняго „подземнаго“ существованія, жажда движенія и широкихъ горизонтовъ, невольно и непреодолимо толкаетъ въ авіацію — единственную область въ современной войнѣ, гдѣ человѣкъ во всемъ зависитъ самъ отъ себя, исключительно отъ своего умѣнія, вѣрности глаза и хладнокровія, гдѣ можно вихремъ носиться по безпредѣльному простору, не натыкаясь ни на какія „про-

волочныя, или минныя загражденія, гдѣ можно однимъ какимъ-нибудь подвигомъ прогремѣть на цѣлый свѣтъ, или погибнуть элегантно и красиво...

И потому сейчасъ мѣсто прежнихъ гусаровъ-покорителей сердецъ — во французскомъ тылу заняли пріѣзжающіе туда на отдыхъ отъ своихъ подвиговъ авіаторы. Перевязка на рукавѣ съ двумя распростертыми крыльями — лучшій ключъ къ сердцу любой недоступной красавицы, начиная отъ горничной и кончая герцогиней. „Малиновый звонъ“ прежнихъ шпоръ — увы! уже звучитъ безъ прежняго отвѣтнаго эха въ измѣнчивыхъ женскихъ сердцахъ! И со скрежетомъ зубовнымъ, въ ожиданіи „лучшихъ дней“, сидятъ неподвижно „гусары прежнихъ лѣтъ — собутыльники лихіе“ въ ненавистныхъ имъ траншеяхъ, а носящіеся на воздушныхъ коняхъ ихъ новые соперники „пожираютъ“ пространства и сердца, покрываютъ себя славой и живутъ той жизнью, полной романтической опасности и тревогъ, о которой только могутъ мечтать незамѣтно и тускло гибнущіе подъ лавиной германскихъ снарядовъ, сѣрые защитники Франціи, закопавшіеся въ ея, такъ обильно политую своей и чужою кровью многострадальную, истерзанную землю...

„Кафаръ“ — по-французски означаетъ чернаго таракана. Въ народномъ обиходѣ „кафарами“ называютъ также монаховъ и кюрэ, потому что они такіе же черные, и такъ же тщательно прячутся отъ постороннихъ глазъ со своими домашними дѣлами и дѣлишками, какъ по щелямъ черные тараканы...

Но сейчасъ, съ момента, когда война приняла ея нынѣшній, затяжной, мучительный характеръ, когда ежедневная адская бомбардировка разстроила всѣмъ нервы до послѣдней крайности, а жизнь въ траншеяхъ подорвала сотнямъ и сотнямъ тысячъ людей здоровье — слово „кафаръ“, внезапно появившись и на страницахъ французскихъ газетъ, и въ письмахъ съ фронта, и въ шикарныхъ парижскихъ гостиныхъ, и въ скромныхъ деревенскихъ кабачкахъ приняло новое, особое и многознаменательное значеніе.

Теперь, когда человѣкъ, вернувшись съ фронта на шестидневную побывку, нигдѣ не находитъ себѣ мѣста, молча слушаетъ то, что говорится вокругъ него, смотритъ невидящимъ взглядомъ куда-то прямо передъ собой и точно отсутствуетъ все время — про него родные и знакомые, качая головами, говорятъ со вздохомъ:

— Да!... Грустно... но что подѣлаешь? У него — „кафаръ“!...

Когда мой здѣшній новый пріятель, веселый, красивый парень — весь жизнь, движенье и экспансивность — внезапно ни съ того ни съ сего подалъ просьбу объ отправкѣ его на фронтъ въ самую что на на есть опасную и тяжелую секцію „метателей гранатъ“ въ первой линіи окоповъ, я спросилъ его о причинѣ столь неожиданнаго рѣшенія.

— Видишь ли, — послѣ нѣкотораго колебанія признался онъ, — вѣдь это только съ виду я такой веселый... А внутри... Ну, словомъ, хочется перемѣны... Пусть хуже будетъ, да по-иному... У меня „кафаръ“!..

„Кафаръ“ можно имѣть на фронтѣ подъ свистъ пуль и грохотъ разрывающихся снарядовъ, при видѣ разлагающихся человѣческихъ труповъ, которыхъ нельзя убрать. „Кафаръ“ можно заполучить и гдѣ-нибудь въ мирномъ „депо“, за сотни километровъ отъ линіи огня — въ томъ и въ другомъ случаѣ оба „кафара“ сходны и равноцѣнны по своему внутреннему смыслу...

Мнѣ приходилось не разъ въ разговорахъ съ моими товарищами задавать имъ вопросъ: не думаютъ ли они, что послѣ всего произошедшаго и происходящаго сейчасъ нравы и въ мирной жизни станутъ такими же жестокими, какими ихъ сдѣлали условія нынѣшней войны? Мнѣ всегда отвѣчали на этотъ вопросъ отрицательно.

— Невозможно говорили мнѣ всѣ эти люди, такъ много видѣвшіе своими собственными глазами и о такихъ ужасахъ могущіе разсказать. — Послѣ войны всѣ постараются забыть о томъ, что было... Иначе душа не выдержитъ! Наоборотъ, всѣ будутъ стараться или быть, или казаться лучше, чѣмъ были раньше...

И думается невольно, глядя на все происходящее вокругъ, слушая всѣ эти, такіе, казалось бы, необычные разговоры: пожалуй, дѣйствительно станутъ анахронизмомъ молитвы о „мирѣ всему міру“, когда, наконецъ, удастся обуздать сорвавшагося сейчасъ съ цѣпи „созданнаго для войны“ германскаго „über Mensch'a“!..

Въ день, когда въ Парижѣ было получено извѣстіе о взятіи нашими войсками Черновицъ — въ одномъ изъ парижскихъ госпиталей, гдѣ лежитъ офицеръ изъ русской бригады, сломавшій себѣ случайно ногу, въ его комнату внезапно привезли на креслѣ тяжело раненнаго французскаго коменданта-старика. Въ рукахъ у него были розы... Много розъ...

— Это для васъ, — сказалъ старый французъ русскому офицеру. — Для Россіи. Для вашихъ мертвыхъ... Для тѣхъ, что умерли въ Черновицахъ!..

И хочется вѣрить: пусть эта трогательная сцена братьевъ по оружію послужитъ символомъ того, что, можетъ быть, ждетъ въ недалекомъ будущемъ и все вообще человѣчество: свѣжія розы любви взаимнаго братства на прежнихъ могилахъ, въ которыхъ спятъ вѣчнымъ сномъ жертвы ненависти вражды и ослѣпленія...

А. Деренталь.

БѢЖЕНСКОЕ.

(ПО ПОВОДУ ПИСЕМЪ БѢЖЕНЦЕВЪ).

Бѣженство — явленіе столь сложное и грандіозное по своему значенію и размѣрамъ — въ первый моментъ глубоко взволновало общество, но теперь и къ нему какъ будто «привыкли», какъ ко многому, что произошло за эти тяжелые два года. И, однако, «привыкнуть» къ чему-либо, еще не значитъ разрѣшить. Вопросъ о бѣженствѣ стоитъ попрежнему во всей своей остротѣ и настоятельно требуетъ къ себѣ вниманія. Огромный информаціонный и статистическій матеріалъ, сообщенія непосредственныхъ наблюдателей, или со словъ очевидцевъ уже теперь помогаютъ до нѣкоторой степени, осмысливать это явленіе; въ дальнѣйшемъ же, накопляющійся, такимъ образомъ, матеріалъ по вопросу о бѣженствѣ дастъ право на обобщенія и выводы. Мы, въ свою очередь, хотѣли бы коснуться здѣсь того довольно обильнаго матеріала, который представляютъ собою письма самихъ бѣженцевъ. Съ тѣхъ поръ, какъ вся страна покрылась тонкой сѣтью всевозможныхъ организацій по регистраціи и оказанію помощи бѣженцамъ, въ нихъ, какъ въ огромныхъ резервуарахъ, скопляются и сохраняются бѣженскія письма — эти цѣнные по своему содержанію «человѣческіе документы».

Народъ, главнымъ образомъ, крестьянская Россія, усиленно сталъ писать. И вполнѣ понятенъ интересъ, съ какимъ общество отнеслось къ этому факту, въ связи съ тѣмъ сдвигомъ, который происходитъ въ глубоко потрясенномъ войной народномъ сознаніи. Солдатскимъ письмамъ посчастливилось въ этомъ отношеніи болѣе другихъ. Ими заинтересовались съ самаго начала войны; письма эти отчасти публиковались въ печати, подвергались комментированію; собирались, да и теперь собираются, въ частности, архивомъ войны при Академіи Наукъ, какъ матеріалъ, характеризующій настроенія и духъ нашей арміи.

Бѣженскія письма — это письма подвижного тыла, тыла, непосредственно связаннаго съ фронтомъ и, въ зависимости отъ колебаній на театрѣ военныхъ дѣйствій, совершающаго свои передвиженія въ глубь страны. На эти-то письма, насколько намъ извѣстно, и не было обращено должнаго вниманія. Правда, письма бѣженцевъ не такъ лиричны и интимны, какъ

письма съ фронта (хотя встрѣчаются среди нихъ и такія), они дѣловитѣе и суше, большей частью лишены индивидуальнаго оттѣнка, что не мѣшаетъ имъ быть весьма выразительными и цѣнными въ смыслѣ характеристики бѣженства.

Работая въ одной изъ организацій по регистраціи бѣженцевъ, мнѣ пришлось просмотрѣть нѣсколько сотъ такихъ писемъ, зачерпнутыхъ изъ ихъ общаго потока и въ извѣстной мѣрѣ отражающихъ этотъ потокъ въ его цѣломъ. На основаніи этихъ данныхъ можно возстановить нѣкоторыя характерныя черты бѣженскаго движенія вообще, и психологіи бѣженцевъ въ частности.

Прежде всего возникаетъ вопросъ: кто, какія категоріи бѣженцевъ пишутъ письма и какъ пишутъ? Бѣженская масса, весьма пестрая по своему составу, довольно однородна по сословному и классовому признакамъ. Огромное большинство бѣженцевъ, обращающихся съ запросами объ оставленныхъ или отбившихся въ пути родственникахъ и землякахъ — крестьяне. Горожане, какъ элементъ болѣе приспособляющійся и организованный, пострадали въ этомъ отношеніи гораздо менѣе; къ тому же они имѣли возможность прибѣгнуть, и дѣйствительно прибѣгали, къ ежедневной печати, которая охотно пошла имъ на помощь путемъ публикованія именъ и адресовъ бѣженцевъ. По національному составу бѣженцы распадаются на нѣсколько группъ, соотвѣтствующихъ народностямъ, заселяющимъ наши западныя окраины — бѣлоруссовъ, малороссовъ, литовцевъ, евреевъ, поляковъ, латышей. По профессіи, какъ это уже явствуетъ изъ указаннаго выше сословнаго признака, наибольшій контингентъ бѣженцевъ составляютъ хлѣбопашцы, батраки, рѣже — чернорабочіе, ремесленники, прислуга, служащіе, торговцы и т. п. Количество зарегистрированныхъ бѣженцевъ по нѣкоторымъ предположительнымъ подсчетамъ достигаетъ въ настоящее время цифры свыше 3 милліоновъ. Такъ называемая «гвардія», которую выдѣляетъ изъ себя всякая трудовая масса, у бѣженцевъ отсутствуетъ, — это все, большей частью, люди мало способные къ труду, или вовсе къ нему не способные. Молодежь — не свыше 20 лѣтъ, затѣмъ сразу — старики отъ 50-ти лѣтъ, женщины, дѣти.

Бѣженецъ — это человѣкъ, потерявшій свое имущество, «жизнь», какъ выражались въ старину, и своихъ близкихъ, но прежде всего — самого себя. Такой человѣкъ, если онъ импульсивенъ и энергиченъ, толкается всюду, гдѣ только можно найти участіе и помощь. И надо отдать справедливость, куда ни попадалъ бѣженецъ въ своей растерянности, нигдѣ ему не отказывали, направляя на вѣрный слѣдъ къ отысканію растерянныхъ по пути бѣгства родныхъ, односельчанъ и пр. Адресные столы, военные штабы, Красный Крестъ, фабрики, торговыя конторы, словомъ, всевозможныя частныя общественныя, административныя учрежденія предоставляли бѣженцамъ свои бланки и практическія свѣдѣнія, пересылая ихъ заявленія въ

ближайшіе организаціонные пункты, какъ это знаетъ каждый, кто хоть немного знакомъ съ бѣженскими письмами и ихъ формой. Болѣе пассивные изъ бѣженцевъ вовлекались на тотъ же путь дѣйствія, подражая болѣе активнымъ и предпріимчивымъ. Одинъ, заброшенный въ глухую деревню, бѣженецъ пишетъ: «Вы на селѣ отписали Т—ну, будьте добренькі, отпишите и мнѣ». Другой напалъ еще болѣе неожиданно на ту же мысль написать въ бюро: «Я искалъ своихъ цѣльный мѣсяцъ, — сообщаетъ онъ, — и не нашелъ (въ той мѣстности, гдѣ затерялись); не знаю, когда найду. Я увидѣлъ на телеграфѣ, — поясняетъ онъ, — что другіе посылаютъ въ бюро, и вотъ самъ написалъ». Но это еще удачники; грамотѣи, которымъ «грамота въ наукъ пошла», имъ только не хватало знанія, куда направлять свои заявленія и справки. Гораздо больше, особенно среди женщинъ, такихъ, которымъ раньше еще нужно отыскивать человѣка, который сумѣлъ бы изложить просьбу и направить ее куда слѣдуетъ, что въ деревнѣ не всегда легко. Письма такія заканчиваются обычной формой: «а за нее, неграмотную, расписался...»; рѣже — подпись другимъ почеркомъ, неровнымъ и робкимъ: «расписался собственной рукой» — и фамилія просителя. Среди этихъ грамотѣевъ, фабрикующихъ письма для другихъ, встрѣчаются большіе риторы и пінты, но, преимущественно, это строгіе протоколисты и формалисты, набившіе руку на крестьянскихъ прошеніяхъ. Не мало облегченія принесла въ этомъ отношеніи тѣмъ бѣженцамъ, въ особенности, для которыхъ русскій языкъ — только языкъ государственный, а не родной, наша провинціальная интеллигенція — народные учителя, сельскіе священники, служащіе въ кооперативахъ, волостные писаря и т. п.; всѣ они, такъ или иначе, пришли имъ на помощь. Но насъ лучъ интересуютъ, главнымъ образомъ, самостоятельныя письма бѣженцевъ, составленныя ими самими. Такія письма писаны часто на клочкѣ бумаги, вырванномъ изъ какой-нибудь счетоводной книжки или ученической тетрадки; пишутся они карандашемъ или расплывчатыми чернилами; въ нихъ чувствуется неопытная рука, корявыя буквы едва цѣпляются одна за другую, видно усиліе, съ какимъ писалось письмо. Писанное со слуха, фонетически, подобнаго рода письмо, конечно, погрѣшаетъ противъ грамматики, но зато сохраняетъ въ себѣ весь колоритъ произношенія писавшаго его; исправляя орѳографію этихъ писемъ, постараемся сохранить цѣликомъ ихъ колоритность. При смутности мыслей и неточности выраженій бѣженскія письма нерѣдко весьма экспрессивны по силѣ чувства и живости образовъ.

Каждая новая эра въ жизни обществъ отмѣчается обыкновенно своимъ словотворчествомъ и словоупотребленіемъ; можно сказать, у каждой эпохи — свой лексиконъ. Въ настоящее время у насъ вошло въ употребленіе множество старыхъ, но позабытыхъ и совершенно новыхъ словъ и реченій, въ связи съ цѣлымъ комплексомъ понятій, вошедшихъ въ нашъ своеобразный военный обиходъ. Нѣкоторыя изъ пущенныхъ, такимъ обра-

зомъ, въ оборотъ словъ стали ходячей мелкой монетой и пошли въ народъ: таковы всевозможныя реквизиціи, мобилизаціи, эвакуаціи, и пр., и пр. Схваченныя на лету народнымъ ухомъ они подвергались видоизмѣненію, — однородныя по своему звуковому составу слова ассимилировались — вмѣсто «бюро по регистраціи», пишутъ: «въ бюро по реквизиціи бѣженцевъ», а нѣкоторые именуютъ его еще «бюромъ по корреспонденціи» и посылаютъ туда непосредственно письма своимъ близкимъ; наиболѣе употребительныя изъ иностранныхъ словъ успѣли уже обрусѣть и пошли по всѣмъ падежамъ: «Здравствуйте, по именамъ не знаю, господа бюра»; «Пишемъ вашему бюру и просимъ со слезами вашей милости», — такъ начинаются многія изъ бѣженскихъ писемъ. Самое слово *бѣженецъ*, совершенно новое, привилось настолько, что сами бѣженцы имъ себя титулуютъ.

Читаешь эти простыя, безхитростныя письма, и передъ глазами развертывается страшная картина стихійнаго бѣгства. Подъ тяжелымъ напоромъ германцевъ людскія массы покидали свои испоконъ облюбованныя и обжитыя мѣста и, направляемыя инстинктомъ, уходили прочь отъ врага. Вотъ какъ говорятъ объ этомъ сами бѣженцы: «Когда непріятель подошелъ къ нашей деревнѣ, — читаемъ въ одномъ изъ писемъ, — мы отправили впередъ скотъ со старостой; молодые стали на крѣпостныя работы. А когда непріятель взялъ нашу деревню, мы ушли...» Въ другомъ письмѣ еще лаконичнѣе описывается тотъ же моментъ: «Наши деревни сожгли при наступленіи непріятеля, и мы были принуждены убраться изъ своихъ мѣстностей». Та же картина «исхода» повторяется и во многихъ другихъ письмахъ. Сохранившіяся кое-гдѣ въ нашемъ крестьянствѣ большія славянскія семьи, семьи-роды, разросшіяся, какъ вѣтви стараго дуба, подымались стаями — душъ въ 15—20 каждая — и совершали свой вынужденный перелетъ, теряя въ пути, иногда безвозвратно, наиболѣе слабыхъ и не приспособленныхъ. Многіе изъ бѣженцевъ разсѣялись и осѣли въ средней Россіи, преимущественно въ городахъ, и тѣмъ, кто шелъ за ними, пришлось уже двигаться дальше, къ юго-восточнымъ границамъ имперіи, пока они не увидѣли себя гдѣ-нибудь въ Туркестанѣ, на Кавказѣ или въ таежной Сибири. Первое, что поразило бѣженцевъ западнаго края на новыхъ мѣстахъ, какъ объ этомъ можно судить по письмамъ — это непривычный для нихъ климатъ. Бѣженцы изъ залѣсья и заболотья (литовцы, бѣлоруссы) очутились въ сухихъ тургайскихъ степяхъ, степняки-малороссы — въ сибирской тайгѣ и т. п.

Если позволить себѣ сравнить современное бѣженство съ колонизаторскимъ движеніемъ Кіевской Руси на сѣверо-западъ, происходившимъ въ теченіе двухъ-трехъ столѣтій, то, сжавъ это время до года, полутора лѣтъ, и увеличивъ въ нѣсколько разъ количество массы людей и пройденное ими

пространство, мы получимъ, можетъ быть, нѣкоторое представленіе о размахѣ нашего бѣженскаго потока. То, что въ Кіевской Руси совершалось десятками, даже сотнями лѣтъ, какъ и самая война со степью, то въ нашихъ условіяхъ произошло столь неожиданно быстро и въ такомъ масштабѣ, что организующее начало — въ лицѣ нашихъ молодыхъ военно-общественныхъ организацій — не въ состояніи было сразу овладѣть стихійно поднявшимся потокомъ бѣженцевъ, захлестнувшимъ всю тыловую Россію и перелившимся черезъ Уралъ въ русскую Азію. Лѣтомъ прошлаго года шелъ девятый валъ этого потока. Всюду, въ особенности на узловыхъ станціяхъ, можно было видѣть измученныя передвиженіемъ, дезорганизованныя массы бѣженцевъ, увлекаемыя по желѣзнымъ дорогамъ въ разныхъ направленіяхъ, главнымъ образомъ, на югъ и востокъ, въ глубь тыла. Въ сущности, передвиженіе бѣженцевъ совершалось хотя и стихійно, но не свободно, — въ лицѣ оффиціальной власти оно имѣло руководителей, на которыхъ въ большой мѣрѣ должна лечь отвѣтственность за многіе недочеты въ размѣщеніи бѣженскихъ массъ, безсистемномъ и хаотичномъ. Въ свое время понадобились годы настойчиво повторявшихся приливовъ и отливовъ крестьянскаго населенія, чтобы правительство обратило вниманіе на это явленіе и смогло организовать и урегулировать переселеніе крестьянъ на новыя земли. А вѣдь въ самые обильные въ этомъ отношеніи годы переселенческая волна не превышала нѣсколько десятковъ тысячъ человѣкъ — это маленькая струйка сравнительно съ милліоннымъ потокомъ бѣженцевъ. Всѣмъ извѣстно, какъ справилась власть со ставшей передъ нею нынѣ задачей: позади бѣженцевъ — путь, отмѣченный крестными вѣхами, въ пути — ненужное разъединеніе людей, давшее поводъ къ огромной бѣженской корреспонденціи, на мѣстахъ — отсутствіе заработковъ, эпидеміи, взаимное недовольство мѣстнаго и пришлаго населенія...

Какъ мы уже имѣли случай замѣтить, насъ здѣсь интересуетъ не организація бѣженства сама по себѣ, мы хотимъ подойти къ бѣженскимъ письмамъ не съ точки зрѣнія полезнаго дѣйствія, но съ точки зрѣнія психологіи тѣхъ переживаній, которыя за ними скрыты. Изъ писемъ бѣженцевъ отчетливо выясняется, какъ происходило разставаніе людей, порывались крѣпкія кровныя связи не только съ землей, съ домомъ, но и съ живыми близкими существами. «Въ Минскѣ, — пишетъ группа бѣженцевъ, — мы не могли всѣ попасть въ поѣздъ, потому что было страшное скопленіе народа, тутъ и пришлось разстаться со своими». Мать, утерявшая при всеобщемъ замѣшательствѣ дѣтей, пишетъ: «Когда насъ выгоняли изъ Гродненской губерніи, то одинъ мой мальчикъ заблудился въ толпѣ, а другой пасъ скотъ въ полѣ, — искать сыновей было невозможно,

скую губернію, и тамъ ихъ захватила война», — пишетъ бѣженка, попавшая въ Пензу.

Объ имуществѣ нѣтъ и рѣчи. Многіе бѣжали «въ чемъ были»; вещи бросали на произволъ судьбы, только болѣе состоятельные рѣшались захватить съ собою кой-какія драгоцѣнности или почему-нибудь дорогіе имъ предметы. Такъ, жена одного чиновника пишетъ, что въ бѣгствѣ она успѣла захватить съ собою охотничье ружье мужа, его вицъ-мундиръ, пальто, золотые часы, столовый сервизъ и пр. Всѣ эти вещи были сданы въ багажъ и въ пути пропали. Письма бѣженцевъ, какъ мы уже говорили, обычно сдержанны, нѣсколько сухи, изрѣдка лишь промелькнетъ горечь по своемъ разметанномъ хозяйствѣ, и бѣженецъ самъ назоветъ себя «сиротой», или «нещастнымъ». Женскія письма въ этомъ отношеніи лиричнѣе и импульсивнѣе другихъ; вотъ, напримѣръ, образецъ такого письма: «Хозяина мово взяли на войну, — пишетъ бѣженка, — спѣшу вамъ увѣдомить про мое житье: житье мое плохое. Будьте милостивы, господинъ, отыщите родителей, — я одна осталась съ ребенкомъ. Прошу я васъ, господинъ, моимъ сердцемъ, чи тамъ не слышно про моихъ родителей? Може тамъ есть слухъ про всѣхъ бѣженцевъ. Боже, Боже, какъ бы ихъ найти!» — это вздохъ натерпѣвшагося женскаго сердца. Но особенно неутерпчиво материнское сердце. «Прошу я васъ, кто этимъ дѣломъ завѣдуетъ, — проситъ очутившаяся въ одиночествѣ женщина, — пришлите отвѣтъ: жива, или не жива, или больная моя дочь, то извѣстите мнѣ объ этомъ какъ-нибудь». «При наступленіи нашего злѣющаго врага,—сообщаетъ другая,—мы спасли свою жизню, и во время такого ужаса я потеряла двухъ сыновъ, не имѣю свѣдѣній о родныхъ сынахъ». Мать-бѣженка разыскиваетъ сына солдата, отъ котораго не имѣетъ никакихъ вѣстей: «Сына взяли на войну, — пишетъ она,—а я, бѣдная старуха, со страху убѣжала въ Сибирь»... И первая мысль всѣхъ бѣженцевъ, осѣвшихъ на мѣстахъ, — ужъ не въ плѣну ли ихъ близкіе, отставшіе въ пути? Мысль эта кажется имъ невыносимой; плѣнъ представляется чуть ли не равнозначущимъ небытію, такъ и пишутъ: «Не знаемъ, живутъ или въ плѣну родные». Бѣженецъ, ищущій «жену съ дѣтемъ», спрашиваетъ: «У плѣну они, или выѣхавши» и теряется въ догадкахъ, что съ ними сталось: «Не знаю, куда ихъ направили, или кому пріютили, или у плѣнъ попали наглому германцу». Для розыска пропавшихъ бѣженцы прибѣгаютъ къ самымъ разнообразнымъ мѣрамъ и тону — отъ просьбъ до требованій, а нѣкоторые даже сулятъ денежное вознагражденіе тому, кто отыщетъ разыскиваемаго (въ размѣрѣ, такъ, отъ 3 до 5 рублей). Не рѣдки также указанія на особыя примѣты бѣженца: «Не найдете ли моего отца: онъ — низкаго роста, волоса русаго» и т. п. Иной напишетъ еще курьезнѣе: «Разыщите Елену К., выше средняго роста, женскаго пола». Человѣкъ изъ народа, повидимому, совершенно конкретно рисуетъ себѣ, какъ гдѣ-то «тамъ» разыскиваютъ его тестя или дѣда съ бабкой, и не даетъ

себѣ иногда даже труда указать необходимыя для этого свѣдѣнія. Одно изъ подобныхъ, очень нерѣдко попадавшихся мнѣ въ руки писемъ, горячо и настойчиво проситъ «обратить вниманіе на бѣдственное положеніе бѣженки», а въ результатѣ — ни ея адреса, ни именъ утерянныхъ родственниковъ; и больно, и смѣшно. Мужскія письма отличаются большей дѣловитостью и толковостью. Такъ, одинъ крестьянинъ, попавшій въ Вятскую губернію, жалуется на невозможность найти заработки и домовито заканчиваетъ письмо просьбой, выслать ему на всю семью пять паръ валенокъ и 40 фунтовъ сахару!

На всѣхъ безъ исключенія бѣженскихъ письмахъ лежитъ отпечатокъ невыразимой тоски, которая терзаетъ бѣженцевъ на чужбинѣ. Народъ, повидимому, плохо переноситъ разлуку съ своимъ домомъ, съ близкими и легко поддается чувству тоскливаго одиночества, которое и опредѣляетъ, какъ «скуку». Почти каждое письмо кончается такой припиской: «Мнѣ очень скучно, не оставьте просьбы, вышлите хоть два слова»; или: «Не знаю, живы ли мои родные, со скуки не знаю, что и дѣлать, отвѣтьте, ваша милость, скорѣй». На чужой сторонѣ, вдали отъ родныхъ остро ощущается бѣженцемъ чувство сиротливости, заброшенности: «Отпишите скорѣй, — торопитъ одинъ изъ нихъ отвѣтомъ, — бо я теперича одинъ остался отъ своего семейства». «Сколько писемъ послали, — жалуется другой, — никакъ отвѣта нѣту, очень скучаемъ — полгода жены и дѣтей своихъ не вижу и слезами обливаемся». Но еще настойчивѣе и требовательнѣе въ этомъ отношеніи дѣти. Нѣкоторыя изъ нихъ навсегда утратили своихъ родителей, ибо нѣтъ никакой возможности узнать ихъ имена и откуда они родомъ; другія остались на рукахъ кого-нибудь изъ близкихъ и черезъ нихъ-то и заявляютъ свои требованія. Такъ, напримѣръ, одинъ казакъ пишетъ изъ Туркестана, прося сообщить ему адресъ дочери-бѣженки: «При мнѣ осталась моя внучка, Марія, три года имѣетъ, очень скучаетъ по маткѣ, не можетъ жить. Трудно мнѣ — мотивируетъ онъ свою просьбу — удержать безъ матки ребенка».

Бѣгство милліоновъ людей изъ западнаго края больно ударило не только по тылу, но и по фронту, нашло себѣ откликъ даже за моремъ, за предѣлами отечества. Многіе изъ солдатъ нашей арміи оказались кровно задѣтыми этимъ катастрофическимъ бѣдствіемъ. Солдатскіе рапорты черезъ начальство и непосредственныя письма въ бюро — яркое тому доказательство. Одинъ добровольцъ, отрекомендовавшійся «русскимъ воиномъ и защитникомъ» и посылающій «господамъ комитета о бѣженцахъ съ любовью низкій поклонъ», жалуется, что шесть мѣсяцевъ не имѣетъ отъ своихъ родныхъ, бѣженцевъ Гродненской губерніи, писемъ: «Мнѣ очень скучно, — пишетъ онъ, — прошу узнать и отписать». Семейный солдатъ переправля-

отъ черезъ бюро письмо своему дядѣ, въ которомъ говорится, между прочимъ, объ оставленныхъ дѣтяхъ: «Какъ вспомню о своихъ дѣтяхъ-сиротахъ, такъ заплачу, — коли вернусь, буду ихъ годовать». Вотъ еще образецъ солдатскаго письма: «Покорнѣйше прошу, выслушайте написанную мною просьбу: я — солдатъ, оставилъ дома жену и дочь, которыя послѣ набѣга и разгрома нашей губерніи, неизвѣстно гдѣ дѣлись. Вотъ уже семь мѣсяцевъ, какъ я не имѣю извѣстія о женѣ и дорогомъ ребенкѣ. Прошу не отказать въ просьбѣ, потому что, находясь за тысячу верстъ отъ родной губерніи, сердце болитъ, не зная, что дѣлается съ моими. Думая, что не оставите моего горькаго положенія, благодарю и земно кланяюсь». Въ общемъ, солдатскія письма отличаются эпическимъ тономъ и въ высшей степени сдержанны. Въ этомъ отношеніи особенно характерно письмо одного солдата съ фронта, исполненное прямо-таки былиннаго спокойствія и «вѣжества». Начинается оно съ классическихъ поклоновъ отцу, матери, и т. д., кончая «братневой», то-есть, невѣсткой; каждому изъ членовъ семьи въ іерархическомъ порядкѣ шлетъ онъ «съ любовью низкій поклонъ отъ бѣлаго лица до сырой земли» и цѣлуетъ въ «бѣлое лицо»; заканчивается письмо стереотипной фразой: «Больше писать нечего». Здѣсь слѣдуетъ также упомянуть о письмахъ «Kriegsgefangen'овъ, людей, оторванныхъ не только отъ родныхъ, но и отъ родины: письма эти, писанныя подъ очевиднымъ контролемъ, скрываютъ за собой, несомнѣнно, болѣе того, что говорятъ, и читать ихъ безъ волненія нельзя. Скромность и смиреніе передъ непостижимыми для человѣческаго ума ирраціональными событіями — основная черта писемъ нашихъ солдатъ, вообще. Читая эти письма, невольно убѣждаешься въ мѣткости характеристики нашего солдата, сдѣланной еще Глѣбомъ Успенскимъ: «Русскіе воины, — говоритъ онъ, — исходивъ тысячи верстъ, перемучившись всѣми муками, совершивъ необычайные подвиги, возвращаются смиренно по домамъ и не находятъ иного разговора, какъ о харчахъ, объ одеждѣ, о томъ, гдѣ что дешево изъ продукта»...

Любопытна не менѣе опредѣленно обнаружившаяся за текущій годъ связь бѣженскихъ массъ съ Америкой, откуда прибываютъ въ большомъ количествѣ запросы о бѣженцахъ. Какъ извѣстно, за послѣдніе годы наблюдался усиленный токъ съ нашего запада на западъ Америки, особенно сильный среди евреевъ и поляковъ. Нынѣ, въ виду обрушившагося на ихъ близкихъ несчастія, русскіе эмигранты отозвались изъ-за океана, стремясь оказать ту или иную помощь, главнымъ образомъ, деньгами. Запросы присылаютъ нерѣдко на готовыхъ бланкахъ (которые, кстати сказать, практикуются и у насъ, но, къ сожалѣнію, не въ достаточно широкихъ размѣрахъ); на такомъ бланкѣ не совсѣмъ по-русски напечатано: «Поискиваю родныхъ и близкихъ, чтобы оказать имъ помощь», и затѣмъ указана форма запроса. Но еще больше — личныхъ писемъ, съ предусмотрительно приложенными къ нимъ марками для отвѣта. «Прошу увѣдомить о моихъ родныхъ, желая

имъ помочь въ ихнихъ недостаткахъ, — пишетъ одинъ «американецъ», — такъ какъ въ настоящее время западная часть страны въ военномъ положеніи». Нѣкоторые изъ эмигрантовъ не писали домой по нѣскольку лѣтъ. Вотъ, напримѣръ, крестьянинъ, спрашивающій, живы ли и гдѣ находятся его жена и дѣти; самъ онъ живетъ въ Нью-Іоркѣ и уже два года не имѣетъ изъ дому писемъ: «Я очень жалѣю ихъ и желалъ бы помочь денежнымъ пособіемъ». «Покорнѣйше прошу дать мнѣ отвѣтъ, — пишетъ другой, — гдѣ родители страдаютъ, такъ я, можетъ, какую помощь дамъ ихней жизни». Чрезвычайно любопытно сообщеніе эмигранта-рабочаго, работающаго на оборону: «Мы всѣ тутъ работаемъ въ желѣзной фабрикѣ, вырабатываемъ бронь, то-есть амуницію для русскаго, а нѣмцу не могутъ и австрійцу не могутъ работать».

Среди массъ, покинувшихъ свои дома и ринувшихся въ глубь страны, различаютъ собственно *бѣженцевъ*, сдѣлавшихъ это хотя и по обстоятельствамъ военнаго времени, однако, вполнѣ самостоятельно, и — *выселенцевъ*, вынужденныхъ къ тому военными властями. Выселенцы и есть наименѣе примирившійся съ своимъ новымъ положеніемъ элементъ, готовый при первой возможности сняться съ мѣста и совершить обратный путь на родину. Передъ нами коллективное письмо-жалоба 80-ти душъ крестьянъ изъ Самаркандской области, полное глубокаго возмущенія и тревоги. Они жалуются на условія, въ которыя ихъ помѣстили, на отсутствіе «верхняго и исподняго платья», на дурную пищу, которую «и собака не станетъ ѣсть», на грубое обращеніе съ ними ближайшей администраціи, на вредный для нихъ климатъ и повальныя болѣзни, развившіяся въ ихъ средѣ. Основная мысль письма такая: «Мы хотѣли ѣхать въ Самарскую, Симбирскую, Саратовскую губерніи, въ расчетѣ на близкихъ, родню, на возможность заработковъ, а насъ послали въ Самаркандъ. «Главное требованіе ихъ сводится къ разрѣшенію имъ выѣзжать, кто куда хочетъ. Извѣстно, что просьба эта — отнюдь не единичная — частично уважена, и началось уже передвиженіе въ нѣкоторыя изъ нашихъ внутреннихъ губерній. Однако, и бѣженцы-«самовольцы» — элементъ въ этомъ отношеніи немногимъ болѣе устойчивый и примиренный.

Въ переселенческой статистикѣ извѣстна графа, спеціально отведенная для такъ называемыхъ «обратныхъ». «Обратные» — это крестьяне, почему-либо не ужившіеся на новыхъ мѣстахъ и возвращающіеся во-свояси. Постигла ли неудача или разочарованіе на новомъ мѣстѣ, не поддалась ли хозяйствованію земля, до тонкости изученная у себя на родинѣ, заѣла-ли тоска по родномъ краѣ, что особенно часто случается съ крестьянскими женщинами, что бы то ни было — нѣкоторый процентъ «обратныхъ» переселеніе крестьянъ даетъ постоянно. А вѣдь движеніе это вполнѣ добровольное, къ тому же и совершается болѣе или менѣе организованно и планомѣрно. Отсюда намъ должна стать ясной картина возможнаго

обратнаго передвиженія бѣженцевъ вообще. Огромныя массы ихъ, невольно освободившись отъ «власти земли и труда» и по многимъ причинамъ не успѣвши приспособиться къ новымъ условіямъ жизни, живутъ напряженнымъ ожиданіемъ своего возвращенія на родину. И, можетъ быть, правы національныя организаціи, стремящіяся къ тому, чтобы тѣ или иныя компактныя національныя массы не поддавались распыленію, въ виду предстоящаго новаго сдвига.

Бѣженцы у насъ, въ глубокомъ тылу — залетныя птицы. Подуетъ благопріятный вѣтеръ съ запада, принесетъ добрыя вѣсти — они поднимутся цѣлыми стаями и совершатъ перелетъ въ свои разоренныя гнѣзда...

Вѣра Славенсонъ.

НА ТЕМЫ ДНЯ.

Предполагаемое продленіе думскихъ полномочій. — Послѣднія перемѣны въ составѣ кабинета. — Характерное постановленіе губернскаго присутствія. — А. И. Иванчинъ-Писаревъ †.

Выборы въ четвертую Государственную Думу происходили осенью 1912-го года. До новыхъ думскихъ выборовъ остается еще, слѣдовательно, болѣе года, до начала офиціальной къ нимъ подготовки — около года. Странно, поэтому, что уже теперь — если вѣрить газетнымъ сообщеніямъ — идетъ рѣчь о продленіи полномочій четвертой Думы. Ходъ военныхъ дѣйствій и общее положеніе дѣлъ позволяютъ думать, что не слишкомъ уже далекъ моментъ окончанія войны. Нѣтъ основаній ожидать, что она будетъ продолжаться лѣтомъ будущаго года; но если бы это и случилось, то для возбужденія и разрѣшенія вопроса объ отсрочкѣ выборовъ имѣлось бы впереди еще много времени. Продленіе законодательныхъ полномочій, когда они и безъ того весьма продолжительны, можетъ быть оправдано только крайней необходимостью, напримѣръ — нахожденіемъ, во время выборовъ, въ рукахъ непріятеля значительной части государственной территоріи. Къ концу законодательнаго періода въ средѣ выборной палаты обнаруживается обычно упадокъ энергіи, выражающійся то въ медлительности, то въ торопливости, но, во всякомъ случаѣ, влекущій за собою уклоненіе отъ нормы. Одно не дѣлается вовсе, другое дѣлается не такъ какъ слѣдуетъ. Всѣ депутаты сознаютъ, въ большей или меньшей степени, неудобства такого положенія, но не всѣмъ улыбается мысль о его прекращеніи. Въ сохраненіи однажды полученныхъ, полномочій особенно заинтересованы тѣ, кто боится потерять ихъ, кто не разсчитываетъ на переизбраніе — т. е. именно тѣ, чье настроеніе всего больше расходится съ вѣроятнымъ настроеніемъ избирателей. Если такихъ депутатовъ немало, продленіе полномочій равносильно продленію и обостренію разногласія между народнымъ представительствомъ и страною. И чѣмъ сильнѣе давленіе власти, стремящейся къ отсрочкѣ выборовъ, чѣмъ слабѣе устойчивость депутатской массы, тѣмъ болѣе возможно образованіе большинства, готоваго санкціонировать отсрочку. Если-бы въ четвертой Думѣ продолжала царить та же разрозненность, какъ въ первые три года ея дѣятельности, продленіе ея полномочій не встрѣтило

бы съ ея стороны серьезныхъ препятствій; теперь оно должно вызвать противодѣйствіе прогрессивнаго блока. Отсрочка выборовъ была бы равносильна отрицанію мотивовъ, призвавшихъ его къ жизни. Между тѣмъ, согласіе большинства Думы является необходимымъ условіемъ для продленія ея полномочій. На основаніи ст. 87-й эта мѣра проведена быть не можетъ, не только потому, что спѣшной ее ни въ какомъ случаѣ признать нельзя, но и потому, что пятилѣтній срокъ думскихъ полномочій установленъ основными законами и учрежденіемъ Государственной Думы, не подлежащими измѣненію въ чрезвычайно-указномъ порядкѣ.

Съ офиціальной точки зрѣнія, продленіе думскихъ полномочій представляется желательнымъ въ интересахъ вѣдомствъ, для которыхъ, при настоящемъ положеніи дѣлъ, неясно, успѣетъ ли Дума, въ остающійся ей сравнительно короткій срокъ разсмотрѣть разрабатываемые вѣдомствами законопроекты. Но развѣ такая неясность не возникаетъ каждый разъ, когда близко окончаніе законодательнаго періода? И развѣ возможность нѣкоторой напрасной затраты вѣдомственнаго труда достаточна для нарушенія нормальныхъ условій законодательной дѣятельности? Такъ ли велика, при томъ, опасность такой затраты? Развѣ законопроекты, изготовленные для четвертой Думы, но не получившіе разрѣшенія за истеченіемъ срока ея полномочій, не могутъ быть внесены въ томъ же видѣ — если не измѣнились взгляды вѣдомства, — въ Думу пятаго созыва? Если, въ силу принципа непреемственности, новая Дума начнетъ сызнова обсужденіе законопроектовъ, неразсмотрѣнныхъ окончательно ея предшественницей, то этимъ увеличится тяжесть ея работы, а не работы вѣдомствъ, которыми составлены законопроекты. Можетъ, конечно, случиться, что, въ виду измѣнившагося состава Думы, правительство сочтетъ нужнымъ передѣлать тотъ или другой законопроектъ; но вѣдь эта возможность возникаетъ при каждомъ переизбраніи Думы, и мотивировать ею продленіе думскихъ полномочій, очевидно, нельзя. Принятіе столь чрезвычайной мѣры въ видахъ сбереженія вѣдомственныхъ силъ было бы особенно ненормально именно теперь, въ виду быстро слѣдующихъ одна за другою перемѣнъ въ составѣ министерства. Новымъ министромъ нерѣдко берутся обратно изъ Думы внесенные туда законопроекты, и въ вѣдомствѣ начинается ихъ пересмотръ, напоминающій иногда Сизифову работу; достаточно вспомнить, напримѣръ, судьбу законопроектовъ о печати, о церковномъ приходѣ, объ университетской реформѣ. Еще чаще, безъ сомнѣнія, происходитъ передѣлка проектовъ, въ моментъ назначенія новаго министра еще не вполнѣ законченныхъ или еще не внесенныхъ въ Думу. Велика ли, въ сравненіи съ происходящей отсюда потерей времени и силъ, дополнительная работа, которая упадаетъ на долю вѣдомствъ при началѣ новаго законодательнаго періода?

Не въ стремленіи къ экономіи труда слѣдуетъ искать, поэтому, раз-

гадку слуховъ о предполагаемомъ продленіи думскихъ полномочій. Не случайно они возникли вслѣдъ за послѣдними перемѣнами въ составѣ министерства. Какъ бы велики ни были неудобства, созданныя для правительства образованіемъ и дѣятельностью прогрессивнаго блока, оно могло, до извѣстной степени, къ нимъ привыкнуть и приспособиться. Съ испытаннымъ, знакомымъ зломъ легче, иногда, мириться, чѣмъ съ мыслью о неизвѣстномъ будущемъ. Избирательную кампанію, непосредственно слѣдующую за окончаніемъ войны, трудно было бы провести по образцу 1912-го года; старые административные пріемы слишкомъ мало соотвѣтствовали бы настроенію, вызванному безпримѣрно тяжелыми народными жертвами. Новыя условія требуютъ новыхъ цѣлей, новыхъ способовъ ихъ достиженія. И къ тому, и къ другому меньше всего расположено обновленное—и въ значительной степени объединенное—министерство Б. В. Штюрмера. Чрезвычайно знаменательно, съ этой точки зрѣнія, возвращеніе къ власти А. А. Макарова. Правда, онъ руководилъ выборами 1912-го года въ качествѣ министра внутреннихъ дѣлъ, а теперь ему ввѣрено министерство юстиціи, — но вѣдь онъ былъ уволенъ отъ должности не потому, что давленіе власти на выборы превзошло всякую мѣру, а потому, что оно не дало всѣхъ ожидавшихся отъ него результатовъ; преемникомъ А. А. Макарова недаромъ оказался одинъ изъ губернаторовъ, наиболѣе усердствовавшихъ въ примѣненіи его системы. Эта система не имѣетъ ничего общаго съ закономъ, съ правомъ, и не отъ ея автора можно ожидать исцѣленія ранъ, нанесенныхъ, въ управленіе И. Г. Щегловитова, нашему судебному строю. Въ бесѣдѣ съ корреспондентомъ «Биржевыхъ Вѣдомостей» [1]), А. А. Макаровъ заявилъ, что министерство юстиціи, по его мнѣнію, является «исключительно дѣловымъ, далеко стоящимъ отъ вопросъ политики, призваннымъ охранять правовые интересы населенія». Въ теоріи это, можетъ быть, и такъ, но на практикѣ, въ эпоху обостренныхъ столкновеній между старымъ и новымъ, никто изъ членовъ объединеннаго кабинета неприкосновеннымъ къ политикѣ не остается и оставаться не можетъ. Министерство юстиціи не составляетъ исключенія изъ общаго правила; слишкомъ близко къ политической жизни стоятъ вопросы уголовнаго права и уголовнаго процесса. У насъ, вдобавокъ, слишкомъ глубоко внѣдрилось воздѣйствіе судебной администраціи на судей, сближающее ихъ съ другими агентами власти, заставляющее ихъ ставить требованія политическаго момента выше требованій совѣсти. Солидарность между министерствами юстиціи и внутреннихъ дѣлъ обнаружилась съ особенною ясностью во время обсужденія въ Государственной Думѣ многочисленныхъ правонарушеній, допущенныхъ администраціей во время выборовъ 1912-го года. Многія изъ нихъ, несомнѣнно, подходили подъ дѣйствіе закона 8 марта 1906 г. объ огражденіи свободы и правильности выборовъ и под-

[1] См. № 15672 этой газеты.

лежали преслѣдованію въ уголовномъ порядкѣ; но такого преслѣдованія возбуждено не было, и представители министерства юстиціи отрицали, вопреки очевидности, его необходимость. Другого отношенія къ выборамъ нельзя ожидать отъ судебнаго вѣдомства и теперь, если въ моментъ выборовъ министерство юстиціи будетъ находиться въ рукахъ А. А. Макарова. «Такъ было, такъ будетъ» — этотъ знаменитый девизъ служитъ ручательствомъ въ томъ, что въ сферу политики министерство юстиціи будетъ вовлечено при А. А. Макаровѣ не менѣе, чѣмъ при И. Г. Щегловитовѣ, и вовлечено въ прежнемъ духѣ, съ прежнею цѣлью.

Не менѣе знаменательно и назначеніе гр. А. А. Бобринскаго министромъ земледѣлія, на мѣсто А. Н. Наумова. Именно теперь, въ виду усиливающейся дороговизны, особенную остроту пріобрѣтаютъ вопросы объ обязанностяхъ, возлагаемыхъ ею на крупныхъ землевладѣльцевъ и вообще на достаточные классы общества. Въ виду приближающагося окончанія войны на первый планъ выдвигаются вопросы о судьбѣ земель, принадлежащихъ нѣмецкимъ выходцамъ и колонистамъ, и вообще о лучшемъ земельномъ обезпеченіи крестьянства. Вопросы перваго рода пытался ставить А. Н. Наумовъ; вопросы второго рода занимали его предшественника, А. В. Кривошеина. Какъ относится, какъ отнесется къ тѣмъ и другимъ новый министръ земледѣлія— объ этомъ можно судить по его прошлому, по его близости къ общедворянскому представительству, по его роли въ крайнихъ правыхъ группахъ Гос. Думы и Гос. Совѣта. Благосостояніе народной массы — именно та область, въ которой всего опаснѣе торжество узко-консервативныхъ партійныхъ взглядовъ... Менѣе рѣзка политическая окраска новаго министра внутреннихъ дѣлъ, А. А. Хвостова, менѣе уловимо различіе между нимъ и его предшественникомъ. Несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, одно: съ назначеніемъ А. А. Макарова и гр. А. А. Бобринскаго кабинетъ принимаетъ еще болѣе чѣмъ прежде опредѣленно-реакціонную окраску. Этому способствуетъ и уходъ С. Д. Сазонова, въ сферѣ внутренней политики не примыкавшаго къ крайне-правому крылу министерства.

Общій характеръ кабинета попрежнему опредѣляется, главнымъ образомъ, его предсѣдателемъ, хотя онъ и пересталъ непосредственно руководить министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Его имя попрежнему знаменуетъ собою тѣсную связь съ безвозвратнымъ прошлымъ и отсутствіе всякой связи съ неизбѣжнымъ будущимъ. Иллюстраціей къ этому можетъ служить недавній разговоръ Б. В. Штюрмера съ московскимъ городскимъ головою. «Правда ли, — спросилъ Б. В. Штюрмеръ М. В. Челнокова, — что мое назначеніе истолковывается въ Москвѣ какъ симптомъ возможныхъ переговоровъ о сепаратномъ мирѣ?» — «Не скрою, — отвѣтилъ М. В. Челноковъ, — слухи такого рода въ Москвѣ циркулируютъ». — «Мнѣ хотѣлось бы, — продолжалъ министръ, — укрѣпить въ обществѣ вѣру въ то, что перемѣна на посту министра иностранныхъ дѣлъ не должна истолко-

вываться какъ попытка Россіи свернуть съ того пути, по которому она до сихъ поръ шла плечомъ къ плечу со своими союзниками». Нѣтъ основанія сомнѣваться въ искренности этихъ словъ, въ неосновательности слуховъ, которыми они были вызваны; но происхожденіе слуховъ объяснить себѣ нетрудно. До начала войны въ средѣ крайнихъ правыхъ господствовало германофильство; несвободнымъ отъ него являлись и во время войны нѣкоторые органы печати, покровительствуемые или даже субсидируемые правительствомъ; въ Госуд. Думѣ нѣсколько разъ шла рѣчь о какихъ-то вышедшихъ изъ правыхъ круговъ запискахъ, идущихъ въ разрѣзъ съ общественнымъ настроеніемъ. Отсюда возможность предположеній, противъ которыхъ счелъ нужнымъ протестовать предсѣдатель совѣта министровъ.

Недостатокъ довѣрія къ министерству — естественный результатъ его близости къ крайнимъ правымъ. Солидарность съ ними въ настоящемъ, оживляя тяжелыя воспоминанія о прошломъ, бросаетъ тѣнь на будущее. Великія событія, совершающіяся на нашихъ глазахъ, вызываютъ необходимость такихъ рѣшеній, которымъ постоянно и упорно противодѣйствовали сторонники старыхъ порядковъ. Не только до начала войны, но и въ первые ея мѣсяцы, министерство И. Л. Горемыкина, универсальнымъ наслѣдникомъ и продолжателемъ котораго является кабинетъ Б. В. Штюрмера, относилось къ полякамъ такъ, какъ будто не существовало извѣстнаго воззванія Верховнаго главнокомандующаго; стоитъ только вспомнить, какою городскою реформой было одарено Царство Польское въ первый день Пасхи 1915-го года. Съ тѣхъ поръ польскій вопросъ вступилъ, силою вещей, въ новый фазисъ; но возможна ли увѣренность въ счастливомъ его исходѣ, пока движеніе его остается въ рукахъ исконныхъ противниковъ всякой автономіи? Настоящая война ведется во имя равноправности національностей; возможна ли надежда на послѣдовательное осуществленіе этого принципа у насъ въ Россіи, пока во главѣ управленія стоятъ крайніе «націоналисты», въ специфически русскомъ смыслѣ этого слова? Война показала съ полною ясностью, на что способенъ русскій народъ, какъ могучи, хоть сколько-нибудь предоставленныя самимъ себѣ русскія общественныя силы; можно ли ожидать надлежащей оцѣнки этихъ фактовъ и правильнаго изъ нихъ вывода со стороны государственныхъ дѣятелей, проникнутыхъ недовѣріемъ къ обществу и народу? ... Съ желаніемъ продлить полномочія четвертой Думы министерство соединяетъ стремленіе къ возможно большему ограниченію ея дѣятельности. Противорѣчіе здѣсь только кажущееся: неудобно работать рядомъ съ нынѣшнимъ народнымъ представительствомъ, но еще неудобнѣе, быть можетъ, будетъ работа рядомъ съ его преемникомъ. Вмѣсто того, чтобы заранѣе ставить вопросы объ огражденіи вѣдомствъ отъ послѣдствій неразсмотрѣнія четвертою Думою тѣхъ или другихъ законопроектовъ, уже внесенныхъ или могущихъ быть внесенными, гораздо проще

было бы предупредить эти послѣдствія, воздерживаясь отъ поспѣшнаго закрытія думскихъ сессій и ускоряя ихъ возобновленіе; но этотъ путь неприемлемъ для кабинета, отклоняющаго самыя умѣренныя прогрессивныя требованія.

Чтобы составить себѣ точное представленіе о результатахъ режима, поддерживающаго или возстановляющаго порядки «добраго стараго времени», нужно присмотрѣться къ тѣмъ формамъ, въ которыя эти порядки облекаются иногда на мѣстахъ, даже не особенно далекихъ отъ центра. Чрезвычайно характерна, съ этой точки зрѣнія, разсказанная въ «Русскомъ Словѣ» исторія одного изъ бывшихъ членовъ второй Думы. Крестьянинъ Рязанской губерніи, Сорокинъ, принадлежавшій къ трудовой группѣ, послѣ возвращенія въ родную деревню дважды былъ высылаемъ въ отдаленныя губерніи. Недавно, по возвращеніи его изъ ссылки, крестьяне села Зимарова послали его своимъ уполномоченнымъ на волостной сходъ. Раненбургскій уѣздный съѣздъ отмѣнилъ это избраніе, а рязанское губернское присутствіе утвердило постановленіе съѣзда по слѣдующимъ мотивамъ, которые газета совершенно правильно называетъ «невѣроятными». По мнѣнію присутствія, «участіе Сорокина въ волостномъ сходѣ не только не принесетъ пользы крестьянамъ, но, напротивъ, должно оказаться вреднымъ, ибо двукратная высылка его въ административномъ порядкѣ за аграрные безпорядки вполнѣ свидѣтельствуетъ о склонности его къ нарушенію государственнаго порядка и о возможности вреднаго вліянія съ его стороны на членовъ схода въ томъ же направленіи». Высылкѣ въ административномъ порядкѣ не предшествуетъ правильное изслѣдованіе; для нея не требуется ни доказательствъ, ни уликъ, ни опредѣленно формулированнаго обвиненія, ни даже указанія подозрѣній, упадающихъ на выселяемаго. Въ основаніи ея лежитъ полнѣйшій произволъ; поводомъ къ ней служитъ, сплошь и рядомъ, не дѣяніе, а предположеніе о возможности дѣянія. Вопреки извѣстной Щедринской формулѣ, она отрицаетъ необходимость «ожиданія поступковъ». Достаточно, болѣе чѣмъ достаточно тѣхъ страданій и лишеній, которыя она непосредственно влечетъ за собою; невыгодныя ея послѣдствія отнюдь не должны продолжаться послѣ истеченія назначеннаго для нея срока. По закону она и не создаетъ никакихъ длящихся правоограниченій; возвращенный изъ административной ссылки пользуется всею полнотою своихъ гражданскихъ и политическихъ правъ. Для рязанскаго губернскаго присутствія не обязательны эти простѣйшія и безспорныя истины: оно создаетъ новый, не предусмотрѣнный закономъ видъ неправоспособности. Исходя изъ догадки о какой-то особенной, постоянной склонности Сорокина къ нарушенію порядка, оно беретъ на себя охрану волостного схода отъ возможности «вреднаго вліянія», «направленіе» котораго оно заранѣе предопредѣляетъ. Создается, такимъ образомъ, новый видъ опеки надъ совершеннолѣтними и полноправными гражданами. Что это такое, какъ не ва-

ріація на старую тему объ «ограниченномъ умѣ подданныхъ»? И мыслимо ли было бы что-нибудь подобное при другихъ, болѣе нормальныхъ политическихъ условіяхъ?.. По отношенію къ бывшему депутату-трудовику систематическое административное преслѣдованіе является чѣмъ-то въ родѣ мщенія, тѣмъ болѣе несимпатичнаго, чѣмъ беззащитнѣе и безпомощнѣе преслѣдуемый. Характерно, между прочимъ, и то, что въ сношеніяхъ властей съ Сорокинымъ примѣнялось, по словамъ газеты, обращеніе на ты. Пора вывести его изъ употребленія: слишкомъ явно оно идетъ въ разрѣзъ съ торжествующимъ мало-по-малу началомъ равноправности сословій, слишкомъ явно напоминаетъ недавно существовавшее понятіе о «низшемъ родѣ людей» ...

Скончавшійся недавно А. И. Иванчинъ-Писаревъ принадлежалъ къ той ранней группѣ «народниковъ», стремленія которой проявились съ особенной силой во второй половинѣ семидесятыхъ годовъ. Идеалистически настроенные, исполненные самоотверженія, проникнутые горячею любовью къ крестьянской массѣ, они готовы были посвятить свои силы мирной работѣ для ея блага. Непреодолимыя преграды, созданныя непониманіемъ ихъ стремленій и слѣпою вѣрой власти въ матеріальную силу, заставили многихъ изъ нихъ перейти на другой путь, мало соотвѣтствовавшій основнымъ свойствамъ ихъ натуры. Какъ много они могли бы сдѣлать при другой, болѣе нормальной политической обстановкѣ — объ этомъ даетъ живое представленіе книга А. И.: «Изъ воспоминаній о хожденіи въ народъ», изображающая его дѣятельность въ качествѣ волостного писаря (въ Вольскомъ уѣздѣ, Саратовской губерніи). Неуклонно вѣрный своимъ убѣжденіямъ, А. И. до конца жизни принималъ живое участіе въ «Русскомъ Богатствѣ» и другихъ органахъ того же направленія. Въ пишущемъ эти строки случайная съ нимъ встрѣча оставила самое свѣтлое воспоминаніе.

К. Арсеньевъ.

ВОПРОСЫ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ.

Польскій вопросъ послѣ двухъ лѣтъ войны. — Отношеніе къ земскому и городскому союзамъ на фронтахъ и въ тылу. — Просьбы изъ Полтавской губерніи объ испомѣщеніи участками земли въ прибрежьяхъ Лазистана. — Реклама наживы. — Банковская газетная затѣя. — О. А. Шапиръ и Д. М. Герценштейнъ.

Въ русскомъ языкѣ нѣтъ слова, которое съ точностью соотвѣтствовало бы понятію политической автономіи. Съ другой стороны, нашъ терминъ „самоуправленіе“ сдѣлался слишкомъ, такъ сказать, обиходнымъ, въ смыслѣ обозначенія имъ политическо-хозяйственной роли земскихъ учрежденій и органовъ городского общественнаго управленія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, и по существу своему, понятіе автономіи представляется однимъ изъ тѣхъ понятій, въ которыя возможно влагать весьма разнообразное содержаніе. А нашъ терминъ самоуправленіе, въ приложеніи къ самоуправленію земскому и городскому, въ теченіе всѣхъ пятидесяти лѣтъ жизни земскихъ учрежденій, офиціально всегда трактуется ограничительно, т. е. какъ терминъ, опредѣляющій лишь извѣстную степень хозяйственной самостоятельности, или даже, вѣрнѣе, не самостоятельности, а самодѣятельности.

Эти дефекты терминологіи еще въ 1905—1906 гг. въ большой мѣрѣ способствовали неясности и, главное, недоговоренности въ постановкѣ и формулировкѣ польскаго вопроса. Въ періодъ образованія политическихъ партій, всѣ лѣвыя партіи, казалось, сошлись въ признаніи, что польскій вопросъ долженъ получить разрѣшеніе на почвѣ дарованія Царству Польскому автономіи. Но когда въ первой Думѣ стали дѣлаться попытки конкретизированія признаковъ автономнаго устройства управленія въ царствѣ, то уже тогда выяснились чрезвычайно существенныя разнорѣчія. Оказалось, что чуть не каждая партія по-своему разумѣетъ, въ чемъ автономія состоитъ и въ какихъ предѣлахъ политической самостоятельности она должна выражаться. Ближайшіе переговоры, которые тогда велись внутри думскихъ стѣнъ, закончились рѣшеніемъ отложить

споръ до того момента, когда предметомъ сужденій будутъ не отвлеченныя соображенія, а внесенный въ Думу законопроектъ.

Въ томъ же положеніи стоялъ вопросъ во второй Думѣ. Затѣмъ вопросъ о польской автономіи, какъ извѣстно, ушелъ въ неопредѣленную даль, и сами представители польскаго кола постепенно передвинули вниманіе отъ автономіи къ введенію въ Царствѣ Польскомъ даже не земства, по типу русскихъ земскихъ учрежденій, а только одного городского самоуправленія, тоже по типу правилъ, дѣйствующихъ въ центральныхъ губерніяхъ. При такихъ условіяхъ споръ о формахъ и предѣлахъ политической самостоятельности Царства Польскаго, само собою разумѣется, прекратился, ибо онъ утратилъ всякую злободневность и остроту.

Въ первые же дни послѣ начала войны, въ польскомъ вопросѣ прорѣзало воздухъ воззваніе Верховнаго Главнокомандующаго. Воззваніе подняло вопросъ на ту высоту, на которую онъ ни разу не поднимался — съ тѣхъ поръ, какъ „живое тѣло Польши“ было „разорвано на куски“. Но относительно будущаго государственнаго устройства, подъ державнымъ скипетромъ Россіи, возрожденной и возсоединенной Польши въ воззваніи было сказано не слово „автономія“, а слово „самоуправленіе“. И тѣ элементы польской общественности, которые „не приняли“ воззванія, это настойчиво подчеркивали. Сторонники австрійской оріентаціи — это слово уже получило право гражданства и нашло мѣсто даже въ запискѣ по польскому вопросу министерства внутреннихъ дѣлъ — пользовались всякимъ случаемъ и всякой возможностью, чтобы отмѣтить, что́ на офиціальномъ русскомъ языкѣ разумѣется подъ словомъ „самоуправленіе“, и чего посему будущая Польша, на основаніи точнаго текста воззванія, можетъ ожидать, какъ наибо́льшаго, отъ русскаго правительства: это конечно, что-либо въ родѣ областного земства.

Но противоположные элементы среди поляковъ, т. е. всѣ сторонники русской оріентаціи, съ неменьшей настойчивостью возражали, объясняя употребленіе въ воззваніи термина „самоуправленіе“ нежеланіемъ включать въ документъ такого характера и такой важности не русское слово. На этомъ же объясненіи остановились и русскіе лѣвые политическіе круги. Справа́ въ теченіе всего перваго года войны отклики на воззваніе раздавались такъ слабо, что ихъ почти не было слышно и съ ними не приходилось считаться. И что истина лежитъ не на ихъ сторонѣ, въ этомъ Россія и Польша годъ тому назадъ получили законченное авторитетное подтвержденіе изъ устъ главы правительства, И. Л. Горемыкина, который, при открытіи сессіи Государственной Думы, въ канунъ

отхода нашихъ войскъ отъ Варшавы, торжественно произнесъ слово „автономія“ въ приложеніи къ разрабатываемому законопроекту о будущемъ государственномъ строѣ Польши.

Заявленіе И. Л. Горемыкина, что правительствомъ разрабатывается проектъ автономіи Польши, явилось, какъ конкретный фактъ, давшій основаніе для возрожденія общественныхъ сужденій о желательныхъ для обѣихъ сторонъ формахъ и предѣлахъ связи Польши съ Россіею, во-первыхъ, и политической самостоятельности будущей возсоединенной Польши, — во-вторыхъ. По условіямъ цензуры, эти сужденія, къ сожалѣнію, не могли имѣть широкаго и полнаго отраженія въ печати. Но „въ закрытыхъ собраніяхъ“ они происходили повторно и многократно въ теченіе всей прошлой зимы, о чемъ свидѣтельствуютъ три записки по польскому вопросу: министерства внутреннихъ дѣлъ отъ 26 апрѣля 1916 г., польскаго кола Думы и Государственнаго Совѣта отъ 23 іюня и московскаго польскаго комитета отъ 30 іюня того же года (см. „Русское Слово“ отъ 12-го и 13-го іюля).

Еще въ годы, непосредственно близкіе къ освободительному движенію, партіей народной свободы былъ составленъ тщательно и детально разработанный проектъ закона объ автономіи Царства Польскаго. Представители партіи и нынѣ стоятъ на почвѣ этого проекта. Изъ обмѣна мнѣній между ними и тѣми представителями умѣренныхъ польскихъ политическихъ теченій, которые твердо держатся руссофильской оріентаціи и группируются вокругъ парламентскаго польскаго кола, въ „закрытыхъ собраніяхъ“ постепенно выяснялось, что послѣдніе выработанными тогда нормами не считаютъ теперь возможнымъ удовлетвориться. Такимъ образомъ нельзя не отмѣтить, что въ польскомъ вопросѣ, въ его положеніи въ данную минуту, создались нѣкоторыя трения даже тамъ, гдѣ казалось, что трений нѣтъ и быть не можетъ.

Не касаясь существа этихъ трений, мы, однако, считаемъ долгомъ сказать, что едва ли правы авторы проекта партіи народной свободы, настаивающіе на полной приложимости къ обстоятельствамъ даннаго момента тѣхъ нормъ, которыя были выработаны десять лѣтъ тому назадъ. Война и длящееся уже цѣлый годъ занятіе Царства Польскаго австро-германцами — это такіе факты, которые ни для судебъ польскаго народа, ни для психологіи поляковъ безслѣдно пройти не могутъ. И отсюда неустранимо вытекаетъ необходимость пересмотра того, на чемъ останавливалась русская прогрессивная мысль тогда, когда ни войны, ни вторженія въ царство непріятеля никто не предусматривалъ. Во-вторыхъ, авторы проекта имѣли въ виду автономію Царства Польскаго, т. е. Польши въ предѣлахъ

десяти русскихъ ея губерній; нынѣ же должна идти рѣчь объ автономіи другой Польши, которая включитъ въ себя и территорію, не состоявшую въ русскомъ обладаніи. Наконецъ, въ-третьихъ, развѣ могутъ самые вѣрные сторонники русской оріентаціи изъ среды польскихъ политическихъ дѣятелей, хотя бы наиболѣе умѣренныхъ, не считаться съ тѣмъ, что среди поляковъ существуютъ и противоположныя теченія, въ отношеніи которыхъ австро-германцы, внѣ всякаго сомнѣнія, не скупились и не скупятся на всевозможныя обѣщанія и на реальныя мѣры для достиженія своихъ цѣлей? Могутъ быть разныя мнѣнія о степени успѣха, которую имѣла среди оставшихся въ Царствѣ Польскомъ поляковъ непріятельская агитація. Но что въ теченіе года непріятельскаго занятія царства австрофильская оріентація усилилась и углубилась — развѣ можно противъ этого спорить и возражать? Если же все это такъ, то немыслимо отвергать необходимость коренного пересмотра тѣхъ отправныхъ положеній, которыя легли въ основу проекта, безотносительно къ агитаціи Австріи и Германіи.

Но какъ ни страстны бывали порой споры между поляками и русскими „въ закрытыхъ собраніяхъ въ польскомъ домѣ въ Москвѣ“, они, конечно, ничто сравнительно съ тѣмъ споромъ, который передъ второй годовщиной войны вырылъ трудно заполнимую пропасть между умѣренными политическими кругами царства Польскаго,—мы разумѣемъ, главнымъ образомъ, парламентское коло,—и представителями правительственной власти. Судя по послѣднимъ газетнымъ свѣдѣніямъ — правда, отрывочнымъ и далеко не всегда договореннымъ до конца,— послѣ нѣкоторыхъ недолгихъ колебаній, въ министерствѣ Б. В. Штюрмера возымѣло верхъ то теченіе, которое толкуетъ слово „самоуправленіе“ въ воззваніи Верховнаго Главнокомандующаго въ обычномъ его офиціальномъ приложеніи къ земскимъ учрежденіямъ. Утверждаютъ, что, для устраненія дальнѣйшей неопредѣленности, послѣдуетъ въ ближайшее время опубликованіе особаго акта. Опять, не касаясь существа предполагаемаго правительствомъ разрѣшенія польскаго вопроса, отмѣтимъ лишь, что въ порядкѣ изданія особаго акта вопросъ все-таки останется неразрѣшеннымъ: для его разрѣшенія необходимъ актъ законодательный, т. е. законъ, который одинъ въ силахъ начертать, въ длинномъ рядѣ опредѣленій, строй управленія Польши — будетъ ли она внутри Россіи государственно-самостоятельнымъ цѣлымъ, или управляемой на особомъ основаніи русской провинціей.

Въ области польскаго вопроса есть другое, что, казалось бы, требуетъ безотлагательнаго изданія особаго акта въ порядкѣ управленія и именно въ этомъ порядкѣ можетъ и должно получить

разрѣшеніе. Наши войска начали и успѣшно ведутъ изгнаніе врага изъ предѣловъ Россіи. Очищена отъ врага Волынь. Богъ дастъ, не за горами очищеніе Царства Польскаго. Кого же и что приведутъ съ собой и за собой въ очищенный край наши войска? Неужели они приведутъ ту самую старую гражданскую администрацію, которая полностью сохранена и цѣлый годъ имѣла пріютъ въ Москвѣ, въ Рязани, въ Тамбовѣ? Неужели, вмѣстѣ съ очищеніемъ отъ врага, въ Царство Польское вернутся всѣ запреты, которыми такъ долго была опутана мѣстная жизнь и отъ которыхъ населеніе, подъ вражескимъ игомъ, успѣло отвыкнуть?

Въ запискѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, въ заключительной ея части говорится: „Австро-германская агитація достигла своей цѣли. Сначала она разобщила создавшееся сліяніе большинства поляковъ въ руссофильскомъ направленіи, затѣмъ объединила большинство вокругъ своего [предложенія о возрожденіи независимой Польши подъ скипетромъ Габсбурговъ и, наконецъ, теперь собирается одержать окончательную побѣду и уничтожить въ корнѣ всякія симпатіи русскихъ поляковъ къ идеѣ объединенія Польши подъ протекторатомъ Россіи“.

Допустимъ, что это такъ, что, вопреки возраженіямъ представителей польскаго кола, выводы составителей министерской записки совершенно вѣрны. Такъ вѣдь плодамъ успѣшной австро-германской агитаціи надо всѣми мѣрами противодѣйствовать, съ ними надо со всей энергіей бороться. Какъ же, по очищеніи края отъ австро-германцевъ, возможно будетъ бороться со всѣмъ тѣмъ, что они дѣлали и сдѣлали, съ цѣлью „уничтожить въ корнѣ всякія симпатіи русскихъ поляковъ къ идеѣ объединенія Польши подъ протекторатомъ Россіи“, если населеніе снова увидитъ себя и самые дорогіе свои бытовые интересы во власти системы и лицъ, которыя въ ихъ сознаніи всегда были системою и лицами особаго рода — системою обрусенія и администраторами-обрусителями? Возвратъ въ край учителей и судей, не знающихъ польскаго языка — одно это сдѣлаетъ во сто кратъ больше, чѣмъ могла сдѣлать самая яростная австро-германская агитація.

Не менѣе настоятельно необходимъ тотъ актъ, который еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ предлагался бывшимъ варшавскимъ генералъ-губернаторомъ, сенаторомъ Н. Д. Любимовымъ. Его предложеніе было въ свое время напечатано въ „Русскомъ Словѣ“, при чемъ газета говорила, что въ правительственныхъ кругахъ оно вызвало „большой шумъ“. Но какъ разрѣшился этотъ „большой шумъ“ — остается неизвѣстнымъ.

„Необходимо — такъ воспроизводило „Русское Слово“ слова

Н. Д. Любимова — представить установленнымъ порядкомъ проектъ воззванія, въ коемъ бы заключалось повелѣніе о непривлеченіи при вступленіи нашихъ армій въ очищаемыя отъ врага территоріи къ какой-либо отвѣтственности мѣстнаго населенія за поступки во время вражеской оккупаціи, которые въ обычномъ порядкѣ могли бы быть, по статьѣ 108 Уголовнаго Уложенія, подведены подъ понятіе способствованія или благопріятствованія непріятелю". „Такое воззваніе, говорилъ онъ далѣе, „не представляло бы собой чего-либо новаго или невиданнаго. Такое воззваніе было издано въ 1812 году при очищеніи нашихъ предѣловъ отъ арміи Наполеона".

Мысль Н. Д. Любимова, независимо отъ ссылки на прецедентъ, имѣющій столѣтнюю давность, не требуетъ, полагаемъ, подробныхъ поясненій. Вполнѣ достаточно отмѣтить, съ одной стороны, вынужденность повиновенія оставшагося на мѣстахъ населенія приказаніямъ врага и страхъ голодной смерти, заставляющій работать на потребности непріятельскихъ войскъ, а съ другой — ту формулу, которою всѣ кодексы опредѣляютъ понятіе военной измѣны и которая, строго говоря, покрываетъ дѣятельность возчика, перевозящаго въ занятой странѣ непріятельскій грузъ, профессіональную дѣятельность каждаго землекопа, ремесленника и т. д.

Какъ на фронтахъ, такъ и въ тылу, дѣятельность земскаго и городского союзовъ все продолжаетъ шириться и развиваться, и по роду, и по количеству производимой союзами работъ. Союзы постоянно получаютъ новыя заданія. Въ отпускѣ въ ихъ распоряженіе казенныхъ денежныхъ суммъ никогда отказа не бываетъ. Если Совѣтъ Министровъ иногда сокращаетъ представляемыя союзами смѣты, то дѣлается это, какъ заявилъ въ послѣдній свой пріѣздъ въ Москву гр. А. А. Бобринскій, — тогда еще не министръ земледѣлія, а товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, — „по чисто финансовымъ соображеніямъ, а отнюдь не изъ соображеній политическихъ или изъ недовѣрія къ союзамъ". Итоги годичныхъ расходовъ, производимыхъ союзами, давно превзошли размѣры министерскихъ бюджетовъ цѣлаго ряда министерствъ.

И въ полномъ соотвѣтствіи со всѣмъ этимъ, съ фронтовъ, по адресу союзовъ, со стороны высшихъ представителей военнаго командованія слышатся одни лишь выраженія признательности. Но совершенно не то слышится въ глубинахъ тыла — не тыла общественнаго, конечно, а тыловой правительственной власти и того „истинно-русскаго", якобы народнаго тыла, который представляютъ собой всякаго наименованія и всякой спеціальности добровольцы

политическаго сыска. Нѣкій „сановникъ“, бесѣда съ которымъ была напечатана въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ“ — лицо, въ компетентности котораго, по удостовѣренію газеты, „сомнѣваться не приходится“, — говорилъ даже въ деталяхъ то самое, что пишетъ „Земщина“, что въ Думѣ безъ устали повторяли гг. Марковъ и Замысловскій, и что впервые было категорично заявлено въ резолюціяхъ черносотеннаго съѣзда, происходившаго въ ноябрѣ прошлаго года подъ предсѣдательствомъ бывшаго министра юстиціи И. Г. Щегловитова. А бесѣда сановника имѣла совершенно опредѣленный характеръ . . . . . .

Изъ относящихся къ союзамъ распоряженій правительственной власти за послѣднее время, наиболѣе важное — воспрещеніе созывать какіе-либо собранія, съѣзды или совѣщанія, „для коихъ ожидается прибытіе иногородныхъ участниковъ“. Въ этомъ распоряженіи, прежде всего, заслуживаетъ вниманія признакъ, которымъ отдѣлены воспрещенные собранія, съѣзды и совѣщанія отъ невоспрещенныхъ. Согласно этому признаку, главноуполномоченные союзовъ, строго говоря, не только лишены права созывать собранія уполномоченныхъ губернскихъ земствъ, по земскому союзу, или съѣзды представителей городовъ, по союзу городскому, равно совѣщанія отдѣльныхъ представителей союзныхъ организацій, — но они одинаково не могутъ собирать и главные комитеты. Въ Высочайшихъ повелѣніяхъ, коими союзы были образованы, отнюдь не было ограниченій ни въ смыслѣ права съѣздовъ избирать членами главныхъ комитетовъ только москвичей, ни въ смыслѣ обязанности избранныхъ, послѣ избранія, переселяться въ Москву. А потому въ составъ обоихъ главныхъ комитетовъ вошли и москвичи, и иногородніе, и въ составъ главнаго комитета союза городовъ послѣдніе — въ значительномъ числѣ. Тутъ есть и представители Петрограда, Кіева, Екатеринослава, Курска, и городскіе головы Нижняго Новгорода, Тулы, Смоленска, Рязани и т. д.

Такимъ образомъ, въ Москвѣ не можетъ быть ни одного засѣданія главныхъ комитетовъ земскаго и городского союзовъ, на которое не ожидалось бы прибытіе „иногородныхъ участниковъ“. А такъ какъ созывъ такихъ „съѣздовъ“ воспрещенъ, то, слѣдовательно, комитеты, т. е. исполнительные даже органы союзовъ, не могутъ собираться. Если же они продолжаютъ собираться, принимаютъ постановленія, представляютъ въ Совѣтъ Министровъ смѣты, сносятся съ военными властями, словомъ, если они не прекратили дѣятельности союзовъ, — то только по попустительству мѣстнаго московскаго начальства.

Немногимъ, впрочемъ, распоряженіе . . . . . стоитъ

ближе къ юридической логикѣ и въ той своей части, которая касается созыва съ „иногородними участниками“ собраній уполномоченныхъ губернскихъ земствъ и съѣздовъ представителей городовъ. Въ газетахъ сообщалось, что когда Б. В. Штюрмеру былъ поставленъ категорическій вопросъ о послѣдовавшемъ запретѣ, то онъ отвѣтилъ, что запретъ направленъ не противъ союзовъ, а представляетъ собою мѣру общаго характера; въ виду принятаго правительствомъ рѣшенія, не былъ допущенъ даже такой политически невинный съѣздъ, какъ археологическій. Въ другихъ условіяхъ, этотъ отвѣтъ можно было бы принять за шутку. Собраніе уполномоченныхъ губернскихъ земствъ и съѣздъ представителей городовъ не имѣютъ ничего общаго ни съ съѣздомъ археологовъ, ни съ съѣздами монархистовъ или дѣятелей въ области профессіональнаго образованія и т. д., и т. д. Это органы управленія союзовъ, тѣ органы, которымъ принадлежитъ общее направленіе дѣятельности союзовъ, разсмотрѣніе и утвержденіе смѣтъ и отчетовъ главныхъ комитетовъ, ревизіи, опредѣленіе состава и порядка дѣйствій исполнительныхъ органовъ и избраніе должностныхъ лицъ. Имъ же сверхъ того, — и только имъ, — принадлежитъ разрѣшеніе вопросовъ, связанныхъ съ расширеніемъ дѣятельности союзовъ и съ выполненіемъ новыхъ, возлагаемыхъ на союзы задачъ. Съ другой стороны, какъ собраніе уполномоченныхъ губернскихъ земствъ, такъ равно и съѣздъ представителей городовъ, имѣютъ постоянный, а не мѣняющійся при каждомъ ихъ созывѣ составъ. И въ теченіе минувшихъ двухъ лѣтъ войны собраніе и съѣздъ созывались въ прямой зависимости отъ возникновенія подлежащихъ ихъ вѣдѣнію вопросовъ, на разрѣшеніе которыхъ главные комитеты полномочій не имѣли. Словомъ, собраніе и съѣздъ суть высшіе и для главныхъ комитетовъ единственные авторитетные, распорядительные органы союзовъ. А потому былъ, несомнѣнно, правъ кн. Г. Е. Львовъ, когда онъ писалъ въ своей опубликованной запискѣ: „Прекращеніе дѣятельности собранія уполномоченныхъ губернскихъ земствъ или допущеніе ея лишь въ исключительныхъ случаяхъ расшатываетъ основу организаціи земскаго союза. Съ запрещеніемъ созывать собранія уполномоченныхъ, союзъ лишается своего распорядительнаго органа и остается лишь съ органами исполнительными. Главный комитетъ остается въ положеніи земской управы безъ земскаго собранія, и ненормальность такого положенія вполнѣ очевидна“.

Союзы, въ лицѣ ихъ главныхъ комитетовъ, поднялись выше тѣхъ препятствій, которыя создаются для спокойнаго и нормальнаго теченія ихъ дѣятельности. Главные комитеты продолжаютъ работу и безъ обращенія за руководящими указаніями къ тѣмъ, кто дали

имъ полномочіе быть представителями и выразителями активнаго участія въ обслуживаніи войны земской и городской Россіи. Комитеты сознательно пошли на превышеніе своихъ правъ. Когда имъ было сдѣлано предложеніе взять на себя новое большое дѣло, они его взяли. И ихъ за это собраніе и съѣздъ, когда запретъ спадетъ, конечно, не осудятъ. Но, какъ ни исключительно почетна общественная работа въ создавшейся атмосферѣ, во сколько разъ, однако, было бы лучше и для работниковъ, и, главное, для святого дѣла помощи войнѣ, если бы не было всѣхъ этихъ безцѣльныхъ и ненужныхъ уколовъ, запретовъ и заподозриваній!..

Бесѣда „сановника“ съ корреспондентомъ „Биржевыхъ Вѣдомостей“ обошла всѣ газеты; останавливаться на ней во всей подробности не стоитъ. Достаточно отмѣтить тѣ новыя ноты, которыя прозвучали въ брошенныхъ союзамъ обвиненіяхъ. Ссылаясь на факты, которые будто бы имѣются „налицо“ и хорошо извѣстны . . . . . ;— но какіе это именно факты онъ не объяснилъ, — „сановникъ“ заявилъ, что „по даннымъ и, при томъ, совершенно безспорнымъ“, изъ казеннаго полумилліарда, отпущеннаго союзамъ на дѣло помощи больнымъ и раненымъ воинамъ, „довольно крупныя суммы“ идутъ на революціонную работу „внѣдрившихся въ земскій и городской союзы“ неумѣренныхъ лѣвыхъ политическихъ элементовъ. На это смѣлое обвиненіе, которое не раздавалось даже на черносотенномъ съѣздѣ, кн. Г. Е. Львовъ отвѣтилъ однимъ коротким словомъ: „Ложь“! И другого отвѣта оно не заслуживаетъ.

Ссылался „сановникъ“ на „факты“, даже на такіе, по поводу которыхъ „у прокуроровъ различныхъ судовъ имѣется уже не мало дѣлъ“, и обвинялъ союзы въ томъ, что они, невнимательными ходатайствами объ освобожденіи ихъ служащихъ отъ воинской повинности способствуютъ недостойному уклоненію подлежащихъ призыву отъ службы въ войскахъ. Но и для направленія этихъ ходатайствъ, и для ихъ содержанія, т. е. мотивовъ, существуютъ, какъ извѣстно, опредѣленныя правила, не союзами созданныя и не отъ союзовъ зависящія. Ни въ какой мѣрѣ не зависитъ отъ союзовъ, равнымъ образомъ, и удовлетвореніе ходатайствъ объ отсрочкахъ призыва. Какъ же можно укорять въ какихъ бы то ни было „фактахъ“ не тѣхъ, кѣмъ созданы несовершенныя, допускающія „обходы“ правила, и не тѣхъ, кто на основаніи этихъ правилъ даетъ отсрочки, а тѣхъ, кто проситъ, ходатайствуетъ? Повидимому, „сановникъ“ весьма слабо разбирается въ вопросахъ юриспруденціи, если полагаетъ, что у прокуроровъ могутъ быть дѣла по обвиненію въ преступномъ уклоненіи отъ военной службы не самихъ уклонившихся и не тѣхъ, кто способствовалъ ихъ уклоненію путемъ

предоставленія ненадлежащей отсрочки, а тѣхъ, кто за уклонившихся просилъ, ходатайствовалъ.

Въ бесѣдѣ есть фраза, которая до конца раскрываетъ, что именно диктуетъ всѣ обвиненія, направляемыя противъ земскаго и городского союзовъ. „Всякое правительство, какое бы оно ни было", — говорилъ, между прочимъ, „сановникъ",—„не допуститъ и не можетъ допустить того, чтобы параллельно съ нимъ, и не только независимо отъ него, но и рѣзко враждебно къ нему, слагалось или пыталось сложиться другое правительство". Да, у союзовъ есть то, чему не можетъ не завидовать и чего не можетъ не опасаться въ интересахъ самосохраненія, вмѣстѣ съ торжествующими политическими теченіями, „всякое правительство". У союзовъ есть умѣнье вести взятое на себя громадное дѣло и, какъ результатъ, есть успѣхъ; за ними стоитъ растущая съ каждымъ днемъ популярность. Отсюда и вытекаетъ стремленіе такихъ органовъ прессы, какъ „Земщина" или „Голосъ Руси", во что бы то ни стало дискредитировать союзы съ той стороны, которая людямъ не особенно высокихъ этическихъ правилъ въ каждомъ дѣлѣ представляется наиболѣе уязвимой. Судя о другихъ по себѣ, пишущіе въ этихъ органахъ второй годъ надсаживаются отъ крика: „берете деньги — дайте отчетъ!" Но если этотъ нелѣпый крикъ повторяютъ лица, „въ компетентности которыхъ не приходится сомнѣваться", то имъ можно сказать одно: „Немного же въ вашемъ распоряженіи аргументовъ, которые вы могли бы направить противъ организованной русской общественности"...

Правительство въ прошломъ году сдѣлало опытъ поставить на фронтахъ, рядомъ съ организаціями союзовъ, свои организаціи, подобныя союзнымъ. Одною изъ такихъ организацій явилась, такъ называемая, „Сѣверопомощь". Послѣ года существованія „Сѣверопомощи" начальникъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго, генералъ-адъютантъ Алексѣевъ, далъ ей слѣдующую аттестацію:

— „Ее, — сказалъ генералъ сотруднику „Русскаго Слова", — слѣдуетъ просто убрать съ фронта, ибо она дѣла не дѣлаетъ, а только деньги расходуетъ"...

„Новое Время" перепечатало изъ мѣстной газеты любопытную замѣтку. Военный губернаторъ Батумской области представилъ въ кутаисское управленіе земледѣлія и государственныхъ имуществъ 18 прошеній разныхъ лицъ изъ числа дворянъ Полтавской губерніи, которыя ходатайствуютъ объ отводѣ имъ на черноморскомъ побережьѣ, между Батумомъ и Трапезондомъ, участковъ земли. По свѣдѣніямъ губернатора, всѣ просители „обладаютъ крупными сред-

ствами и намѣрены поселиться на просимыхъ участкахъ съ цѣлью разведенія высшихъ культуръ".

Не слишкомъ ли рано 18 обладающихъ крупными средствами полтавскихъ дворянъ обратили свой завистливый взоръ на занятыя, пока что, лишь по праву войны турецкія земли? Не слишкомъ ли рано батумскій военный губернаторъ, вмѣсто простого оставленія прошеній безъ послѣдствій, направилъ ихъ въ кутаисское управленіе земледѣлія и государственныхъ имуществъ? Не слишкомъ ли поспѣшило и „Новое Время" снабдить приведенную замѣтку многообѣщающимъ и многоговорящимъ заголовкомъ: „Русская колонизація Лазистана?"

На случай, если настоящія строки попадутъ на глаза кого-либо изъ господъ полтавскихъ дворянъ, мы можемъ, на основаніи личнаго знакомства съ побережьемъ между Батумомъ и Трапезондомъ, сказать не мало такого, что, несомнѣнно, укрѣпитъ и усилитъ ихъ желаніе быть „испомѣщенными" за счетъ разгрома вовлеченной нѣмцами въ войну съ Россіей Турціи. Эта часть черноморскаго побережья дѣйствительно представляетъ собой заманчивый край. Мало гдѣ на свѣтѣ красота и богатство природы такъ полно сочетались, какъ здѣсь. Батумъ расположенъ на косѣ, образованной наносами впадающаго близъ него въ море Чороха. Дальше на западъ горы спускаются непосредственно къ изумруднымъ волнамъ Чернаго моря. И весь ихъ скатъ, вплоть до Трапезонда, покрытъ изумительной по силѣ и по разнообразію растительностью. Тутъ нѣтъ, правда, ни клочка земли, засѣянной любезною сердцу полтавскихъ помѣщиковъ пшеницею. Но тутъ есть нѣчто лучшее, чѣмъ пшеница, которая въ конечномъ итогѣ, какъ засвидѣтельствовалъ печальный опытъ, привела нашихъ бывшихъ владѣльцевъ крѣпостныхъ душъ лишь къ знакомству съ дворянскимъ банкомъ, съ недоимками и съ нескончаемыми просьбами объ отсрочкѣ. Апельсиновыя рощи тутъ смѣняются виноградниками, бамбуковыми насажденіями, орѣховыми зарослями и субтропическими лѣсами. А въ мѣстахъ поселеній — пальмы, бананы. Если въ этой части черноморскаго побережья и нѣтъ чайныхъ плантацій, то Чаква (въ окрестностяхъ Батума) во всякомъ случаѣ уже доказала полную возможность культуры и чайнаго дерева.

И все это отнюдь не впустѣ лежащія богатства, которыя ожидаютъ, когда придутъ владѣть ими полтавскіе и иные россійскіе дворяне. Напротивъ, несмотря даже на условія войны, значительная часть побережья, если не все оно, эксплоатируется весьма интенсивно. По крайней мѣрѣ, такое впечатлѣніе оставляютъ не только окрестности большихъ прибрежныхъ поселеній, какъ Ипра-

нитъ, Ризе, Офъ, Сюрмене, Аракли, но и тѣ лежащія между поселеніями пространства, которыя видны съ моря. Глазъ постоянно видитъ передъ собой тщательно разработанные площадки и склоны и правильные ряды искусственныхъ садовыхъ насажденій. Въ поселеніяхъ только ближайшія къ берегу ихъ части имѣютъ характеръ турецкихъ селъ и городовъ, съ базарами, съ грязными и узкими улицами и съ нищенскими постройками. Непосредственно вслѣдъ за этими частями стоятъ окруженныя садами постройки совершенно другого типа, если не похожія архитектурой на европейскія прибрежныя виллы то, все же ярко свидѣтельствующія о значительномъ достаткѣ ихъ владѣльцевъ, оставившихъ свои жилища передъ вступленіемъ русскихъ войскъ. Такимъ образомъ „обладающимъ крупными средствами“ полтавскимъ дворянамъ не будетъ надобности ни заботиться о разведеніи высшихъ культуръ, ибо эти культуры на просимыхъ ими участкахъ и безъ ихъ стараній давно разведены, ни бросать привычную жизнь въ Петроградѣ, Москвѣ, Харьковѣ или Полтавѣ. Если бы ихъ просьбы были удовлетворены, то они получили бы готовыя курортныя дачи для лѣтняго и осенняго отдыха на морскомъ берегу въ дивномъ климатѣ и также готовую, весьма недурную ренту, обезпеченную работой мѣстныхъ турокъ-садоводовъ. Но что даетъ имъ право на такой щедрый подарокъ?

По одному изъ основныхъ началъ международнаго права, казалось бы, азбучному и для полтавскихъ дворянъ, военное занятіе непріятельской мѣстности отнюдь не означаетъ ни завоеванія, ни перехода занятой мѣстности въ составъ территоріи государства, чьими войсками она оккупирована. Повидимому, впрочемъ, это начало не имѣетъ большого значенія и въ глазахъ батумскаго губернатора, который направилъ прошенія въ кутаисское управленіе земледѣлія и государственныхъ имуществъ и тѣмъ самымъ призналъ, что, по его мнѣнію, не только присоединеніе побережья между Батумомъ и Трапезондомъ къ нашей государственной территоріи уже состоялось, но уже имѣется и то русское губернское присутственное мѣсто, которое вѣдаетъ это „государственное имущество“. Но допустимъ, что газетная замѣтка не точно выражаетъ сущность поданныхъ восемнадцатью полтавскими дворянами прошеній. Допустимъ, что они просятъ отвести облюбованные ими участки земли не сейчасъ, а на случай, если, — чего желаетъ вся Россія, — по окончаніи войны, занятое нашими войсками черноморское побережье сдѣлается частью русской государственной территоріи. О формахъ использованія территоріальныхъ пріобрѣтеній, которыя должны явиться результатомъ побѣдоносной войны противъ союза австро-германцевъ съ турками, разговоры въ

нашей правой и націоналистической печати идутъ уже давно. И если эти разговоры всегда оставляли до сихъ поръ непріятный осадокъ, то, прежде всего, вслѣдствіе ихъ слишкомъ очевидной преждевременности. Едва ли есть народъ, государство и отдѣльный человѣкъ, которые не испытали бы на опытѣ, какъ рискованно дѣлить шкуру неубитаго медвѣдя, и какія печальныя разочарованія несетъ за собой нерѣдко такая преждевременная увѣренность въ пріобрѣтеніи. Но, по существу, разговоры сводились до сихъ поръ къ надѣленію землей семействъ участвующихъ въ войнѣ солдатъ, — прежде всего семействъ, оставшихся безъ кормильцевъ, затѣмъ семействъ инвалидовъ. Полтавскіе 18 дворянъ перенесли вопросъ въ другую плоскость. Ихъ прошенія напомнили давнишніе проекты „испомѣщенія“ безнадежныхъ банковскихъ недоимщиковъ за счетъ свободныхъ земель въ Сибири, или еще ближе — раздачу участковъ въ окрестностяхъ Батума. Если, по присоединеніи Лазистана, тамъ окажутся свободныя земли и если на эти земли переселятся съ семьями полтавскіе и другихъ губерній крестьяне, тогда дѣйствительно произойдетъ „русская колонизація Лазистана“. Но неужели „Новому Времени“ неизвѣстно, что обладатели крупныхъ средствъ изъ Полтавской губерніи никакой колонизаціи привести за собой въ Лазистанъ не могутъ, что вся ихъ культурная миссія ограничится если не спекулятивной перепродажей участковъ, то полученіемъ безъ всякой затраты труда болѣе или менѣе хорошей ренты?

Объ охватившей всѣхъ и вся дикой вакханаліи наживы противно вспоминать. Если мы возвращаемся къ этому больному изъ больныхъ вопросовъ современности, то только потому, что въ его эволюціи наступилъ новый моментъ: наживу на обслуживаніи войны перестали скрывать и наживой стали хвастаться.

Передъ нами газета, на листѣ объявленій которой напечатаны балансъ на 1-е января 1916 года и счетъ прибылей и убытковъ за 1915 годъ одного изъ акціонерныхъ предпріятій, владѣющаго заводами которые изготовляютъ необходимѣйшіе предметы военнаго снабженія. Изъ баланса и счета прибылей и убытковъ видно, что акціонерный капиталъ предпріятія равняется 4.500 тыс. рублей, а дохода на этотъ капиталъ въ 1915 году получено: валового — 5.563.298 р., чистаго, — за разнообразными отчисленіями, въ томъ числѣ почти милліона рублей въ пользу правленія и болѣе двухъ милліоновъ въ погашеніе стоимости имущества, — 1.216.106 рублей. Такимъ образомъ, не говоря уже о милліонномъ заработкѣ заправилъ общества, предпріятіе въ теченіе одного года нажило на заказахъ военнаго вѣдомства 123 % валового дохода и 49 % —

чистаго. Правда, по распредѣленію, которое сдѣлало общее собраніе акціонеровъ, въ дивидендъ выдано не по 49 % на акцію, а только по 16 %. Но эта дань приличію существа дѣла не измѣняетъ. Въ той или другой формѣ, въ распоряженіи акціонеровъ за 1915-й годъ, во всякомъ случаѣ, осталось чистой прибыли 49 % на каждую акцію.

И передъ нами лежитъ не та газета, въ которой предпріятія, обязанныя публичной отчетностью, ежегодно не по доброй волѣ печатаютъ свои балансы и счета прибылей и убытковъ. Нѣтъ, передъ нами газета, въ которой никакія другія предпріятія не обязаны тратить деньги на объявленія. Слѣдовательно, данное объявленіе есть не что иное, какъ реклама, т. е. хвастливое разглашеніе наживы, въ цѣляхъ привлеченія вниманія и подъема биржевой цѣны акцій.

Какъ обычно, въ такихъ объявленіяхъ, внизу, подъ цифрами, напечатаны фамиліи директоровъ, кандидатовъ въ директора и членовъ ревизіонной комиссіи. И среди этихъ фамилій есть имена лицъ, пользующихся большой финансовой извѣстностью. Неужели они не испытывали чувства стыда, когда разглашали во всеобщее свѣдѣніе, что недобросовѣстныя цѣны, предъявленныя ими государству въ моментъ острой нужды въ предметахъ боевого снабженія войскъ, дали имъ въ одинъ годъ 49 % чистой прибыли на вложенный въ предпріятіе капиталъ? Очевидно, они не испытывали этого чувства, ибо иначе ничто не заставило бы ихъ рекламировать ни съ чѣмъ несообразную наживу. Учитывая современную „дѣлеческую“ психологію, можно съ увѣренностью думать обратное, — что заправилы предпріятія гордятся 49 %-мъ чистымъ доходомъ, извлеченнымъ изъ тыловой работы на пользу войны.

Еще въ январѣ вызывала общее презрѣніе фраза изъ нѣкоего „дѣлового“ письма, въ которомъ одинъ изъ мародеровъ тыла писалъ другому: „теперь такое время, когда каждый порядочный и съ разумомъ человѣкъ долженъ наживать“. Нынѣ выраженная въ этой фразѣ разбойничья мысль уже презрѣнія не вызываетъ: по крайней мѣрѣ, его не замѣтно. Объявленій съ балансами и счетами, весьма мало отличающимися отъ отмѣченнаго, въ послѣдніе мѣсяцы были напечатаны цѣлые десятки. Коммерческіе банки дали за 1915 годъ огромные дивиденды. И намъ ни разу нигдѣ не попадалось слова осужденія по адресу такъ выгодно работавшихъ въ особенно тяжелый годъ войны акціонерныхъ предпріятій. До самаго дня его ареста гремѣвшій финансовыми успѣхами г. Рубинштейнъ — какъ нынѣ оказалось, не только банкиръ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и „персидскій генеральный консулъ“, — былъ предметомъ отнюдь не

презрительнаго вниманія. Уличныя газеты съ почтеніемъ подчеркивали его пожертвованія въ тысячи и даже десятки тысячъ рублей, которыя онъ дѣлалъ изъ плывшихъ въ его карманъ милліоновъ...

Самую послѣднюю новость изъ области однородныхъ фактовъ представляетъ рѣшеніе петроградскихъ банковъ и промышленныхъ фирмъ создать собственную газету, которая, по мысли ея иниціатора, члена и товарища предсѣдателя Государственной Думы А. Д. Протопопова, какъ сообщила „Рѣчь“ (№ 198), должна „правильно освѣщать вопросы экономическіе и защищать промышленные и финансовые круги отъ несправедливыхъ нареканій, такъ часто раздающихся въ печати“. Эта литературно-банковская затѣя — къ будущей газетѣ уже пришпилено злое, но остроумное названіе: „Банковская Печальница“ — задумана широко. Прежде всего, конечно, какъ и подобаетъ въ банковскомъ дѣлѣ, со стороны финансовой: на защиту отъ „несправедливыхъ“ нареканій банки и промышленныя фирмы образовали капиталъ размѣромъ около пяти милліоновъ рублей. Но не обойдена широтой размаха и сторона литературная. По сообщенію „Рѣчи“, А. Д. Протопоповъ, на созванномъ имъ 15 іюля совѣщаніи, говорилъ о необходимости привлечь къ участію въ газетѣ „авторитетныхъ и видныхъ представителей науки и литературы, профессоровъ и популярныхъ писателей“, и о томъ, что „руководители новаго органа уже получили согласіе выдающихся писателей“. И, какъ согласившіеся на сотрудничество въ будущей „Банковской Печальницѣ“, имъ были названы Горькій, Леонидъ Андреевъ и Короленко.

Когда мы пишемъ эти строки, Горькій, Леонидъ Андреевъ и Короленко еще не могли, по времени, опровергнуть брошенный въ нихъ извѣтъ. Конечно, банковскимъ дѣльцамъ было бы верхомъ торжества имѣть такихъ сотрудниковъ. И на организацію защиты „униженныхъ и оскорбленныхъ“, наживающихъ на третій годъ льющейся крови всего только по 49 коп. на рубль, дѣйствительно не жалко затратить и пять милліоновъ рублей, тѣмъ болѣе, что вакханалія наживы поддержанная авторитетными и видными представителями науки и литературы, профессорами — не ставленниками Кассо — и популярными писателями, съ лихвой вернула бы даже и такую затрату, а кстати, облегчила бы гг. Протопоповымъ побѣду на предстоящихъ выборахъ въ Думу. Но только, на горе банкировъ и милліонеровъ-промышленниковъ, у насъ еще есть цѣнности, которыхъ нельзя купить на деньги. Это — съ одной стороны. А съ другой — совершенно правъ былъ одинъ изъ сомнѣвавшихся участниковъ совѣщанія, устроеннаго г. Протопоповымъ, говорившій, что трудно разсчитывать на широкое распространеніе банковской газеты;

и что задуманный органъ печати, въ лучшемъ случаѣ, будетъ имѣть читателей въ вѣдомствахъ, въ редакціяхъ другихъ газетъ и въ парламентскихъ кругахъ, интересующихся вопросами финансово-промышленными. Да, при нашихъ „отсталыхъ“ общественныхъ нравахъ можно увѣренно утверждать, что одного нескромнаго разоблаченія „Рѣчи“ было достаточно, чтобы, еще до ея появленія на свѣтъ, безвозвратно положить въ могилу затѣю дѣльцовъ, въ угарѣ наживы дошедшихъ до той степени сознанія своей правоты и безупречной чистоты, при которой кажется, что лишь по невѣдѣнію и неразумѣнію такіе „выдающіеся писатели“, — Горькій, Леонидъ Андреевъ и Короленко, — не могутъ протянуть имъ руки...

Имя покойной Ольги Андреевны Шапиръ, навѣрное, памятно многимъ изъ читателей „Вѣстника Европы“ по напечатаннымъ въ нашемъ журналѣ ея романамъ и повѣстямъ („Безъ любви“, „Миражи“ и мн. др.). Ею написано вообще весьма много беллетрическихъ произведеній, въ которыхъ она, главнымъ образомъ, трактовала старый, но вѣчно новый вопросъ о любви и семейныхъ отношеніяхъ. Покойная не чужда была дѣятельности на пользу писательской среды. Она принимала участіе въ работѣ литературнаго фонда, а въ кассѣ взаимопомощи писателей въ теченіе многихъ лѣтъ была однимъ изъ энергичнѣйшихъ членовъ правленія.

Давидъ Марковичъ Герценштейнъ былъ однимъ изъ тѣхъ представителей крайнихъ лѣвыхъ политическихъ теченій, которые, какъ только началась война, цѣликомъ отдались организаціи помощи ея жертвамъ. Между прочимъ, ему принадлежитъ созданіе, при содѣйствіи Татіанинскаго комитета, общества оказанія помощи бѣженцамъ медицинскаго образованія. Въ 1905—1906 гг. покойный издавалъ и редактировалъ соціалъ-демократическую газету „Начало“, послѣ чего отбылъ годичное заключеніе въ крѣпости. Нѣсколько статей Д. М. были помѣщены и въ „Вѣстникѣ Европы“.

В. Кузьминъ-Караваевъ.

ВЫБОРНЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ НИЖЕГОРОДСКАГО КРАЯ.

† А. А. САВЕЛЬЕВЪ.

29 мая въ Нижнемъ скончался виднѣйшій нижегородскій общественный дѣятель послѣднихъ десятилѣтій, Александръ Александровичъ Савельевъ, широко извѣстный въ нижегородскомъ краѣ, а отчасти и за предѣлами его, какъ безсмѣнный членъ трехъ первыхъ Государственныхъ Думъ. Это былъ еще новый въ русской жизни типъ общественнаго дѣятеля, тѣсно связаннаго безчисленными нитями съ роднымъ городомъ и краемъ, типъ человѣка, всегда и вездѣ выступавшаго на службу краю исключительно выборнымъ человѣкомъ.

Онъ родился 10 ноября 1848 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ, на Тихоновской улицѣ, въ домѣ отца, въ томъ же домѣ прожилъ всю жизнь и тамъ же скончался. Отецъ его былъ чиновникомъ, на службѣ получившимъ дворянство. Мать была родомъ изъ мѣстной вліятельной старообрядческой фамиліи, а ея отецъ до 11 лѣтъ состоялъ крѣпостнымъ графовъ Шереметевыхъ. Выходецъ изъ рядовъ мелкаго служилаго дворянства и крестьянско-купеческой среды, А. А. долженъ былъ самъ завоевать себѣ положеніе и авторитетъ, и одна изъ основныхъ чертъ этой замѣчательной жизни — медленный, но неуклонный, непрерывный ростъ общественнаго довѣрія къ нему, которое было покорено только добросовѣстнымъ, спокойнымъ, умнымъ трудомъ. Онъ не обладалъ внѣшними увлекающими толпу качествами. Онъ былъ посредственный, если не плохой ораторъ; писалъ дѣловито, но довольно вяло и тяжело. Тѣмъ внушительнѣе была выработанная имъ въ себѣ умная дѣловитость, удивительная выдержанность и настойчивость, тонкій тактъ и проницательность. На его личность и всю жизнь легла складка затаеннаго лукаваго себѣ на умѣ упрямства и настойчивости. Все это въ совокупности и дало ему возможность спокойной, твердой и умѣлой рукой вести общественное дѣло, строить его и обходить трудные для земства и русской общественности мели, рифы и скалы, лежащіе на пути всякаго дѣятеля — тѣмъ болѣе русскаго да еще провинціальнаго.

Образованіе А. А. получилъ въ нижегородской гимназіи и казанскомъ университетѣ, который окончилъ въ 1870 г. со степенью кандидата государ-

ственныхъ наукъ. До 1874 г. А. А. былъ помощникомъ присяжнаго повѣреннаго, а съ этого года вступилъ въ число гласныхъ нижегородскаго уѣзднаго земства и былъ выбранъ участковымъ мировымъ судьею. Въ 1877 г. избранъ гласнымъ нижегородскаго губернскаго земскаго собранія. Въ 1887 г., оставивъ службу мирового судьи, А. А. избранъ членомъ губернской земской управы, а въ 1890 г. предсѣдателемъ уѣздной земской управы. Черезъ десять лѣтъ онъ уже предсѣдатель губернской управы и остается на этомъ посту до 1907 г.

Земскую службу Савельева можно оцѣнить, только вспомнивъ, чѣмъ была земская жизнь до второй половины 90-хъ гг. прошлаго вѣка. Послѣ короткаго оживленнаго періода конца шестидесятыхъ годовъ, земства почти повсемѣстно стали въ рядъ учрежденій, отбывавшихъ преимущественно казенныя надобности и неувѣренно, ощупью пробовавшихъ свои силы въ созданіи земской медицины и начальнаго народнаго образованія. «Земскія учрежденія не только не произвели ничего чрезвычайнаго, что бы выдѣлило ихъ изъ общаго строя всевозможнымъ «учрежденій», — писалъ въ 1870 г. обозрѣватель «Вѣстника Европы» («Земскіе итоги», «В. Евр.» 1870 г., авг., статья—ина),—но и въ тѣсной рамкѣ, которую имъ отвели въ послѣднее время, выказали весьма мало энергіи». Земское дѣло въ уѣздахъ надолго почти повсемѣстно стало не общественною дѣятельностью, а просто однимъ изъ средствъ прокормленія для оскудѣвавшаго помѣстнаго дворянства, которое и вершало въ немъ дѣла, при чемъ партійность сводила большей частью на посемейную и родовую вражду вліятельныхъ въ уѣздѣ или губерніи лицъ и родовъ.

Земства и партіи въ нихъ не имѣли опредѣленной программы дѣятельности, и только въ концѣ семидесятыхъ годовъ и началѣ восьмидесятыхъ прошла короткая полоса отклика земствъ, но исключительно нѣкоторыхъ губернскихъ, на общіе вопросы русской жизни,—въ частности, по поводу обращенія правительства къ обществу съ призывомъ дать отпоръ революціонному движенію.

Скоро стало опять все тихо. Только одинъ курьезный эпизодъ изъ жизни нижегородскаго земства напоминаетъ въ 1881 г. о наличности въ немъ оппозиціонно и либерально настроенныхъ людей. Въ этомъ году земское собраніе откликнулось на извѣстное въ свое время совѣщаніе «свѣдующихъ людей» по питейному дѣлу и постановило свое мнѣніе, что причина разоренія народа въ обиліи кабаковъ и въ семейныхъ раздѣлахъ, о чемъ довести до свѣдѣнія совѣщанія чрезъ телеграмму... Каткову, всесильному тогда руководителю высшихъ сферъ, стоявшему превыше многихъ министровъ. Только небольшая кучка земскихъ гласныхъ, въ которой были А. С. Гацисскій, А. А. Савельевъ и еще кое-кто, подали особое мнѣніе, въ которомъ указали на неумѣстность обращенія къ оффиціальному учрежденію

чрезъ газету Каткова, и открыто назвали его дѣятельность, какъ гасителя просвѣщенія, вредною.

Нѣсколько лѣтъ спустя А. А. Савельевъ въ разговорѣ съ В. Г. Короленко (см. его книгу «Въ голодный годъ», гл. II; А. А. здѣсь не названъ, но рѣчь идетъ именно о немъ) такъ характеризовалъ земскую операцію:

— Бросьте вы, батюшка, эти термины: оппозиція, партія, консерваторы, либералы. Ничего вы съ ними у насъ не разберете. Смотрите проще: одни у насъ воруютъ и желаютъ сохранить за собой эту возможность: это нашъ консерватизмъ. А мы и желали бы прекратить воровство, да не можемъ. Вотъ и вся либеральная оппозиція.

Это опредѣленіе положенія дѣлъ, въ земствѣ какъ нельзя лучше соотвѣтствовало дѣйствительности. Прогремѣлъ на всю Россію нижегородскій уѣздный предводитель дворянства и предсѣдатель уѣздной земской управы Андреевъ своими растратами и подлогами. Въ изобличеніи ихъ сыгралъ свою роль, въ частности по Александровскому дворянскому банку, и А. А. Савельевъ, и ему же пришлось ликвидировать разстроенныя имъ дѣла уѣзднаго земства и возстановить ихъ правильный ходъ.

Какъ разъ въ это время нагрянули и голодъ, и холера. Борьба съ ними и съ земскими начальниками, только что введенными и откровенно заявившими себя въ качествѣ крѣпкой мѣстной власти, врагами и образованія и народной самостоятельности, была началомъ оживленія и развитія нижегородскаго уѣзднаго земства. Рѣшительно выступивъ подъ руководствомъ А. А. на путь умноженія народныхъ школъ и созданія другихъ средствъ народнаго образованія, оно быстро опередило много другихъ земствъ Россіи и позднѣе, при преемникѣ А. А. Савельева, А. А. Остафьевѣ, могло первымъ въ Россіи осуществить всеобщее обученіе.

Въ этой же области А. А. Савельеву принадлежитъ честь почина расширенія дѣятельности и губернскаго земства. Въ 1895 г. имъ подана губернскому собранію обширная записка о развитіи дѣятельности губернскаго земства по народному образованію. До этого губернское земство въ немъ почти никакого участія не принимало. Новшество было до того очевидно, что администрація воспретила напечатать докладъ управы по этой запискѣ. А въ самомъ собраніи докладъ вызвалъ бурю протестовъ со стороны реакціонеровъ. Одинъ изъ нихъ, земскій начальникъ Д. В. Хотяинцевъ, обозвалъ въ засѣданіи записку Савельева «блажью»; другой, предсѣдатель васильскаго земства, самаго во всѣхъ отношеніяхъ отсталаго въ губерніи, говорилъ ехидно о предосудительной «тенденціи» записки, и т. д. Но послѣ долгой борьбы «блажь» все-таки вошла въ жизнь и послужила толчкомъ къ созданію земскаго школьно-строительнаго фонда, книжнаго склада и другихъ мѣропріятій внѣшкольнаго народнаго образованія, пышно широко развившагося.

Какъ предсѣдатель губернской земской управы, А. А. Савельевъ имѣлъ хорошаго предшественника въ лицѣ А. Баженова, и его дѣятельность

здѣсь не выходила изъ предѣловъ продолженія и развитія уже начатаго. И лично А. А. Савельевъ считалъ болѣе знаменательнымъ въ своей дѣятельности то, что въ эти годы (съ 1900 г.) ему пришлось выступить уже на болѣе широкой почвѣ, въ качествѣ участника знаменитыхъ съѣздовъ земскихъ дѣятелей 1903—1906 гг., гдѣ вырабатывались и закладывались основы освобождающейся Россіи. «Состоя членомъ бюро этихъ съѣздовъ, я принималъ близкое участіе во всѣхъ ихъ работахъ», — пишетъ А. А. не безъ чувства справедливой гордости въ своей краткой автобіографіи. По возникновеніи партіи народной свободы А. А., по порученію центральнаго комитета, образовываетъ въ Нижнемъ отдѣленіе ея. Въ 1906 г. онъ выбранъ въ первую Государственную Думу единогласно избирательнымъ собраніемъ отъ г. Нижняго Новгорода и затѣмъ проходитъ во вторую и третью Думы отъ губернскаго избирательнаго собранія. Въ Думѣ онъ рѣдко выступалъ на каѳедрѣ, но его высоко цѣнятъ, какъ работника комиссій, благодаря его обширному опыту, знаніямъ и рѣдкой способности легко разбираться во всѣхъ мелочахъ всякой практической работы.

По роспускѣ первой Думы онъ ѣздилъ въ Выборгъ, но вернулся до подписи извѣстнаго воззванія, котораго не могъ одобрить, не считая вѣроятнымъ дѣйствительный откликъ на него населенія. Позднѣе онъ заявилъ, что присоединяетъ свою подпись, но это заявленіе не было признано имѣющимъ практическое значеніе и, такимъ образомъ, подобно нѣкоторымъ другимъ членамъ фракціи народной свободы, онъ могъ войти во вторую и третью Думы.

Онъ, вѣроятно, вошелъ бы и въ четвертую, если бы извѣстный А. Н. Хвостовъ, тогда нижегородскій губернаторъ, не возбудилъ нашумѣвшаго дѣла противъ Савельева — и заодно противъ всего состава губернской управы за мнимыя закононарушенія въ распоряженіи страховыми земскими средствами. Извѣстно, что дѣло кончилось ничѣмъ, но для А. А. этотъ предательскій ударъ въ спину былъ непосильнымъ моральнымъ потрясеніемъ и оскорбленіемъ. Съ этого момента начался явный упадокъ его силъ, и послѣдніе два года были лишь угасаніемъ когда-то неутомимаго, упорнаго и всегда безкорыстно честнаго земскаго работника.

Довольно много силъ отдано А. А. Савельевымъ также научной и литературной дѣятельности. Въ молодости онъ живо интересовался этнографическими вопросами и печаталъ рядъ статей по обычному праву нижегородской губерніи (между прочимъ, въ «Юридическомъ Вѣстникѣ» редакціи Муромцева). Позднѣе онъ напечаталъ нѣсколько историческихъ статей въ трудахъ архивной комиссіи, предсѣдателемъ которой онъ состоялъ въ теченіе ряда лѣтъ, въ «Русской Старинѣ» (цѣнная работа о губернаторѣ-декабристѣ Муравьевѣ) и др. Нерѣдко выступалъ и публицистомъ, и, наконецъ, составилъ любопытныя записки о своей жизни, въ которыхъ рѣчь идетъ о

множествѣ виднѣйшихъ государственно-общественныхъ дѣятеляхъ его времени.

Это была дѣятельная и разнообразная трудовая жизнь, многими чертами заслуживающая большого вниманія, типъ дѣятельности, естественно ширившейся и углублявшейся. Казалось, А. А. никогда не задавался широкими планами и проектами, указывалъ только на ближайшее, что необходимо и что можно сейчасъ сдѣлать. Скорѣе онъ даже охлаждалъ другихъ, но у него былъ особый талантъ охватывать вещи, новыя положенія, мысли и планы въ общей связи со всѣми практическими сторонами дѣла и ихъ послѣдствіями. Въ немъ было какое-то особое чувство почвы и такта. На новое онъ сдавался иногда туго, но разъ признавъ, что дѣло можно рѣшить такъ, какъ предлагаютъ, онъ схватывалъ его съ самой практической и дѣловой стороны. Когда явились надежды на осуществленіе всеобщаго избирательнаго права, онъ одинъ подробно разработалъ проектъ выборовъ примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ. До мозга костей «нижегородецъ», всѣ вещи онъ, казалось, прикидывалъ къ нуждамъ, потребностямъ и особенностямъ края, который зналъ превосходно, какъ общественный, земскій и городской дѣятель, а также и какъ историкъ и этнографъ. Но при всей своей «почвенности» и кажущейся умѣренности, онъ умѣлъ идти вровень съ общественнымъ ростомъ, и сознательно отъ задачъ сравнительно скромной культурно-просвѣтительной дѣятельности поднялся до задачъ и размаха общерусской политическй освободительной и созидательной работы. Въ высшихъ сферахъ, въ началѣ освободительнаго движенія, склонны были считать Савельева своимъ, въ виду чисто практической и дѣловой складки его, которую иные принимали за покладливый оппортунизмъ. Плеве бесѣдовалъ съ нимъ о компромиссахъ между бюрократіей и земскими силами, но, въ концѣ концовъ, былъ очень разочарованъ, встрѣтивъ въ немъ, повидимому, для себя неожиданно, нѣчто въ родѣ лойяльной «оппозиціи Его Величества» на англійскій ладъ, принципіальной, стойкой и сильной своей связью съ дѣйствительностью.

Идейно, Савельевъ въ Нижнемъ — это цѣлая полоса мѣстной общественности. Дѣятельность его связана съ радикально-народническими шестидесятыми и семидесятыми годами, съ мечтами русскаго общества о своей земской, въ противоположность чужой, изъ центра направляемой чиновничьей Россіи. Несомнѣнна и связь съ оригинальнымъ культурнымъ явленіемъ 70-хъ годовъ, «волжскимъ сепаратизмомъ», т. е. съ тѣмъ кругомъ идей и настроеній пробуждающейся областной жизни и мысли, который въ Нижнемъ былъ представленъ піонеромъ мѣстныхъ общественно-научныхъ начинаній и изученій — А. С. Гацискимъ. Но А. А. Савельевъ имѣлъ также счастье встрѣтить моральную поддержку для своей борьбы и плодотворной земской работы въ дружбѣ нижегородскаго кружка В. Г. Короленко, Н. Ѳ. Анненскаго и др. Эта дружба, безъ сомнѣнія, опредѣлила собою многое въ жизни покойнаго и была однимъ изъ вдохновляющихъ стимуловъ дѣятель-

ности этого единственнаго и безспорнаго выборнаго нижегородской земли, какого за послѣднія десятилѣтія могли назвать нижегородцы.

Въ предсмертномъ письмѣ С. Д. Протопопову покойный писалъ, прощаясь съ близкимъ человѣкомъ навсегда: «Многое не такъ бы надо сдѣлать, но объ этомъ поздно думать. Прощайте. Надвигается конецъ. Чувствую. Благодарю Бога за то, что было и что есть, не спрашивая большаго».

Трудно было бы спросить большаго и съ этого человѣка.

В. Чемихинъ-Вѣтринскій.

Нижній-Новгородъ.

ПАМЯТИ УЧИТЕЛЯ Н. О. ЗИБЕРЪ-ШУМОВОЙ.

Въ настоящее время, когда столько людей гибнетъ въ защиту родины, столько слезъ льется отъ утраты близкихъ, каждая ушедшая жизнь, какъ бы цѣнна она ни была, не вызываетъ въ обществѣ такого глубокаго или потрясающаго впечатлѣнія, какъ въ обычное время.

Вотъ почему смерть Надежды Олимповны Зиберъ-Шумовой, одной изъ самыхъ выдающихся русскихъ женщинъ, прошла болѣе или менѣе незамѣтно. Громадное большинство ея многочисленныхъ учениковъ разсѣяны теперь по всему протяженію фронта, неся свой долгъ передъ отчизной; печальная вѣсть о кончинѣ любимаго учителя еще не дошла до нихъ. И только небольшой кружокъ друзей и почитателей могъ отдать ей послѣдній долгъ и глубоко переживаетъ всю скорбь утраты, которую понесло русское общество, наука, женщины-врачи. Послѣднимъ Надежда Олимповна особенно дорога. Она — ихъ гордость, ихъ слава.

Въ лѣтописяхъ женскаго образованія есть два славныхъ имени, занявшихъ почетное мѣсто среди представителей европейской науки. Это — Софія Васильевна Ковалевская и Надежда Олимповна Зиберъ-Шумова. Обѣ, начавъ свою дѣятельность въ то время, когда на пути учащейся женщины было много терній и препятствій, сумѣли силой своего таланта, энергіи, неутомимаго труда, любви къ наукѣ завоевать себѣ выдающееся имя въ ученомъ мірѣ. Обѣ были первыми женщинами, которымъ была предложена профессура: С. В. Ковалевской — за границей, въ Швеціи, Н. О. Зиберъ-Шумовой — у насъ, въ Россіи. Быть руководителемъ въ высшей школѣ — вотъ та справедливая оцѣнка, должная дань, которая была принесена ихъ уму, знанію, ихъ плодотворной дѣятельности.

Надежда Олимповна родилась въ 1856 г. въ г. Ростовѣ, Ярославской губ., но еще четырехлѣтнимъ ребенкомъ переселилась со своей семьей въ Петроградъ. По окончаніи Маріинской гимназіи, Н. О. слушала на, такъ называемыхъ, Владимірскихъ курсахъ лекціи

профессоровъ Вагнера, Менделѣева, Фаминцына, Бутлерова и подъ руководствомъ послѣдняго занималась спеціально химіей. Для продолженія образованія въ области естественныхъ наукъ Н. О. уѣхала въ Гейдельбергъ. Въ высшей степени интересны были разсказы ея, дававшіе — несмотря на скромность, обычно присущую Н. О., когда дѣло касалось ея самой — яркую картину всѣхъ тѣхъ мытарствъ, которыя пришлось въ то время пережить за границей ей и ея сестрѣ, Екатеринѣ Олимповнѣ Симановской, въ ихъ стремленіи къ образованію, желаніи работать въ лабораторіяхъ, посѣщать лекціи. Но vouloir — c'est pouvoir. И страстная жажда знанія, настойчивость въ достиженіи завѣтной цѣли, обаяніе личности — сдѣлали свое дѣло, открыли, въ концѣ концовъ, многія закрытыя до тѣхъ поръ для женщинъ двери аудиторій лучшихъ университетскихъ учителей (Бунзена, Арнольда), побѣдили долгими годами державшіеся предразсудки. Медициной Н. О. начала заниматься въ Парижѣ, гдѣ слушала лекціи по анатоміи и физіологіи, но пробыла тамъ недолго, такъ какъ, выйдя замужъ за профессора кіевскаго университета Н. И. Зибера, съ которымъ познакомилась еще въ Гейдельбергѣ, вернулась на родину. Н. И. Зиберъ былъ выдающійся ученый, извѣстный своими трудами по политической экономіи, одинъ изъ первыхъ русскихъ марксистовъ. Въ 1875 г. Ник. Ив. „чистокровный идеалистъ, неспособный ни къ какой сдѣлкѣ и компромиссу“ (какъ характеризовалъ его проф. Романовичъ-Славатинскій), вышелъ вслѣдствіе увольненія профессора Драгоманова въ отставку и поселился въ Швейцаріи, въ Бернѣ. Тамъ же Н. О. продолжала свое медицинское образованіе и получила степень доктора медицины. По окончаніи курса Н. О. занялась физіологической химіей подъ руководствомъ знаменитаго химика, профессора Ненцкаго, которымъ вскорѣ ей было предложено, въ виду ея выдающихся способностей, занять мѣсто ассистента въ его лабораторіи при Бернскомъ университетѣ. И въ этомъ отношеніи Н. О. явилась піонеркой, такъ такъ въ Швейцаріи это былъ первый случай ассистентуры женщины, первый случай, когда въ строго замкнутую семью полноправнымъ членомъ вошла женщина, къ тому еще иностранка. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, пока Н. О. была сотрудникомъ проф. Ненцкаго въ Бернскомъ университетѣ, имп совмѣстно былъ опубликованъ цѣлый рядъ замѣчательныхъ работъ какъ въ области чистой химіи, такъ и по вопросамъ физіологической химіи, главнымъ образомъ, касающихся химическаго состава различныхъ пигментовъ животныхъ тканей и выдѣленій, красящихъ веществъ крови и ихъ производныхъ. Эти работы сразу выдвинули и дали Н. О. извѣстность и почетное имя въ европейской наукѣ. На ряду съ этимъ, ея ча-

рующая скромность и простота, ея полное обаянія сердечное отношеніе къ людямъ завоевали ей уваженіе и прочныя симпатіи, какъ среди студентовъ, такъ и всего общества. Силой своей свѣтлой личности она уничтожала предубѣжденія, которыя упорно жили въ чопорной швейцарской средѣ, глубоко консервативной во всѣхъ вопросахъ, касавшихся женскаго образованія, женскаго труда.

Въ 1891 году ко времени основанія Института экспериментальной медицины, Н. О. вернулась въ Россію и здѣсь, на родинѣ, продолжала свою плодотворную работу, опять въ качествѣ сотрудника профессора Ненцкаго, которому было поручено завѣдываніе химическимъ отдѣленіемъ Института. Въ 1895 и въ 1898 гг. она принимала участіе въ экспедиціяхъ на Кавказъ, снаряженныхъ для борьбы съ чумой рогатаго скота путемъ прививокъ. Когда былъ открытъ Женскій Медицинскій Институтъ, Н. О. была предложена профессура по каѳедрѣ физіологической химіи, но она отъ нея отказалась. Больше преподавательской дѣятельности ее привлекали тихая, незамѣтная лабораторная работа, служеніе чистой наукѣ и экспериментальныя изслѣдованія, дававшія въ конечномъ результатѣ новые цѣнные вклады въ науку, новыя данныя на пользу страждущему человѣчеству. А сотрудничество съ такимъ замѣчательнымъ ученымъ, какъ проф. Ненцкій, давало широкій просторъ и особенное удовлетвореніе этой сторонѣ работы. Здѣсь не мѣсто касаться оцѣнки дѣятельности проф. Ненцкаго — этого во всѣхъ отношеніяхъ выдающагося человѣка, создавшаго школу во многихъ областяхъ біологической химіи, давшаго цѣлый рядъ блестящихъ учениковъ, среди которыхъ одно изъ первыхъ мѣстъ принадлежитъ Н. О. Помню, какъ въ то время и мнѣ, практическому врачу, послѣ работы въ больницѣ и посѣщенія частныхъ больныхъ приходилось пріѣзжать на нѣсколько часовъ поработать въ лабораторіи, гдѣ работа ужъ кипѣла съ утра, и какъ при этомъ меня охватывало какое-то особенное, благоговѣйное чувство. Это, дѣйствительно, былъ храмъ чистой науки, въ которомъ всѣ помыслы, стремленія, весь трудъ и энергія были направлены къ исканію истины. Здѣсь не было мѣста мелкимъ страстямъ, мелочнымъ чувствамъ, маленькимъ личнымъ интересамъ. Великій умъ, великая душа руководили, направляли весь сложный механизмъ машины, одухотворяли и облагораживали всю работу. Здѣсь зарождались его бывшія научныя идеи, намѣчались новые пути, создавались работы, часто служившія неоцѣнимымъ вкладомъ въ науку и толчкамъ къ дальнѣйшимъ научнымъ изысканіямъ. Къ сожалѣнію, смерть въ самомъ разгарѣ дѣятельности прекратила жизнь этого исключительнаго человѣка и ученаго. И тогда во главѣ лабораторіи стала Н. О., завѣдуя химі-

ческимъ отдѣленіемъ Института экспериментальной медицины почти 15 лѣтъ. На этомъ посту она заслужила своимъ неустаннымъ трудами своей энергіей, удивительнымъ отношеніемъ къ дѣлу глубокое уваженіе товарищей, сотрудниковъ, учениковъ, — всѣхъ, кто приходилъ съ ней въ соприкосновеніе. Она свято хранила традиціи свего учителя, и лабораторія продолжала жить тою же интенсивной, чистой трудовой жизнью, чуждой раздоровъ и мелочныхъ интересовъ, какъ при покойномъ профессорѣ. Неутомимая, бодрая, всегда спокойная и привѣтливая, Н. О. была съ утра первая на мѣстѣ и засиживалась до поздней ночи, обсуждая со своими учениками темы для докторскихъ и магистерскихъ диссертацій, направляя работы, производя опыты, анализы. Своимъ примѣромъ она вдохновляла, заражала, заставляя работавшихъ у нея проникаться той любовью къ наукѣ, которая такимъ неугасаемымъ свѣточемъ горѣла въ ней самой. И количество научныхъ работъ, выпускаемыхъ лабораторіей, съ каждымъ годомъ все возростало, а въ послѣдніе годы передъ войной лабораторія не могла вмѣстить всѣхъ, желавшихъ работать подъ руководствомъ Н. О. И никакія личныя переживанія, никакое горе, потеря близкихъ людей не могли сломить этотъ великій духъ, погасить яркій пламень любви къ наукѣ, къ людямъ. Она только еще больше уходила всей душой въ любимое дѣло, въ которомъ былъ весь смыслъ и вся радость ея жизни. Лабораторія была ея дѣтищемъ, а мы, работавшіе въ ней ученики — ея близкими, родными. Н. О. не только была идеальнымъ руководителемъ, терпѣливо и внимательно вникавшимъ во всѣ сомнѣнія и вопросы, съ которыми мы къ ней обращались; она была и нашимъ старшимъ товарищемъ, другомъ, заботливо входившимъ во всѣ наши интересы. И мы шли къ ней со всѣми нашими дѣлами, запросами, нуждами съ увѣренностью, что найдемъ совѣтъ, помощь, участіе и ласку. Наша лабораторія жила тѣсной, дружной и сплоченной семьей, потому что душой ея была она. Чуждая эгоизма, всякой мысли о себѣ, она не щадила своихъ силъ, своего здоровья, оставалась весь день въ лабораторіи на ногахъ, безъ пищи, и, возвращаясь домой, обѣдала лишь часовъ въ 10—11, не давая себѣ отдыха и проводя большую часть ночи за своимъ письменнымъ столомъ. Тутъ она просматривала работы своихъ учениковъ и заканчивала собственныя научныя статьи для періодическихъ изданій, нашихъ и заграничныхъ, гдѣ имъ отводилось всегда заслуженное почетное мѣсто.

Работы Н. О. затрагиваютъ многіе отдѣлы органической и физіологоческой химіи, бактеріологіи, серотерапіи, — обширной области біохиміи, и въ виду своей разносторонности помѣщены въ самыхъ разнообразныхъ спеціальныхъ изданіяхъ. Онѣ касаются,

помимо упомянутыхъ уже вопросовъ, химическаго состава различныхъ пигментовъ тканей и выдѣленій животнаго организма, красящихъ веществъ крови и ихъ производныхъ, — главнымъ образомъ, еще вопроса объ оксидазахъ и другихъ ферментахъ, біологіи броженія и гніенія, химическаго состава бактерій, токсинахъ и антитоксинахъ.

Всѣ научныя статьи Н. О. до 1901 г., за время ея сотрудничества съ проф. Ненцкимъ, собраны въ изданномъ ею посмертномъ сборникѣ работъ М. В. Ненцкаго — колоссальномъ трудѣ, надъ которымъ она совмѣстно съ другимъ ученикомъ покойнаго профессора И. А. Залескимъ работала почти три года (Marseli Nencki. Opera omnia. Брауншвейгъ, 1904). Труды послѣдующаго періода напечатаны въ Архивѣ біологическихъ наукъ, Русскомъ врачѣ, Archiv. des Sciences biologiques, Zeitschr. f. phisiolog. Chemie, Biochem. Zeitschr., Zeitschr. f. Immunitätsforschung. und experiment. Therapie.

Подъ руководствомъ Н. О. вышло изъ института свыше 70 работъ, — количество, указывающее на большую продуктивность лабораторіи, если принять во вниманіе, что лабораторныя изслѣдованія очень кропотливы и отдѣльная оригинальная работа, въ общемъ, требуетъ для своего выполненія много времени, не меньше одного двухъ лѣтъ.

Темы этихъ работъ столь же разнообразны, какъ и темы личныхъ работъ Н. О. Часть ихъ перешла въ лабораторію Н. О., какъ бы по преемству отъ ея предшественника и старшаго сотрудника проф. Ненцкаго и относится къ вопросамъ, выдвинутымъ на первый планъ и освѣщеннымъ его исключительно талантливой и глубокой мыслью (о ферментахъ и, главнымъ образомъ, оксидазахъ). Эти вопросы подверглись въ лабораторіи Н. О. тщательной и детальной разработкѣ, разрослись въ обширную область и перешли въ смежныя отрасли изученія жизнедѣятельности живой клѣтки — обмѣна веществъ, нѣкоторыхъ ферментативныхъ функцій клѣтки при нормальныхъ отправленіяхъ организма и ихъ патологическихъ отклоненіяхъ (при туберкулозѣ, гнойныхъ процессахъ, брюшномъ тифѣ и отравленіи различными токсинами) — и вылились въ цѣлый рядъ диссертацій учениковъ Н. О. и ея собственныхъ трудовъ. Этимъ очерчивается кругъ преимущественнаго интереса покойной. Но разносторонній умъ ея относился съ живымъ интересомъ и къ широкимъ задачамъ біологіи, ко всякимъ новымъ теченіямъ въ ней. Ученіе о липоидахъ, методъ Abderhalden'a, открывшаго новые пути въ области серодіагностики, новѣйшія открытія въ области физической химіи — дали толчекъ многимъ работамъ и изслѣдованіямъ въ ея лабораторіи. — Служеніе экспериментальной медицинѣ должно было, въ свою очередь, дать рядъ темъ, разрабатываемыхъ подъ болѣе спеціальнымъ, медицинскимъ угломъ зрѣнія. И дѣйстви-

тельно, клиника во всѣхъ ея разнообразныхъ областяхъ (инфекціонныя заболѣванія, злокачественныя опухоли, душевныя болѣзни, эклампсія) дали многочисленный матеріалъ какъ для лабораторныхъ изслѣдованій — in vitro, такъ и для попытокъ вмѣшательства путемъ эксперимента. Наконецъ, необходимо связанные съ послѣдней группой вопросы чистой бактеріологіи, ученіе объ иммунитетѣ и серотерапія легли въ основаніе различныхъ трудовъ лабораторіи. Сюди же относятся и послѣднія работы Н. О. (написанныя въ сотрудничествѣ съ А. Н. Борисякъ и С. И. Метальниковымъ): „Zur Frage von der Immunisation gegen Tuberculose", „Изслѣдованіе ферментовъ сыворотки и органовъ животныхъ, получившихъ составныя части туберкулезной палочки, продукты гидролитическаго расщепленія послѣдней, а также и живыя туберкулезныя бациллы".

Останавливаться на фактическомъ перечнѣ всѣхъ работъ Н. О., всѣхъ ея научныхъ заслугъ — теперь я не буду. Это будетъ сдѣлано въ различныхъ медицинскихъ журналахъ и научныхъ засѣданіяхъ. Мнѣ хотѣлось только показать, какъ многогранна была дѣятельность Н. О., какъ чутко и вдумчиво она относилась ко всѣмъ запросамъ, которыми такъ богата плоскость соприкосновенія науки съ жизнью, — и обрисовать въ то же время нравственный обликъ этой выдающейся личности, культурной въ лучшемъ смыслѣ этого слова, широкой, терпимой, гуманной и отзывчивой на все хорошее. Она не была односторонне-сухимъ ученымъ, замкнувшимся въ свои научныя доктрины. Всякое явленіе общественной жизни интересовало ее, волновало, находило въ ея душѣ живой откликъ. Учащаяся молодежь шла къ ней со своими нуждами и всегда находила помощь, поддержку.

Въ Новгородской губерніи, вмѣстѣ съ мужемъ своей покойной сестры профессоромъ Симановскимъ, она оборудовала и принесла въ даръ земству больницу. Въ той же губерніи, въ имѣніи Зорька, ими — въ память врача Е. О. Шумовой-Симановской — была учреждена гимназія для дѣтей крестьянъ, народныхъ учителей и сельскихъ жителей.

Съ начала войны, когда работа въ лабораторіи временно замирала, Н. О. съ рвеніемъ, ее характеризовавшимъ, отдалась интересамъ, выдвинутымъ на первый планъ войной. Она состояла предсѣдателемъ общества, устроившаго на свои средства одинъ изъ городскихъ лазаретовъ. Всегда вращавшаяся въ сферѣ научныхъ вопросовъ, привыкшая манипулировать только микроскопомъ, химическими приборами и реактивами, она теперь стала часами кроить, шить, вязать для нуждъ арміи и раненыхъ.

Н. О. была почетнымъ и активнымъ членомъ многихъ ученыхъ обществъ, и всегда въ ихъ засѣданіяхъ можно было увидѣть ея высокую фигуру съ милымъ, привѣтливымъ лицомъ и ласковой

улыбкой, обаятельную своею простотой и сердечностью, и внимательно прислушивающуюся къ чужому мнѣнію, чужимъ взглядамъ. Какъ это часто бываетъ съ людьми высокихъ нравственныхъ качествъ, Н. О. была удивительно скромна и чуждалась всякихъ чествованій, похвалъ. Нашъ знаменитый физіологъ И. П. Павловъ въ своемъ прощальномъ привѣтствіи правильно отмѣтилъ, что онъ никогда не рѣшился бы при жизни Н. О. сказать ту истину о ней, которую говоритъ у ея открытой могилы. Помню, какъ тогда же на похоронахъ ея, я услышала рыданія, и, обернувшись, увидѣла жену одного изъ служителей, которая съ отчаяніемъ повторяла: „Кто теперь поможетъ, кто поддержитъ“... И сколько было такихъ никому неизвѣстныхъ людей, которыхъ она случайно знала и которые пользовались ея заботой, и участіемъ. Родные, друзья, близкіе и мало знакомые никогда не встрѣчали у нея отказа, въ сочувствіи и поддержкѣ, и Н. О. не жалѣла своего времени, вліянія, труда, средствъ, чтобы чѣмъ-нибудь помочь, облегчить, успокоить; и уже больная, слабая, она не разъ ѣздила хлопотать, устраивать, улаживать чужія дѣла, чужія нужды. Именно то обстоятельство, что она не щадила себя, никогда не думала о себѣ, не заботилась вовсе о своемъ здоровьѣ, медленно подтачивало, уносило ея силы и подъ конецъ свело въ могилу. Въ послѣдній годъ, когда друзья, обезпокоенные ея болѣзнью, предлагали ей свой уходъ, она, крайне деликатная, кого бы то ни было боясь стѣснить, отвергла всѣ заботы, боролась съ недугомъ мужественно и одиноко.

Многочисленные ученики Н. О. съ глубокой невыразимой скорбью узнаютъ о ея кончинѣ. Не стало прекраснаго учителя, умѣвшаго въ кропотливую лабораторную работу вдохнуть живую душу, вызвать къ ней яркій, неослабѣвающій интересъ; не стало прекраснаго человѣка рѣдкой духовной красоты. Но въ сердцахъ нашихъ — ея друзей и учениковъ, будетъ жить радостное и гордое сознаніе, что такая жизнь не прошла напрасно. Она оставила по себѣ блестящій слѣдъ не только потому, что въ различныхъ монографіяхъ и журналахъ разсѣяны ея многочисленныя работы — плоды ея ума и труда; и не только потому, что она достигла на нивѣ женской дѣятельности высшаго почета и высшей научной оцѣнки; но еще и главнымъ образомъ потому, что въ ней билось чуткое, горячее сердце, полное любви къ человѣку, вниманія къ его страданіямъ и нуждамъ, — сердце, которое своимъ примѣромъ, своею жизнью, учило насъ бороться, работать и жить. И въ нашей памяти она сохранится всегда дорогой и незабвенной.

Миръ праху твоему, дорогой учитель и другъ!

С. Г.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

А. Н. Пыпинъ. Русское масонство. XVIII и первая четверть XIX в. Ред. и примѣч. Г. В. Вернадскаго. Из-во „Огни“. Петроградъ, 1916, стр. VII + 575. Ц. 4 р. 75 к. Его же. Религіозныя движенія при Александрѣ I. Предисловіе и прим. Н. К. Пиксанова. Из-во „Огни“. Петроградъ, 1916, стр. IX + 483. Ц. 4 р.

Издательство „Огни“, предпринявъ изданіе статей А. Н. Пыпина, не вошедшихъ въ редактированные покойнымъ историкомъ нашей общественности сборники, дѣлаетъ большое и нужное дѣло. Эти статьи, позабытыя въ старыхъ книжкахъ „Вѣстника Европы“, изобилуютъ матеріалами, впервые собранными историкомъ, и отличаются всѣми тѣми достоинствами, какія мы привыкли встрѣчать въ работахъ Пыпина, дѣловитой обстоятельностью, точностью и основательностью выводовъ, при живомъ и ясномъ пониманіи движенія общественно-культурныхъ силъ и связи прошлаго съ задачами современнаго развитія.

Обѣ только что выпущенныя книги Пыпина примыкаютъ къ его изученіямъ русскаго общественнаго движенія въ эпоху Александра I. Эти изученія намъ дали извѣстную книгу, можно сказать, классическую, вышедшую въ 1908 году четвертымъ изданіемъ: „Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I“.

Редактированы обѣ новыя книги по одинаковому плану. Текстъ ихъ дается въ томъ видѣ, какъ онъ подготовлялся къ отдѣльному изданію журнальныхъ статей самимъ авторомъ („Русское масонство“), или же какъ онъ данъ въ журналѣ. Приложеніями служатъ нѣкоторые отдѣльные статьи или замѣтки и матеріалы, собранные авторомъ, и, наконецъ, редакторы даютъ свои болѣе или менѣе обширныя и подробныя примѣчанія. Послѣднія содержатъ новѣйшую библіографію предмета и связываютъ работу Пыпина съ современнымъ состояніемъ исторіографіи. Въ заключеніе даны указатели именъ и т. п.

Главную часть первой книги, редактированной Г. В. Вернадскимъ, составляетъ вполнѣ законченная работа Пыпина „Русское массонство въ XVIII вѣкѣ“. Не будучи мистикомъ, Пыпинъ тѣмъ

не менѣе отнесся къ масонскому движенію съ полнымъ всесторонним вниманіемъ, какъ къ выраженію общественно-моральныхъ исканій и настроеній времени. Онъ внимательно изучалъ даже алхимическія рукописи, какъ ту, что дала тему для любопытнаго этюда, напечатаннаго въ приложеніи: „Homunculus“; здѣсь связаны съ „Фаустомъ“ Гете фантазіи русскихъ искателей чудесъ и алхимическихъ откровеній.

Основанные на самостоятельномъ изученіи разнообразнаго сѣраго матеріала и на работахъ предшественниковъ — Ешевскаго, Лонгинова, Пекарскаго и Тихонравова, очерки Пыпина даютъ послѣдовательную картину русскаго масонства XVIII в. и сохранили свое значеніе основной работы и до сихъ поръ, будучи лишь дополняемы новѣйшими изслѣдованіями. Масонство за первую четверть XIX вѣка представлено въ книгѣ лишь „матеріалами“, но и они имѣютъ значеніе основныхъ во многихъ отношеніяхъ. Въ особенности полезенъ, конечно, для изученія внѣшней исторіи масонства „Хронологическій указатель русскихъ ложъ отъ перваго введенія масонства до запрещенія (1717—1829)“. Этотъ указатель теперь напечатанъ въ переработанномъ видѣ, что потребовало отъ редактора много усилій, внесены исправленія и дополненія, такъ что вмѣсто прежнихъ 142 ложъ отмѣчено теперь 177.

Вторая книга, подъ редакціею Н. К. Пиксанова, является собственно первымъ томомъ не собранныхъ изслѣдованій и статей Пыпина по эпохѣ Александра I. Сюда вошла законченная монографія „Россійское Библейское Общество“ (1812—1826), и статьи: „Г-жа Крюднеръ“, „Императоръ Александръ I и квакеры“ и „Библейская секта двадцатыхъ годовъ“. Какъ и въ другихъ трудахъ Пыпина, въ основу ихъ положены или неизданные, или трудно доступные и рѣдкіе документы, и знатоки александровской эпохи высоко цѣнили эти работы. Монографію „Россійское Библейское Общество“ редакторъ книги справедливо называетъ изслѣдованіемъ, „не отмѣненнымъ и донынѣ какимъ-либо новымъ аналогичнымъ“. Пожалуй, оно не лишено сейчасъ почти злободневнаго интереса. Религіозно-филантропическая идея Британскаго Общества, распространяющаго священное писаніе на языкахъ всѣхъ племенъ и народностей, безо всякихъ примѣчаній и поясненій (основное правило Общества, проникнутое вѣротерпимостью), эта идя до сихъ поръ не получила у насъ права въ жизни, и въ Россіи украинскій народъ не можетъ читать Библіи на родномъ понятномъ языкѣ. Исторія уродливаго примѣненія обскурантами идей Британскаго Общества на русской почвѣ, идей, осуществляемыхъ при содѣйствіи полиціи, и затѣмъ исторія не менѣе безобразнаго сокрушенія этихъ идей и самого об-

щества другими обскурантами — это вполнѣ родная въ своей непосредственности бытовая исторія, повторявшаяся у насъ неоднократно. Параллель въ современности безъ труда найдетъ читатель также въ исторіи г-жи Крюднеръ, этой „старицы“ начала XIX в. съ ея мрачнымъ и отталкивающимъ вліяніемъ.

Будемъ ожидать съ интересомъ второго тома статей Пыпина по эпохѣ Александра I, очерковъ литературы и общественности, подготовляемыхъ изъ печати подъ редакціею того же г. Пиксанова.

Дарскій. „Радость земли“. Изслѣдованіе лирики Фета. Москва. Издательство К. Р. Некрасова, MCMXVI. Стр. 208. Ц. 2 р.

В. С. Федина. А. А. Фетъ (Шеншинъ). Матеріалы къ характеристикѣ. Петроградъ, 1915. Стр. 146. Ц. 1 р.

„Изслѣдованіе“ г. Дарскаго разбито на главы съ затѣйливыми заглавіями, взятыми изъ стиховъ Фета: „Звенящая даль“, „Благодатная тайна“, „Тепло любви“, „Неприступный храмъ“ и т. п., по которымъ большею частью не догадаться, о чемъ идетъ рѣчь въ той или иной главѣ. Этой затѣйливости слишкомъ много и въ изложеніи г. Дарскаго, критика-импрессіониста, который не изслѣдуетъ и убѣждаетъ, а стремится заразить читателя настроеніями, вычитанными въ Фетѣ. Для этого авторъ безъ конца цитируетъ иногда очень извѣстныя стихотворенія полностью (благо они коротки), излагаетъ свои впечатлѣнія отъ нихъ, прибѣгая къ чрезмѣрному обилію методовъ, уподобленій и всякихъ условныхъ красивостей. Эта особенность изложенія дѣлаетъ книгу г. Дарскаго мѣстами утомительной, и условно-поэтическая проза его много теряетъ отъ сосѣдства все время съ стихами Фета.

Основная задача автора — слить въ одно цѣлое двойственную жизнь Фета, тонувшаго, съ одной стороны, въ грубѣйшей и скучной прозѣ ежедневныхъ заботъ, съ другой — въ сферѣ музыки слова и гармоніи поэтическаго очарованія. Авторъ — по примѣру г. Садовскаго и еще нѣкоторыхъ новѣйшихъ изслѣдователей — усиленно хочетъ объяснить неизбѣжность двойственности Фета. Едва ли есть въ этомъ особая надобность, и „доказывать, что въ двойственности Фета была психологическая необходимость“ совершенно безполезный трудъ. Конечно, все въ каждомъ человѣкѣ совершается по законамъ психологической необходимости, если брать это понятіе въ очень общемъ смыслѣ. Но, конечно, не было никакой необходимости въ томъ, чтобы Фетъ былъ грубымъ, воинствующимъ реакціонеромъ. Кстати сказать, это и вызвало противъ него многія „рѣзкія выходки, а вовсе не его мнимое отвращеніе къ обще-

ственности", какъ полагаетъ г. Дарскій. Фетъ совсѣмъ не былъ къ ней индифферентно-равнодушенъ. Въ томъ-то и дѣло, и неопровержимо, что въ узко-сословной и нетерпимо-классовой общественности Фетъ охотно купался по уши. Фетъ, былъ не столь много поэтомъ „по противоположности", какъ склоненъ представлять дѣло г. Дарскій. Просто у него хватало поэтическаго вкуса и такта не переносить въ свойственную ему до геніальныхъ проблесковъ сферу поэзіи, мелочность и пошлость своихъ общественныхъ и хозяйственныхъ настроеній. Милая „психологическая необходимость" здѣсь такая же, какъ „необходимость" въ жизни, напр., Тютчева или Гончарова, служившихъ и очень „усердно" цензорами и т. п. И вопреки г. Дарскому, никакой „огромной пользы" для поэзіи Фета отъ прозы Шеншина усмотрѣть нельзя.

Въ оцѣнкѣ поэзіи Фета г. Дарскій, вслѣдъ нѣкоторымъ современнымъ настроеніямъ, слишкомъ высоко ставитъ мистическія и философскія устремленія Фета, безъ достаточныхъ основаній и мотивировки поднимая ихъ выше дѣйствительно вѣчныхъ по красотѣ созерцаній Фета въ кругѣ созерцаній русской природы и личнаго любовнаго чувства. Интересъ представляетъ попытка Дарскаго въ концѣ книги прослѣдить по стихамъ Фета біографическіе слѣды въ нихъ, именно исторію его любовныхъ переживаній; здѣсь критикъ снова на землѣ и даетъ много любопытныхъ наблюденій. Въ поэтизированныхъ перипетіяхъ увлеченій раскрывается человѣкъ опредѣленной общественной среды и времени; но онъ обращенъ къ намъ на этотъ разъ не своими отталкивающими чертами, а тѣмъ, что могло быть и можетъ быть пережито людьми и другого званія и состоянія и общественно-политическаго убѣжденія. Какъ въ своей реакціонной прозѣ, такъ и въ поэзіи Фетъ-Шеншинъ одинаково говорилъ о себѣ, но, къ счастью, его поэзія не заражена или мало заражена его прозой.

Мы сказали „мало заражена". Г. Дарскій думаетъ о Фетѣ, что изъ всѣхъ нашихъ художниковъ, можетъ быть, онъ одинъ никогда не отступалъ отъ верховной заповѣди, завѣщанной основателемъ русской поэзіи: „цѣль поэзіи — поэзія". Ни разу не измѣнилъ онъ своему исповѣданію, ни разу не склонился передъ требованіемъ, даже насиліемъ своего общества. Это не такъ. Надо же отличать ближайшее Фету общество, его реакціонно-дворянскую среду, отъ того болѣе широкаго русскаго общества, которое переносило и на поэзію Фета свое отвращеніе къ этой реакціонной средѣ. Въ стихахъ Фетъ иногда какъ разъ и склонялся передъ требованіями своего общества. Ему принадлежатъ десятки стихотвореній, ничего общаго не имѣющихъ со служеніемъ чистой кра-

сотѣ; здѣсь онъ бываетъ рабски тенденціозенъ, соотвѣтственно вкусамъ своей общественной среды. Что, напримѣръ, какъ не рабство предъ вкусами этой среды подсказало Фету по адресу высокопоставленнаго дилетанта, правда, довольно талантливаго К. Р., льстивый стихъ: „Я робко за тобой пою“? Конечно, дѣло было наоборотъ, и К. Р. подражалъ Фету. Относительно преувеличеній о „свободѣ“ Фета въ поэзіи, можно напомнить мнѣніе самого Фета (предисловіе къ третьему выпуску „Вечернихъ Огней“), что „излишнее накопленіе красокъ“ свидѣтельствуетъ „о широкихъ размахахъ неопытной руки, еще не знающей краю“, а для „окончательно ясныхъ очертаній“ необходимо строгое самоограниченіе автора. Отъ такихъ „самоограниченій“ при защитѣ своихъ тезисовъ книга г. Дарскаго, конечно, выиграла бы. Если съ г. Дарскимъ намъ приходится сильно поспорить, то въ большее достоинство, помимо любовнаго изученія Фета, надо поставить, ему, что онъ не только критикъ-импрессіонистъ, но отчасти и историкъ литературы: нѣкоторыя сближенія съ Толстымъ и Тургеневымъ очень удачны и вѣрны и больше говорятъ дѣла, чѣмъ лирическіе порывы и отгадки, къ которымъ онъ чрезмѣрно склоненъ.

Гораздо менѣе широкими задачами въ области изученія Фета занятъ г. Федина. Въ его книжечкахъ нѣтъ мѣста широкимъ обобщеніямъ, а вмѣсто того данъ рядъ очень полезныхъ матеріаловъ и частныхъ небольшихъ работъ о Фетѣ: библіографическіе указатели литературы о Фетѣ и прозы его; замѣтка о происхожденіи и смерти Фета; статьи: „Проблема „муки слова“ въ поэзіи Фета“, „Флора и фауна въ поэзіи Фета и Тютчева“, „Горные пейзажи въ поэзіи Фета“, „Значеніе ароматовъ въ поэзіи Фета“. Въ противоположность импрессіонизму г. Дарскаго, г. Федина предпочитаетъ идти медленнымъ путемъ кропотливаго анализа стиля и особенностей стиха, языка, образности Фета. Любопытна по методу статья „Флора и фауна въ поэзіи Фета и Тютчева“. Простымъ числовымъ анализомъ, не требовавшимъ чрезвычайнаго любовнаго вниманія къ каждому слову любимаго поэта, и подсчетамъ упоминаній тѣхъ или иныхъ представителяхъ флоры и фауны у Фета, авторъ находитъ точное рѣшеніе вопросовъ, по которымъ непримиримо расходятся критики-импрессіонисты. По одному, напр., — у Фета „почти стираются краски и особенности русскаго пейзажа“; по другому — „природа у него всегда — родная русская природа“. Числовой, статистическій анализъ даетъ г. Фединѣ право опредѣленно утверждать, что правъ второй изъ нихъ: полнота изображенія русской природы у Фета, именно природы, окружающей въ средней Россіи пахаря и землевладѣльца исключительно

велика, такъ что не только Тютчевъ уступаетъ ему въ этой области, а будь то Лермонтовъ и даже Пушкинъ. На послѣднемъ выводѣ, впрочемъ, авторъ не настаиваетъ, чтобы не подвергнуться упреку въ голословности, впредь до описанія и изслѣдованія ихъ текстовъ.

О Фетѣ, какъ справедливо указываетъ г. Федина, „написано много, а сказано мало“. Поэтому обѣ посвященныя ему новыя книги, первыя книги, цѣликомъ посвященныя Фету, можно привѣтствовать.

С. А. Золотарёвъ. Синхронистическая діаграмма по исторіи русской литературы и историко-литературная карта Россіи (1661—1904). Книгоиздательство, бывш. М. В. Попова. Пгр. 1916, 8 стр., in 4⁰ и листъ діаграммы и карты.

Работа г. Золотарева принадлежитъ къ числу наглядныхъ учебныхъ пособій и имѣетъ нѣкоторое, хотя и слабое вспомогательное значеніе. „Составитель (діаграммы) не добивался исчерпывающей полноты и не хотѣлъ бы догматически закрѣплять одно опредѣленное соотвѣтствіе между хронологической и идейной близостью отдѣльныхъ писателей. Діаграмма даетъ извѣстный толчокъ мысли, вызываетъ извѣстныя обобщенія и сопоставленія, а затѣмъ уже лица, съ ней ознакомившіяся, могутъ сами индивидуально дополнять, сокращать и комбинировать данный въ ней матеріалъ“. Однако, самъ авторъ злоупотребляетъ чисто хронологическими сопоставленіями и случайными совпаденіями. Въ основѣ діаграммы лежитъ расположеніе писателей по хронологическимъ датамъ рожденія и смерти. „Сами собою обрисовались въ діаграммѣ нѣкоторые стержневые ряды, напр., Ломоносовъ (1711—1765), Карамзинъ (1766—1826), Левъ Толстой (1828—1910). Это самые серьезные наши писатели, почти не смѣявшіеся въ своихъ твореніяхъ. Маститые и долголѣтніе люди. А вотъ другой рядъ — сатириковъ: Кантемиръ (1709—1744), Фонъ-Визинъ (1744—1792), Грибоѣдовъ (1795—1829), Щедринъ-Салтыковъ (1826—1889). Или еще рядъ критиковъ — Третьяковскій (1703—1769), Мерзляковъ (1778—1830), Чернышевскій (1828—1889): два поповича и крестьянскій сынъ прорѣзали дворянскую литературу. Очень замѣтно на этомъ рядѣ, какъ созрѣвала и росла русская критическая мысль (?) То же видно еще въ одномъ интересномъ ряду: „переимчивый“ только Княжнинъ, всеобъемлющій Пушкинъ и Глѣбъ Успенскій, котораго могла выпрямить, но не „выпрямила“ красота міра, и который принялъ и объялъ зло его и не выдержалъ“.

Само собою разумѣется, что эти „стержневые ряды“, полюбившіеся автору, реально ничему не соотвѣтствуютъ и совершенно

случайны, и приписываемое имъ обобщающее значеніе никакого смысла не имѣетъ: обобщенія сдѣланы по чисто случайнымъ внѣшнимъ признакамъ. Такихъ „рядовъ“, не имѣющихъ никакого значенія, сколько угодно и въ самой діаграммѣ (напр., Хемницеръ, Батюшковъ, Гаршинъ; Тютчевъ, Щепкина-Куперникъ; кн. Вяземскій, Андрей Бѣлый; Дельвигъ, Помяловскій, Чумина; Лермонтовъ, Рѣшетниковъ, Л. Андреевъ; и т. п.), и можно составить ихъ сколько угодно.

Увлекшись „стержневыми рядами“, составитель діаграммы очень слабо выдѣлилъ въ ней тѣ совпаденія во времени и характерѣ дѣятельности писателей, которыя даютъ право говорить о смѣнѣ школъ и направленій литературы, что, конечно, для нагляднаго пособія было бы несравненно важнѣе какого-то мистическаго начала, угадываемаго составителемъ въ совершенно безплодныхъ стержневыхъ рядахъ. Конечно, не обходится и безъ пропусковъ.

Приложенная на томъ же листѣ историко-литературная карта Европейской Россіи, пожалуй, гораздо интереснѣе діаграммы. На картѣ нанесены мѣста рожденія писателей тремя родами значковъ, обозначающихъ родившихся до 1785, до 1845 г. и отъ 1845 г. Эти годы избраны по тому соображенію, что они приблизительно соотвѣтствуютъ расцвѣту литературы въ 20—30-е годы, въ 60—80-е и нашему времени. На картѣ рельефно выдѣляются нѣкоторыя группы и линіи, соотвѣтствующія нѣкоторымъ періодамъ русской исторіи. Это Москва и Петроградъ, Кіевщина и Полтавщина, Среднее Поволжье, линія московской „украйны“ (Смоленскъ, Калуга, Тула, Рязань, Орелъ), Воронежъ съ верхнимъ теченіемъ Дона, наконецъ, побережье Чернаго моря.

Эту работу слѣдовало бы, можетъ быть, продѣлать въ болѣе широкомъ масштабѣ, для возможно большого числа дѣятелей литературы и просвѣщенія, установивъ болѣе строгіе пріемы регистраціи. Какой, напр., смыслъ относить Бѣлинскаго къ уроженцамъ Финляндіи, если его рожденіе было тамъ совершенно случайнымъ, а всѣ его дѣтскіе, отроческіе и частью юношескіе годы прошли въ Пензенской губерніи? Поставленная достаточно широко подобная работа могла бы дать матеріалъ для рѣшенія пока едва только намѣченныхъ вопросовъ о роли мѣстныхъ вліяній въ цѣломъ русской литературы и культуры.

Ч. В—скій.

Г. Ферреро. Величіе и паденіе Рима. Томъ II. Юлій Цезарь. Переводъ А. Захарова, М. 1916.

Такъ какъ общая характеристика названной работы Ферреро была уже предложена нами въ помѣщенной на страницахъ настоящаго журнала замѣткѣ по поводу изданія въ русскомъ переводѣ

перваго тома этого труда („В. Е.“, 1915 г., № 3), то мы считаемъ возможнымъ и прямо обратиться ко второму тому, выпущенному въ самое недавнее время на русскомъ языкѣ тѣмъ же переводчикомъ.

Если задачею перваго тома своего изслѣдованія Ферреро ставилъ выясненіе того, подъ вліяніемъ какихъ соціальныхъ силъ подготовлялось одно изъ значительнѣйшихъ въ исторіи Рима событій — завоеваніе Галліи, то второй томъ посвященъ исторической оцѣнкѣ этого самаго событія, при чемъ оригинальность автора, сильная и въ первомъ томѣ, во второмъ проявляется, можно сказать, во всемъ своемъ блескѣ. „Всѣ писатели, изучавшіе завоеваніе Галліи, пишетъ Ферреро въ предисловіи къ французскому переводу, допускали одну ошибку: они сосредоточивали свое вниманіе на Галліи и на фазахъ протекавшей тамъ борьбы, изолируя Цезаря на театрѣ войны и отрывая его отъ Рима“. Ферреро же находитъ болѣе цѣлесообразнымъ „изучить это великое событіе, помѣстившись, такъ сказать, въ центрѣ Рима и его политическихъ и финансовыхъ интересовъ, стараясь открыть отношенія, существовавшія между военными операціями, совершенными Цезаремъ, и внутренними событіями римской политики“. Съ такой точки зрѣнія завоеваніе Галліи является въ глазахъ автора „колоніальной войной“, съ характеромъ орудія воздѣйствія на политику Рима, а самая война рисуется передъ нами, какъ одна изъ ближайшихъ причинъ кроваваго столкновенія между Цезаремъ и Помпеемъ, политическаго кризиса Италіи и даже, болѣе, какъ центральная причина возрожденія древняго міра въ дальнѣйшемъ движеніи исторіи.

Чтобы сдѣлать характеръ воззрѣнія автора на галльскую войну болѣе яснымъ и понятнымъ, мы позволимъ себѣ сопоставить нѣсколько краткихъ фрагментовъ изъ рецензируемой части его труда.— „Италія, пишетъ Ферреро, была болѣе не амазонкой или Минервой міра, но Вакханкой: Афродита и Діонисъ съ толпой менадъ захватили Римъ, проходя по нему днемъ и ночью въ бѣшеныхъ и необузданныхъ процессіяхъ, приглашая на праздникъ и развратъ мужчинъ и женщинъ, патриціевъ и вольноотпущенниковъ, рабовъ и гражданъ, богатыхъ и бѣдныхъ“ (стр. 46). Не трудно допустить, что „когда исчезли спекуляціи и крупныя предпріятія, для высшихъ классовъ, а особенно политической олигархіи не осталось иной поддержки, какъ прибыль отъ военныхъ операцій, богатой добычи, налоговъ, выкуповъ и подарковъ, слѣдовавшихъ за войнами“... Да и „гражданское населеніе, занятое торговлей и земледѣліемъ было поэтому не меньшимъ энтузіастомъ завоеваній, чѣмъ политическій міръ“ (52). „Цезарь понималъ, что онъ сдѣлается господиномъ по-

ложенія въ Италіи и спасетъ свою партію, только нанеся ударъ, который изумилъ бы всѣхъ... Нужно было быть въ состояніи возвѣстить... что завоеваніе кельтскихъ странъ, начатое первымъ великимъ человѣкомъ римской демократіи, Каемъ Фламиніемъ, окончено черезъ полтора столѣтія Каемъ Юліемъ Цезаремъ" (38). Такимъ образомъ, въ значительной своей части „римское завоеваніе Галліи ...было избирательнымъ маневромъ, предпринятымъ съ цѣлью въ извѣстный моментъ произвести впечатлѣніе на сенатъ, политиковъ и избирателей Италіи" (39).

Своеобразность взгляда очевидна. Но въ книгѣ Ферреро оригинальнымъ является не только трактованіе этого основного пункта его работы. Такой же характеръ носятъ и многія детали его изслѣдованія, сравнительно менѣе крупныя. Въ качествѣ примѣровъ можно указать на характеристику Брута (гл. XVIII), на толкованіе причинъ несогласія между Цезаремъ и Помпеемъ (гл. VII) и особенно на освѣщеніе перваго года проконсульства Цезаря въ Галліи (гл. I), которое „настолько отличается отъ традиціи", что автору кажется „необходимымъ оправдать его критическимъ разборомъ источниковъ" (332), съ какою цѣлью онъ и присоединяетъ къ своей работѣ въ видѣ приложенія изслѣдованіе о войнѣ съ гельветами и свевами. Слѣдуетъ указать также и на то, что во второмъ томѣ сильнѣе, нежели въ первомъ, представленъ и неизбѣжный почти спутникъ оригинальности воззрѣній — аппаратъ источниковъ и критики.

Переводъ выполненъ хорошо. Интересно только, съ чего онъ сдѣланъ — съ итальянскаго ли подлинника или, какъ и переводъ перваго тома, съ авторизованнаго французскаго перевода?

Б. П. Ивановъ.

В. К. Шилейко. Вотивныя надписи шумерійскихъ правителей (Клинописные тексты памятниковъ южной Месопотаміи собранія Н. П. Лихачева). Съ приложеніемъ семи фототипическихъ таблицъ. Петроградъ, 1915. Изданіе Н. П. Лихачева.

Русская ассиріологическая наука еще молода, и потому особенно пріятно отмѣчать каждый ея шагъ, каждое новое пріобрѣтеніе. Передъ нами — одно изъ такихъ новыхъ пріобрѣтеній: книга молодого ассиріолога В. К. Шилейко, котораго, по словамъ Н. П. Лихачева, „подавляющее впечатлѣніе отъ трудовъ Михаила Васильевича Никольскаго увлекло... въ изученіе клинописи, погрузило въ будни шумеризма, оторвало отъ всѣхъ другихъ занятій".

Г. Шилейко — молодой ученый, рядомъ работъ (въ томъ числѣ въ Revue d'Assyriologie) создавшій себѣ вполнѣ установившуюся репутацію, что уже заранѣе даетъ право думать о высокой цѣнности его книги, къ разсмотрѣнію которой мы теперь и перейдемъ.

Лежащая передъ нами книга заключаетъ въ себѣ тридцать пять вставныхъ надписей на камнѣ и глинѣ, принадлежащихъ одинадцати государямъ древняго Шумера, а именно: Эаннатуму, Энаннатуму I, Лугальушумгалю, Гудеа и Уръ — Нингирсу, — патеси Лагаша; Энигенимпае, — патеси Адаба; Римушу, — царю Киша; Эншагкушаннѣ и Син-гашиду, — царямъ Уруна; — и Римъ — Сину и Арадъ — Сину, царямъ Ларсы. При этомъ среди этихъ памятниковъ имѣются и такіе, которые здѣсь сообщаются впервые; такъ, напр.: таблетка Эншагкушанны, изъ которой извѣстно имя отца царя, Элилины, затѣмъ призма Лугальушумгаля и мраморная таблетка Ур-Нингирсу...

Но простое изданіе вставныхъ надписей не удовлетворило автора, и онъ предпослалъ имъ историческій очеркъ Шумера (стр. VI—XXXIV), который всякому, кто желалъ бы заняться шумерійскимъ вопросомъ, дастъ хорошую руководящую нить въ изученіи древняго Шумера.

Авторъ, ознакомивъ читателей съ терминомъ „Шумеръ", излагаетъ состояніе вопроса о физическомъ типѣ, языкѣ и пріоритетѣ шумерійцевъ передъ семитами на вавилонской почвѣ, при чемъ не ограничивается лишь изложеніемъ, а даетъ самъ цѣлый рядъ аргументовъ въ пользу того или иного сужденія (сравн. стр. IX, гдѣ авторъ вѣско полемизируетъ съ Эд. Мейеромъ). Обрисовавъ дальше географическое положеніе Шумера (см. карту на стр. X), г. Шилейко (стр. XI слѣд.) дѣлаетъ очеркъ соціальнаго раздѣленія шумерійцевъ въ древнѣйшую эпоху. И, наконецъ, со стр. XVII излагаетъ исторію шумерійцевъ въ политическомъ смыслѣ этого слова.

Конечно, отсутствіе болѣе подробныхъ источниковъ сказывается на изложеніи: сплошь и рядомъ приходится лишь упоминать просто имена царей. Но мы должны быть благодарны автору, что онъ намъ въ доступной формѣ сгруппировалъ свѣдѣнія о древнемъ Шумерѣ съ IV тысячелѣт. вплоть до того времени, „когда въ 2093 г. престарѣлый Римъ — Синъ палъ передъ оружіемъ Хаммураби", и когда „звѣзда Шумера исчезла въ лучахъ восходящаго солнца великой, единой и недѣлимой имперіи Вавилона" (стр. XXXIV).

Послѣ такого предварительнаго вступленія В. К. Шилейко обращается къ клинописнымъ документамъ.

Каждый документъ онъ описываетъ, указываетъ всю относящуюся къ нему литературу, затѣмъ приводитъ самый документъ въ

общепринятой въ наукѣ транскрипціи и переводитъ надписи на русскій языкъ. Такимъ образомъ, русскій читатель и не занимающійся спеціально ассиріологіей, можетъ удовлетворить свой интересъ къ загадочнымъ клинописнымъ текстамъ шумерійскихъ тайнъ...

Какъ уже было указано, г. Шилейко описалъ тексты изъ коллекціи Н. П. Лихачева. Это еще разъ хочется подчеркнуть, замѣтивъ, что Лихачевъ и самъ неоднократно вкладывалъ свою ученую лепту въ сокровищницу русской археологической науки. И въ данномъ случаѣ онъ является не только какъ обладатель коллекціи клинописныхъ текстовъ, но и какъ издатель работы В. К. Шилейко.

Книга посвящается издателемъ графинѣ П. С. Уваровой въ знакъ уваженія къ ея научнымъ заслугамъ, которыми она въ теченіи полвѣка обогащала русскую науку.

В. Смолинъ.

В. М. Хижняковъ. Воспоминанія земскаго дѣятеля. Предисловіе В. Я. Богучарскаго. Изд-во „Огни". Петроградъ, 1916. Стр. XV+251. Цѣна 2 р. 25 коп.

Земскія учрежденія имѣютъ за собою уже полувѣковую давность, а между тѣмъ мы до сихъ поръ не имѣемъ сколько-нибудь обстоятельной и, главное, живой, не одной цифровой и внѣшней исторіи ихъ. Только теперь начинаютъ появляться воспоминанія людей, работающихъ на земство и хорошо знающихъ живую земскую среду. Среди этихъ воспоминаній, пока немногочисленныхъ, мемуары черниговскаго общественнаго дѣятеля В. М. Хижнякова, одни изъ первыхъ по времени появленія, принадлежатъ также къ первымъ по интересу и живости. Центръ этого интереса, какъ справедливо указываетъ въ посмертномъ предисловіи къ книгѣ покойный В. Я. Богучарскій, въ воспоминаніяхъ автора объ его многолѣтней дѣятельности въ качествѣ земскаго гласнаго, городского головы гор. Чернигова и предсѣдателя черниговской губернской земской управы. Здѣсь передъ читателемъ проходитъ рядъ чрезвычайно поучительныхъ картинъ жизни одного изъ когда-то наиболѣе передовыхъ земствъ, интересныхъ фигуръ земскихъ дѣятелей, яркихъ фигуръ губернаторовъ, изъ которыхъ нѣкоторые такъ и просятся въ галлерею щедринскихъ, обуянныхъ „административнымъ восторгомъ" помпадуровъ. Интересъ земской жизни сосредоточивался тогда на борьбѣ культурныхъ земскихъ работниковъ съ темными силами, какъ мѣстными, такъ и насылаемыми изъ Петербурга. Одинъ изъ старѣйшихъ земцевъ

Василій Михайловичъ Хижняковъ и стоялъ все время въ центрѣ этой борьбы.

Помимо земской дѣятельности, авторъ говоритъ въ своихъ мемуарахъ и о раннихъ годахъ своей жизни, и его воспоминанія, восходящія еще къ временамъ крѣпостного права, даютъ много живыхъ бытовыхъ подробностей о русской провинціи 50—60-хъ годовъ, о годахъ ученія въ гимназіи и кіевскомъ университетѣ и бытѣ провинціальныхъ учителей, В. М. былъ нѣсколько лѣтъ учителемъ гимназіи. Онъ съ сожалѣніемъ вспоминаетъ о своихъ товарищахъ, какъ о какомъ-то „звѣринцѣ“, и съ грустью констатируетъ, что изображенная имъ печальная картина „годится и для изображенія современныхъ гимназій. Нужно только добавить нѣсколько еще болѣе омрачающихъ ее штриховъ о вторженіи въ жизнь гимназіи внутренней политики и полиціи“. Въ должности городского головы, въ которую В. М. вступилъ въ 1875 году, при развитіи городского хозяйства, и начались для него постоянныя столкновенія съ администраціею по всевозможнымъ поводамъ.

„За немногими исключеніями, — говоритъ авторъ мемуаровъ, — у извѣстныхъ мнѣ губернаторовъ (я пережилъ семь губернаторовъ въ теченіе 21 года моей общественной службы) были, съ нѣкоторыми варіаціями, общія черты: введеніе разныхъ новшествъ собственнаго изобрѣтенія, незнаніе законовъ и полное неуваженіе къ нимъ и убѣжденіе въ томъ, что „мѣстныя пользы и нужды“ они знаютъ гораздо лучше, чѣмъ мѣстные люди“. Анастасіевъ едва ли не самая яркая между ними фигура. Поклонникъ твердой власти вскормленныхъ мелкихъ полицейскихъ должностей, это былъ настоящій восточный сатрапъ. Онъ отличался стремительностью дѣйствій, совершенно не считался съ закономъ, былъ крайне рѣзокъ и грубъ въ обращеніи, усердно практиковалъ кулачную расправу и розги, не признавалъ ничьихъ правъ и не выносилъ никакихъ „преградъ своему необузданному самовластію“... „Услышавъ однажды, какъ гостья жены его, прокурорша, жаловалась той на свою прислугу, онъ молча вышелъ, а когда прокурорша вернулась домой, оказалось, что прислуга уже была выпорота по распоряженію губернатора, переданному полиціи по телефону: любезность дамѣ! Въ 1889 г., когда введены были земскіе начальники, Анастасіевъ рекомендовалъ имъ грозно и рѣшительно проявлять полноту и силу своей власти; разъѣзжая на тройкѣ съ колокольцами по участку, требовать, чтобы крестьяне издали сворачивали съ дороги, подвергая тотчасъ карѣ не исполняющихъ этого требованія; ко всѣмъ лицамъ волостного и сельскаго управленія обращаться на ты; вообще проповѣдывались быстрота и натискъ и, при всякой

провинности обывателей, розги и розги. Между прочимъ, Анастасіевъ заставилъ себя избрать старостой собора, сталъ собирать деньги на ремонтъ его и собралъ до 100 тыс. руб., которыми и распоряжался самовольно; когда, однако, причтъ пожелалъ получить какой-нибудь отчетъ и командировалъ къ старостѣ соборнаго протоіерея, Анастасіевъ показалъ ему кукишъ со словами: „Вотъ вамъ отчетъ!“ и ушелъ.

Наряду съ администраціей автору мемуаровъ приходилось воевать и съ представителями дворянства. По выбору городской думы, В. М. состоялъ членомъ въ уѣздномъ училищномъ совѣтѣ и имѣлъ дѣло съ уѣзднымъ предводителемъ дворянства Посудевскимъ и губернскимъ — Неплюевымъ, крайними реакціонерами, врагами развитія земскихъ школъ. На этой послѣдней почвѣ разыгрался крайне характерный конфликтъ: губернскій училищный совѣтъ, по настоянію Неплюева, сдѣлалъ постановленіе объ отнятіи школъ отъ уѣздныхъ управъ, какъ имѣющихъ на школьное дѣло вредное вліяніе. Конфликтъ былъ разрѣшенъ тогдашнимъ харьковскимъ генералъ-губернаторомъ М. Лорисъ-Меликовымъ, нашедшимъ дѣйствія земствъ вполнѣ законными.

Воспоминаніямъ о службѣ предсѣдателемъ губернской земской управы съ 1887 г. В. М. предпосылаетъ замѣтки изъ жизни земства до этого предсѣдательствованія. Удивительные эпизоды разыгрывались въ губернскихъ собраніяхъ съ тѣмъ же Неплюевымъ. Вслѣдствіе явныхъ доносовъ губ. предводителя дворянства на политическую неблагонадежность гласныхъ, эти послѣдніе въ засѣданіяхъ демонстративно молчали, оставляя за собою право, въ случаѣ несогласія съ рѣшеніемъ собранія, представлять на другой день письменныя возраженія.

Дальнѣйшее повѣствованіе В. М. Хижнякова посвящено, главнымъ образомъ, тяжелымъ служебнымъ переживаніямъ и столкновеніямъ съ администраціею, которыя постоянно затрудняли и тормозили ходъ дѣла въ губ. земской управѣ. При Анастасіевѣ устраивается, напр., съ единственною цѣлью скандала, обыскъ въ библіотекѣ губернской управы, при чемъ полиція конфисковала было Адама Смита „Богатство народовъ“; издается распоряженіе о недопущеніи земской ревизіи въ волостныхъ правленіяхъ по дѣламъ, по которымъ правленія являлись агентами земства. Съ введеніемъ земскаго положенія 1890 г. начинается въ особенности непрерывное вмѣшательство и опека губернской власти надъ земствомъ. Губернская управа получаетъ отъ губернатора Андреевскаго постоянно бумаги съ указаніями и требованіями, иногда совершенно беззаконными и нелѣпыми. Онъ же требовалъ отъ предсѣдателя губ.

управы свѣдѣній, кто изъ служащихъ управы и что пожертвовалъ на предложенную губернаторомъ подписку на икону и лампаду у гробницы Александра III. Когда земство занялось устройствомъ исправительной колоніи для малолѣтнихъ преступниковъ, Андресвскій вытребовалъ при посредствѣ губернскаго присутствія земскій фондъ на колонію въ свое распоряженіе, повелъ дѣло форсированнымъ маршемъ, и когда сенатъ разъяснилъ, что отбирать у земства фондъ на колонію было неправильно, колонія была уже готова, при чемъ былъ совершенно искаженъ земскій проектъ, и колонія создана такая, что мировые судьи открыто избѣгали посылать въ нее малолѣтнихъ осужденныхъ. Но губернатору было важно, только чтобъ его энергія по созданію колоніи была замѣчена въ Петербургѣ.

Долгая и упорная борьба ведется съ администраціею въ особенности по вопросамъ народнаго образованія, изъ-за усердно насаждаемыхъ церковно-приходскихъ школъ, изъ-за учительскихъ курсовъ и т. д. Прискорбный эпизодъ представляетъ неудачная попытка земства замѣнить пресловутый историко-филологическій институтъ въ Нѣжинѣ (противозаконно, противъ воли жертвователя Безбородка, образованный изъ юридическаго лицея) сельско-хозяйственнымъ институтомъ, крайне нужнымъ для всего края. Вопреки желанію дворянства, земства и лицъ, пожелавшихъ сдѣлать крупныя пожертвованія на сельско-хозяйственный институтъ, дѣло провалилось вслѣдствіе упорнаго противленія попечителя учебнаго округа. Воспоминанія изобилуютъ всевозможными эпизодами, характеризующими эту непрерывную борьбу, въ которой авторъ участвовалъ въ качествѣ предсѣдателя управы до 1896 г. Само собою разумѣется, что въ лѣтописи земствъ такихъ эпизодовъ чрезвычайно много, и когда-нибудь исторія этой хронической борьбы земства и власти можетъ составить богатый матеріалъ для продолженія салтыковской „исторіи одного города“.

Послѣдняя глава книги посвящена воспоминаніямъ о первомъ десятилѣтіи XX вѣка, когда автору, между прочимъ, „по совокупности“ проявленій его „неблагонадежности“, пришлось нѣсколько лѣтъ состоять подъ нелѣпо надоѣдливымъ гласнымъ надзоромъ. При нѣкоторой отрывочности воспоминаній В. М. Хижнякова въ цѣломъ они даютъ хорошій примѣръ „старымъ земцамъ“: всѣмъ имъ есть о чемъ поразсказать, и эти разсказы могли бы быть полезны и приняты къ свѣдѣнію для предстоящаго преобразованія земства.

Ч. В—скій.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Алексѣй Веселовскій. Западное вліяніе въ новой русской литературѣ. Пятое значительно дополненное изданіе. М. 1916. Стр. VII + 259. Цѣна 2 р. 50 к.

Эти очерки явились въ свѣтъ первоначально въ „Вѣстникѣ Европы“ въ 1881—82 годахъ, въ періодъ болѣзненнаго обостренія въ русскомъ обществѣ племенной исключительности. Они имѣли цѣлью ввести русскую литературу въ кругъ и рамки общаго европейскаго литературнаго развитія, какъ связанную съ этимъ развитіемъ безчисленными нитями и вліяніями. Съ того времени книга выходила отдѣльнымъ изданіемъ уже четыре раза, при чемъ каждый разъ дополнялась, вводились новые элементы связей русской и западно-европейской литературъ. Теперь снова „жизнь показала, несмотря на глубокій и острый кризисъ, переживаемый традиціями нашего европеизма въ настоящую трагическую пору, что все еще есть потребность въ подобномъ обзорѣ и изслѣдованіи былыхъ завѣтовъ и вліяній западной культуры“, и книга вышла въ свѣтъ съ новыми дополненіями. Блестяще написанный трудъ почтеннаго ученаго не требуетъ особыхъ рекомендацій.

Юрій Соболевъ. Антонъ Чеховъ. Неизданныя страницы. Кн-во „Сѣверные Дни“. Москва, 1916. Стр. 150. Ц. 1 р. 25 к.

Усердный собиратель „неизданныхъ страницъ“ даетъ въ этой небольшой книжечкѣ рядъ мелочей Чехова, забытыхъ въ „Будильникѣ“, „Развлеченіи“, „Зрителѣ“ и „Осколкахъ“. Все это, дѣйствительно, такія мелочи, которыя не могутъ сколько-нибудь долго остановить вниманіе читателя. Больше интереса представляютъ чисто біографическіе матеріалы, составляющіе вторую половину сборника. Здѣсь даны любопытныя извлеченія изъ раннихъ критическихъ отзывовъ о Чеховѣ; нѣкоторые изъ нихъ поражаютъ развязнымъ и грубымъ тономъ. Рядомъ съ болѣе благопріятнымъ отзывомъ Суворина объ „Ивановѣ“, можно бы поставить и другіе благопріятные, обычно забываемые. Напр. упущена составителемъ изъ виду чрезвычайно теплая статья Л. Оболенскаго о „Пестрыхъ разсказахъ“. Въ книжкѣ дана также сводка газетныхъ разсказовъ о послѣднихъ дняхъ и кончинѣ Чехова и нѣсколько воспоминаній о немъ, собранныхъ „по чеховскимъ уголкамъ“.

И. И. Замотинъ. Сороковые и шестидесятые годы. Очерки по исторіи русской литературы XIX столѣтія. Второе просмотрѣнное и дополненное изданіе. Изд. т-ва М. О. Вольфъ. Петроградъ. Стр. II + 435 + II. Цѣна 2 р.

Книга варшавскаго профессора И. И. Замотина, посвященная литературѣ середины XIX вѣка, носитъ характеръ въ значительной части компилятивный. Она изложена вполнѣ популярно и можетъ служить введеніемъ для приступающихъ къ первоначальному изученію литературы данной эпохи. Книга вышла уже вторымъ изданіемъ, что указываетъ на вообще оживленный спросъ на подробные общедоступные обзоры. Въ новомъ изданіи расширена, среди другихъ, глава о Достоевскомъ, для чего авторъ воспользовался своей же книгой объ отношеніяхъ къ этому писателю современной ему критики. Но въ Достоевскомъ нельзя не видѣть гораздо больше, нежели видѣли въ немъ только современники той поры, когда его геній далеко еще не развернулся. Самъ авторъ скромно оцѣниваетъ свою книгу, какъ нѣкоторое

дополненіе къ учебнымъ руководствамъ средней школы". Дополненіе, не безполезное для многихъ.

Ив. Наживинъ. Вечернія облака. Книга тихаго раздумья. Москва, 1916. Стр. 262. Цѣна 2 р.

На книгѣ имѣется помѣтка: „Собр. соч., т. VII". Много уже написано г. Наживинымъ, довольно извѣстнымъ представителемъ въ литературѣ школы толстовства. Авторъ въ собранныхъ имъ многочисленныхъ „стихотвореніяхъ въ прозѣ", небольшихъ разсказахъ и лирическихъ созерцаніяхъ какъ бы подводитъ итогъ жизни и творчеству своему. Послѣ долгихъ исканій авторъ — бывшій военный, потомъ толстовецъ, послѣдній годы отошедшій отъ толстовства, — говоритъ о себѣ (въ предисловіи): „Бѣдный, уже усталый путникъ, я ненасытимо хожу изъ края въ край по всей землѣ, я цѣлую всѣ раны, я любуюсь всѣми цвѣтами на всѣхъ лугахъ, всѣмъ я пою тихую пѣсенку о прекрасной царевнѣ въ вѣнцѣ изъ звѣздъ, о жизни". Нѣкоторое однообразіе и отсутствіе мѣстами простоты въ стихотвореніяхъ, въ прозѣ, необычайно трудномъ видѣ литературы, дѣлаютъ чтеніе „Вечернихъ облаковъ" подъ рядъ — утомительнымъ. Но въ этихъ меланхолическихъ созерцаніяхъ тщеты мірской суеты, въ элегическомъ раздумьѣ о неразрѣшимости загадокъ бытія и человѣческой и общественной жизни, чувствуется все же искренность много мучившагося этими загадками и уставшаго человѣка.

Публицистъ-гражданинъ. Литературный сборникъ, посвященный памяти Григорія Константиновича Градовскаго. Съ портретами и и снимками. Петроградъ 1916. Стр. II + 214 + I. Цѣна 2 руб.

Г. К. Градовскій, извѣстный публицистъ 70—80-хъ годовъ, былъ основателемъ кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ, и настоящій сборникъ изданъ кассою съ расчетомъ обратить вырученную отъ продажи сумму въ пенсіонный фондъ имени покойнаго. Сборникъ удачно освѣщаетъ разнообразную дѣятельность Градовскаго и его личность. Здѣсь помѣщены: автобіографія Градовскаго, написанная въ 1888 году для „Словаря русскихъ писателей" С. А. Венгерова; статья его же о русской печати, написанная къ 200-лѣтнему юбилею печати, но своевременно не появившаяся и представляющая отчасти автобіографическій характеръ, и ему же принадлежитъ статья „Поѣздка въ Ясную Поляну" съ приложенною къ ней довольно обширною перепискою между Г. Градовскимъ и Л. Н. и С. А. Толстыми. Характеристикѣ Градовскаго и отдѣльнымъ сторонамъ его жизни посвящены статьи Я. Н. Колубовскаго, уже покойной теперь Ольги Шапиръ, А. Е. Кауфмана, Вас. И. Немировича-Данченка, П. Д. Боборыкина, Ип. Ф. Василевскаго, Вл. А. Апушкина, Евт. П. Карпова и В. К. Кузнецова. Въ заключеніе даны замѣтки о празднованіи 45-лѣтія литературной дѣятельности покойнаго и выдержки изъ некрологическихъ статей, съ отзывами о его личности и дѣятельности. — Во всемъ этомъ матеріалѣ читатель, интересующійся судьбами русской печати, найдетъ много любопытнаго, иногда курьезнаго, а чаще довольно прискорбнаго и досаднаго, что обрисовываетъ тягостныя условія, въ которыхъ приходилось писать и дѣйствовать этому литератору недавняго времени. Раскупить эту книгу должны бы прежде всего сами литераторы.

О. Э. Озаровская. Бабушкины старины". Изд-во „Огни". Петроградъ, 1916. Стр. 116 + 4. Ц. 1 р. 20 коп.

Въ прошлую зиму публику обѣихъ столицъ восхищала сказительница былинъ Марья Дмитріевна Кривополѣнова, вывезенная г-жею Озаровскою, собирательницею этнографическихъ матеріаловъ, старуха-нищенка съ Пинеги. Репертуаръ Кривополѣновой не очень великъ, и въ немъ имѣется только одна совершенно до сихъ поръ не извѣстная вещь, поэтическое сказаніе: „Вавило и скоморохи". Оно представляетъ скомороховъ, этихъ хранителей и составителей былевыхъ старинъ, скоморошинъ, погудокъ и проч., въ видѣ святыхъ. Запись былинъ и сказаній Кривополѣновой и приложенныя къ нимъ ноты представляютъ значительную этнографическую цѣнность. Широкая публика съ удовольствіемъ прочтетъ и вступительную статью г-жи Озаровской. Здѣсь живая характе-

ристика Кривополѣновой, любовно хранящей въ памяти запасъ пѣсенъ, доставшихся ей отъ дѣда-крестьянина. Статья передаетъ и влюбленность самой собирательницы въ нашъ своеобразно прекрасный Сѣверъ, хранящій такъ любовно старыя залежи былой поэзіи.

W. T. Stead. Депутатъ отъ Россіи. Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Новиковой. Переводъ Е. С. Мосоловой. Петроградъ 1915. Т. I. Стр. V + 312. Т. II, стр. 220. Цѣна 1 р. 25 коп. за томъ.

Книга эта — переводъ сочиненія извѣстнаго, уже покойнаго англійскаго журналиста В. Стэда; она печаталась по частямъ въ „Русской Старинѣ“, и тамъ ее едва ли замѣтили многіе. Выходъ ея отдѣльнымъ изданіемъ, въ настоящій моментъ союза съ Англіей и борьбы заодно съ нею противъ Германіи, представляетъ нѣкоторый интересъ, какъ по личности Новиковой, бывшей въ близкихъ сношеніяхъ и довольно дружелюбныхъ съ множествомъ англійскихъ государственныхъ дѣятелей, такъ и по судьбамъ англо-русскаго сближенія, въ книгѣ обрисованнымъ. Новикова была по убѣжденіямъ націоналистка и реакціонерка во всемъ, что касалось внутренняго развитія Россіи, но она дѣятельно работала для сближенія Англіи и Россіи въ видахъ объединенія консервативныхъ англійскихъ круговъ съ русскими націоналистическими придворными и аристократическими кругами. Для этого ей пришлось играть все время съ вопросами о судьбѣ славянъ, и выставляя внѣшнюю освободительную роль Россіи, тщательно затушевывать и апологизировать всю неказистую внутреннюю русскую жизнь. Но эта напряженная агитація, мимо воли самой Новиковой приводила къ дѣйствительному пониманію въ Англіи двойственности Россіи, правительственной и общественной, и это, конечно, больше значило, нежели двусмысленная защита со стороны Новиковой внѣшней и внутренней политики Россіи. — Переводъ книги сдѣланъ, видимо, съ сокращеніями и недостаточно гладокъ.

Ч. В—ій.

Московской обл. библиотеки

Въ теченіе іюня мѣсяца въ редакцію поступили слѣдующія книги и брошюры.

Авиловъ, В. Настоящее и будущее народн. хозяйства въ Россіи. Пгр., 1916 г. Ц. 65 к.

Анстей, Ф. Мѣдный кувшинъ. Ром. Ц. 1 р. 75 к. Москва, 1916 г.

Барацъ, Л. Итоги полемики по поводу финансированія промышленности. Кіевъ, 1916 г.

Benes, Ed. Détruisez l'Autriche-Hongrie! Paris, 1916.

Василевскій, И. (Не-буква). Героиня нашего времени. Памфлетъ. Пгр., 1916 г. Ц. 40 к.

Волковъ, В. Чтеніе, какъ основа развитія умственнаго и нравственнаго. Н. Новгородъ, 1916 г. Ц. 15 к.

Де-Волланъ, Г. Исторія общественныхъ и революціонныхъ движеній. I. II. Пгр., 1916 г. Ц. 2 р. 25 к.

Гронскій, П. Общинное управленіе въ главнѣйшихъ государствахъ Германіи. Пгр., 1916 г. Ц. 3 р. 50 к.

Ефимовъ, Е. Элементарныя понятія о государствѣ и правѣ. Москва, 1916 г. Ц. 1 р. 25 к.

Земцевъ, В. Остатки феодальнаго строя въ Прибалтійскомъ краѣ. Юрьевъ, 1916 г. Ц. 60 к.

Закржевскій, А. Одинокій мыслитель (Константинъ Леонтьевъ). Кіевъ, 1916 г. Ц. 50 к.

Ивановъ, Г. Картины Россіи по географическимъ областямъ. Пгр., 1916 г. Ц. 60 к.

Игнатьевъ, Е. Законы природы. Пгр., 1916 г. Ц. 1 р. 25 к.

Имберъ, Ш. Въ еврейской странѣ. Москва, 1916 г. Ц. 30 к.

Кананова, З. Я и міръ. Пгр., 1916 г. Ц. 1 р.

Каллаников, І. Сказочники и ихъ сказки. Пгр. 1916 г. Ц. 30 к.

Ковальскіе, Л. и О. Двуликій богъ. Ром. Пгр. 1916 г. 2 тома. Ц. 3 р.

Кононовъ, Николаевскій и Ягодовскій. Практ. занятія по естествознанію. Пгр. 1916 г. Ц. 65 к.

Левитскій, В. Дѣтскій судъ и война. Кіевъ, 1916 г. Ц. 50 к.

Локкъ, І. Д. Другъ человѣчества. Ром. Москва, 1916 г. Ц. 2 р.

Markovitch, N. Le Pangermanisme en Orient. Nice, 1916. Prix 50 c.

Мартовъ, А. Учебникъ по исторіи русскаго языка. Пгр. 1916 г. Ц. 1 р.

Михаэлисъ, Каринъ. Школа радости. Москва, 1916 г. Ц. 75 к.

Морозовъ, И. Красный звонъ. Стихи. Москва. 1916 г. Ц. 40 к.

Набоковъ, В. Изъ воюющей Англіи. Пгр., 1916 г. Ц. 1 р. 75 к.

Павловъ, А. Благословенный. Стихи. Тифлисъ, 1916 г.

Плоховъ, П. Человѣкъ здраваго смысла. Разсказы. Москва, 1916 г. Ц. 1 р.

Потанинъ, Г. Ерке. Культъ сына неба въ сѣверной Азіи. Томскъ, 1916 г. Ц. 75 к.

Сергѣй Рунинъ. Твердая власть. Пгр., 1916 г. Вып. 9. Ц. 20 к.

Тахтаревъ, К. Соціологія какъ наука. Пгр. 1916 г. Ц. 1 р.

Трапезниковъ, В. Первобытное населеніе сѣверной Россіи. Вологда, 1916 г.

Тхоржевскій, И. Дань солнцу. Стихи. Пгр. 1916 г. Ц. 1 р.

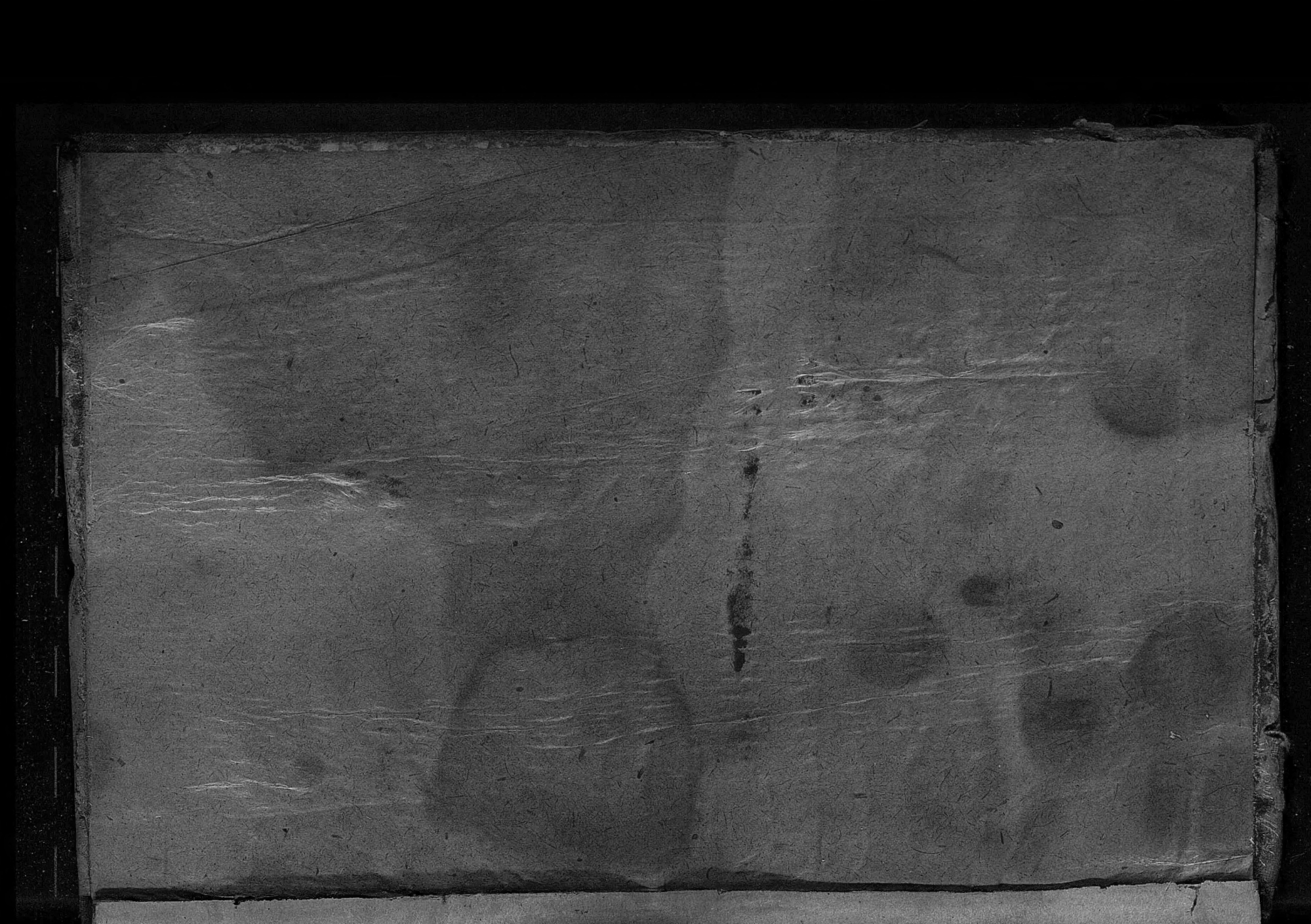
Тютчевъ, Ѳ. Сапожникъ и музыкантъ. Разск. Москва, 1916 г. Ц. 7 к.

Штахъ, К. Очерки по истор. и соврем. жизнь южно-русскихъ колонистовъ. Москва, 1916 г. Ц. 3 р. 50 к.

Иркутскіе вечера. Стихи. Сборникъ. Иркутскъ, 1916 г. Ц. 1 р.

Les persécutions des Jougoslaves. Procès politiques (1908—1916). Paris, 1916.

Подъ старымъ знаменемъ. Сборникъ. Саратовъ, 1916. Ц. 75 к.

Издатель: Д. Н. Овсянико-Куликовскій.

Ред.: К. К. Арсеньевъ. Д. Н. Овсянико-Куликовскій. А. С. Посниковъ.